

СОКРОВИЩНИЦА

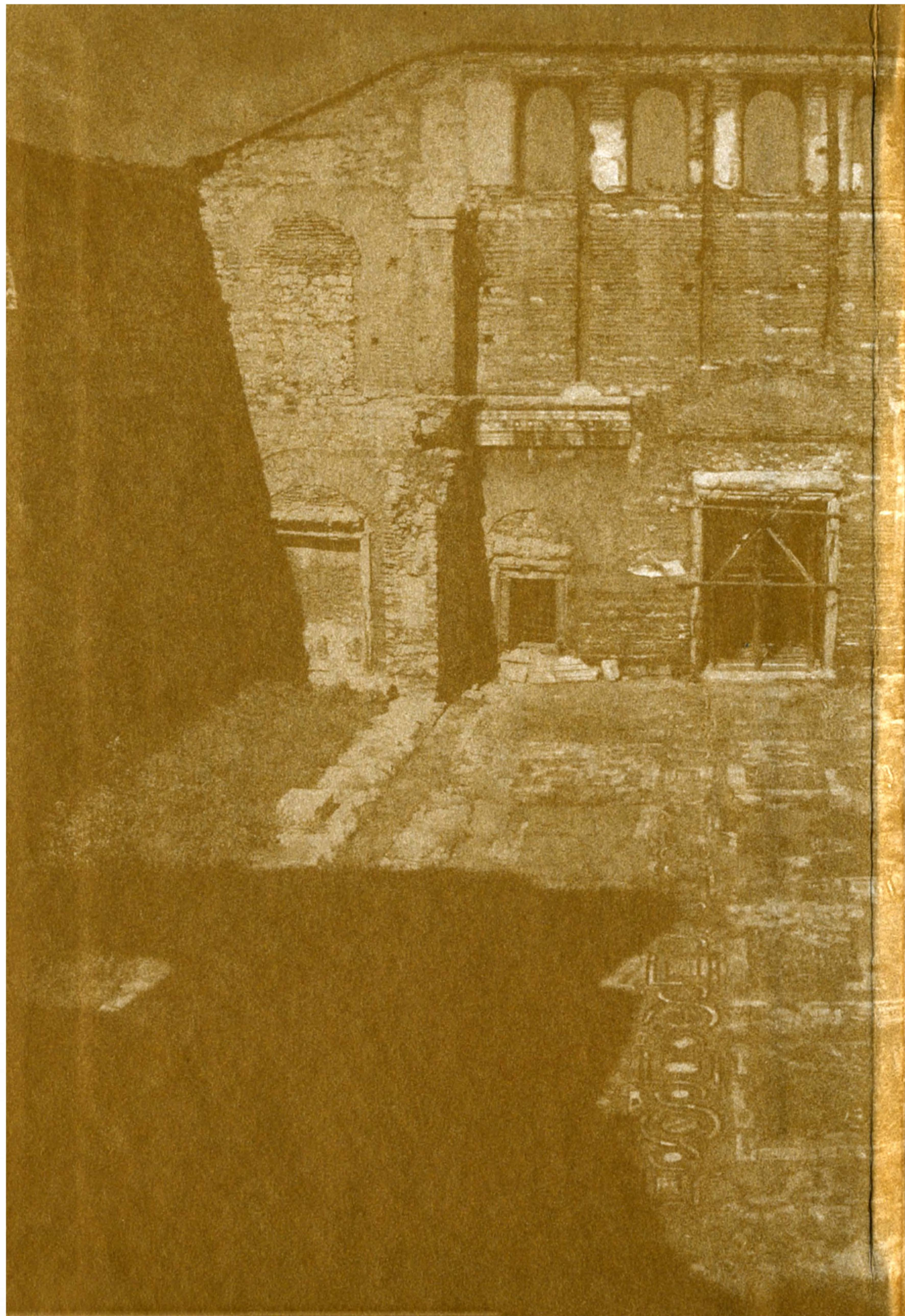
ДУХОВНАА

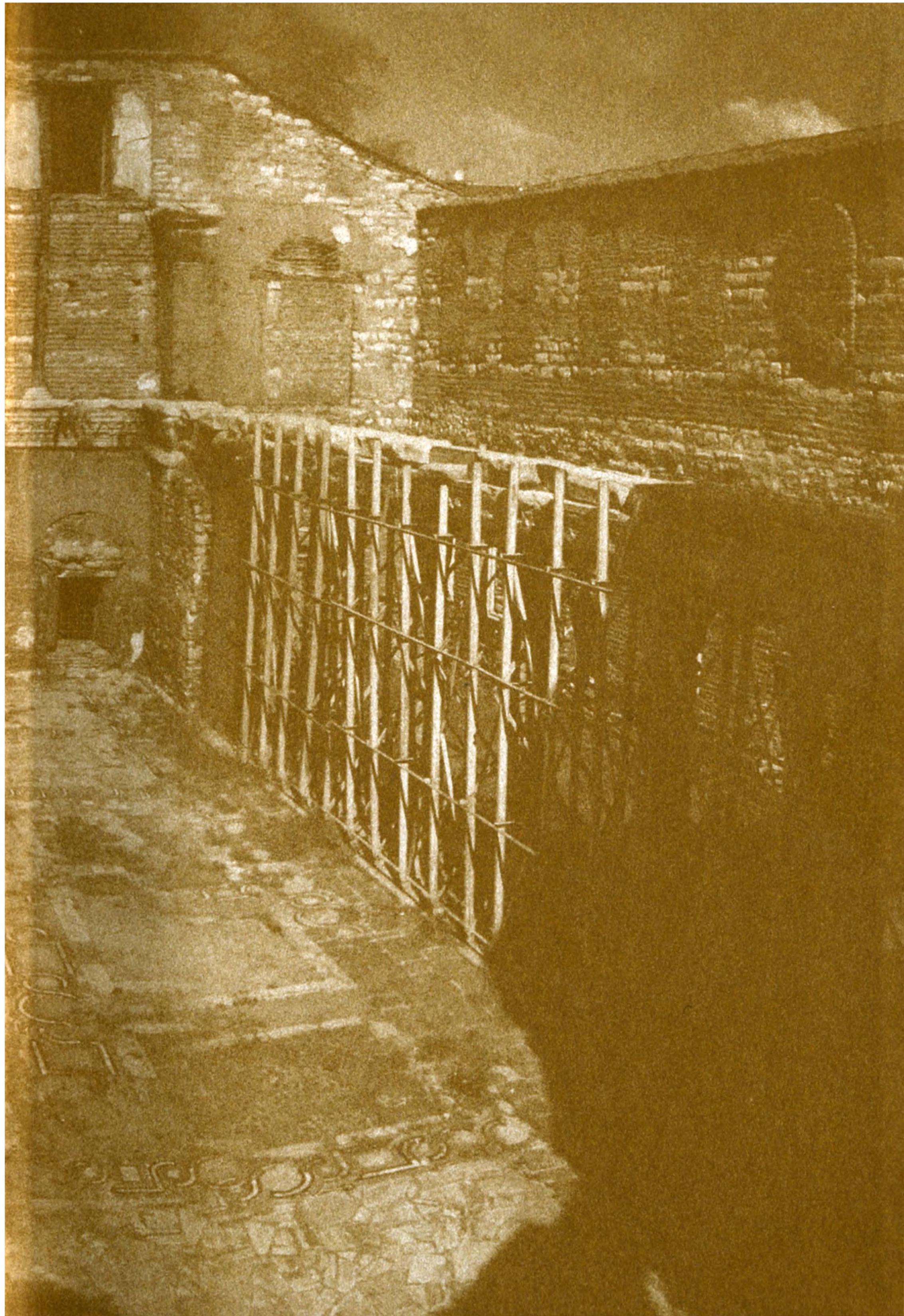
СВЯТИТЕЛЬ
ИОАНН ЗЛАТОУСТ

ИЗБРАННЫЕ
ТВОРЕНИЯ

ДУХОВНАА
СОКРОВИЩНИЦА

СВЯТИТЕЛЬ
ИОАНН ЗЛАТОУСТ

ИЗБРАННЫЕ
ТВОРЕНИЯ

ТОМ II

2-е издание

Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2013

УДК 27-1
ББК 86.37
И75

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви**
ИС 13-304-0322

Святитель Иоанн Златоуст

И75 Избранные творения: В 2 т. / Сост. и предисл. свящ. Александра Гумерова. — 2-е изд. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. Т. 2. — 736 с. — (Серия «Духовная сокровищница»).

ISBN 978-5-7533-0822-1 (т. 1)

ISBN 978-5-7533-0820-7

Вниманию читателей предлагается двухтомное собрание избранных творений святителя Иоанна Златоуста. После авторов новозаветных книг это, вероятно, самый знаменитый и признанный христианский писатель. В сборник вошли проповеди на самые волнующие вопросы, возникающие в жизни христианина, а их осмысление великим святителем оказывается актуальным и спустя более чем шестнадцать веков.

Печатается по изданию: Творения святого отца нашего Иоанна Златоустого, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: [12 тт.]. Т. 1–6. СПб., 1898-1900 гг.

УДК 27-1
ББК 86.37

ISBN 978-5-7533-0822-1 (т. 2)

ISBN 978-5-7533-0820-7

© Сретенский монастырь, 2008

БЕСЕДЫ О СВЯЩЕНСТВЕ

Шесть «Слов о священстве» написаны святителем Иоанном Златоустом как ответ своему другу Василию. Написание этих слов должно быть отнесено к годам после 374-го, но не позже 386 года, в котором святой Иоанн уже был рукоположен в пресвитера.

СЛОВО ПЕРВОЕ

1. **М**ного было у меня друзей, искренних и верных, знавших и строго соблюдавших законы дружбы; но из многих один превосходил всех других любовью ко мне и столько успел в этом опередить их, сколько они — людей равнодушных ко мне. Он всегда был неразлучным спутником моим: мы учились одним и тем же наукам и имели одних и тех же учителей; с одинаковой охотой и ревностью занимались красноречием и одинаковые имели желания, проистекавшие от одних и тех же занятий. И не только в то время, когда мы ходили к учителям, но и по выходе из училища, когда надлежало совеща́ться, какой нам лучше избрать путь жизни, и тогда мы оказались согласными в своих мыслях.

2. Кроме этих и другие причины сохранили единодушие наше неразрывным и твердым; ибо

мы не могли превозноситься один пред другим знаменитостью отечества; не было и того, чтобы я изобиловал богатством, а он жил в крайней бедности, но мера нашего имущества столь же была равна, как и наши чувствования. И происхождение было у нас равночестное, и все содействовало нашему согласию.

3. Но когда надлежало ему, блаженному, приступить к монашеской жизни и к истинному любомудрию, тогда у нас нарушилось равновесие; его чаша, как более легкая, возвысилась, а я, еще связанный мирскими стремлениями, унизил свою чашу и склонил вниз, отяготив ее юношескими мечтами. Хотя при этом дружба наша и оставалась столь же крепкой, как и прежде, но общежитие расторглось, потому что невозможно было жить вместе занимающимся не одним и тем же. Когда же и я несколько освободился от житейской бури, то он принял меня к себе с распростертыми руками; но и тогда мы не могли соблюсти прежнего равенства; опередив меня и временем, и оказав великую ревность, он опять стоял выше меня и достигал великой высоты.

4. Впрочем, как человек добрый и дорого ценивший нашу дружбу, он, отказавшись от всех других, разделял со мной все время, чего и прежде желал, но встречал препятствие к тому в моей беспечности. Кто был привязан к судилищу

и гонялся за сценическими увеселениями, тот не мог часто проводить время с человеком, который был привязан к книгам и никогда не выходил на площадь. Но когда, после прежних препятствий, он привлек меня к одинаковой с ним жизни, тогда и выразил желание, которое давно хранил в себе, и уже не оставлял меня ни на малейшую часть дня, не переставая убеждать, чтобы каждый из нас оставил свой дом и мы оба имели одно общее жилище, в чем и убедил меня, и это даже уже было близко к исполнению.

5. Но непрестанные увещания матери воспрепятствовали мне доставить ему это удовольствие — или, лучше, принять от него этот дар. Когда мое намерение сделалось ей известным, тогда она, взяв меня за руку и введя во внутреннее свое жилище, посадила у одра, на котором родила меня, и стала проливать источники слез и высказывать слова, горестнейшие самих слез. Рыдая, она говорила мне так: «Сын мой, я сподобилась недолго наслаждаться сожителем с добродетельным отцом твоим; так угодно было Богу¹. Смерть его, последовавшая вскоре за болезнями твоего рождения, принесла тебе сиротство, а мне преждевременное вдовство и горести

¹ Анфуса, мать святителя Иоанна Златоуста, овдовела на двадцатом году своей жизни.

вдовства, которые могут хорошо знать только испытавшие их. Никакими словами невозможно изобразить той бури и того волнения, которым подвергается девица, недавно вышедшая из отеческого дома, еще неопытная в делах и вдруг пораженная невыносимой скорбью и принужденная принять на себя заботы, превышающие и возраст, и природу ее. Она, конечно, должна исправлять нерадение слуг, замечать их пропускки, разрушать козни родственников, мужественно переносить притеснения собирающих общественные повинности и строгие требования их при взносе податей. Если еще после смерти супруг оставит дитя, то, хотя бы это была дочь, и она причинит много забот матери, впрочем не соединенных с издержками и страхом, а сын подвергает ее бесчисленным опасениям каждый день и еще большим заботам. Я не говорю о тех денежных издержках, которые она должна употребить, если желает дать ему хорошее воспитание. Однако же ничто из всего этого не заставило меня вступить во второй брак и ввести другого супруга в дом отца твоего; но среди смятений и беспокойств я терпела и не убежала из жестокой печи вдовства; меня, во-первых, подкрепляла вышняя помощь, а затем немалое утешение в этих горестях мне доставляло то, что я постоянно взирала на твое лицо и видела в нем

живой и вернейший образ умершего. Поэтому, быв еще младенцем и едва умея лепетать, когда дети особенно бывают приятны родителям, ты приносил мне много отрады. Ты не можешь сказать и укорять меня и за то, что я, мужественно перенося вдовство, растратила на нужды вдовства твое отцовское имущество, как потерпели, я знаю, многие несчастные сироты. Я сохранила в целости все это имущество и вместе не жалела издержек, требовавшихся для наилучшего твоего воспитания, употребляя на это собственные деньги, с которыми я вышла из отеческого дома. Не подумай, что я говорю теперь это в укоризну тебе; но за все это я прошу у тебя одной милости: не подвергай меня второму вдовству и скорби, уже успокоившейся, не воспаменяй снова; подожди моей кончины. Может быть, спустя немного времени я умру. Молодые надеются достигнуть глубокой старости, а мы, состарившиеся, ничего другого не ожидаем, кроме смерти. Когда предашь меня земле и соединишь к костям отца твоего, тогда предпринимай далекие путешествия и переплывай моря, какие хочешь; тогда никто не будет препятствовать; а пока я еще дышу, потерпи сожителство со мной; не прогневляй Бога тщетно и напрасно, подвергая таким бедствиям меня, не сделавшую тебе никакого зла. Если ты можешь обвинять меня

В том, что я вовлекаю тебя в житейские заботы и заставляю печься о твоих делах, то беги от меня, как от недоброжелателей и врагов, не стыдясь ни законов природы, ни воспитания, ни привычки и ничего другого; если же я делаю все, чтобы доставить тебе полное спокойствие в течение жизни, то, если не что другое, по крайней мере эти узы пусть удержат тебя при мне. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто из них не доставит тебе такого спокойствия, потому что нет никого, кто бы заботился о твоём благополучии столько, сколько — я».

6. Это и еще больше этого говорила мне мать, а я передал благородному другу; но он не только не убедился этими словами, а еще с большим усилием убеждал меня исполнить прежнее намерение. Когда мы были в таком состоянии и часто он упрашивал, а я не соглашался, вдруг возникшая молва возмутила обоих нас; пронесся слух, будто намереваются возвести нас в сан епископства. Как скоро я услышал эту весть, страх и недоумение объяли меня: страх того, чтобы не взяли меня против моей воли; недоумение потому, что, часто размышляя, откуда у людей явилось подобное предположение обо мне, и углубляясь в себя самого, я не находил в себе ничего достойного такой чести. А благородный (друг мой), пришедши ко мне и наедине сообщив эту

весть мне, как бы не слышавшему ее, просил меня и в настоящем случае, как и прежде, действовать и мыслить одинаково, уверяя, что он, со своей стороны, готов следовать за мной, какой бы я ни избрал путь, убежать ли или быть избранным. Тогда я, увидев готовность его и думая, что я нанесу вред всему обществу церковному, если, по своей немощи, лишу стадо Христово юноши прекрасного и способного к предстоятельству над народом, не открыл ему своего мнения об этом, хотя прежде никогда не скрывал от него ни одной моей мысли; но, сказав, что совещание об этом должно отложить до другого времени, так как теперь нет необходимости спешить, скоро убедил его не заботиться об этом и твердо надеяться на меня, как единогодушного с ним, если действительно случится с нами что-нибудь такое. По прошествии некоторого времени, когда прибыл тот, кто имел рукоположить нас, а я между тем скрылся, друг мой, не знавший ничего этого, отводится под некоторым другим предлогом и принимает это иго, надеясь по моим ему обещаниям, что и я непременно последую за ним, или, лучше, — думая, что он следует за мной. Некоторые из присутствовавших там, видя его сетующим на то, что взяли его, усилили недоумение, взывая: несправедливо будет, когда тот, кого все считали человеком более смелым, — разумея

меня, — с великим смирением покорился суду отцов, этот более благоразумный и скромный станет противиться и тщеславиться, упорствовать, отказываться и противоречить. Он послушался этих слов; когда же услышал, что я убежал, то пришел ко мне с великой скорбью, сел возле меня и хотел что-то сказать, но, от душевного волнения не могши выразить словами испытываемой скорби, как только порывался говорить, останавливался, потому что печаль прерывала его речь прежде, чем она вырывалась из уст. Видя его в слезах и в сильном смущении и зная тому причину, я выражал смехом свое великое удовольствие и, взяв его руку, спешил облобызать его и славил Бога, что моя хитрость достигла конца благого и такого, какого я всегда желал. Он же, видя мое удовольствие и восхищение и узнав, что еще прежде с моей стороны была употреблена с ним эта хитрость, еще более смущался и горевал.

7. Когда волнение души его немного утихло, он сказал: если уже ты презрел меня и не обращаешь на меня никакого внимания, — не знаю, впрочем, за что, — по крайней мере тебе надлежало бы позаботиться о твоей чести; а теперь ты открыл всем уста; все говорят, что ты из тщеславия отказался от этого служения, и нет никого, кто бы защитил тебя от такого обвинения. А мне

нельзя даже выйти на площадь: столь многие подходят ко мне и укоряют каждый день. Знакомые, увидев меня где-нибудь в городе, отводят в сторону и большей частью осыпают меня укоризнами. «Ты, — говорят они, — зная его мысли, ибо он не таил от тебя ничего, что до него касалось, не должен бы скрывать их, а сообщил бы нам, и, конечно, мы приняли бы меры к его уловлению». Но я краснею и стыжусь сказать им, что мне неизвестно было твое давнее намерение, чтобы не подумали, что дружба наша была лицемерной. Если это так, — как и на самом деле так, от чего и ты не отречешься после настоящего твоего поступка со мной, — то от посторонних людей, сколько-нибудь знающих нас, нужно скрыть наше недоброе отношение. Сказать им правду, как было дело между нами, я не решаюсь; поэтому принужден молчать, потуплять глаза свои в землю, уклоняться и избегать встречных. Если даже я избегну первого нареkania (в неискренности дружбы), то непременно будут укорять меня за ложь. Они никогда не согласятся поверить мне в том, чтобы ты и Василия сравнил с другими, которым не следует знать твои тайны. Впрочем, я и не забочусь много об этом: так тебе было угодно; но как перенесем позор других обвинений? Одни приписывают тебе гордость, другие — честолюбие; а те из обвинителей, которые еще

безжалостнее, осуждают нас за то и другое вместе и прибавляют, что мы оскорбили самих избирателей, о которых говорят: «Справедливо они потерпели это, хотя бы и большему подверглись бесчестью от нас, за то, что, оставив столь многих и столь почтенных мужей, избрали юношей, которые, так сказать, вчера еще были погружены в житейские заботы и на короткое время приняли степенный вид, надели серое платье и притворились смиренными, и вдруг возвели их в такое достоинство, о котором они и во сне не мечтали. Те, которые от самого первого возраста до глубокой старости продолжают свое подвижничество, остаются в числе подчиненных, а ими управляют их дети, даже не слышавшие о тех законах, которыми должно руководствоваться в управлении». С такими и еще большими укоризнами они постоянно пристают ко мне, а я не знаю, чем мне защищаться против этого; прошу тебя, скажи мне. Думаю, что ты не просто и не без причины обратился в бегство и открыто объявил вражду столь великим мужам, но, конечно, решился на это с какой-нибудь обдуманной и определенной целью, из этого я заключаю, что у тебя готова речь и для оправдания. Скажи же, какую справедливую причину мы можем представить нашим обвинителям. А что ты несправедливо поступил со мной, за это я не виню тебя, ни за твой обман, ни

за твою измену, ни за то расположение, которым ты пользовался от меня во все прежнее время. Я душу свою, так сказать, принес и отдал в твои руки, а ты так хитро поступил со мной, как будто тебе надлежало остерегаться каких-нибудь неприятностей. Если ты признавал полезным это намерение (избрания в епископа), то тебе не следовало лишать себя пользы от него; а если вредным, то следовало предохранить от вреда и меня, которого, по твоим словам, ты всегда предпочитал всем. А ты сделал все, чтобы я попался, и не опустил никакого коварства и лицемерия против того, кто привык говорить и поступать с тобой просто и без коварства. Впрочем, я, как уже сказал, нисколько не виню тебя за это и не укоряю за одиночество, в котором ты меня оставил, прервав те совещания, от которых мы часто получали и удовольствие и немаловажную пользу; но все это я оставляю и переносу молчаливо и кротко, не потому, впрочем, чтобы поступок твой со мной был кроток, но потому, что с того самого дня, когда вступил в дружбу с тобой, я поставил себе правилом — никогда не доводить тебя до необходимости оправдываться в том, чем ты захотел бы огорчить меня. Что ты нанес мне немалый вред, это знаешь и сам ты, если помнишь, что всегда говорили посторонние о нас и мы сами о себе, именно — что весьма полезно

для нас быть единомышленными и ограждать себя взаимной любовью. Прочие все даже говорили, что наше единодушие принесет немалую пользу и многим другим, хотя я со своей стороны никогда не думал, чтобы мог доставить пользу другим, но говорил, что от этого по крайней мере мы получим ту немалую пользу, что будем неприступными для желающих нападать на нас. Об этом я никогда не переставал напоминать тебе. Теперь трудное время; зложелателей много; искренняя любовь исчезла; место ее заступила пагубная ненависть; мы ходим *посреди сетей* и шествуем *по зубцам городских стен* (Сир 9, 18); людей, готовых радоваться постигающим нас несчастьям, много; они отовсюду окружают нас; а соболезнующих — нет никого или очень мало. Смотри, чтобы нам, разлучившись, когда-нибудь не навлечь на себя великого осмеяния и еще большего вреда. *Озlobившийся брат неприступнее крепкого города, и ссоры подобны запорам замка* (Притч 18, 20). Не разрывай же этого единения, не разрушай этого оплота. Непрестанно я говорил тебе это и больше того, ничего не подозревая и считая тебя совершенно здоровым в отношении ко мне и только от избытка чувств желая предложить врачевание здравствующему; но я не знал, как оказывается, что давал лекарство больному; и таким образом я, несчастный, ничего не достиг и не произошло

для меня никакой пользы от такой заботливости. Ты вдруг отверг все это и не подумал, что пустил меня, как ненагруженный корабль, в беспредельное море, и не представил себе тех свирепых волн, с которыми должно мне бороться. Если случится, что откуда-нибудь нападет на меня клевета, или осмеяние, или другая какая обида и неприязнь (а это нередко должно случаться), то к кому я тогда прибегну? Кому сообщу свое уныние? Кто захочет помочь мне, отразить оскорбителей и заставить их не оскорблять более, а меня утешит и подкрепит переносить непристойности других? Нет никого, так как ты стал далеко от этой жестокой борьбы и не можешь даже услышать моего голоса. Знаешь ли ты, сколь великое сделал ты зло? Признаешь ли по крайней мере после поражения, какой смертельный удар ты нанес мне? Но оставим это; сделанного же невозможно исправить и из безвыходного положения — найти выход. Но что мы скажем посторонним? Чем будем защищаться против их обвинений?

8. *Златоуст*. Будь спокоен, отвечал я, не только в этом я готов дать отчет, но и в том, в чем ты прощаешь меня, постараюсь оправдаться, сколько могу. И если угодно, с этого прежде всего начну свою защиту. Я был бы весьма безрассуден и неблагодарен, если бы, заботясь о мнении людей посторонних и принимая все меры

к прекращению их укоризн нам, не мог уверить в невинности моей того, кто для меня любезнее всех и кто столько щадит меня, что не желает обвинять даже за то, в чем, по его словам, я виновен пред ним, и, не заботясь о себе, еще продолжает печься обо мне, — если бы показал более невнимания в отношении к такому человеку, нежели сколько он показал заботливости обо мне. Итак, чем я оскорбил тебя? Отсюда я намерен пуститься в море защиты. Тем ли, что употребил хитрость пред тобою и скрыл мое намерение? Но это служило к пользе и твоей, когда ты обманулся, и тех, которым посредством укрывательства я выдал тебя. Если укрывательство во всех отношениях есть зло и никогда нельзя употреблять его даже на пользу, то я готов принять наказание, какое тебе угодно, или, лучше, — так как ты никогда не согласишься наказать меня, я сам себя накажу так, как наказывают судьи преступников, обличенных обвинителями. Если же оно не всегда бывает вредно, но делается худым или хорошим по намерению действующих, то оставь обвинять за то, что ты обманулся, а докажи, что эта хитрость употреблена была на зло; а пока это не будет доказано, не только не должно укорять и обвинять, но справедливо было бы, если бы желающие быть признательными даже хвалили употребившего хитрость.

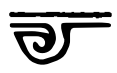
Хитрость благовременная и сделанная с добрым намерением приносит такую пользу, что многие часто подвергались наказанию за то, что не воспользовались ею. Припомни, если хочешь, отличнейших из военачальников, начиная с глубокой древности, и ты увидишь, что их трофеи большей частью были следствием хитрости и такие более прославляются, чем те, которые побеждали открытой силой. Последние одерживают верх с великой тратой денег и людей, так что никакой выгоды не остается им от победы, но победители бедствуют нисколько не меньше побежденных и от истребления войска и от истощения казнохранилища; притом они не могут наслаждаться вполне и славой победы, ибо немалая часть ее принадлежит иногда и побежденным, которые побеждаются только телами, преодолевая душами, и если бы возможно было им не падать от ударов и постигшая смерть не сразила их, они никогда не потеряли бы мужества. А победивший хитростью подвергает неприятелей не только бедствию, но и посмеянию. Там оба (и победители и побежденные) равно получают похвалы за мужество; а здесь — относительно благоразумия не так, но трофеев всецело принадлежит победителям и, что не менее важно, они приносят в город радость о победе безукоризненную. Изобилие денег и множество людей

не то, что благоразумие души; те истрачиваются, когда кто непрестанно пользуется ими на войне, и пользовавшиеся лишаются их; а благоразумие, чем более кто употребляет его в дело, тем более обыкновенно увеличивается. И не на войне только, но и в мирное время можно находить великую и необходимую пользу от хитрости, и не только в делах общественных, но и в домашних, у мужа в отношении к жене и у жены к мужу, у отца к сыну и у друга к другу и даже у детей к отцу. Так, дочь Саула не могла бы иначе исхитить мужа своего из рук Саула, если бы не употребила хитрости в отношении к отцу, и брат ее (Ионафан), желая спасенного ею спасти от новой опасности, воспользовался тем же самым средством, каким и жена (Давидова) (см.: 1 Цар гл. 19 и 20).

Василий сказал: все это не относится ко мне; я не враг и неприятель и не из числа желающих причинить обиду, но совершенно напротив; поверяя всегда твоему усмотрению все мои мысли, я поступал так, как ты приказывал.

9. *Златоуст*. Но, почтеннейший и добрейший, для того я и сказал предварительно, что не только на войне и против врагов, но и во время мира и в отношении к любезнейшим полезно употреблять хитрость. Что действительно это бывает полезно не только употребляющим хитрость, но и тем, в отношении к которым она упо-

требуется, для этого подойди к кому-нибудь из врачей и спроси, как они излечивают больных, и ты услышишь от них, что они не всегда довольствуются одним искусством своим, но иногда употребляют и хитрость и при ее помощи восстанавливают здоровье больных. Когда упрямство больных и жестокость самой болезни делают недействительными советы врачей, тогда, по необходимости, врачи прибегают к хитрости, чтобы, как на сцене, можно было скрыть истину. Если хочешь, я расскажу тебе одну хитрость из многих, которые, как я слышал, устраивают врачи. К одному человеку пристала вдруг сильная горячка и жар увеличивался; все средства, которые могли бы утушить огонь, больной отвергал, а желал и усиленно настаивал, умоляя всех приходящих к нему, принести ему много вина и дать ему утолить мучительную жажду. Но кто согласился бы доставить ему это удовольствие, тот не только усилил бы горячку, но и привел бы несчастного в умопомешательство. Тогда, когда искусство было бессильно и не имело более средств, но совершенно было отвергнуто, употребленная хитрость показала такую силу, как тотчас услышишь от меня. Врач берет глиняный сосуд, лишь только вынутый из печи, погружает его в вино и потом, вынув его пустым, наполняет его водой; комнату, в которой лежал больной, приказывает сделать

темной посредством многих занавесок, дабы свет не изобличил хитрости, и дает больному пить из сосуда, как бы наполненного вином. Тот, прежде нежели взял сосуд в руки, вдруг обольщенный запахом вина, не хотел и разбирать того, что было дано ему; но, уверяемый обонянием, обманываемый темнотой и побуждаемый сильным желанием, выпил данное ему с великой охотой; и, насытившись, тотчас получил облегчение от жара и избег угрожавшей опасности. Видишь ли пользу хитрости? Но если бы исчислять все хитрости врачей, то не было бы и конца слову. И можно указать, что не только врачующие тела, но и пекущиеся об исцелении душевных болезней часто пользуются таким врачевством. Так, блаженный (Павел) привел к Христу многие тысячи иудеев (см.: Деян 21, 20–26). С этим намерением он обрезал Тимофея (см.: Деян 16, 3), тогда как к Галатам писал, что *если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа* (Гал 5, 2). Для того он был под законом, хотя считал *тщетною* оправдание от закона при вере во Христа (ср.: Флп 3, 7–9). Велика сила такой хитрости, только бы она употреблялась не со злонамеренной целью; или, лучше сказать, ее должно называть не хитростью, но некоторой предусмотрительностью, благоразумием и искусством, способствующим находить много выходов в безвыходных

положениях и исправлять душевные недостатки. Так, я не назову Финееса убийцей, хотя он одним ударом пронзил двух человек (см.: Чис 25, 8); также и Илию — за сто (убитых) воинов с их военачальниками и за обильный поток крови, пролитой им при убиении жрецов демонских (см.: 4 Цар гл. 1; 3 Цар гл. 18). Если же мы опустим это из виду и если кто будет смотреть на одни дела, не принимая во внимание намерения действовавших, тот может и Авраама обвинить в детоубийстве, а внука и потомка его обвинить в злодеянии и коварстве, потому что один (Иаков) овладел первородством (брата своего), а другой (Моисей) перенес египетские сокровища в израильское войско (Быт гл. 27; Исх 12, 35–36). Но нет, нет; не допустим такой дерзости! Мы не только не виним их, но и прославляем их за это, потому что Сам Бог восхвалил их за это. Обманщиком справедливо должен называться тот, кто пользуется этим средством злонамеренно, а не тот, кто поступает так со здравым смыслом. Часто нужно бывает употребить хитрость, чтобы достигнуть этим искусством величайшей пользы; а стремящийся по прямому пути нередко наносит великий вред тому, от кого не скрыл своего намерения.

СЛОВО ВТОРОЕ

1. **Ч**то позволительно употреблять силу хитрости на добро и что даже нельзя и называть ее хитростью, а некоторой похвальной предусмотрительностью, об этом можно было бы говорить еще больше; но так как для доказательства достаточно сказанного, то было бы обременительно и скучно без нужды распространять речь об этом. Остается тебе самому подтвердить: действительно ли послужил к твоей пользе совершенный мной поступок?

Василий сказал: какая же произошла для меня польза из этой предусмотрительности, или благоразумия, или как иначе угодно тебе называть это, по которой я убедился бы, что я не обманут тобой?

Иоанн. А может ли что быть, сказал я, важнее той пользы, как оказаться исполняющим то, что служит доказательством любви к Христу, по словам Самого Христа? Обращаясь к верховному из апостолов, Он говорит: Петр! *любишь ли ты Меня?* И когда тот исповедал любовь свою, Он прибавляет: *если любишь Меня, паси овец Моих* (Ин 21, 15–16). Учитель спрашивает ученика, любим ли Он им, не для того, чтобы Самому узнать это (ибо может ли не знать Испытующий сердца всех?), но чтобы научить нас, как Он печется

о спасении этого стада. Если же это очевидно, то будет также ясно и то, что великая и неизъяснимая уготована награда принимающему на себя тот труд, который дорого ценится Христом. Если и мы, видя людей, пекущихся о наших слугах или стадах, принимаем такое попечение их за знак их любви к нам, хотя все это приобретается за деньги, то Стяжавший себе это стадо не деньгами и не другим чем, но собственной смертью и вместо цены давший за него кровь Свою, каким даром вознаградит пасущих его? Посему, когда ученик отвечал: *Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя*, и призвал Самого Любимого в свидетели своей любви, то Спаситель не остановился на этом, но указал и самый знак любви. Ибо Он хотел показать тогда не то, сколько Петр любил Его, — это уже из многого было известно нам, — но сколько Он Сам любит Церковь Свою, и благоволил научить и Петра и всех нас, чтобы и мы прилагали великое о ней попечение. Для чего Бог не пощадил и Единородного Сына Своего, но предал Его (ср.: Рим 8, 32; Ин 3, 16)? Для того чтобы примирить с Собой людей, находившихся с Ним во вражде, и сделать их народом избранным (ср.: Тит 2, 14). Для чего (Сын Божий) пролил кровь Свою? Для того, чтобы приобрести тех овец, которых Он вверил Петру и его преемникам. Не без причины Христос говорил:

26
☩

кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими? (Мф 24, 45). Опять слова имеют вид недоумения, но Произносивший их не имел недоумения; как, спрашивая Петра, любим ли Он им, Он спрашивал не потому, чтобы имел нужду узнать любовь ученика, но чтобы показать чрезмерность Своей любви, так и здесь слова: *кто верный и благоразумный раб* Он сказал не потому, что не знал верного и мудрого раба, но желая показать, как редки такие рабы и как важно это управление. Смотри, какова и награда: *над всем именем своим поставит его* (ст. 47).

2. Еще ли будешь подозревать меня в том, будто употреблена недобрая хитрость с тобой, имеющим блюсти все достояние Божие и совершать то, за исполнение чего, как сказал Христос, Петр мог превзойти прочих апостолов? Петр, говорит Христос, *любишь ли ты Меня больше, нежели они?* <...> *паси овец Моих*. Он мог бы сказать ему: если любишь Меня, подвизайся в посте, спи на голой земле, бодрствуй непрестанно, защищай притесняемых, будь сиротам вместо отца и матери их вместо мужа; но теперь, оставив все это, что говорит Он? *Паси овец Моих*. То, что выше я сказал, легко могли бы исполнить многие и из пасомых, не только мужи, но и жены; а когда нужно предстоять в Церкви и взять

на себя попечение о столь многих душах, то весь женский пол и большая часть мужского должны устраниваться от этого великого дела, а выступить те, которые много превосходят всех и столько превышают прочих душевной добродетелью, сколько Саул (превосходил) весь народ еврейский высотой тела (см.: 1 Цар 10, 23) или еще гораздо более; ибо здесь не мера только телесной величины должна приниматься во внимание, но сколько одаренные разумом люди отличаются от бессловесных, такое же должно быть различие между пастырем и пасомыми, даже, можно сказать, и более, так как находится в опасности гораздо важнейшее. Кто погубит овец, которых или волки расхитят, или разбойники разграбят, зараза или другой какой несчастный случай истребит, тот, может быть, получит себе некоторую пощаду от господина стада; если же и потребуется от него отчет, то ущерб будет только в деньгах; но кому вверены люди, это разумное стадо Христово, тот, во-первых, гибелью таких овец наносит ущерб не имуществу, а душе своей; а затем и подвиг предстоит ему гораздо важнейший и труднейший. Он борется не с волками, страшится не разбойников и заботится не о том, чтобы отвратить заразу от стада, но с кем у него война и с кем борьба? Послушай блаженного Павла, который говорит: *потому*

что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф 6, 12). Видишь ли страшное множество врагов и свирепые полчища, вооруженные не железом, но имеющие достаточную силу в самом существе своем вместо всякого оружия? Хочешь ли видеть и другое войско, дерзкое и жестокое, которое нападает на это стадо? Можешь увидеть и его с той же самой высоты (Священного Писания). Тот же, кто сказал нам о первых, указывает нам и этих врагов в следующих словах: *дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [сблазны], ереси* (Гал 5, 19–20; ср.: 2 Кор 12, 20) и другие многочисленнейшие; ибо не все он исчислил, но предоставил по этому заключать и о прочем. Притом у пастыря бессловесных намеревающиеся разграбить стадо, когда увидят, что страж обратился в бегство, оставляют борьбу с ним и довольствуются расхищением стада; а здесь враги хотя бы захватили все стадо, и тогда не отстают от пастыря, но сильнее наступают и более свирепствуют и не прежде прекращают борьбу, пока или его одолеют, или сами будут побеждены. Кроме того, болезни у овец бывают явны, голод

ли то, зараза ли, рана или что другое, причиняющее вред; а это немало способствует к излечению болезни. Есть нечто и другое важнейшее, что ускоряет здесь исцеление от болезни. Что же именно? Пасущие овец могут с полной властью заставить их принять врачевство, если они добровольно не хотят этого; когда нужно прижечь и отсечь, то легко могут и связать их и не выпускать долгое время, если это полезно, и дать пищу одну вместо другой, и удерживать от питья и все прочее, что только найдут полезным для здоровья животных, они могут употребить с великим удобством.

3. Но болезни человеческие, во-первых, не легко видеть человеку; ибо кто *из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?* (1 Кор 2, 11). Как же можно употребить лекарство против болезни, не зная ее свойства, а часто не зная и того, болен ли кто или нет? Если же болезнь открыта, тогда врачу еще более предстоит трудности, потому что он не может с такой же властью лечить всех людей, с какой пастух овец. И здесь бывает нужно связывать и удерживать от пищи, прижигать и отсекал; но чтобы принято было врачевание, в этом властен не тот, кто предлагает врачевство, а кто страдает болезнью. Зная это, и тот дивный муж (Павел) говорил коринфянам: *не потому,*

будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей (2 Кор 1, 24). Христианам преимущественно пред всеми запрещается — насилием исправлять впадающих во грехи. Внешние (языческие) судьи, подвергая преступников суду по законам, показывают большую власть над ними и против воли удерживают их от их навыков; а здесь должно исправлять грешника не насилием, а убеждением. И законами нам не дана такая власть к удержанию грешников; и даже если бы и была дана, мы не могли бы воспользоваться этой силой, так как Бог награждает тех, которые воздерживаются от пороков по доброй воле, а не по принуждению. Посему требуется много искусства для того, чтобы страждущие убедились добровольно подвергнуться врачеванию от священников и даже чтобы благодарили их за врачевание. Если связанный освободит себя от уз (ибо он властен на это), то увеличит свое бедствие; и если презрит слова, рассекающие подобно железу, то этим пренебрежением прибавит себе новую рану и средство врачевания сделается причиной тяжчайшей болезни; ибо с принуждением и против желания больного никто не может лечить его.

4. Что же делать? Если легко поступить с тем, кто нуждается в сильном врачевании, и не глубоко разрезать рану тому, кто имеет нужду в этом,

то рану частью уврачуешь, а частью нет; если же без пощады произведешь надлежащее рассечение, то больной иногда может, не вытерпев мучения, вдруг отвергнуть все, и лекарство и перевязку, и устремиться в пропасть, сбросив иго и разорвав узы. Я могу указать на многих, дошедших до крайней степени зла, потому что на них было наложено наказание, соответствующее их грехам. Определять наказание по мере грехов должно не просто, но соображаясь с расположением грешников, чтобы, зашивая разрыв, не сделать большей прорехи и, стараясь поднять падшего, не причинить еще большего падения. Немошные и расслабленные и наиболее преданные удовольствиям мира, и притом превозносящиеся своим происхождением и властью, если будут отклоняемы от грехов своих постепенно и мало-помалу, могут хотя и не совершенно, то по крайней мере отчасти освободиться от обладающих ими пороков; а если кто вдруг предложит им вразумление, тот лишит их и малейшего исправления. Душа, если принуждением хотя раз будет приведена в стыд, впадает в нечувствительность и после того уже не слушается и кротких слов, не преклоняется и угрозами, не трогается и благодеяниями, но бывает гораздо хуже того города, который порицая, пророк говорил: *но у тебя был лоб блудницы, ты отбросила*

стыд (Иер 3, 3). Посему пастырю надобно иметь много благоразумия и много очей, чтобы со всех сторон наблюдать состояние души. Как многие приходят в ожесточение и предаются отчаянию в своем спасении потому, что не могут переносить жестокого врачевания, так, напротив, есть и такие, которые, не получив наказания, соответственного грехам, предаются беспечности, становятся гораздо хуже и решаются грешить еще больше. Итак, долг священника — ничего такого не оставлять без испытания, но, по строгом исследовании всего, употреблять соответственные меры со своей стороны, чтобы усердие его не осталось тщетным. И не в этом только можно видеть трудность его деятельности, но и в присоединении к Церкви отделившихся от нее членов. Стадо идет вслед своего пастыря, куда он поведет его; если же какие овцы уклонятся от прямого пути и, удалившись от хорошей пажити, будут блуждать по неплодным и утесистым местам, то ему следует только закричать сильнее, чтобы опять собрать отделившихся и присоединить к стаду; а если человек совратится с пути правой веры, то пастырю предстоит много трудов, усилий, терпения. Человека нельзя ни силой влечь, ни страхом принуждать, но должно убеждением опять приводить к истине, от которой он раньше отпал. Посему нужна

душа мужественная, чтобы не ослабеть, чтобы не отчаяться в спасении заблуждающихся, чтобы непрестанно и мыслить и говорить: *не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю* (2 Тим 2, 25–26). Посему и Господь, беседуя с учениками, сказал: *кто же верный и благоразумный раб?* (Мф 24, 45). Подвизающийся сам по себе приносит пользу одному себе, а польза от пастырской деятельности простирается на весь народ. Раздающий деньги нуждающимся или каким-либо другим образом помогающий притесняемым приносит некоторую пользу ближним, но на столько меньше священника, на сколько тело ниже души. Поэтому справедливо Господь сказал, что попечение о Его стаде есть знак любви к Нему Самому.

Василий. А ты разве не любишь Христа?

Златоуст. Люблю и никогда не перестану любить, но боюсь, чтобы не оскорбить Любимого мной.

Василий сказал: может ли что быть темнее этой загадки? Христос повелел любящему Его пасти овец Его; а ты отрекаешься пасти потому, что любишь Повелевшего это.

Златоуст. Никакой нет загадки в словах моих, сказал я, напротив они весьма ясны и просты. Если бы я, имея возможность исполнять эту

должность так, как хотел Христос, уклонялся от нее, то следовало бы недоумевать при словах моих; но если душевная немощь делает меня бесполезным для этого служения, то требуют ли пояснения слова мои? Я боюсь, чтобы, приняв стадо Христово здоровым и крепким и потом по невнимательности причинив ему вред, мне не прогневать против себя Бога, Который так возлюбил его, что для искупления и спасения его предал Самого Себя.

Василий сказал: это говоришь ты в шутку; а если не в шутку, то я не знаю, чем другим ты лучше мог бы доказать, что я справедливо скорблю, как не этими словами, которыми ты старался рассеять мое уныние. Я и прежде признавал, что ты хитрил и выдавал меня, но теперь, когда ты усиливался освободиться от обвинений, я еще более уверился в том и ясно вижу, до каких бед ты довел меня. Если ты устранил себя от этого служения по сознанию, что душа твоя недостаточно сильна для тяжести этого дела, то наперед нужно бы устранить меня, хотя бы даже я сильно стремился к тому, тем более что я сообщил тебе все мои намерения касательно этого; а теперь ты, заботясь только о себе, забыл меня, — и о, если бы только забыл, и это было бы вожделенно; — но ты нарочито устроил, чтобы искавшие удобнее могли взять меня. Ты не можешь прибегнуть

и к тому оправданию, будто людское мнение увлекло тебя и расположило подозревать во мне нечто великое и дивное. Я не принадлежу к людям, приобретшим удивление и славу, а если бы это и было так, и тогда не следовало бы людскую молву предпочитать истине. Если бы мы с тобой никогда не жили в близком общении друг с другом, то ты имел бы некоторую благовидную причину судить обо мне по людской молве; если же никто так не знал меня, как ты, и душа моя была известна тебе более, нежели самим родителям и воспитателям моим, то какие убедительные слова могут уверить кого-нибудь в том, что ты не с намерением ввергнул меня в такую опасность? Но оставим теперь это; я не принуждаю тебя оправдываться в этом; скажи, что мы будем отвечать обвинителям?

Златоуст. Я не приступлю к этому до тех пор, сказал я, пока не оправдаюсь пред тобой, хотя бы ты сам тысячекратно извинял меня. Ты сказал, что если бы я, не зная тебя, довел тебя до настоящего положения, то неведение доставило бы мне оправдание, освободив меня от всякого обвинения; а так как я предал тебя не по неведению, но совершенно зная тебя, поэтому нет у меня никакой благовидной и справедливой причины к моему оправданию. Но я говорю совсем противное; потому что в этих делах требуется

строгое испытание, и тот, кто намерен представить способного к священству, не должен довольствоваться только людской молвой, но вместе с тем более всех и прежде всех сам должен удостовериться в его способностях. Блаженный Павел, сказав: *надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних* (1 Тим 3, 7), ЭТИМ не отвергает нужды в строгом и верном испытании и не поставяет этого свидетельства главным признаком достоинства таких лиц. Предварительно сказав о многом, он после призовокупил и это, показывая тем, что в избрании не должно довольствоваться ЭТИМ одним признаком, но вместе с другими принимать во внимание и этот. Молва людская часто бывает обманчива; а после предварительного строгого испытания нельзя от нее опасаться никакой опасности. Посему после прочего он упоминает и о свидетельстве *от внешних*. Он не просто сказал: *надлежит ему также иметь доброе свидетельство*, но прибавил: *и от внешних*, желая изъяснить, что свидетельству внешних должно предшествовать строгое испытание. А так как я сам знал тебя лучше родителей твоих, как ты засвидетельствовал, то, по справедливости, я могу быть свободным от всякой вины.

Василий сказал: по этой самой причине ты и не мог бы оправдаться, если бы кто захотел

обвинять тебя. Или не помнишь того, о чем и я многократно говорил тебе, и что ты видел на самом деле, как немошна душа моя? Не потому ли ты постоянно смеялся над моим малодушием, что при малейших заботах я скоро падал духом?

5. *Златоуст*. Помню, сказал я, что часто слышал от тебя такие слова, и не отрекусь. Если же я когда-нибудь смеялся, то делал это в шутку, а не по правде. Впрочем, теперь я не буду спорить об этом; не прошу и тебя быть искренним предо мной, когда я стану припоминать о некоторых из присущих тебе добродетелей. Если ты вздумаешь обличать меня в неправде, то я не пощажу тебя, но докажу, что ты возражаешь более по скромности, чем по справедливости, и приведу в свидетельство истины слов моих не что другое, а твои же слова и дела. Во-первых, я хочу спросить тебя: знаешь ли ты, какова сила любви? Христос, не упоминая обо всех чудесах, которые имели быть совершены апостолами, сказал: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин 13, 35); а Павел говорит, что *любовь есть исполнение закона* (Рим 13, 10) и что без нее и дарования не приносят никакой пользы (ср.: 1 Кор 13, 1–2). Это-то превосходное сокровище, отличительное свойство учеников Христовых, превышающее

дарования, я видел крепко насажденным в душе твоей и приносящим обильные плоды.

Василий сказал: сознаюсь, что я много забочусь об этом и очень стараюсь соблюдать эту заповедь; но что еще и вполовину не исполнил ее, это и сам ты засвидетельствуешь, если, оставив лесть, захочешь говорить истину.

Златоуст. Итак, я обращаюсь к доказательствам, сказал я, и чем угрожал, то теперь и сделаю, именно докажу, что ты хочешь быть более скромным, чем справедливым. Расскажу одно событие, недавно случившееся, не упоминая о прежнем, дабы кто не подумал, что я стараюсь давностью времени затемнить истину; здесь самая близость времени не позволит мне прикрыть что-нибудь льстивыми словами.

6. Когда один из наших друзей, оклеветанный в проступках дерзости и гордости, подвергался крайней опасности, и тогда, как никто не призывал тебя и сам обвиняемый не просил, ты сам себя ввергнул в опасности. Так было дело; но чтобы обличить тебя и словами твоими, припомню и сказанное тобой. Когда такую ревность твою одни порицали, другие хвалили и превозносили, ты сказал порицателям: «Что делать? — иначе не умею любить, как жертвуя душой моей, когда нужно спасти кого-либо из друзей, находящегося в опасности», повторив, хотя дру-

гими словами, но в том же смысле, слова Христовы, которые Он сказал ученикам, определяя совершенную любовь: *нет больше той любви*, говорил Он, *как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин 15, 13). Таким образом, если нет высшей степени любви, ты успел дойти до конца: и делами и словами своими достиг самой вершины ее. Посему я и предал тебя, посему и придумал такую хитрость. Теперь убедил ли я тебя, что не из зложелательства и не с намерением ввергнуть в опасность, но предвидя пользу, я привлек тебя на это поприще?

Василий сказал: итак, ты думаешь, что для исправления ближних достаточно силы любви?

Златоуст. Большею частью, сказал я, она весьма может содействовать этой цели; если же ты желаешь, чтобы я привел доказательства и твоего благоразумия, то приступлю и к этому и докажу, что ты благоразумен более, нежели сколько любвеобилен.

Василий, при этом покраснев от стыда, сказал: касающееся меня оставим теперь; я и вначале не требовал от тебя речи об этом; если же ты можешь сказать что-нибудь справедливое для *внешних*, то я с удовольствием буду слушать. Посему, оставив этот пустой спор, скажи, чем мы оправдаемся пред прочими, как удостоившими тебя чести, так и пред теми, которые

с сожалением смотрят на них, как бы на оскорбленных?

7. *Златоуст.* Я и сам, сказал я, спешу перейти к этому. Так как с тобой я кончил речь, то обращусь и к этой части защиты. Какое же их обвинение и какие вины? Говорят, будто избиратели оскорблены и унижены тем, что я не принял чести, которой они хотели почтить меня. Но, во-первых, скажу, что не должно думать об оскорблении, наносимом людям, когда уважением к ним мы поставляемся в необходимость оскорбить Бога. И для самих огорченных оскорбляться этим, я полагаю, не только небезопасно, но и весьма вредно. Людям, посвятившим себя Богу и взирающим на Него одного, по моему мнению, должно быть столь благочестивыми, чтобы и не считать оскорблением, хотя бы им тысячу раз пришлось испытать это огорчение. А что такая или другая какая-нибудь дерзость не приходила мне и на мысль, это видно из следующего. Если бы я дошел до этого по гордости и честолюбию, — как некоторые клеветают, о чем ты неоднократно говорил, — и тем подтвердил бы мнение обвинителей, то я был бы весьма несправедлив, презрев людей достоуважаемых и великих и притом благодетелей моих. Если оскорбление, нанесенное тем, которые не сделали никакой несправедливости, достойно нака-

зания, то люди, добровольно желавшие оказать почесть, какого не заслуживают почтения? Никто не может сказать и того, будто они, получив от меня малое или великое добро, сделали воздаяние за эти благодеяния. Какого же заслуживало бы наказания воздаяние противным тому? Если же это никогда и на ум мне не приходило, но с другим намерением я отклонил от себя тяжелое бремя, то вместо того, чтобы извинить, если не хотят оправдать, почему обвиняют меня в том, что я пощадил душу свою? Я так мало был расположен оскорблять этих мужей, что и самым отказом, думаю, почтил их. Не удивляйся, если слова мои странны; я скоро объясню их.

8. Если бы я был рукоположен, тогда если не все, то считающие за удовольствие разносить худую молву могли бы подозревать и говорить многое и обо мне и об избравших меня; например: что избиратели смотрят на богатство, что предпочитают знаменитость рода, что возвели меня на эту степень за мою лесть, и даже не знаю, не стал ли бы кто-нибудь подозревать, что они подкуплены от меня деньгами; сказали бы, что Христос призывал на эту должность рыбарей, делателей шатров и мытарей; а они отвергают людей, питающихся от дневной работы, а того, кто занимается мирскими науками и проводит праздную жизнь, принимают

и превозносят; почему они пренебрегли мужей, много потрудившихся в делах Церкви, а того, кто никогда и не прикасался к этим трудам, но всю жизнь свою истратил на суетное занятие мирскими науками, вдруг возвели на такую почесть? Так и еще больше того могли бы сказать, когда бы я принял эту должность. Но теперь нет; всякий предлог к злословию отнят; ни меня в ласкательстве, ни избирателей в мздоимстве не могут обвинять, разве кто захотел бы просто безумствовать. Как может употребляющий лесть и истрачивающий деньги для того, чтобы получить почесть, уступить ее другим, когда следовало самому получить? Это было бы похоже на то, если бы кто, много потрудившись над землей, чтобы жатва его изобиловала плодами и точила были преисполнены вином, после многих трудов и больших издержек, когда нужно пожинать плоды и собирать виноград, предоставил другим воспользоваться этим плодородием. Видишь ли, что хотя бы такие слова были и далеки от истины, однако желающие имели бы предлог клеветать на избирателей и говорить, что они сделали избрание не по здравому рассуждению? А теперь мы не позволим им и слова сказать и даже просто уст открыть. Это, и еще больше того, было бы говорено вначале. А после, по вступлении в самое служение, у меня неостало бы сил каждый

день оправдываться пред обвинителями, хотя бы все поступки мои были безукоризненны, разве пришлось бы в чем-нибудь погрешить по неопытности и по незрелому возрасту. Теперь я избавил избирателей и от этого обвинения, а тогда подверг бы их бесчисленным укоризнам. Чего не сказали бы? Несмысленным детям они поручили столь досточтимые и великие дела, погубили стадо Божие, забавой и посмешищем сделали христианство. Но теперь *всякое беззаконие заградит уста своя* (Пс 106, 42). Хотя то же могут сказать и о тебе, но ты делами своими скоро докажешь, что не должно судить о благоразумии по возрасту, и отличать старца по седине, и не всякого юного отстранять от этого служения, но юного по вере (новокрещенного); между тем и другим — большая разность.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

1. **Ч**то я уклонился от чести (епископства) не для оскорбления желавших почтить меня и не для того, чтобы подвергнуть их стыду, в доказательство этого достаточно сказать и то, что уже сказано; а что я поступил так не по внушению

гордости, постараюсь и это теперь объяснить тебе по силам моим. Если бы мне предстояло избрание в начальника войска или страны и если бы я отнесся к этому с таким же расположением, то иной справедливо мог бы подозревать во мне гордость или никто не стал бы винить меня и в гордости, а все назвали бы безрассудным; но когда предстояло священство, которое столько выше (всякой) власти, сколько дух превосходит плоти, тогда кто осмелится обвинять меня в гордости? И не странно ли — отказывающихся от маловажного обвинять в неразумии, а уклоняющихся от превосходнейшего освободить от обвинения в неразумии, но обвинять в надменности? Это подобно тому, как если бы кто пренебрежительно относящегося к стаду волов и не желающего быть пастухом стал обвинять не в надменности, но в безрассудстве, а того, кто отказывается от владычества над всей вселенной и от начальствования над всемирным войском, назвал бы не безумным, а гордым. Нет, нет, не меня, а скорее самих себя обвиняют говорящие это. Ибо одна мысль о том, что возможно человеку презирать такое достоинство (священства), служит доказательством, какое мнение об этом предмете имеют сами высказывающие ее. Если бы они не считали его маловажным и обыкновенным, то им не пришло бы и на ум такое по-

дозрение. Почему никто никогда не осмелился подумать что-нибудь подобное о достоинстве Ангелов и сказать, что есть такая душа человеческая, которая по гордости не желала бы достигнуть достоинства ангельского естества? Это потому, что мы имеем высокое понятие о Силах Небесных и оно не позволяет нам верить, чтобы человек мог представить себе что-нибудь выше этого достоинства. Таким образом, справедливее было бы обвинять в гордости самих тех, которые меня обвиняют в этом. Они никогда не стали бы подозревать в этом других, если бы наперед сами не признали этого предмета ничтожным. Если же они говорят, что я поступил так из честолюбия, то они окажутся противоречащими и явно сражающимися с самими собой; ибо я не знаю, какие другие кроме этих они придумали бы речи, если бы освободили меня от обвинений в тщеславии.

2. Если бы во мне было это тщеславие, то мне нужно бы скорее принять (избрание), чем бежать. Почему? Потому что оно принесло бы мне великую славу. Находящемся в таком возрасте и недавно отставшему от житейских забот вдруг оказаться для всех столь дивным, что быть предпочтенным пред людьми, проводшими всю жизнь в таких трудах, и получить избирательных голосов больше всех их — это внушило бы всем

удивительные и великие мысли обо мне и сделало бы меня почтенным и знаменитым. А теперь, кроме немногих, большая часть Церкви не знает меня и по имени; даже не всем будет известно, что я отказался (от призвания), а только некоторым немногим, из которых, я думаю, не все знают об этом точным образом, а вероятно многие и из них думают, что я или вовсе не был избран, или по избрании был отвергнут как оказавшийся неспособным, а не сам убежал добровольно.

3. *Василий*. Но знающие истину будут удивляться.

Златоуст. А ты же сказал, что они обвиняют меня в тщеславии и надменности. От кого же ожидать похвалы? От народа? Но он не знает дела в точности. От немногих? Но и у них превратно понято мое дело. Для того ты теперь и пришел сюда, чтобы узнать, чем можно оправдаться пред ними. Но для чего об этом теперь распространять речь? Хотя бы все знали истину, и тогда не следовало бы обвинять меня в гордости или честолюбии; потерпи немного, и ты ясно увидишь это. При этом еще узнаешь и то, что немалая угрожает опасность не только тем, которые с таким дерзновением осмеливаются (принимать священство), если только есть такие люди, — чему я не верю, — но и тем, которые подозревают в этом других.

4. Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному; и весьма справедливо; потому что ни человек, ни Ангел, ни Архангел и ни другая какая-либо сотворенная Сила, но Сам Утешитель учредил это чинопоследование и людей, еще облеченных плотью, соделал представителями ангельского служения. Поэтому священнодействующему нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых небесах посреди тамошних Сил. Страшны и величественны были принадлежности (богослужения) и прежде благодати, как-то: звонки, яблоки, драгоценные камни на наперснике и нарамнике, митра, кидар, подир, золотая дщица, Святое Святых, глубокая тишина внутри (см.: Исх гл. 39). Но если кто рассмотрит свойства служения благодатного, то найдет, что те страшные и величественные принадлежности незначительны (в сравнении с последними), и здесь признает истинным сказанное о законе: *прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы* (2 Кор 3, 10). Когда ты видишь Господа закланного и предложенного, священника, предстоящего этой Жертве и молящегося, и всех окропляемых этой драгоценной кровью, то думаешь ли, что ты еще находишься среди людей и стоишь на земле, а не переносишься ли тотчас на небеса и, отвергнув

все плотские помышления души, светлой душой и чистым умом не созерцаешь ли небесное? О чудо, о человеколюбие Божие! Сидящий горе с Отцом в этот час объемлется руками всех и даст Себя осязать и воспринимать всем желающим. Это и делают все очами веры. Ужели все это тебе кажется достойным презрения или таким, над чем кто-нибудь мог бы выказать свое высокомерие? Хочешь ли видеть и из другого чуда превосходство этой Святыни? Представь пред очами своими Илию, и стоящее вокруг бесчисленное множество народа, и лежащую на камнях жертву; все другие соблюдают тишину и глубокое молчание, один только пророк молится, и затем внезапно пламень ниспадает с небес на жертву (см.: 3 Цар 18, 30–38); все это дивно и исполнено ужаса. Теперь перейди отсюда к совершаемому ныне, и ты увидишь не только дивное, но и превосходящее всякий ужас. Предстоит священник, низводя не огонь, но Святого Духа; совершает продолжительное моление не о том, чтобы огонь ниспал свыше и попалил предложенное, но чтобы Благодать, нисшедши на Жертву, воспламенила чрез нее души всех и соделала их светлейшими очищенного огнем серебра. Кто же, кроме человека совершенно испуганного или безумного, может презирать такое страшнейшее таинство? Или ты не знаешь, что

души человеческие никогда не могли бы перенести огня этой жертвы, но все совершенно погасло бы, если бы не было великой помощи Божественной благодати?

5. Кто размыслит, как важно то, что человек, еще облеченный плотью и кровью, может присутствовать близ блаженного и бессмертного Естества, тот ясно увидит, какой чести удостоила священников благодать Духа. Ими совершаются эти священнодействия и другие, не менее важные для совершенства и спасения нашего. Люди, живущие на земле и еще обращающиеся на ней, поставлены распоряжаться небесным и получили власть, которой не дал Бог ни Ангелам, ни Архангелам; ибо не им сказано: *что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе* (Мф 18, 18). Земные властители имеют власть связывать, но только тело; а эти узы связывают самую душу и проникают в небеса; что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть? *Кому, говорит (Господь), простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин 20, 23). Какая власть может быть больше этой? *Отец весь суд отдал Сыну* (Ин 5, 22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил

священникам. Они возведены на такую степень власти, как бы уже переселились на небеса, превзошли человеческую природу и освободились от наших страстей. Если бы царь предоставил кому-нибудь из своих подданных власть заключать в темницу и опять освобождать кого он захочет, такой подданный у всех был бы славен и знаменит; а о том, кто получает от Бога власть настолько превосходнейшую этой, сколько небо превосходнее земли и души тел, некоторые думают, что он получает маловажную честь, и будто бы возможно представить, что кто-нибудь из получивших этот дар будет не уважать его. Отвергнем такое безумие! Действительно безумно не уважать такую власть, без которой нам невозможно получить спасения и обетованных благ. Если никто не может войти в Царствие Небесное, *если кто не родится от воды и Духа* (Ин 3, 5), и не *ядущий Плоти Господа* и не *пьющий Крови Его* лишается вечной жизни (ср.: Ин 6, 53), а все это совершается не кем иным, как только этими священными руками, то есть руками священника, то как без посредства их можно будет кому-нибудь избежать геенского огня или получить уготованные венцы.

6. Священники для нас суть те мужи, которым вручено рождение духовное и возрождение крещением; чрез них мы облакаемся во Христа, и по-

гребаемся вместе с Сыном Божиим, и соделываемся членами этой блаженной Главы. Посему справедливо мы должны не только страшиться их более властителей и царей, но и почитать более отцов своих; эти родили нас *от крови, от хотения плоти* (Ин 1, 13), а те суть виновники нашего рождения от Бога, блаженного *пакибытия*, истинной свободы и благодатного усыновления. Священники иудейские имели власть очищать тело от проказы, или, лучше, не очищать, а только свидетельствовать очищенных (см.: Лев гл. 14); и ты знаешь, как завидно было тогда достоинство священническое. А наши (священники) получили власть не свидетельствовать только очищение, но совершенно очищать, — не проказу телесную, но нечистоту душевную. Посему не уважающие их гораздо преступнее Дафана и его сообщников и достойны большего наказания; потому что эти домогались не принадлежащей им власти (см.: Чис гл. 16), однако имели высокое мнение о ней и доказали это тем самым, что домогались ее с великим усилием; а теперь, когда священство украсилось гораздо более и возвысилось до такой степени, не уважать его — значит отваживаться на гораздо большую дерзость; ибо не одно и то же: домогаться не принадлежащей себе чести и презирать такие блага; последнее настолько тяжелее первого, насколько

различны между собой презрение и уважение. Есть ли такая несчастная душа, которая презирала бы столь великие блага? Я не могу представить ни одного такого человека, разве кто пришел в демонское неистовство. Впрочем, возвращусь опять к тому, о чем шла речь. Бог дал священникам больше силы, нежели плотским родителям, не только для наказаний, но и для благодеяний; те и другие столько различаются между собой, сколько жизнь настоящая от будущей. Одни рожают для настоящей жизни, другие для будущей; те не могут избавить детей своих от телесной смерти и даже защитить от вторгшейся болезни, а эти часто спасали страждущую и готовую погибнуть душу, то употребляя кроткое наказание, то удерживая от падения при самом начале, не только учением и внушением, но и помощью молитв. Они не только возрождают нас (крещением), но имеют власть разрешать и от последующих грехов: *болен ли кто из вас, говорится (в Писании), пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему* (Иак 5, 14–15). Кроме того, плотские родители не могут оказать никакой помощи детям, когда они оскорбят кого-нибудь из знатных

и сильных людей, а священники часто примиряли верующих не с вельможами и не с царями, но с Самим Богом, разгневанным ими. Кто после этого осмелится обвинять меня в гордости? Напротив, я думаю, что сказанное мной возбудит в душах слушателей такое благоговение, что они будут обвинять в гордости и дерзости не убегающих, но тех, которые сами приходят и стараются приобрести себе это достоинство. Если начальники городов, когда они не очень благоразумны и деятельны, подвергая города разорению, губят и себя самих, то обязавшийся украшать Невесту Христову сколько, думаешь ты, должен иметь силы, и собственной и свыше ниспосылаемой, чтобы не погрешить?

7. Никто не любил Христа более Павла, никто более его не показал ревности, никто не был удостоен большей благодати; но и при таких преимуществах он еще боится и трепещет как за свою власть, так и за подвластных ему. *Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, [уклонившись] от простоты во Христе* (2 Кор 11, 3); и еще: *и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете* (1 Кор 2, 3), говорит человек, восхищенный до третьего неба, соделавшийся причастником тайн Божиих, претерпевший столько смертей, сколько по уверованию жил дней, и не

желавший пользоваться данной ему от Христа властью, чтобы кто из верующих не соблазнился (ср.: 1 Кор 10). Если он, исполнивший более того, что повелено Богом, и искавший во всем не своей пользы, но пользы подвластных ему, всегда был исполнен такого страха, взирая на величие этой власти, то что будем чувствовать мы, часто ищущие своей пользы, не только не исполняющие более того, что заповедано Христом, но большей частью преступающие Его заповеди? *Кто изнемогает*, говорил он, *с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?* (2 Кор 11, 29). Таков должен быть священник, или, лучше, не только таков; это мало и незначительно в сравнении с тем, что я намереваюсь сказать. Что же это? *Я желал бы*, говорит он, *сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти* (Рим 9, 3). Кто может произнести такие слова, чья душа возвысилась до такого желания, тот справедливо может быть осуждаем, когда убегает (священства), а кто так чужд этой добродетели, как я, тот заслуживает порицания не тогда, когда убегает, но когда принимает его. Если бы при избрании в достоинство военачальника имеющие власть дать это достоинство, представив медника, или кожевника, или кого-нибудь из подобных ремесленников, поручали ему войско, то я не по-

хвалил бы того несчастного, который не убежал бы и не сделал всего, чтобы не ввергнуть себя в предстоящую гибель. Если бы достаточно было только называться пастырем и исполнять это дело, как случится, и от этого не было никакой опасности, то всякий желающий пусть обвиняет меня в тщеславии; если же принимающему на себя такую заботу должно иметь великое благоразумие, и еще прежде благоразумия великую благодать Божию, правоту нравов, чистоту жизни и добродетель более нежели человеческую, то не отказывай мне в прощении, что я не хотел погибать тщетно и напрасно. Если бы кто-нибудь, отправляя большое судно, наполненное гребцами и нагруженное дорогими товарами, вручал мне кормило его и приказывал переплыть Эгейское или Тирренское море¹, то я при первых словах его обратился бы в бегство; и если бы кто спросил, почему? — я отвечал бы: чтобы мне не потопить корабля. Если же тогда, когда ущерб состоит в деньгах и опасность простирается до смерти телесной, никто не будет осуждать людей за предусмотрительность, то здесь, где потерпевшим кораблекрушение предстоит впасть не в это море, а в бездну огненную, и ожидает их смерть,

¹ Эгейское море между Грецией и Малой Азией и Тирренское между Италией и Сицилией известны своей бурностью и опасностями для мореплавателей.

не душу от тела отделяющая, но душу с телом управляющая на вечное мучение, почему вы будете гневаться и негодовать, что я легкомысленно не вверг себя в такое бедствие?

8. Не делайте этого, прошу и умоляю. Я знаю свою душу немощную и слабую; знаю важность этого служения и великую трудность этого дела. Душу священника обуревают волны, большие тех, какие бывают от ветров, возмущающих море.

9. И, во-первых, является тщеславие, как бы скала ужаснейшая и гораздо опаснейшая скалы Сирен, которую вымыслили баснописцы¹; многие могли проплыть мимо этой скалы безвредно, но для меня это так трудно, что даже и теперь, когда никакая нужда не влечет меня к этой пропасти, я не могу избавиться от опасности. А если кто вручит мне эту власть, тот как бы свяжет мне назад обе руки и предаст меня чудовищам, живущим в этой скале, чтобы они каждый день терзали меня. Какие же это чудовища? — Гнев, уныние, зависть, вражда, клевета, осуждения, обман, лицемерие, козни, негодование на людей невинных, удовольствие при неблагополучии служащих, печаль при их благосостоянии, желание похвал, пристрастие к почестям

¹ Гомер. Одиссея. XII, 39–110.

(оно более всего вредит душе человеческой), учение с угождением, неблагодарное ласкательство, низкое человекоугодие, презрение бедных, услужливость богатым, предпочтения неразумные и вредные, милости, опасные как для приносящих, так и для принимающих их, страх рабский, приличный только презреннейшим невольникам, недостаток дерзновения, степенный вид смиренномудрия, но без истинного смирения, уклончивые обличения и наказания, или, лучше сказать, пред незначительными людьми — чрезмерные, а пред сильными — безмолвные. Столько и еще больше чудовищ вмещает в себе эта скала, и те, которые однажды захвачены ими, необходимо доходят до такого рабства, что даже в угодность женщинам делают много такого, о чем и говорить непристойно. Закон Божественный удалил женщин от этого служения, а они стараются вторгнуться в него; но так как сами по себе не имеют власти, то делают все через других и такую присваивают себе силу, что и избирают, и отвергают священников по своему произволу; пословица: «кверху дном» сбывается здесь на деле. Начальниками управляют подначальные, и пусть бы мужчины, но — те, которым не позволено и учить (см.: 1 Тим 2, 12). Что говорю учить? — которым блаженный Павел запретил и говорить в церкви (см.: 1 Кор 14, 34). Я слышал от

одного человека, будто их допустили до такой дерзости, что они даже делают выговоры предстоятелям церквей и обращаются с ними суровее, нежели господа со своими слугами.

10. Пусть никто не думает, что обвинения мои относятся ко всем; есть, много есть таких (священников), которые избегли этих сетей, и их гораздо более, чем уловленных. И самое священство я не виню в этих бедствиях; не желаю дойти до такого безумия. Не меч обвиняют за убийство, не вино за пьянство, не силу за оскорбление, не мужество за безрассудную дерзость, но все благоразумные люди обвиняют и наказывают употребляющих во зло дары Божии. Так, само священство справедливо осудит нас, распоряжающихся им неправильно. Не оно причиной изложенных мной зол, а мы сами черним его сколько можем, без разбора вверяя его таким людям, которые, не узнав наперед собственных душ и не посмотрев на трудность этого дела, охотно принимают предлагаемое, а когда приступят к делу, тогда по неопытности сами пребывают во мраке и на вверенный им народ навлекают множество зол. Это самое едва не случилось и со мной, если бы Бог скоро не избавил меня от этих опасностей, охраняя Свою Церковь и щадя мою душу. Отчего, скажи мне, по твоему мнению, происходят такие смятения

в церквах? Я думаю, не от чего иного, как от того, что избрания и назначения предстоятелей совершаются без разбора и как случится. Глава должна быть крепкой, чтобы она могла располагать и приводить в надлежащее состояние вредные испарения, поднимающиеся из прочих частей тела; а когда она сама по себе слаба и не может отклонять болезненных влияний, то и сама делается еще слабее и вместе с собою губит все тело. Чтобы не случилось того же и теперь, Бог оставил меня в положении ног (церковного тела), в котором я и был с самого начала. Кроме сказанного много есть, Василий, иного другого, что нужно иметь священнику и чего я не имею; и, прежде всего, у него душа должна быть совершенно чистой от стремления к этому делу; если он будет иметь пристрастное расположение к нему, то по получении его загорится сильнейшим пламенем, и если будет взят насильно, то для утверждения его за собой потерпит множество бед, когда нужно будет льстить, или допустить что-нибудь неблагородное и недостойное, или тратить много денег. Что некоторые, домогаясь этой власти, даже заполняли церкви убийствами и производили возмущения в городах, об этом я умалчиваю теперь, чтобы кто не подумал, что говорю невероятное. По моему мнению, должно с таким благоговением относиться к этому делу,

чтобы убегать от тяжести этой власти, а по получении ее не ожидать суждений от других, когда случится совершить грех, заслуживающий низвержение, но ранее самому отречься от этой власти. Таким образом, еще возможно будет получить помилование от Бога; удерживать же себя в этом достоинстве вопреки благопристойности — значит лишать себя всякого прощения и еще более воспламенять гнев Божий, прилагая к одному другое тягчайшее преступление.

11. Но никто не осмелится на это, потому что бедственно, поистине бедственно домогаться этой чести. Говорю это не противореча блаженному Павлу, но совершенно согласно с его словами. Что же он говорит? *Если кто епископства желает, доброго дела желает* (1 Тим 3, 1). И я назвал бедственным желание не самого дела, а первенства и власти. Это желание, по моему мнению, должно тщательно изгонять из души и даже не позволять ему в самом начале овладевать ею, чтобы можно было действовать во всем свободно. Кто не желает величаться этой властью, тот не боится и лишиться ее; а не боясь этого, может делать все со свойственной христианам свободой; напротив, опасющиеся и боящиеся низвержения претерпевают жалкое рабство, соединенное со многими бедствиями, и часто принуждены бывают оскорблять и лю-

дей и Бога. Не таково должно быть настроение души; но как на сражениях мы видим доблестных воинов и сражающимися усердно и падающими мужественно, так и вступающие в это служение должны и священствовать и принимать низвержение с этой власти так, как надлежит христианским мужам, знающим, что такое низвержение доставляет не меньший венец, как и самая власть. Кто подвергается ему, не сделав ничего непристойного и противного этому достоинству, тот уготовляет несправедливо низложившим его наказание, а себе большую награду: *блаженны вы, говорит (Господь), когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф 5, 11–12). Это бывает тогда, когда кто-нибудь низвергается сослужащими или по зависти, или из угождения другим, или по вражде, или по какой-либо другой несправедливой причине; когда же случится кому потерпеть это от врагов, то, я думаю, не нужно и доказывать, какую пользу они доставляют ему своей злобой. Итак, нужно всюду вникать и тщательно наблюдать, не скрывается ли какая-нибудь тлеющая искра такого желания. Счастливы те, которые с самого начала были чисты от этой страсти и могли избежать ее по достижении власти. Если же кто еще прежде

достижения этой чести питает в себе этого страшного и лютого зверя, то нельзя и выразить, в какую пещь ввергает он себя по достижении власти. У меня также (не подумай, что я из скромности хочу сказать тебе нечто ложное) есть это желание в сильной степени, но оно не менее всего другого и устрало меня и обратило в бегство. Как страдающие плотской любовью, пока находятся близ любимых, чувствуют жесточайшее мучение страсти, а когда удаляются как можно дальше от любимых, укрощают ее неистовство, так и стремящиеся к этой власти, когда приближаются к ней, терпят невыносимое мучение, а когда теряют надежду получить ее, то вместе с надеждой погашают и желание.

12. Немаловажна и одна эта причина; если бы она была единственной, то сама по себе была бы достаточна для того, чтобы отклонить меня от этого достоинства; но теперь к ней присоединилась другая, не меньшая той. Какая же? Священник должен быть бодрствующим и осмотнительным и иметь множество глаз со всех сторон, как живущий не для себя одного, а для множества людей (ср.: 1 Тим 3, 2). А я небрежен и слаб и едва могу печься о собственном спасении, как ты и сам согласишься, хотя и стараешься, из любви ко мне, более всех скрывать мои слабости. Не говори мне здесь ни о посте, ни о ночном бодр-

ствовании, ни о возлежании на земле, ни о других телесных изнурениях; ты знаешь, как я еще несовершен и в этом. Если бы даже я со всей строгостью исполнял это, и тогда при моей настоящей слабости это не могло бы принести мне никакой пользы в предстоятельстве. Это может быть весьма полезно человеку, заключившемуся в какой-нибудь келье и заботящемуся только о своих делах; а кто разделяется на такое множество народа и имеет особенные заботы о каждом из подчиненных, у того какую вероятную пользу это может принести для их преуспевания, если он не будет иметь души крепкой и весьма мужественной?

13. Не удивляйся, если вместе с этой строгостью жизни я требую еще опытов душевного мужества. Пренебрегать яствами, напитками и мягким ложем для многих, как мы видим, не составляет труда, особенно для людей грубых и воспитанных так с малолетства и для многих других, у которых сложение тела и привычка смягчают суровость таких подвигов; но переносить оскорбление, клевету, язвительное слово, насмешки от низших необдуманые и обдуманые, напрасные и тщетные укоризны от начальников и подчиненных могут не многие, а один или два; и можно видеть, что люди крепкие в тех подвигах так возмущаются этими неприятностями,

что свирепствуют хуже диких зверей. Таких особенно нужно удалять от обители священства. Если предстоятель не изнуряет себя голодом и не ходит босыми ногами, это нисколько не вредит церковному обществу; а свирепый гнев причиняет великие несчастья как самому преданному этой страсти, так и ближним. Не соблюдающим первого Бог ничем не угрожает, а гневающимся напрасно — угрожает геенною и огнем геенским (ср.: Мф 5, 22). Как преданный тщеславию, получив власть над народом, доставляет больше пищи огню (этой страсти), так и тот, кто, живя уединенно и обращаясь с немногими, не мог удерживать гнева, но легко воспламенялся, когда получит в управление целый народ, подобно зверю, уязвляемому отовсюду и всеми, и сам не может быть никогда спокоен, и вверенных ему подвергает бесчисленным бедствиям.

14. Ничто так не помрачает чистоту души и ясность мыслей, как гнев необузданный и выражающийся с великой силой. *Гнев губит и разумных*, говорит Премудрый (Притч 15, 1). Помраченное им око души, как бы в ночном сражении, не может отличать друзей от неприятелей и честных от бесчестных, но относится ко всем одинаково и, хотя бы предстояло потерпеть какой-нибудь вред, скоро решается на все, чтобы доставить удовольствие душе; ибо пылкость гнева заключает в себе

некоторое удовольствие и даже сильнее всякого удовольствия овладевает душой, низвращая все ее здоровое состояние. Он производит гордость, несправедливые вражды, безрассудную ненависть, часто принуждает без разбора и без причины наносить оскорбления и заставляет говорить и делать много другого подобного, так как душа увлекается сильным напором страсти и не может собраться со своими силами, чтобы противостать ее стремлению.

Василий сказал: но я не потерплю более, чтобы ты притворялся; кто не знает, как ты далек от этого недуга?

Златоуст. Что же, почтеннейший, сказал я, ты хочешь поставить меня близ костра, раздражить покоящегося зверя? Или ты не знаешь, что я и сдерживал эту страсть не силой воли, но любовью к спокойствию? А кто так настроен, тот может избежать этого пламени, оставаясь с самим собой или имея общение не более как с одним или двумя друзьями, но не повергаясь в бездну таких забот? В противном случае он не себя одного, но и других многих увлекает вместе с собой в бездну погибели и делает их более беспечными в соблюдении скромности. Подчиненный народ большей частью привык смотреть на поведение своих начальников как на некоторый образец и подражать им. Как же может укротить надменность

других тот, кто сам надмевается. Кто из народа пожелает быть кротким, видя начальника гневливым? Нельзя, нельзя священникам скрыть свои недостатки; и малые из них скоро делаются известными. Ратоборец, пока остается дома и ни с кем не вступает в борьбу, может скрываться, хотя бы он был слабейшим; но когда выступит на подвиги, тотчас изобличается. Так и люди, ведущие частную и недейтельную жизнь, уединением прикрывают свои грехи; но, быв выставлены на вид, бывают принуждены сбросить с себя одиночество, как бы одежду, и обнаружить для всех души свои посредством внешних движений. Как добрые дела их приносят пользу, побуждая многих к соревнованию, так и проступки их делают более нерадивыми о делах добродетели и располагают к уклонению от похвальных трудов. Посему душа священника должна со всех сторон блистать красотой, дабы она могла и радовать и просвещать души взирающих на него. Грехи людей незначительных, совершаемые как бы во мраке, губят одних только согрешающих; а грехи человека значительного и многим известного наносят всем общий вред, делая падших более нерадивыми о добрых подвигах, а внимательных к себе располагая к гордости. Кроме того, проступки простолудинов, хотя бы и обнаружились, никому не наносят значитель-

ной беды; а (проступки) стоящих на высоте священнического достоинства, во-первых, у всех на виду; затем, хотя бы они сделали малейшую погрешность, другим она представляется уже великой, потому что все измеряют грех не важностью самого действия, но достоинством погрешающего. Поэтому священник должен со всех сторон оградить себя, как бы каким адамантовым оружием, тщательной бдительностью и постоянным бодрствованием над своей жизнью, всюду наблюдая, чтобы кто-нибудь не нашел открытого и необерегаемого места и не нанес смертельного удара; ибо все окружающие готовы уязвлять и поражать его, — не только враги и неприятели, но многие и из тех, которые притворяются друзьями. Итак (для священства) должны быть избираемы такие души, какими по благодати Божией оказались некогда тела святых отроков в печи вавилонской (см.: Дан гл. 3). Здесь не хворост, смола и лен служат пищей огню, но нечто гораздо опаснейшее, так как здесь и огонь не вещественный, но всепожирающий пламень зависти окружает священников, поднимаясь со всех сторон, устремляясь на них и проникая в жизнь их упорнее, чем тогда огонь в тела отроков. Если он найдет хотя малые следы соломы, тотчас пристает к ней и, сжегши эту гнилую часть, и все прочие части, хотя бы они были светлее

солнечных лучей, опалает и очерняет дымом. Пока жизнь священника хорошо устроена во всех отношениях, дотоле он остается неприступным для наветов; но если он недосмотрит чего-нибудь малого, как свойственно человеку, и притом переплывающему многомятежное море настоящей жизни, то прочие добрые дела его нисколько не помогут ему заградить уста обвинителей; но этот малый проступок затемняет все прочее. Все начинают судить о нем не как о существе, облеченном плотью и имеющем человеческую природу, но как об Ангеле, не причастном никаким слабостям. Как тирана, пока он властвует, все боятся и льстят ему, потому что не могут низложить его, но когда заметят, что дела его начинают переменяться, тогда, оставив притворную лесть, недавние друзья вдруг делаются врагами и неприятелями и, узнав все его слабости, стараются лишить его власти; так то же самое бывает и со священником: те, которые недавно, когда он был в силе, почитали его и угождали ему, воспользовавшись незначительным поводом, сильно вооружаются на него и стараются низвергнуть его, не как тирана только, но как еще худшего человека. Как тиран боится своих телохранителей, так и священник опасается своих близких и сослужащих более всех, потому что никто столько не домо-

гается его власти и никто лучше всех других не знает дел его, как они; находясь близ него, они прежде других узнают случившееся с ним и легко могут встретить доверие даже клеветам своим и, представляя малое великим, повредить оклеветанному. Тогда оправдывается в обратном смысле апостольское изречение: *страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (1 Кор 12, 26). Разве только тот, кто стяжал великое благочестие, может выдержать все это. На такую войну ты посылаешь меня? И думаешь, что душа моя способна к столь разнородной и разнообразной борьбе? Как и от кого ты узнал это? Если Бог открыл, покажи Его определение, и я повинуюсь; если же не можешь этого сделать и произносишь приговор по людской молве, то перестань обманываться. Относительно нашего состояния должно верить более нам самим, нежели другим; потому что *кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?* (1 Кор 2, 11). Если не прежде, то теперь настоящими словами, я думаю, ты убедился, что я, приняв эту власть, подверг бы осмеянию и себя самого, и избирателей и с великим вредом возвратился бы в то состояние жизни, в котором нахожусь теперь. Не зависть только, но, что гораздо сильнее и зависти,

желание этой власти обыкновенно вооружает многих против того, кто имеет ее. Как корыстолюбивые дети тяготятся старостью родителей, так некоторые и из этих людей, видя чье-нибудь священство продлившимся долгое время и умерщвление такого священника считая делом незаконным, спешат лишить его власти, желая все поступить на его место и каждый надеясь, что эта власть достанется ему самому.

15. Хочешь ли, я покажу тебе и другой вид этой борьбы, исполненной тысячи опасностей? Иди и посмотри на народные празднества, где большей частью и положено производить избрание на церковные должности, и ты увидишь, что на священника сыплется так много порицаний, как велико число подчиненных. Все, имеющие право предоставлять эту честь, разделяются тогда на многие части и в собрании пресвитеров не увидишь согласия их ни между самими собой, ни с епископом, но каждый стоит сам по себе, избирая один одного, другой другого. Причина в том, что не все смотрят на то, на что единственно нужно бы смотреть, на добродетель души; но бывают и другие побуждения к предоставлению этой чести: например, говорят: такой-то должен быть избран, потому что он происходит из знатного рода; другой — потому, что владеет великим богатством и не будет иметь нужды содержать-

ся на счет церковных доходов; третий — потому, что добровольно перешел к нам от противников наших; и стараются предпочесть другим один своего приятеля, другой — родственника, а иной — даже льстеца; но никто не хочет смотреть на способного и сколько-нибудь узнать душевные качества. Я же так далек от того, чтобы упомянутые причины считать достаточными свидетельствами достоинства священников, что даже и того, кто отличался бы великим благочестием, немало полезным для этой власти, и его не осмелюсь тотчас избрать, если он не окажется имеющим вместе с благочестием и великое благоразумие. Я знаю многих из прошедших всю жизнь свою в затворничестве и изнурявших себя постом, которые, пока пребывали в уединении и пеклись только о себе, были угодны Богу и каждый день более и более преуспевали в этом любомудрии, а когда явились к народу и должны были исправлять невежество людей, тогда одни из них с самого начала оказались неспособными к такому делу, а другие, хотя по нужде и продолжали служение, но, оставив прежнюю строгость жизни, причинили величайший вред самим себе и не принесли никакой пользы другим. Даже если бы кто оставался всю жизнь свою на низшей степени служения и достиг глубокой старости, и того я не возвел бы на высшую степень

по уважению к одному только возрасту его. Что будет, если он и в таком возрасте окажется неспособным? Говорю это теперь, не желая унижить седины или узаконить, чтобы принадлежащие к лику монашествующих вовсе были устраняемы от этого предстоятельства, — ибо случилось, что многие и из числа их прославлялись на этой должности, — но стараюсь доказать, что если ни благочестие само по себе, ни глубокая старость не могут делать владеющего ими достойным священства, то тем менее сделали бы это вышесказанные причины. Некоторые представляют еще другие безрассуднейшие побуждения, так одни избираются в состав клира из опасения, чтобы не предались на сторону противников, другие — за свою злобу, чтобы они, быв обойдены, не сделали много зол. Что может быть беззаконнее этого, когда люди негодные и исполненные множества пороков получают честь за то, за что надлежало бы наказывать их и за что не следовало бы позволять им переступать порога церковного, за то самое они возводятся в священническое достоинство? Еще ли мы будем искать, скажи мне, причины гнева Божия, позволяя людям порочным и ничего не заслуживающим губить дела столь святые и страшные? Когда управление делами вверяется или тем, кому они вовсе не свойственны, или тем, силы которых много превыша-

ются ими, тогда церковь становится нисколько не отличной от Еврипа¹. Прежде я смеялся над морскими начальниками за то, что при раздавании почестей они обращают внимание не на добродетель душевную, а на богатство, преклонность лет и покровительство людей; но уже не стал считать это так странным, когда услышал, что такое неразумие проникло и в наши дела. Удивительно ли, что так погрешают люди мирские, ищущие славы от народа и делающие все для денег, когда и выдающие себя за отрекшихся от всего поступают нисколько не лучше тех и, препираясь о небесном, как бы совещаюсь о десятинах земли или о чем другом подобном, берут ничтожных людей и поставляют их над теми делами, для которых Единородный Сын Божий не отрекся уничижить славу Свою, соделаться человеком, принять *образ раба*, претерпеть заплевывания и заушения и умереть по плоти поносной смертью (ср.: Флп 2, 7; см. Мф 26, 67)? И на этом одном они не останавливаются, а прибавляют и другое, более безрассудное: не только избирают недостойных, но и отвергают способных. Как будто нужно с обеих сторон разрушать крепость Церкви или как будто недостаточно одной причины

¹ Еврип — узкий пролив, отделяющий остров Еввею от Витии и Аттики. По сказанию греков, вода в нем прибывает и убывает семь раз в день и семь раз ночью.

к воспламенению гнева Божия, они прибавляют другую, не менее тяжкую. По моему мнению, равно преступно отдалять людей полезных и допускать бесполезных; и это делается для того, чтобы стадо Христово ни в чем не могло находить утешения и отрады. Не достойно ли это тысячи молний и геенны ужаснейшей, нежели та, какая угрожает нам? Однако переносит и терпит такие злые дела: *не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез 33, 11). Кто не удивится человеколюбием Его? Кто не изумится милосердию Его? Христиане губят принадлежащее Христу более врагов и неприятелей, а Он, Благий, еще милосердствует и призывает к покаянию. Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Какая бездна человеколюбия у Тебя! Какое богатство долготерпения! Те, которые именем Твоим из простых и незнатных сделались почтенными и знатными, обращают эту честь против Почтившего их, дерзают на недоступное дерзновенно, оскорбляют святыню, устраняя и отвергая доблестных для того, чтобы при великом оскудении и с крайней свободой порочные низвращали все по своему произволу. Если желаешь узнать причины и этого зла, то найдешь, что они одинаковы с прежними, потому что корень и, так сказать, мать их одна — зависть; но они имеют не один вид,

а различаются между собой. Говорят: этот должен быть отвергнут потому, что молод; другой потому, что не умеет льстить; третий потому, что поссорился с таким-то; четвертый, чтобы такой-то не оскорбился, увидев, что предложенный им отвергнут, а избран этот; пятый потому, что добр и скромн; шестой потому, что слишком страшен для согрешающих; седьмой — по другой подобной причине. Вообще не затрудняются приводить столько предлогов, сколько захотят; если же не найдут ничего другого, то поставляют на вид и богатство, и то, что не должно возводить в эту честь вдруг, а постепенно и мало-помалу, и другие причины могут найти, какие захотят. Теперь я желал бы спросить: что должно делать епископу в борьбе с такими ветрами? Как ему устоять против таких волн? Как ему отразить все эти нападения? Если он будет руководствоваться в делах здравым рассудком, то и ему и избранным все становятся врагами и неприятелями, делают все вопреки ему, каждый день производят раздоры и преследуют избранных бесчисленными насмешками, пока не низвергнут их или не возведут своих приверженцев. И бывает подобное тому, как если бы внутри плывущего корабля кормчий имел своими спутниками морских разбойников, которые и ему, и гребцам, и плователям постоянно и ежечасно

причиняли бы козни. Если же епископ предпочтет угождение этим людям собственному спасению, приняв тех, кого не следовало, то вместо них будет иметь врагом своим — Бога; что может быть ужаснее этого? И положение его в отношении к ним будет труднее, чем прежде, так как все они, содействуя друг другу, через то самое более усиливаются. Как от сильных ветров, встретившихся с противных сторон, дотоле спокойное море вдруг начинает свирепствовать, вздымает волны и губит плователей, так и церковная тишина, по принятии вредных людей, возмущается и претерпевает много кораблекрушений.

16. Представь же, каким должен быть тот, кому предстоит выдерживать такую бурю и отворачивать такие препятствия общему благу? Он должен быть важным и негордым, суровым и благосклонным, властным и общительным, беспристрастным и услужливым, смиренным и нераболепным, строгим и кротким, чтобы он мог удобно противостоять всем препятствиям; он должен с полной властью принимать человека способного, хотя бы все тому противились, а неспособного с такой же властью отвергать, хотя бы все действовали в его пользу, иметь в виду только одно благосостояние Церкви и ничего не делать по вражде или из угождения

кому-нибудь. Итак, ясно ли для тебя, что я не напрасно отказался от этого служения? Впрочем, я не все еще изъяснил тебе; есть и другое, о чем могу сказать, а ты не потяготись выслушать искреннего друга, желающего оправдаться пред тобой в том, за что укоряешь его; это не только будет полезно тебе для защиты меня пред другими, но, может быть, принесет немалую пользу для самого распоряжения этим делом. Необходимо, чтобы намеревающийся вступить на этот путь жизни наперед хорошо разведal все, относящееся к этому служению, и потом приступал к нему. Почему? Если не по чему другому, то по крайней мере потому, что, хорошо зная все, он не будет приходить в смущение от новости предметов, когда они представятся. Желает ли, чтобы я начал речь с призрения вдовиц, или с попечения о девственницах, или с трудностей судебного дела? Каждое из этих дел сопряжено с различными заботами и еще больше забот — со страхом. И, во-первых, — начнем с того, которое кажется легче других, — призрение вдовиц, по-видимому, представляет пекущимся о них заботу, ограничивающуюся денежными издержками (ср.: 1 Тим 5, 16); но бывает не так: требуется тщательное исследование и тогда, когда нужно принимать их, так как включение их в список просто и без разбора причиняло множество бед.

Они и расстраивали дома, и расторгли браки, и часто были уличаемы в краже, нетрезвости и других подобных поступках. Содержание таких вдовиц за счет Церкви навлекает и наказание от Бога, и крайнее осуждение от людей, и самих благодетелей делает менее расположенными к благотворительности. Кто решится когда-нибудь на то, чтобы имущество, которое ему заповедано жертвовать для Христа, тратить на тех, которые поносят имя Христово? Поэтому нужно делать тщательное и строгое исследование, чтобы не только такие вдовицы, но и те, которые в состоянии сами себя пропитывать, не истребляли трапезы беднейших. За этим разбором следует другая немалая забота о том, чтобы жизненные припасы для них притекали обильно, как бы из источников, и никогда не оскудевали. Непроизвольная бедность дурна тем, что бывает ненасытна, взыскательна и неблагодарна. Требуется много благоразумия и много старания, чтобы заграждать им уста, пользующиеся всяким предлогом к осуждению. Народ как скоро увидит кого-нибудь непристрастного к богатству, тотчас объявляет его способным к распоряжению этим делом. Но я думаю, что для него недостаточно одного этого великодушия, но, хотя оно прежде всего необходимо, так как без этого он будет более губителем, нежели по-

кровителем, и волком, а не пастырем; но вместе с тем нужно ему иметь и другое качество. Это — терпение, причина всех благ для людей; оно приводит и вселяет душу как бы в какую тихую пристань. Вдовицы и по своей бедности, и по возрасту, и по свойству своего пола позволяют себе некоторую неумеренную дерзость, так сказать; они кричат безвременно, обвиняют напрасно, жалуются на то, за что надлежало бы благодарить, и порицают за то, за что надлежало бы хвалить. Все это предстоятелю надобно переносить мужественно и не раздражаться ни безвременными требованиями, ни безрассудными укоризнами. Этот пол должно щадить в несчастии, а не оскорблять, так как быть безжалостным к их несчастиям и прибавлять к скорби от бедности еще скорбь от обиды было бы крайне жестоко. Посему один премудрый муж, видя своекорыстие и надменность человеческой природы и зная свойство бедности, которая способна унижить и доблестнейшую душу и часто располагать к бесстыдному повторению одних и тех же просьб, в наставление, чтобы кто на просьбы бедных не гневался и от раздражения на непрестанную их настойчивость не сделался вместо помощника гонителем, увещевает его быть снисходительным и доступным для нуждающегося: *приклоняй*, говорит он, *ухо*

80 **твое к нищему без огорчения и отвечай ему**
ласково, с кротостью (Сир 4, 8). Оставив человека раздражительного (ибо что можно сказать больному?), он обращается к тому, кто может перенести слабость бедного, и увещевает прежде подаяния ободрять его кротким взором и ласковым словом. Если кто хотя и не берет себе достояния вдовиц, но осыпает их множеством укоризн и оскорбляет их и раздражается против них, тот не только не облегчает их уныния от бедности подаянием, а еще увеличивает ее тяжесть своими порицаниями. Хотя по требованию чрева они и бывают принуждены забывать стыд, однако они сетуют на это принуждение. Таким образом, когда нужда от голода заставляет их просить и в просьбах пренебрегать стыд, а за бесстыдство они опять подвергаются огорчениям, то на душу их нападает разнообразная и производящая густой мрак сила уныния. Пекущийся о них должен быть столь великодушным, чтобы не только не увеличивать их уныния укоризнами, но по возможности облегчать их состояние утешением. Как тот, что потерпел обиду, при большом изобилии не чувствует пользы от богатства по причине нанесения обиды, так и тот, кто слышал ласковое слово и принял поданное с утешением, более веселится и радуется, и самый дар бывает вдвое большим

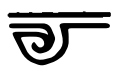

от такого способа даяния. Говорю это не от себя, но со слов того, кто и выше предложил увещание. *Сын мой!* говорит он, *при благотворениях не делай упреков, и при всяком даре не оскорбляй словами. Роса не охлаждает ли зноя? так слово — лучше, нежели даяние. Поэтому не выше ли доброго даяния слово? а у человека доброжелательного и то и другое* (Сир 18, 15–17). Попечитель их должен быть не только кротким и незлобивым, но не менее того и бережливым; в противном случае имущество бедных подвергается одинаковому ущербу. Так некто, приняв на себя это служение и собрав много золота, хотя не издержал его на себя, но не раздавал и бедным, кроме малой части, а большую часть, зарыв в землю, хранил до тех пор, как наставшее тяжелое время предало это имущество в руки врагов. Посему нужна великая предусмотрительность, чтобы ни умножать до чрезмерности, ни доводить до оскудения церковное имущество, но все собранное немедленно раздавать бедным, из добровольных же приношений народа собирать церковные сокровища. Также для принятия странных и врачевания больных сколько, думаешь ты, требуется денежных издержек, сколько старания и благоразумия попечителей? Здесь нужны расходы нисколько не меньшие упомянутых, а часто и большие, и попечитель должен

собирать средства с кротостью и благоразумием, чтобы располагать богатых делать свои пожертвования с охотой и без сожаления, дабы, заботясь о призрении немощных, не огорчить душ жертвователей. Усердия же и ревности здесь нужно оказывать гораздо больше, потому что больные по свойству своему раздражительны и беспечны; и если не прилагать во всем великой попечительности и заботливости, то довольно и малого какого-нибудь опущения, чтобы причинить великое зло больному.

17. При попечении же о девственницах бывает тем более страха, чем это сокровище драгоценнее и чем этот сонм выше других, потому что и в лик этих святых вторглись многие, исполненные множества зол, и произвели здесь большое горе. Как не все равно, свободная ли дева согрешит или ее служанка, так нельзя (в этом отношении сравнивать) девственницу со вдовицей. Для вдовиц празднословить, ссориться между собой, льстить, забывать стыд, всюду являться и ходить по площади считается безразличным; а девственница обрекла себя на высший подвиг и посвятила себя высшему любомудрию, обещает вести на земле жизнь ангельскую и стремится с этой плотью уподобиться бесплотным Силам. Ей не следует излишне и часто отлучаться из дома и не позволяется ве-

сти пустые и бесполезные разговоры, а злословий и ласкательств она не должна знать и по названию. Посему она имеет нужду в строжайшем охранении и большей помощи. Враг святости непрестанно и наиболее восстает на девственниц и осаждает своими кознями, готовый поглотить ту, которая ослабеет и падет; также (действуют против нее) и многие злонамеренные люди и вместе со всеми ими неистовство природы человеческой; вообще она должна выдерживать двоякую борьбу с неприятелями, отвне нападающими, и врагом, внутри ее воюющим. Поэтому попечителю ее предстоит много страха, а еще больше опасности и скорби, если случится что-нибудь нежелательное, чего да не будет! Если дочь для отца — *тайная постоянная забота, и попечение о ней отгоняет сон* (Сир 42, 9), если отец так боится, чтобы дочь его не осталась бесплодной, или не вышла из цветущего возраста, или не была ненавидима мужем, то что перенесет пекущийся не об этом, но о другом, гораздо более важном? Здесь отвращается не муж, но Сам Христос; неплодство подвергается не поношениям только, но оканчивается гибелью души: *всякое дерево, говорит (Господь), не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь* (Лк 3, 9); и ненавидимой Женихом недостаточно взять разводное письмо и отойти, но

за гнев Его она наказывается вечным мучением. Плотский отец имеет много удобств для хранения своей дочери: и мать, и воспитательница, и множество служанок, и безопасность жилища способствуют родителю к сбережению девицы. Он не позволяет ей часто выходить на площадь города; и она, когда выходит, не имеет нужды показываться кому-нибудь из встречающихся; и вечерний мрак не менее стен дома скрывает не желающую показываться. Кроме того, никакие причины не заставляют ее являться когда-нибудь пред взорами мужчин; ни забота о домашних потребностях, ни притеснения обижающих и ничто другое подобное не поставляет ее в необходимость такой встречи, так как обо всем этом печется ее отец. Сама же она имеет только одну заботу о том, чтобы не делать и не говорить ничего непристойного по свойственной ей скромности. А здесь отечески пекущемуся многое делает трудным и даже невозможным надзор за девственницей; он не может иметь ее в своем доме, потому что непристойно и небезопасно такое сожителство. Хотя бы от этого и не происходило для них никакого вреда и хотя бы они постоянно соблюдали святость неприкосновенной, но они дадут ответ за души, которых подвергли соблазну, не меньший, как если бы они согрешили между собой. Так как сожи-

тельство невозможно, то нет способа наблюдать за движениями души и беспорядочные обуздывать, а правильные и стройные поощрять и улучшать; также неудобно наблюдать за выходами ее из дома. Бедность и одиночество ее не позволяют попечителю строго следить за свойственной ей благотворительностью. Так как она принуждена во всем служить сама себе, то, если захочет жить своевольно, может найти много предлогов к отлучкам. Кто стал бы заставлять ее всегда оставаться дома, тому нужно бы устранить и эти предлоги, доставить ей довольство в необходимом и для услуг приставить к ней служанку; следовало бы удерживать ее и от похорон и панихид. Умеет, подлинно умеет тот хитрый змий и через добрые дела сеять яд свой! Девственница должна быть ограждена отовсюду и выходить из дома немного раз в продолжение целого года, когда понуждают неотложные и необходимые причины. Если же кто скажет, что нет надобности поручать эти дела епископу, тот пусть знает, что заботы и причины случающегося с каждой из них имеют отношение к нему. А для него гораздо полезнее заведовать всем самому и избавиться от обвинений, которым он необходимо подвергается за погрешности других, нежели отказаться от этого служения и страшиться ответственности за дела других.

Притом делающий это сам собой исполняет все с великим удобством, а принужденный делать это с участием мнения других не столько имеет отдыха вследствие освобождения от собственной деятельности, сколько хлопот и неприятностей от людей недовольных и противящихся его суждениям. Но я не в состоянии исчислить всех забот о девственницах. Даже когда нужно ввести их в список, и тогда немалые затруднения они причиняют тому, на кого возложена эта обязанность.

Судебная часть (служения епископа также) сопряжена со множеством неприятностей, большими хлопотами и такими трудностями, каких не переносят и мирские судьи; нелегко найти правду; трудно и найденную сохранить неизвращенной. Здесь не только хлопоты и трудности, но бывает и опасность немалая. Некоторые из более слабых, подвергшись суду и не найдя защиты, отпали от веры. Многие из обиженных, ненавидя обидчиков, ненавидят столько же и тех, которые не оказывают им помощи, не хотят принимать во внимание ни сложности дел, ни трудности обстоятельств, ни ограниченности священнической власти и ничего другого подобного, но являются неумолимыми судьями, принимая в оправдание только одно — освобождение от угнетающих их бед. А кто

не может этого сделать, тот, хотя бы представлял тысячи оправданий, никогда не избежит их осуждения. Упомянув о защите, я открою тебе и другой повод к укоризнам. Если епископ не будет ежедневно посещать домов более городских смотрителей, то отсюда происходят невыразимые неудовольствия, ибо не только больные, но и здоровые желают посещений его, — не по побуждению благочестия, но многие скорее домогаясь себе чести и уважения. Если же случится, что какая-нибудь нужда заставит его, для общего блага Церкви, чаще видаться с кем-нибудь из богатейших и сильнейших людей, этим он тотчас навлекает на себя упрек в угодливости и лести. Но что я говорю о защите и посещениях? За один разговор свой он подвергается такому множеству нареканий, что часто, обремененный их тяжестью, падает от уныния: его судят и за взгляд; самые простые действия его многие строго разбирают, примечая и тон голоса, и положение лица, и меру смеха. С таким-то, говорят, он громко смеялся, обращался с веселым лицом и разговаривал возвышенным голосом, а со мной мало и небрежно. И если в многолюдном собрании он обращает глаза во время разговора не во все стороны, то также считают это обидой для себя. Кто же, не имея великого мужества, может так действовать, чтобы

или совершенно не подвергаться суждениям столь многих обвинителей, или подвергшись — оправдаться? Нужно или вовсе не иметь обвинителей, или, если это невозможно, опровергать их обвинения; если же и это неудобно — есть люди, находящие удовольствие в том, чтобы обвинять без причины и напрасно, — то нужно мужественно переносить неприятность этих укоризн. Справедливо обвиняемый легко может перенести обвинение, потому что нет обвинителя жесточе совести, и оттого, испытав наперед упреки этого жесточайшего обвинителя, мы легко переносим внешние обвинения, как более кроткие. Но если не сознающий за собой ничего худого обвиняется напрасно, то он скоро воспаляется гневом и легко впадает в уныние, если прежде не научился переносить невежество народа. Нет, невозможно, чтобы оклеветанный напрасно и осуждаемый не возмущался и не чувствовал никакой скорби от такой несправедливости. А что сказать о тех скорбях, которые (пастыри) чувствуют тогда, когда должно отлучить кого-нибудь от церковного общества? И о, если бы это бедствие ограничивалось только скорбью! Но здесь предстоит и немалая беда. Опасно, чтобы наказанный сверх меры не потерпел того, что сказано блаженным Павлом: *дабы он не был поглощен чрезмерною печалью*

(2 Кор 2, 7). Посему и здесь требуется величайшая внимательность, чтобы то самое, что делается для пользы, не причинило ему большого вреда, ибо за каждый из тех грехов, которые он совершит после такого врачевания, вместе с ним подлежит наказанию и врач, нехорошо лечивший рану. Каких же наказаний должен ожидать тот, который отдаст отчет не только за грехи, совершенные им самим, но подвергнется крайней опасности и за грехи других? Если мы, помышляя об отчете за собственные прегрешения, трепещем, не надеясь избежать вечного огня, то какое мучительное ожидание должно быть у того, кто будет отвечать за столь многих? А что это справедливо, послушай блаженного Павла, или, лучше, говорящего в нем Христа: *повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет* (Евр 13, 17). Разве мал ужас такой угрозы? Нельзя сказать этого. Впрочем, всего этого достаточно для убеждения самых недоверчивых и суровых людей в том, что я не по гордости и честолюбию, но единственно устрашась за себя и представив трудность дела (пастырского), обратился в бегство.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

1. **В**асилий, выслушав это и немного помедлив, сказал: если бы ты сам старался приобрести эту власть, то страх твой был бы основателен. Кто своим домогательством получить ее признал себя способным к исполнению этого дела, тому, по получении ее, нельзя прибегать к неопытности для оправдания своих погрешностей. Он заранее сам лишил себя этого оправдания тем, что стремился и похитил это служение и, как добровольно и по собственному желанию приступивший к нему, уже не может сказать: я невольно погрешил в том-то и невольно погубил такого-то. Тот, кто тогда будет судить его за это, скажет ему: «Почему же ты, сознавая в себе такую неопытность и не имея достаточно ума для безошибочного исполнения этой обязанности, стремился и осмелился принять на себя дела, превышающие твои силы? Кто принуждал? Кто насильно влек тебя, если ты уклонялся и убегал»? Но ты никогда не услышишь ничего такого; ты и сам не можешь упрекать себя в чем-либо подобном; и всем известно, что ты нисколько не домогался этой чести, но все сделано другими; и то, что лишает других прощения за погрешности, тебе доставляет важное основание к оправданию.

Златоуст. После этого я, покачав головой и немного улыбнувшись, подивился его просто-душию и сказал ему: я и сам желал бы, чтобы дело было так, как ты сказал, добрейший из всех, не для того, впрочем, чтобы я мог принять то, от чего убежал. Хотя бы мне не предстояло никакого наказания за мое небрежное и неопытное попечение о стаде Христовом, но если бы мне вверены были такие великие дела, для меня тяжелее всякого наказания было бы то, что я оказался столь недостойным пред лицом вверившего их мне. Для чего же я стал бы желать, чтобы мнение твое не было тщетным? Для того разве, чтобы этим жалким и несчастным (так должно назвать тех, которые не умели хорошо управлять этим делом, хотя бы ты тысячекратно говорил, что они были привлечены насильно и грешили по неведению) можно было избежать огня неугасимого, тьмы кромешной, червя неумирающего, рассечения и гибели вместе с лицемерами. Что же сказать тебе? Нет, это не так. И если хочешь, я представлю тебе доказательства верности слов моих, начав с царствования, за которое ответственность пред Богом не такова, какова за священство. Саул, сын Кисов, не по собственному домогательству сделался царем; он пошел искать ослиц и пришел спросить об них пророка, а тот стал говорить ему о царстве; и хотя он слышал

об этом от пророка, но не стремился, а отказывался и отрицался, сказав: кто я есть и какой дом отца моего (ср.: 1 Цар 9, 20–21)? И что же? Так как он злоупотреблял данной ему от Бога честью, то мог ли он этими словами своими избавиться от гнева Воцарившего его? Между тем он мог бы сказать обвинявшему его Самуилу: разве я сам стремился к царствованию? Разве я искал этой власти? Я желал вести жизнь частных людей, безмятежную и спокойную, а ты привлек меня к этому достоинству: оставаясь в уничиженном состоянии, я легко мог бы уклониться от преткновений; находясь в числе простых и незнатных людей, я не был бы послан на такое дело и Бог не поручил бы мне войны с амаликитянами; а без этого поручения я не совершил бы такого греха. Но все это слабо для оправдания и не только слабо, но и опасно и еще более воспламеняет гнев Божий. Кто почтен выше своего достоинства, тот не должен представлять в оправдание своих погрешностей величие этой чести, но великое о нем попечение Божие должен обращать в побуждение к большему преуспеянию в добре. Получивший высокое достоинство и поэтому считающий дозволительным для себя грешить делает не что иное, как старается представить человеколюбие Божие причиной грехов своих, что говорить всегда свойственно людям

нечестивым и беспечно ведущим жизнь свою. Мы же не должны так думать и впадать в одинаковое с ними безумие, но во всем стараться по силам своим исполнять зависящее от нас самих и иметь и язык, и ум благоговейный. И Илий (от царствования мы перейдем теперь к священству, о котором идет у нас речь) также не старался приобрести эту власть. А какую пользу он получил от этого, что согрешил? Но что я говорю: не старался? Он даже не мог, хотя бы и желал, избежать ее по требованию закона, потому что он происходит из колена Левиина и должен был принять эту власть, нисходящую по родовому преемству. Однако и он потерпел немалое наказание за своеволие детей своих (см.: 1 Цар гл. 4). Так и бывший первым священником иудейским, о котором так много говорил Бог Моисею, за то, что не мог один противостать безумию такого множества народа, не был ли почти у самой гибели, если бы предстательство брата не удержало гнева Божия (см.: Исх гл. 32)? Так как я упомянул о Моисее, то благовременно подтвердить истину моих слов и случившимися с ним событиями. Сам блаженный Моисей так далек был от того, чтобы домогаться начальства над иудеями, что даже отказывался от предлагаемого, не соглашался на повеление Божие и разгневал Повелевавшего (см.: Исх 4, 13–14). И не толь-

ко тогда, но и после, уже по принятии власти, он охотно желал умереть, чтобы освободиться от нее: *умертви меня*, говорил он, *когда Ты так поступаешь со мною* (Чис 11, 15). И что же? Так как он согрешил при изведении воды (см.: Чис 20, 12), то непрерывные его отказы могли ли защитить его и склонить Бога к дарованию ему прощения? Не за другое ли что-нибудь он был лишен обетованной земли? Не за другое что, как известно всем нам, а именно за этот грех такой дивный муж не мог достигнуть того, чего достигли подвластные ему, но после многих подвигов и изнурений, после такого необычайного странствования, после сражений и побед умер вне той земли, для которой подъял столько трудов, и, претерпев бедствия мореплавания, не насладился благами пристани. Видишь, что не только похищающие (священство), но и те, которые получают его по старанию других, не могут ничем оправдываться в своих проступках. Если те, которые многократно отказывались, когда Сам Бог избирал их, подверглись такому наказанию и ничто не могло избавить от этой опасности ни Аарона, ни Илия, ни того блаженного мужа, святого, пророка, дивного, *кротчайшего из всех людей на земле* (Чис 12, 3), который беседовал с Богом, как друг (ср.: Исх 33, 11), то нам, которые столь далеки от его совершенства, едва ли послужит к достаточному

оправданию наше сознание, что мы нисколько не искали себе этой власти, особенно когда многие из этих избраний бывают не по Божественной благодати, но по старанию людей. Бог избрал Иуду, и включил его в святой лик учеников Христовых, и даровал ему вместе с прочими апостольское достоинство, и даже предоставил ему нечто большее пред другими — распоряжение деньгами. И что же? Когда он и тем и другим злоупотребил, — Того, Кого должен был проповедовать, предал и из того, чем поручено ему распоряжаться ко благу, сделал худое употребление, то избежал ли наказания? Этим самым он еще увеличил для себя наказание, и весьма справедливо, потому что даруемые Богом преимущества должно употреблять не на оскорбление Бога, но на большее Ему угождение. Тот, кто думает избежать заслуженного им наказания за то, что получил большие пред другими почести, поступает подобно тому, как если бы кто из неверующих иудеев, услышав слова Христовы: *если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; также: если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха* (Ин 15, 22; 24), стал обвинять Спасителя и Благодетеля и говорить: для чего же Ты пришел и глаголал? Для чего творил знамения? Для того ли, чтобы больше наказать нас?

Но это — слова неистовства и крайнего безумия. Врач пришел не для того, чтобы судить тебя, но для того, чтобы врачевать, не для того, чтобы презреть тебя болящего, но чтобы совершенно освободить тебя от болезни, а ты добровольно уклонился от рук его; за это прими жесточайшее наказание. Если бы ты принял врачевание, то очистился бы от прежних болезней, а так как ты, видя пришедшего врача, убежал от него, то уже не можешь очиститься от них; если же не можешь, то будешь наказан за них и вместе за то, что попечение его о тебе сделал тщетным, сколько это от тебя зависело. Поэтому мы не одинаковому подвергаемся истязанию до принятия или после принятия почестей от Бога, но в последнем случае гораздо строжайшему. Кого не исправляют благодеяния, тот достоин большего наказания. Итак, если это оправдание слабо, как доказано нами, и если оно не только не спасает прибегающих к нему, но еще большей подвергает опасности, то нам надобно искать другой защиты.

Василий сказал: какой же? Я теперь даже сам себя не чувствую: в такой страх и ужас ты привел меня этими словами.

Златоуст. Нет, сказал я, прошу и умоляю, не предавайся такому страху. Есть, есть защита: для нас немощных — никогда не вступать (в эту

должность), а для вас крепких — по получении благодати Божией полагать надежды спасения не в другом чем, а в том, чтобы не делать ничего недостойного этого дара и Бога, его давшего. Величайшее наказание заслужат те, которые, достигнув этой власти собственными усилиями, будут худо исполнять это служение или по нерадению, или по нечестию, или по неопытности. Но за это не будет прощения и тем, которые не домогались власти; и они не имеют никакого оправдания. По моему мнению, хотя бы тысячи людей призывали и принуждали, должно не на них смотреть, но наперед испытывать свою душу и исследовать все тщательно, и потом уступать принуждающим. Если построить дом не обещается никто из не знающих строительного искусства и к лечению больных телом не приступит никто из не знающих врачебного искусства, и хотя бы многие насильно влекли их, они откажутся и не будут стыдиться своего незнания, то неужели тот, кому имеет быть вверено попечение о столь многих душах, не испытает наперед самого себя, но, хотя бы он был неопытнейшим из всех, примет это служение потому, что такой-то приказывает, такой-то принуждает и чтобы не огорчить такого-то? Не ввергает ли он себя вместе с ними в явную беду? Тогда как ему можно было спасти самого себя, он губит

с собой и других. Откуда же можно ожидать спасения? Откуда получить прощение? Кто будет защищать нас тогда (на будущем суде)? Может быть, те, которые теперь принуждают и влекут силой? Но кто спасет их самих в то время? Они сами будут нуждаться в других, чтобы избежать огня. А что я теперь говорю это не с тем, чтобы утрашить тебя, но чтобы показать истинное положение дела, послушай, что говорит блаженный Павел ученику своему Тимофею, истинному и возлюбленному сыну: *рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах* (1 Тим 5, 22). Видишь ли, от какого не только осуждения, но и наказания я со своей стороны избавил тех, которые намеревались возвести меня в это достоинство?

2. Как для избранных не довольно сказать в свое оправдание: я не сам вызвался, я не предвидел и потому не уклонился, — так и избирающим несколько не может помочь то, если они скажут, что не знали избранного: но по этому самому вина и становится большей, что они приняли того, кого не знали, и кажущееся оправдание служит к увеличению осуждения. Если желающие купить невольника показывают его врачам, и требуют поручителя за продаваемого, и расспрашивают соседей, и после всего этого не решаются купить, но требуют еще долгого времени

для испытания, то не безрассудно ли, что намеревающиеся назначить кого-нибудь на такое служение свидетельствуют и присуждают просто и как случится, как покажется кому-нибудь, в угождение или по вражде к другим, не делая никакого другого испытания? Кто будет защищать нас тогда, когда и те, которые должны бы защищать, сами будут нуждаться в защитниках? Итак, и намеревающийся избрать должен делать большое испытание, а еще гораздо больше — избираемый. Хотя избиратели вместе с ним подвергаются наказанию за его погрешности, однако и он, не освобождаясь от наказания, даже подвергается еще большему, если только избиратели по какому-либо человеческому побуждению не поступили вопреки требованию справедливости. Если же они будут обличены в том, что по какому-нибудь предлогу заведомо приняли недостойного, то они подвергнутся равному с ним наказанию, избравшие неспособного — может быть, и большему. Кто вручит власть человеку, вредному для Церкви, тот будет виновен в дерзких его поступках. Если же он ни в чем таком не будет виновен, но скажет, что он обманут мнением народа, и тогда он не останется без наказания, а только будет наказан немного менее избранного. Почему? Потому, что избиратели действительно могут сделать это,

обманувшись ложным мнением; а избранный никак не может сказать, что не знал самого себя, как не знали его другие. Посему, чем он тяжелее принявших его имеет быть наказан, тем строже их должен испытывать самого себя; и если бы они по неведению стали привлекать его, он должен придти и точно объяснить причины, которыми остановил бы обманутых и, объявив себя недостойным испытания, избежал тяжести столь великих дел. Почему тогда, когда идет совещание о деле воинском, о торговле, о земледелии и других житейских занятиях, ни земледелец не решится плыть по морю, ни воин обрабатывать землю, ни кормчий сделаться воином, хотя бы кто угрожал им тысячью смертей? Очевидно потому, что каждый из них предвидит опасность от своей неопытности. Если же там, где ущерб маловажен, мы действуем с такой осмотрительностью и противимся требованию принуждающих, то здесь, где за предоставление священства несведущим предстоит вечное мучение, как мы без рассуждения и без разбора будем подвергать себя такой опасности, ссылаясь на насилие других? Но имеющий судить нас тогда не примет такого оправдания. Следовало бы соблюдать осторожность в делах духовных гораздо более, чем в плотских; а теперь мы оказываемся не соблюдающими и оди-

наковой осторожности. Скажи мне: если бы мы, считая какого-нибудь человека знающим строительное искусство, тогда как он в самом деле не знает его, пригласили бы на эту работу и он согласился бы и потом, взяв приготовленный для строения материал, растратил бы и дерева и камни и построил такой дом, который тотчас разрушился бы, неужели достаточно было бы к оправданию его то, что он не сам вызвался строить, а другие принудили его? Нет; и весьма основательно и справедливо. Ему следовало отказаться, когда и другие приглашали его. Если же растратившему дерева и камни не будет никакой возможности избежать наказания, то погубляющий души и назидаящий их беспечно как может думать, что принуждение от других поможет ему избегнуть наказания? Не крайне ли это безрассудно? Я еще не прибавляю того, что никто не может принудить кого-нибудь против воли. Но положим, что кто-нибудь подвергся тысяче насилий и многоразличным хитростям, так что принужден будет уступить, и это избавит ли его от наказания? Нет. Увещаваю, не будем столько обольщать себя и притворяться не знающими того, что ясно и для малолетних детей, тем более что при отчете в делах такое притворное незнание не может принести нам пользы. Ты сам не домогался приобрести эту

власть, сознавая свою немощь? Хорошо и честно. С таким же сознанием следовало отказаться и тогда, когда другие приглашали. Или тогда, когда никто не приглашал, ты был немощен и неспособен, а как скоро нашлись люди, вознамерившиеся предоставить тебе эту честь, ты вдруг сделался сильным? Это смешно, и лживо, и достойно крайнего наказания. Посему и Господь увещевает желающего построить башню не полагать основания прежде, нежели он сообразит свою состоятельность, чтобы не подать присутствующим тысячи поводов к осмеянию его (см.: Лк 14, 28–29). Но для него беда ограничивается смехом, а здесь наказанием будет огонь неугасимый, червь неумирающий, скрежет зубов, тьма кромешная, рассечение и гибель вместе с лицемерами (ср.: Ис 66, 24; Мф 24, 51). Обвинители же мои не хотят знать ничего этого; иначе они перестали бы укорять того, кто не хочет погибнуть напрасно. Настоящее наше рассуждение касается не распоряжения пшеницей или житом, волами и овцами или чем-либо другим подобным, но самого Тела Христова. Ибо Церковь Христова, по словам блаженного Павла, есть Тело Христово (ср.: Кол 1, 18) и тот, кому оно вверено, должен содержать его в великом благосостоянии и превосходной красоте, всюду наблюдать, чтобы какое-нибудь пятно, или порок, или что-либо

подобное (ср.: Еф 5, 27) не повредили его доброты и благолепия. Не должен ли он представлять это Тело достойным нетленной и блаженной его Главы по мере сил человеческих? Если заботящиеся о благосостоянии ратоборцев имеют нужду и во врачах, и руководителях, и строгом образе жизни, и непрестанном упражнении, и множестве других предосторожностей (ибо и какая-нибудь малость, оставленная у них без внимания, разрушает и ниспровергает все), то принявшие на себя попечение об этом Теле, ведущем борьбу не с телами, но с невидимыми силами, как могут сохранить его невредимым и здоровым, если не будут иметь добродетель гораздо более человеческой и знать всякое врачевство, полезное для души?

3. Или ты не знаешь, что это Тело (Церкви) подвержено большим болезням и напастям, нежели плоть наша, скорее ее повреждается и медленнее выздоравливает? Врачами телесными изобретены разные лекарства, и разнообразные орудия, и роды пищи, приспособленные к больным; часто одно свойство воздуха было достаточно для выздоровления больных; даже иногда благовременный сон освобождал врача от всякого труда. А здесь ничего такого придумать нельзя; но после примера дел представлен один вид и способ врачевания — учение

словом. Вот орудие, вот пища, вот превосходное растворение воздуха! Это вместо лекарства, это вместо огня, это вместо железа; нужно ли прижечь или отсечь, необходимо употребить слово; если оно нисколько не подействует, то все прочее напрасно. Им мы восставляем падшую и укрощаем волнующуюся душу, отсекаем излишнее, восполняем недостающее и совершаем все прочее, что служит у нас к здравью души. Наилучшему устройению жизни может содействовать жизнь другого, располагая к соревнованию; но когда душа страждет болезнью, состоящей в *неправых догматах*, тогда весьма полезно слово, не только для ограждения своих, но и для борьбы с посторонними. Если бы кто имел меч духовный и щит веры такой, что мог бы совершать чудеса и посредством чудес заграждать уста бесстыдным, тот не имел бы нужды в помощи слова; или, лучше, оно по свойству своему и тогда было бы не бесполезно, но даже весьма необходимо. Так и блаженный Павел действовал словом, хотя повсюду славился знамениями. И другой из лика апостольского увещевает заботиться о силе слова: *готовы [будьте], говорит он, всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ* (1 Пет 3, 15). И все они тогда не по другой какой-либо причине предоставили Стефа-

ну и его сотрудникам попечение о вдовицах, но для того, чтобы сами беспрепятственно могли заниматься *служением слова* (см.: Деян 6, 3–6). Если бы мы имели силу знамений, то не стали бы так много заботиться о слове; но если не осталось и следа той силы, а между тем со всех сторон и непрестанно наступают неприятели, то уже необходимо нам ограждаться словом, чтобы нам не поражаться стрелами врагов и чтобы лучше нам поражать их.

4. Посему должно тщательно стараться, чтобы *Слово Христово да вселяется в нас обильно* (Кол 3, 16). Мы готовимся не к одному роду борьбы, но эта война разнообразна и производится различными врагами. Не все они действуют одним и тем же оружием и стараются нападать на нас не одинаковым образом. Поэтому кто намеревается вести войну со всеми, тот должен знать способы действия всех их, быть и стрельцом и пращником, предводителем полка и начальником отряда, воином и военачальником, пешим и всадником, сражающимся на море и под стенами. В военных сражениях какое кому назначено дело, так он и отражает наступающих врагов, а здесь этого нет; если намеревающийся побеждать не будет сведущ во всех частях этого искусства, то диавол и через одну какую-нибудь часть, если она останется в пренебрежении,

сумеет провести своих грабителей и расхитить овец; но он не будет (так смел), когда увидит пастыря, выступающего с полным знанием и хорошо сведущего во всех его кознях. Итак, нужно хорошо ограждаться во всех частях. Пока город огражден со всех сторон, до тех пор, находясь в совершенной безопасности, он смеется над осаждающими его; но если кто разрушит стену его, хотя только в меру ворот, то для него уже нет пользы от окружности стены, хотя бы прочие части ее оставались твердыми. Так и город Божий, когда его отовсюду ограждает вместо стены прозорливость и благоразумие пастыря, все покушения врагов обращает к их стыду и посмеянию, а живущие внутри города остаются невредимыми; если же кто успеет разрушить какую-нибудь часть его, хотя всего и не разрушит, то от этой части, так сказать, зарождается и все прочее. Что пользы, если он хорошо борется с язычниками, а его опустошают иудеи? Или он преодолевает тех и других, а его расхищают манихеи? Или после победы над этими — распространяющие учение о судьбе станут убивать овец, находящихся внутри его? Но для чего исчислять все дьявольские ереси? Если пастырь не умеет хорошо отражать все эти ереси, то волк может и посредством одной пожрать множество овец. В воинском деле от противостоящих и сра-

жающихся воинов всегда должно ожидать и победы и поражения, а здесь совершенно иначе. Часто битва с одними доставляет победу таким врагам, которые вначале не ополчались и нисколько не трудились, а оставались спокойно сидящими; и не имеющий в этих делах большой опытности, поразив себя собственным мечом, делается смешным и для друзей и для врагов. Например (я постараюсь объяснить тебе сказанное примером), последователи лжеучения Валентина и Маркиона и одержимые одинаковыми с ними болезнями исключают из числа книг Божественного Писания закон, данный Богом Моисею; иудеи же так почитают его, что и теперь, когда уже время не позволяет, стараются вполне соблюдать его вопреки воле Божией. А Церковь Божия, избегая крайностей тех и других, идет средним путем, — и не соглашается подчиняться игу закона, и не допускает хулить его, но хвалит его и по прекращении его за то, что он был полезен в свое время. Поэтому тот, кто намеревается бороться с теми и другими, должен соблюдать это равновесие. Если он, желая научить иудеев, что они неблагоприятно держатся древнего законодательства, начнет без пощады порицать его, то подаст немалый повод желающим из еретиков хулить его; а если, стараясь заградить уста этим еретикам,

станет неумеренно превозносить закон и выхвалять его, как необходимый в настоящее время, то откроет уста иудеям. Также одержимые неистовством Савеллия и беснованием Ария, те и другие по неумеренности отпали от здоровой веры; и хотя те и другие удерживают имя христиан, но если кто исследует учение их, тот найдет, что одни нисколько не лучше иудеев и разве только различаются названиями, а учение других имеет большое сходство с ересью Павла Самосатского, но что и те и другие далеки от истины¹. Здесь предстоит большая опасность, узкий и тесный путь, окруженный с обеих сторон утесами, и немалый страх, чтобы кто-нибудь, намереваясь поразить одного, не был ранен другим. Так, если кто скажет, что Божество едино, то Савеллий тотчас обратит это слово в пользу своего безумного учения; если же покажет различие, называя одного Отцом, другого Сыном, третьего Духом Святым, то выступит Арий и станет относить разность лиц к различию в существе. Между тем должно отвращаться и убегать как нечестивого смешения Савеллиева, так и безумного

¹ Валентин и Маркион — основатели гностических сект II века — валентиниан и маркионитов; Савеллий и Павел Самосатский (III век) — основатели сект, отрицающих Святую Троицу; Арий (IV век) — основатель ереси арианства, отрицающего Божество Иисуса Христа.

разделения Ариева и исповедовать единое Божество Отца и Сына и Святого Духа, но притом в трех Лицах; таким образом мы можем заграждать вход тому и другому. Можно бы привести тебе и многие другие затруднения, с которыми если кто не будет бороться мужественно и тщательно, тот сам останется со множеством ран.

5. А что сказать о распрях своих ближних? Они не меньше внешних нападений, но еще более представляют труда для наставника. Одни из любопытства тщетно и напрасно хотят исследовать такие предметы, которые и знать было бы бесполезно и познать невозможно; другие требуют от Бога отчета в судьбах Его и усиливаются измерить эту великую бездну; ибо *судьбы Твоя*, говорится в Писании, *бездна многа* (Пс 35, 7). Пекущихся о вере и жизни найдется немного, а гораздо более таких, которые исследуют и изыскивают то, чего найти невозможно и изыскание чего оскорбляет Бога. Когда мы усиливаемся познать то, чего Бог не хотел открыть нам, то мы и не узнаем этого (ибо как можно узнать, если это не угодно Богу?) и за любопытство свое только подвергнемся опасности. Между тем и при таком положении дела кто с властью станет заграждать уста исследующим недоступные предметы, тот навлечет на себя упрек в гордости и невежестве. Поэтому и здесь предстоятелю нужно

действовать с великим благоразумием, чтобы и отклонять других от нелепых вопросов, и самому избежать сказанных обвинений. Для всего этого не дано ничего другого, кроме одной только помощи слова, и если кто не имеет этой силы, то души подчиненных ему людей постоянно будут находиться в состоянии нисколько не лучше обуреваемых кораблей; я говорю о людях слабейших и любопытнейших. Посему священник должен употреблять все меры, чтобы приобрести эту силу.

Василий сказал: почему же Павел не старался приобрести эту силу и даже не стыдится скудости своего слова, но прямо признает себя *невеждой*, и притом в Послании к Коринфянам, которые славились красноречием и весьма хвалились им (см.: 2 Кор 11, 6)?

6. Златоуст. От этого самого, сказал я, многие и погибли и сделались менее ревностными к истинному учению. Так как они не могли в точности постигнуть глубину мыслей апостола и уразуметь смысл слов его, то и проводили все время в дремоте и сонливости, хваля невежество, не то, которое приписывал себе Павел, но от которого он так был далек, как ни один человек, живущий под небом. Впрочем, оставим этот предмет до другого времени, а теперь я скажу следующее: положим, что Павел

был невеждой в том смысле, какого они желают; как это относится к нынешним людям? Он имел силу гораздо высшую слова и способную совершать гораздо большие действия; при одном появлении своем и при молчании он был страшен для демонов; а нынешние все, собравшись вместе, с бесчисленными молитвами и слезами своими не могли бы сделать того, что некогда могли совершать полотенца Павловы (см.: Деян 19, 12). Павел молитвой воскрешал мертвых и совершал другие чудеса, такие, что язычники принимали его за бога (см.: Деян 14, 11); и еще прежде переселения из здешней жизни он удостоился быть восхищенным до третьего неба и слышать такие слова, которых не может слышать человеческая природа (см.: 2 Кор 12, 2–4). А нынешние люди (впрочем, я не намерен говорить ничего неприятного и тяжелого и это теперь говорю, не укоряя их, но изумляясь) как не страшатся сравнивать себя с таким мужем? Если мы, оставив чудеса, перейдем к жизни этого блаженного и посмотрим на ангельскую его деятельность, то увидим и в ней еще более, чем в знамениях, превосходство этого ратоборца Христова. Кто может изобразить его ревность, кротость, постоянные опасности, непрерывные заботы, непрестанные беспокойства о церквях, сострадание к немощным, многие скорби,

многократные гонения, каждодневные смерти (см.: 2 Кор 12, 24–28)? Какое место во вселенной, какая земля, какое море не знают подвигов этого праведника? Его знала и пустыня, часто принимавшая его во время его опасностей. Он претерпел все роды козней и одержал всякого рода победы; никогда не переставал и подвизаться и получать венцы. Впрочем, я не знаю, как я увлекся до того, что стал оскорблять этого мужа; доблести его превышают всякое слово, а мое — столько, сколько превышают меня искуснейшие в красноречии. Но, несмотря на это (блаженный будет судить меня не за выполнение дела, а за намерение), я не перестану, пока не скажу того, что выше сказанного столько, сколько он выше всех людей. Что же это такое? После таких подвигов, после бесчисленных венцов он желал низойти в геенну и быть преданным вечному мучению для того, чтобы иудеи, которые часто бросали в него камни и готовы были убить его, спаслись и обратились к Христу (ср.: Рим 9, 3). Кто так любил Христа, если можно назвать это любовью, а не чем-либо другим, высшим любви? Еще ли мы будем сравнивать себя с ним, после такой благодати, какую он получил свыше, и после таких добродетелей, какие он оказал со своей стороны? Может ли быть что-нибудь дерзновеннее этого? А что при всем

том он не был невеждой, как те называют его, теперь и то постараюсь доказать. Они называют невеждою не только того, кто не упражнялся в искусстве светского красноречия, но и того, кто не умеет защищать истинного учения; и справедливо так рассуждают. Но Павел назвал себя невеждой не в том и другом, а только в одном; и в подтверждение этого он сделал точное разграничение, сказав, что он *невежда в слове, но не в познании* (2 Кор 11, 6). Если бы я требовал (от пастыря Церкви) изящества речи Исократа, силы Демосфена, важности Фукидида и высоты Платона¹, то следовало бы указать на это свидетельство Павла; но теперь я оставляю все это и изысканные внешние украшения и не думаю ни о выражениях, ни о произношении речи. Пусть кто-нибудь будет скуден в словах и состав речи его прост и неискусен, только пусть он не будет невеждой в познании и верном разумении догматов и, для прикрытия своего нерадения, не отнимает у этого блаженного мужа величайшего из его достоинств и главной из его заслуг.

7. Как он, скажи мне, приводил в замешательство иудеев, живущих в Дамаске, когда еще и не начинал совершать знамений? Как преодолел

¹ Исократ и Демосфен — ораторы, Фукидид, историк, и Платон, философ, — аттические писатели, жившие в V и IV веках до Р. Х.

еллинистов? Почему был препровожден в Тарс? Не потому ли, что сильно побеждал словом и до того довел их, что они, не вытерпев поражения, раздражились и решились убить его (см.: Деян 9, 22–23)? Тогда он еще не начинал творить чудес; и никто не может сказать, что народ удивлялся ему по молве о его чудотворениях и что боровшиеся с ним уступали по причине такого мнения об этом муже; доселе он побеждал только словом своим. А как он боролся и состязался с теми, которые в Антиохии намеревались жить по-иудейски (см.: Гал 2, 11–14)? И член ареопага, житель суевернейшего города, не от одной ли проповеди его сделался его последователем вместе с женой (см.: Деян 17, 34)? И от чего Евтих упал с окна? Не от того ли, что до глубокой ночи занят был слушанием поучения Павлова (см.: Деян 20, 9)? А что в Солуне и в Коринфе? Что в Ефесе и в самом Риме? Не целые ли дни и ночи кряду он проводил в изъяснении писаний? Что сказать о состязаниях с эпикурейцами и стоиками (см.: Деян 17, 18)? Если бы мы захотели исчислять все, то речь наша была бы слишком обширна. Итак, если оказывается, что и прежде знаменитый и при них Павел часто действовал словом, то как еще осмелятся называть невеждой того, кому за беседу и проповедь в особенности все удивлялись? Почему ликаонцы приняли его за

Меркурия? Что их (Павла и Варнаву) приняли за богов, причиной тому были чудеса; а что Павла приняли за Меркурия, причиной тому уже не чудеса, а слово (см.: Деян 14, 12). Чем этот блаженный превзошел прочих апостолов? Почему по всей вселенной имя его наиболее обращается в устах всех? Почему он прославляется более всех не только у нас, но и у иудеев и язычников? Не за достоинство ли своих посланий, которыми он принес пользу не только тогдашним верным, но и жившим с того времени доныне будет приносить пользу имеющим существовать до последнего Пришествия Христова и не перестанет делать это, пока продолжится род человеческий? Его писания ограждают церкви во всей вселенной подобно стене, построенной из адаманта. Он и ныне стоит посреди, как мужественнейший ратоборец, пленяя *всякое помышление в послушание Христу* и ниспровергая *замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия* (2 Кор 10, 4–5). Все это он производит оставленными нам посланиями своими, удивительными и исполненными божественной мудрости. Его писания полезны нам не только для ниспровержения ложных учений и защиты истинного, но весьма немало служат и к преуспеянию в благочестивой жизни. Предстоятели Церкви, пользуясь ими, еще

и ныне устраивают, совершенствуют и доводят до духовной красоты чистую деву, которую он обручил Христу (ср.: 2 Кор 11, 2). Ими они отражают приключаящиеся ей болезни и охраняют присутствие ей здравие. Такие врачевства оставил нам этот невежда, имеющие такую силу, которую хорошо знают часто пользующиеся ими на самом деле. Отсюда видно, что Павел оказал великую ревность в этом деле.

8. Послушай еще, что он говорит в послании к ученику: *занимайся чтением, наставлением, учением*. Потом говорит и о плодах этого: *так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя* (1 Тим 4, 13; 16). И еще: *рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым* (2 Тим 2, 24). И далее говорит: *а ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен*. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение. И еще: *все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек* (2 Тим 3, 14–17). Послушай, что он пишет к Титу, беседуя о постановлении епископов: *ибо епископ должен быть, говорит, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и противящихся об-*

личать (Тит 1, 7; 9). Как же кто-нибудь, оставаясь невеждой, как те говорят, может обличать противящихся и заграждать им уста? И какая нужда заниматься чтением и писаниями, если должно оставаться в таком невежестве? Все это вымыслы и предлоги и прикрытие беспечности и лени. Но это, скажут, предписывается священникам; ибо у нас теперь идет речь о священниках. Что это относится и к находящимся под их властью, о том послушай, как он еще в другом послании увещевает других: *слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; и еще: слово ваше [да будет] всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому* (Кол 3, 16; 4, 6). И слова: *будьте готовы <...> дать ответ* (см.: 1 Пет 3, 15), сказаны всем. И в Послании к Фессалоникийцам (Павел) говорит: *назидайте один другого, как вы и делаете* (1 Фес 5, 11). А когда он беседует о священниках, то говорит: *достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении* (1 Тим 5, 17). Это — совершеннейший способ учения, когда и делами и словами приводят поучаемых к той блаженной жизни, которую предписал Христос, ибо одних дел недостаточно для научения. Это не мои слова, а Самого Спасителя: *а кто, говорит Он, сотворит и научит,*

тот великим наречется (Мф 5, 19). Если бы *творить* значило *учить*, то напрасно было бы прибавлено второе слово; довольно было бы сказать только: *кто сотворит*; а теперь разделением того и другого Он показывает, что иное зависит от дел, а иное от слова, и каждая из этих двух частей имеет нужду одна в другой, чтобы здание было совершенно. Слышишь ли, что говорит пресвитерам ефесским избранный сосуд Христов: *посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас* (Деян 20, 31)? Какая нужда в слезах или в словесном учении, когда так ярко сияла жизнь апостольская? Жизнь (его) могла много содействовать нам к исполнению заповедей; но не скажу, чтобы и в этом отношении она одна совершила все.

9. Когда возникает спор о догматах и все будут бороться на основании одних и тех же писаний, тогда какую силу может оказать жизнь? Какая польза от многих подвигов, когда кто-нибудь после этих подвигов по великой неопытности своей впадает в ересь и отделится от тела Церкви? Я знаю многих, с которыми это случилось. Какая ему польза от терпения? Никакой; равно как (нет пользы) и от здоровой веры при развращенной жизни. Поэтому тот, кто поставлен учить других, должен был опытнее всех в таких спорах. Хотя бы

сам он оставался в безопасности, не потерпев никакого вреда от противников, но множество простых людей, находящихся под его руководством, когда увидят, что вождь их побежден и не может ничего сказать противникам, будут винить в этом поражении не его слабость, а нетвердость самого учения; по неопытности одного много людей подвергнется крайней гибели. Если они и не перейдут совершенно на сторону противников, то принуждены бывают сомневаться в том, в чем были уверены; и к чему приступали с твердой верой, тому уже не могут внимать с такой же твердостью; и поднимается такая буря в душах их от поражения учителя, что бедствие оканчивается кораблекрушением. А какая гибель и какой огонь собирается на несчастную главу его за каждого из этих погибающих, об этом мне нет нужды говорить тебе: все это ты сам хорошо знаешь. Итак, от гордости ли, от тщеславия ли происходит мое нежелание быть виновником гибели столь многих людей и на самого себя навлечь наказание больше того, какое теперь ожидает меня там? Кто может сказать это? Никто, разве кто хотел бы укорять напрасно и предаваться рассуждениям при чужих несчастиях.

СЛОВО ПЯТОЕ

1. **Д**овольно сказано мной о том, какую опытность должен иметь наставник в борьбе за истину; кроме этого я хочу сказать о другом предмете, который бывает причиной множества опасностей, или, лучше сказать, не он бывает причиной, а те, которые не умеют хорошо пользоваться им; а само это дело может доставить спасение и многие блага, когда им будут заниматься мужи ревностные и способные. Что же это? Великий труд, состоящий в беседах пред народом в общих собраниях. Во-первых, пасомые большей частью не хотят относиться к говорящим как к наставникам, а поднимаясь выше положения учеников, принимают положение зрителей, присутствующих на мирских зрелищах. Как там народ разделяется и одни принимают сторону одного, а другие другого, так и здесь, разделившись, одни принимают сторону одного, а другие другого и слушают говорящих, сообразуясь со своим благоприятным или враждебным расположением. И не в этом только состоит трудность, но не меньше того и в другом. Если случится кому из говорящих прибавить к своим словам какую-нибудь часть чужих трудов, то он подвергается большим укоризнам, чем похитители чужого имущества; а часто терпит та-

кое обвинение и тот, кто только подозревается в этом, хотя ни у кого ничего не заимствовал. Но что я говорю о чужих трудах? Часто он не может пользоваться и своими сочинениями. Люди большей частью привыкли слушать не для пользы, а для удовольствия, представляя себя как бы судьями трагиков или игроков на кифаре; и то искусство слова, которое мы теперь признали излишним, здесь так одобряется, как у софистов, когда они вынуждаются спорить друг с другом.

2. Итак, и здесь нужен человек с душой мужественной, много превосходящей нашу немощь, чтобы он мог отвлекать народ от этого непристойного и бесполезного удовольствия и приучать его к слушанию более полезного так, чтобы народ ему следовал и повиновался, а не он руководился прихотями народа. Но этого нельзя достигнуть иначе, как двумя способами: *презрением похвал* и *силою слова*. Если не будет одного из них, то и остальной по отделении от первого будет бесполезен. Если презирающий похвалы не преподает учения, растворенного благодатью и солью (ср.: Кол 4, 6), то он лишается уважения у народа, не получая никакой пользы от своего великодушия; а если исправный по этой части будет прельщаться славой рукоплесканий, то произойдет одинаковый вред и для народа и для него самого как старающегося по пристрастию

к похвалам говорить более для удовольствия, нежели для пользы слушателей. И как тот, кто не имеет пристрастия к похвалам и не умеет говорить, хотя не угождает народу, но не может приносить ему и какой-либо значительной пользы от того, что не может ничего сказать, так и увлекающийся страстью к похвалам, хотя может вести беседы назидательные для народа, но вместо них предлагает то, что более услаждает слух, приобретая этим себе шум рукоплесканий.

3. Итак, отличный руководитель должен быть силен в том и другом, чтобы недостаток одного не уничтожил и другого. Когда он, выступив среди народа, станет говорить обличения живущим беспечно, но потом смешается и станет запинаться и по скудости речи принужден будет краснеть, тотчас исчезает вся польза от сказанного. Обличаемые, негодуя на сказанное и не имея другого средства отомстить ему, осыпают его насмешками за его неумение, надеясь этим прикрыть свои недостатки. Посему нужно ему, как бы какому отличному вознице, хорошо владеть обоими этими совершенствами, чтобы можно было надлежащим образом действовать тем и другим. Когда он окажется безукоризненным во всем, тогда с какой угодно властью может и наказывать и освобождать всех вверенных его руководству; а без этого трудно приобрести

такую власть. Впрочем, великодушные не должны ограничиваться одним только презрением похвал, но и простираться далее, чтобы польза опять не осталась несовершенной.

4. От чего же еще должно воздерживаться? От ненависти и зависти. Полезно ни чрезмерно опасаться и бояться несправедливых обвинений (а предстоятелю неизбежно подвергаться безрассудным укоризнам), ни совершенно пренебрегать ими; но хотя бы они были ложны, хотя бы возводимы были на нас людьми неважными, надобно стараться скорее погашать их. Ничто так не увеличивает славы худой и доброй, как нерассудительный народ; привыкнув и слушать и говорить необдуманно, он повторяет без разбора все приключившееся, нисколько не заботясь об истине. Посему не должно пренебрегать народом, но возникающие худые подозрения тотчас истреблять, убеждая обвинителей, хотя бы они были бессмысленнейшие из всех людей, и не опуская ничего из всего того, что может уничтожить недобрую славу; если же и после того, как мы сделаем со своей стороны все, обвинители не захотят вразумиться, тогда отнестись к ним с презрением. Кто упадет духом от таких неприятностей, тот никогда не будет в состоянии совершить что-нибудь доблестное и достойное; уныние и непрестанные беспокойства

могут сокрушить силу души и довести до крайнего изнеможения. Священник должен относиться к пасомым так, как бы отец относился к своим малолетним детям; как от этих мы не отвращаемся, когда они оскорбляют, или ударяют, или плачут, и даже когда они смеются и ласкаются к нам, не очень заботимся об этом, так и священники не должны ни надмеваться похвалами народа, ни огорчаться порицаниями, если они будут неосновательны. Трудно это, блаженный, а может быть, я думаю, и невозможно. Слышать себе похвалы и не радоваться, не знаю, случалось ли когда-нибудь кому-либо из людей: а кто радуется этому, тот конечно и желает получать их; желающий же получать их непременно будет печалиться, и унывать, и скучать, и досадовать, когда лишается этих похвал. Как богачи, пока богаты, веселятся, а обеднев сетуют и, привыкнув к роскоши, не могут переносить жизни бедной, так и пристрастные к похвалам не только тогда, когда их порицают напрасно, но если их и не часто хвалят, терзаются в душе как бы каким голодом, если они привыкли к похвалам или услышат, что другие удостаиваются похвал. Сколько же трудов и сколько огорчений, думаешь ты, предстоит вышедшему на подвиг учения с такой страстью? Невозможно, чтобы море когда-нибудь не волновалось; невозможно, что-

бы и душа такого человека оставалась без забот и скорби.

5. Кто владеет великой силой слова (а ее у многих можно найти), даже и тот не бывает свободен от непрестанных трудов. Так как сила слова не дается природой, но приобретается образованием, то хотя бы кто довел ее до высшего совершенства, и тогда он может потерять ее, если постоянным усердием и упражнением не будет развивать этой силы. Таким образом, образованнейшие должны более трудиться, нежели менее образованные; ибо нерадение тех и других сопровождается не одинаковым ущербом, но у первых он столько важнее, сколько различия между тем, чем владеют те и другие. Последних никто не будет укорять, если они не произносят ничего отличного; а первые, если не всегда будут предлагать беседы, превышающие то мнение, которое все имеют о них, то подвергаются от всех великим укоризнам. Притом последние и за малое могут получать великие похвалы; а первые, если слова их не будут сильно удивлять и поражать, не только не удостоиваются похвал, но и находят многих порицателей. Слушатели сидят и судят о проповеди не по ее содержанию, а по мнению о проповедующих. Потому кто превосходит всех красноречием, тому более всех нужно усердно трудиться; ему нельзя

извиняться тем общим недостатком природы человеческой, что невозможно успевать во всем; но если беседы его не вполне будут соответствовать высокому мнению о нем, то они сопровождаются множеством насмешек и порицаний от народа. Никто сам в себе не рассуждает о том, что приключившееся уныние, беспокойство, забота, а часто и гнев помрачают чистоту ума и не позволяют произведениям его являться светлыми и что вообще человеку невозможно всегда быть одинаковым и во всем успевать; но естественно иногда и погрешить и оказаться слабее собственной силы. Ни о чем этом, как я сказал, не хотят подумать, но винят проповедника, судя о нем, как об Ангеле. И вообще человек таков, что на заслуги ближнего и многочисленные и великие не обращает внимания, а если откроется какой-нибудь недостаток, — хотя бы незначительный, хотя бы давно случившийся, — тотчас узнает его, немедленно привязывается к нему и всегда помнит его, и это малое и незначительное часто уменьшает славу многих и великих мужей.

6. Видишь, почтенный, что сильному в слове нужно иметь особенно большую ревность, а вместе с ревностью и такое терпение, в каком нуждаются не все из вышеупомянутых мной. Многие непрестанно беспокоят его напрасно и без при-

чины и, не имея, в чем обвинять его, враждуют против него за то, что он всеми уважается. Нужно мужественно переносить гнусную их ненависть. Не желая скрывать этой проклятой ненависти, питаемой ими без всякой причины, они злословят и порицают, клеветают тайно и враждуют явно. Если душа при всякой такой неприятности станет беспокоиться и раздражаться, то она не может быть бодрой, изнемогая от печали. И не только сами они мстят ему, но стараются делать это и через других; часто, выбрав кого-нибудь, не умеющего ничего сказать, они превозносят его похвалами и удивляются ему выше его достоинства; одни делают это по безумию, другие и по невежеству и по зависти, чтобы унижить славу достойного, а не для того, чтобы прославить недостойного. Но не только с ними бывает борьба у доблестного мужа, но часто и с невежеством целого народа. Так как невозможно, чтобы весь собравшийся народ состоял из людей образованных, но иногда большую часть собрания составляют люди простые; прочие же хотя и разумнее этих последних, но в сравнении с людьми, способными судить о красноречии, гораздо более несведущи, чем все другие в сравнении с ними; а найдется едва один или два человека, имеющих такую способность, неизбежно происходит то, что говоривший лучше получает менее

рукоплесканий, а иногда остается и без всяких похвал. Нужно вооружаться мужеством против таких несправедливостей и тех, которые поступают так по невежеству, прощать, а тех, которые делают это по зависти, оплакивать как несчастных и жалких и быть уверенным, что собственная сила ни от тех, ни от других не умалется. Так и живописец отличный и превышающий всех в своем искусстве, видя, что люди несведущие в этом искусстве осмеивают картину, написанную им с большой тщательностью, не должен падать духом и считать картину худой, по суду невежд, равно как и считать удивительной и прекрасной действительно худую картину потому только, что ею восхищаются невежды.

7. Отличный художник должен быть сам и судьей своих произведений; хорошими или худыми они должны считаться тогда, когда произведший их ум произнесет о них тот или другой приговор; а о мнении посторонних, неверном и неопытном, никогда и думать не нужно. Так и принявший на себя подвиг учительства должен не внимать похвалам посторонних людей и не ослабевать своей душой без них, но, составляя поучения так, чтобы угодить Богу (ибо это должно быть у него правилом и единственной целью тщательнейшего составления поучений, а не рукоплескания и похвалы), если будет хва-

лим людьми, пусть не отвергает похвал, если же не получает их от слушателей, пусть не ищет и не сетует, потому что для него достаточное и наилучшее утешение в трудах есть то, если он может сознавать в самом себе, что он составлял и направлял свои поучения на благоугождение Богу.

8. Подлинно, кто предается страсти к безрассудным похвалам, тот не получит никакой пользы ни от многих трудов своих, ни от силы своего слова, потому что душа, не умеющая переносить неразумных осуждений народа, слабеет и теряет охоту к упражнению в слове. Посему больше всего нужно приучаться презирать похвалы, потому что без этого недостаточно одного умения говорить для сохранения в себе этой силы. Даже если кто захочет обратить тщательное внимание на того, у кого недостает этой способности, то найдет, что и он не меньше того имеет нужду в презрении похвал. Не достигая славы от народа, он неизбежно впадет во множество грехов. Так, не имея сил сравняться с отличающимися способностью красноречия, он не удержится от вражды к ним, и зависти, и напрасных порицаний, и многих подобных непристойностей; но решится на все, хотя бы предстояло погубить свою душу, только бы приобрести славу их скудостью своих способностей. Кроме того, он утратил и ревность к этим трудам, так как некоторое расслабление

постигнет душу его. Много трудиться, а получать мало похвал — это действительно может изнурить и погрузить в глубокий сон не умеющего презирать похвалы. Так и земледелец, вынужденный трудиться над неплодным полем и возделывать каменистую землю, скоро оставляет труды свои, если не имеет большой склонности к работе и не опасается голода. Если же способные говорить с великой властью имеют нужду в постоянном упражнении для сохранения этой способности, то нисколько не приготовившийся ранее и принужденный думать об этом во время самых подвигов какие встретит трудности, какое беспокойство, какое смущение, чтобы с великим трудом приобрести какой-нибудь малый успех! А если кто-нибудь из поставленных после него и занимающих низшее положение успеет более его прославиться по этой части, тогда нужна душа как бы божественная, чтобы не предаться ненависти и не впасть в уныние. Стоять на высшей степени достоинства, и быть превзойденным низшими, и переносить это мужественно, — это свойственно необыкновенной и не моей душе, но как бы адамантовой. Эта неприятность бывает еще сносной, когда превзошедший скромн и весьма умерен; но если он будет дерзок, и горд, и честолюбив, тогда тому нужно каждый день желать себе смерти; до та-

кой степени горькой для того жизнь сделает он, превозносясь над ним явно, насмехаясь тайно, отнимая от него власть более и более, стремясь заменить его во всем и во всех этих случаях находя себе важную опору в свободе речи, расположенности к нему народа и приверженности всех пасомых. Разве ты не знаешь, какая ныне развилась в душах христиан любовь к красноречию и что занимающиеся им больше всех уважаются не только у внешних (язычников), но и у своих по вере (ср.: Гал 6, 10)? Кто же может перенести такой стыд, когда во время его беседы все молчат и тяготятся и ожидают окончания слова, как бы какого отдыха от трудов, а другого, хотя и долго говорящего, слушают с долготерпением, досадают, когда он хочет остановиться, и гневаются, когда он намеревается замолчать? Все это теперь кажется тебе маловажным и не заслуживающим внимания, как не испытанное, но может погасить ревность и ослабить душевную силу, разве кто, отрешившись от всех человеческих страстей, потщится уподобиться бесплотным Силам, не подверженным ни зависти, ни славолюбию, ни другой какой-нибудь подобной слабости. Если найдется такой человек, который может поправить этого неуловимого, неодолимого и дикого зверя, то есть народную славу, и отсечь многочисленные его головы, или, лучше, не допустить этой

славе и зарождаться в начале, тот будет в состоянии удобно отражать все эти нападения и оставаться спокойным, как бы в тихой пристани; а кто не освободился от нее, тот обременяет свою душу, как бы разнообразной борьбой, постоянным смятением, и унынием, и множеством других страстей. Нужно ли исчислить и прочие затруднения, о которых не может и говорить и знать тот, кто не испытал их на самом деле?

СЛОВО ШЕСТОЕ

1. **Т**ак бывает в здешней жизни, как о том ты слышал; а как мы перенесем имеющее быть тогда, когда должны будем отдать отчет за каждого из вверенных нам? Там наказание не ограничится стыдом, но предстоит вечное мучение. *Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет* (Евр 13, 17); об этом хотя я и прежде говорил, но и теперь не умолчу; страх такой угрозы постоянно потрясает мою душу. Если соблазняющему только одного, и притом малейшего, *лучше бы-*

ло бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской, и если все уязвляющие совесть братьев согрешают против Самого Христа (Мф 18, 6; ср.: 1 Кор 8, 12), то что некогда потерпят и какому подвергнутся наказанию те, которые погубили не одного, двух или трех, но такое множество? Им нельзя оправдываться неопытностью, прибегать к неведению, извиняться необходимостью и принуждением; к такой защите, если бы было позволено, скорее мог бы прибегнуть кто-нибудь из подчиненных для оправдания себя в собственных грехах, чем предстоятели — для оправдания в грехах других людей. Почему? Потому, что поставленный исправлять невежество других и предвещать о наступающей борьбе с дьяволом не может оправдываться неведением и говорить: я не слышал трубы, я не предвидел войны. Он, как говорит Иезекииль, для того и посажен, чтобы трубить для других и предвозвещать об угрожающих бедствиях; почему неминуемо постигнет его наказание, хотя бы погиб только один человек. Если страж, говорит он, видел идущий меч и не затрубил в трубу, и народ не был предостережен, — то, когда придет меч и отнимет у кого из них жизнь, сей схвачен будет за грех свой, но кровь его взыщут от руки стража (Иез 33, 6). Перестань же вовлекать меня в столь неизбежную

ответственность. Мы говорим не о предводительстве войском и не о царствовании (земном), но о деле, требующем ангельских добродетелей.

2. Священник должен иметь душу чище самых лучей солнечных, чтобы никогда не оставлял его без себя Дух Святой и чтобы он мог сказать: *и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал 2, 20). Если живущие в пустыне, удалившиеся от города, рынка и тамошнего шума и всегда находящиеся как бы в пристани и наслаждающиеся тишиной не решаются полагаться на безопасность своей жизни, но принимают множество и других предосторожностей, ограждая себя со всех сторон, стараясь говорить и делать все с великой осмотрительностью, чтобы они могли с дерзновением и истинной чистотой приступать к Богу, сколько позволяют силы человеческие, то какую, думаешь ты, должен иметь силу и твердость священник, чтобы он мог охранять душу свою от всякой нечистоты и соблюдать неповрежденной духовную красоту? Ему нужна гораздо большая чистота, чем тем, а кому нужна большая чистота, тому более предстоит случаев очерниться, если он постоянным бодрствованием и великим напряжением сил не сделает душу свою неприступной для этого. Благообразие лица, приятность телодвижений, стройность походки, нежность голоса, подкрашивание глаз,

расписывание щек, сплетение кудрей, намащение волос, драгоценность одежд, разнообразие золотых вещей, красота драгоценных камней, благоухание мастей и все другое, чем увлекается женский пол, может привести душу в смятение, если она не будет крепко ограждена строгим целомудрием. Впрочем, приходить в смятение от всего этого нисколько не удивительно; а то, что диавол может поражать и уязвлять души человеческие предметами, противоположными этим, возбуждает великое изумление и недоумение. Некоторые, избегнув сетей, впали в другие, весьма отличные от них. Небрежное лицо, неприбранные волосы, грязная одежда, неопрятная наружность, грубое обращение, несвязная речь, нестройная походка, неприятный голос, бедная жизнь, презренный вид, беззащитность и одиночество — это сначала возбуждает жалость в зрителе, а потом доводит до крайней гибели.

3. Многие, избежав первых сетей, состоящих из золотых вещей, мастей, одежд и прочего, о чем я сказал, легко впадали в другие, столь отличные от них, и погибали. Если же и бедность и богатство, и красивый вид и простая наружность, обращение благоприличное и небрежное, и вообще все то, что я исчислил, может возбуждать борьбу в душе зрителя и окружать его напастьми со всех сторон, то как он может успокоиться

среди столь многих сетей? Где найдет убежище, не скажу — для того, чтобы не быть увлеченным насильно (от этого избавиться не очень трудно), но чтобы сохранить душу свою от возмущения нечистыми помыслами? Не говорю о почестях — причине бесчисленных зол. Почести, оказываемые женщинами, хотя и ослабляются силой целомудрия, однако часто и низвергают того, кто не научился постоянно бодрствовать против таких козней; а от почестей, оказываемых мужчинами, если кто будет принимать их не с великим равнодушием, тот впадает в две противоположные страсти — рабское угождение и безумное высокомерие, с одной стороны вынуждаясь унижаться пред льстецами своими, а с другой — воздаваемыми от них почестями надмеваясь пред низшими и низвергаясь в пропасть безумия. Об этом уже было сказано мной; а какой отсюда происходит вред, этого никто не может хорошо знать без собственного опыта. И не только этим, но и гораздо большим опасностям неизбежно подвергается обращающийся среди людей. А возлюбивший пустыню свободен от всего этого; если же иногда греховный помысел и представляет ему что-нибудь подобное, то представление бывает слабо и скоро может погаснуть, потому что зрение не доставляет извне пищи для пламени. Монах боится только за се-

бя одного, если же и вынуждается заботиться о других, то о весьма немногих; а хотя бы их было и много, однако число их всегда менее принадлежащих к церквам и заботы о них гораздо легче для настоятеля, не только по малочисленности их, но и потому, что все они свободны от мирских дел и не имеют надобности печься ни о детях, ни о жене, ни о другом чем-либо подобном. А это делает их весьма послушными настоятелям и позволяет им иметь общее жилище, где погрешности их тщательно могут быть замечаемы и исправляемы; такой постоянный надзор наставников немало способствует к преуспеянию в добродетели.

4. Напротив, большая часть из подведомых священнику стеснена житейскими заботами, которые делают их менее расположенными к делам духовным. Поэтому учитель должен, так сказать, сеять ежедневно, чтобы слово учения по крайней мере непрерывностью своей могло укрепиться в слушателях. Чрезмерное богатство, величие власти, беспечность, происходящая от роскоши, и, кроме того, многое другое подавляет посеянные семена; а часто густота этих терний не допускает пасть семенам даже на поверхность почвы. С другой стороны, чрезмерная скорбь, нужды бедности, непрестанные огорчения и другие причины, противоположные

вышесказанным, препятствуют заниматься Божественными предметами; что же касается до грехов, то и малейшая часть их не может быть известна священнику; как он может знать их, когда большей части людей он и в лице не знает? Такие неудобства сопряжены с обязанностями его в отношении к народу; если же кто рассмотрит обязанности его в отношении к Богу, то найдет, что те обязанности ничтожны: столь большей и тщательнейшей ревности требуют эти последние. Тот, кто молится за весь город, — что я говорю за город? — за всю вселенную и умилоствует Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших, тот каким сам должен быть? Даже дерзновение Моисея и Илии я почитаю недостаточным для такой молитвы. Он так приступает к Богу, как бы ему вверен был весь мир и сам он был отцом всех, прося и умоляя о прекращении повсюду войн и усмирении мятежей, о мире и благоденствии, о скором избавлении от всех тяготеющих над каждым бедствий частных и общественных. Посему он сам должен столько во всем превосходить всех, за кого он молится, сколько предстоятелю следует превосходить находящихся под его покровительством. А когда он призывает Святого Духа и совершает страшную жертву и часто прикасается к общему всем Владыке, тогда, скажи мне, с кем наряду мы поставим его? Какой по-

требуем от него чистоты и какого благочестия? Подумай, какими должны быть руки, совершающие эту службу, каким должен быть язык, произносящий такие слова, кого чище и святее должна быть душа, приемлющая такую благодать Духа? Тогда и Ангелы предстоят священнику, и целый сонм Небесных Сил взывает, и место вокруг жертвенника наполняется ими в честь Возлежащего на нем. В этом достаточно удостоверяют самые действия, совершаемые тогда. Я некогда слышал такой рассказ одного человека: некоторый пресвитер, муж дивный и неоднократно видевший откровения, говорил ему, что он некогда был удостоен такого видения, именно во время службы вдруг увидел, сколько то было ему возможно, множество Ангелов, одетых в светлые одежды, окружавших жертвенник и поникших главами подобно воинам, стоявшим в присутствии царя. И я верю этому. Также некто другой рассказывал мне, не от другого узнавши, но удостоившись сам видеть и слышать, что готовящихся отойти отсюда, если они причастятся Тайн с чистой совестью, при последнем дыхании окружают Ангелы и провождают их отсюда ради принятых ими Тайн. А ты не трепещешь, привлекая мою душу к столь священному Таинству и возводя в священническое достоинство одетого в нечистые одежды, какого Христос изгнал из общества прочих

собеседников (ср.: Мф 22, 11–13)? Душа священника должна сиять подобно свету, озаряющему все-ленную; а мою душу окружает такой мрак от нечистой совести, что она, всегда погруженная во мрак, не может никогда с дерзновением воззреть на своего Владыку. Священники — *соль земли* (Мф 5, 13); а мое неразумие и неопытность во всем может ли кто легко перенести, кроме тебя, привыкшего чрезмерно любить меня? Священник должен быть не только чист так, как удостоившийся столь великого служения, но и весьма благоразумен и опытен во многом, знать все житейское не менее обращающихся в мире и быть свободным от всего более монахов, живущих в горах. Так как ему нужно обращаться с мужами, имеющими жен, воспитывающими детей, владеющими слугами, окруженными большим богатством, исполняющими общественные дела и облеченными властью, то он должен быть многосторонним; говорю — многосторонним, но не лукавым, не льстецом, не лицемером, но исполненным великой свободы и смелости и, однако, умеющим и уступать с пользой, когда потребует этого положение дел, быть кротким и вместе строгим. Нельзя со всеми подвластными обращаться одинаковым образом, так же как врачам нельзя лечить всех больных одним способом и кормчему — знать одно только средство

для борьбы с ветрами. И корабль Церкви волнуют постоянные бури; эти бури не только вторгаются извне, но зарождаются и внутри и требуют от священника великой внимательности и тщательности.

5. Все эти разнообразные действия направляются к одной цели — к славе Божией, к созиданию Церкви. Велик подвиг и велик труд монахов. Но если кто сравнит труды их со священством, хорошо исправляемым, тот найдет между ними такое различие, какое между простолудником и царем. У тех хотя и велик труд, но в подвиге участвуют и душа и тело, или, лучше сказать, большая часть его совершается посредством тела; и если оно не будет крепко, то ревность и остается только ревностью, не имея возможности выразиться на деле. Напряженный пост, возлежание на земле, бодрствование, неумовение, тяжелый труд и прочее, способствующее изнурению тела, — все это оставляется, если не крепко тело, подлежащее измождению. А здесь — чистая деятельность души и нет нужды в здоровом теле, чтобы проявить ее добродетель. Содействует ли нам крепость телесная в том, чтобы не быть гордыми, гневливыми, дерзкими, а быть трезвенными, целомудренными, скромными и иметь все прочие качества, который блаженный Павел исчислил при изображении превосходного

священника (см.: 1 Тим 3, 2)? Но этого нельзя сказать о добродетели монашествующего. Как представляющим зрелища нужны многие орудия — колеса, веревки и мечи, — а у философа вся деятельность заключается в душе его, так что он не нуждается ни в чем внешнем, так и здесь. Монахи имеют нужду в благосостоянии телесном и в местах, удобных для жительства, чтобы не быть очень удаленными от общения с людьми и иметь тишину пустыни, а также не лишаться и благорастворенного воздуха, потому что для изнуряющего себя постами нет ничего вреднее, как неблагоприятность воздуха.

6. Я не стану теперь говорить о том, сколько они принуждены бывают иметь забот о приготовлении одежд и пропитания, стараясь делать все сами для себя. А священник не имеет нужды ни в чем этом для своего употребления, но живет без забот о себе и в общении (с пасомыми) во всем, что не приносит вреда, слагая все познания в сокровищнице своей души. Если же кто станет превозносить уединение внутри самого себя и удаление от общения с народом то хотя и сам я назвал бы это знаком терпения, но это не служит достаточным доказательством полного душевного мужества. Управляющий рулем внутри пристани еще не представляет точного доказательства своего искусства; но то-

го, кто среди моря и во время бури мог спасти корабль, никто не может не назвать превосходным кормчим.

7. Итак, мы не должны чрезмерно удивляться тому, что монах, пребывая в уединении с самим собой, не возмущается и не совершает многих и тяжких грехов; он удален от всего, раздражающего и возмущающего душу. Но если посвятивший себя на служение целому народу и обязанный нести грехи многих остается непоколебимым и твердым, в бурное время управляя душой как бы во время тишины, то он по справедливости достоин рукоплесканий и удивления всех, потому что он представил ясное доказательство своего мужества. Посему и ты не удивляйся тому, что я, избегая площади и общения с людьми, не имею против себя многих обвинителей; и не следовало удивляться, если я во время сна не грешил, не ратоборствуя не падал, не сражаясь не был ранен. Кто же, скажи, кто станет обличать и открывать мою порочность? Эта кровля и эта келья? Но они не могут говорить. Мать, которая более всех знает мои качества? Но с ней особенно у меня нет ничего общего и никогда у нас не было распри. А если бы это и случилось, то нет никакой матери столь жестокой и нечелюбивой, которая бы без всякой побудительной причины и без всякого принуждения стала

хулить и позорить пред всеми того, кого носила, родила и воспитала. Если бы кто захотел тщательно испытать мою душу, то нашел бы в ней много слабостей, как знаешь и сам ты, привыкший больше всех превозносить меня похвалами пред всеми. Что я говорю это не по скромности, припомни, сколько раз я говорил тебе, — когда у нас бывала речь об этом, — что если бы кто предложил мне на выбор: где я более желал бы заслужить доброе о себе мнение, в предстоятельстве ли церковном или в жизни монашеской, я тысячекратно избрал бы первое. Я никогда не переставал ублажать пред тобой тех, которые могли хорошо исправлять это служение; и никто не будет спорить, что я не убежал бы от того, что сам ублажал, если бы был способен исполнять это. Но что мне делать? Ничто так не бесполезно для предстоятельства церковного, как эта праздность и беспечность, которую иные называют каким-то дивным подвижничеством; а я нахожу в ней как бы завесу собственной негодности, прикрывая ею множество моих недостатков и не допуская их обнаружиться. Кто привык находиться в таком бездействии и жить в великом спокойствии, тот, хотя бы имел большие способности, от недеятельности тревожится и смущается и немалую часть собственной силы ослабляет, оставляя ее без упражне-

ния. А если он вместе с тем будет еще слаб умом и неопытен в красноречии и состязаниях, — в каком положении я и нахожусь, — то, приняв управление, он нисколько не будет отличаться от каменных (истуканов). Поэтому немногие из этого подвижничества переходят на подвиги священства; и из них большая часть оказываются неспособными, падают духом и испытывают неприятные и тяжелые последствия. И это нисколько не удивительно; если подвиги и упражнения неодинаковы, то подвижающийся в одних нисколько не отличается от не упражнявшихся в других подвигах. Выходящий на поприще священства в особенности должен презирать славу, преодолевать гнев, быть исполнен великого благоразумия. Но посвятившему себя иноческой жизни не представляется никакого повода к упражнению в этом. При нем нет людей, которые бы раздражали его, чтобы он привык укрощать силу гнева; нет людей, восхваляющих и рукоплещущих, чтобы он научился пренебрегать похвалами народа; не много заботы у них и о благоразумии, потребном в церковных делах. Посему, когда они приступают к подвигам, которых не испытывали, то недоумевают, затрудняются и приходят в замешательство и, кроме того что не преуспевают в добродетели, часто многие теряют и то, с чем пришли.

8. *Василий* сказал: Что же? Неужели поставлять на управление Церковью людей, обращающихся в мире, пекущихся о житейских делах, упражняющихся в распрях и ссорах, исполненных множества несправедливостей и привыкших к роскоши?

Златоуст. Успокойся, блаженный, сказал я. О таких и думать не должно при избрании священников; но о таких, кто, живя и обращаясь со всеми, мог бы более самих иноков соблюсти целыми и ненарушимыми чистоту, спокойствие, благочестие, терпение, трезвенность и прочие добрые качества, свойственные монахам. А кто имеет много слабостей, но в одиночестве может скрывать их и без общения с людьми оставлять их неприложимыми к делу, тот, выступив пред всеми, не достигнет ничего другого, кроме того что сделается смешным и подвергнется большей опасности; чего едва не потерпел и я, если бы провидение Божие скоро не отклонило этого огня от главы моей. Когда такой человек будет поставлен на виду, то он не может укрыться, но всегда обличается; как огонь испытывает металлические вещества, так и клир испытывает человеческие души и распознает, гневлив ли кто, или малодушен, или честолюбив, или горд, или имеет какой-либо другой порок, открывает и скоро обнаруживает все слабости, и не толь-

ко обнаруживает, но и делает их тягчайшими и упорнейшими. Как телесные раны, быв рас-
травляемы, делаются неудобоисцелимыми, так
и страсти душевные, быв возбуждаемы и раздра-
жаемы, обыкновенно более ожесточаются и при-
нуждают преданных им более грешить; человека
невнимательного к себе они склоняют к сла-
волюбию, к надменности и к корыстолюбию, во-
влекают в роскошь, расслабление и беспечность
и мало-помалу в дальнейшие рождающиеся от
них пороки. Среди людей много может осла-
бить ревность души и остановить ее стремление
к Богу, и прежде всего обращение с женщинами.
Нельзя предстоятелю, пасущему все стадо, печь-
ся об одной части его — о мужчинах, а другую
оставить в пренебрежении, то есть женщин, ко-
торые особенно нуждаются в большей заботли-
вости по причине удобопреклонности к грехам;
но принявший епископство должен заботиться
и об их здоровье, если не в большей, то в рав-
ной мере; обязан навещать их, когда они боль-
ны, утешать, когда скорбят, укорять предающих-
ся беспечности, помогать бедствующим. А при
исполнении этого лукавый найдет много путей
к нападению, если кто не оградит себя тщатель-
ным охранением. Взор не только неводержан-
ной, но и целомудренной женщины поража-
ет и смущает душу, ласки обольщают, почести

порабощают, и пламенная любовь — эта причина всех благ — делается причиной бесчисленных зол для тех, которые неправильно пользуются ею. Также и непрестанные заботы притупляют остроту ума и способного возноситься подобно птице делают тяжелее свинца; и гнев, овладевая душой, омрачает всю ее внутренность подобно дыму. Кто может исчислить прочие вредные действия — обиды, порицания, укоризны от высших и от низших, от разумных и от неразумных?

9. Особенно люди, неспособные к правому суждению, бывают взыскательны и не скоро принимают оправдание. Доброму предстоятелю нельзя презирать и этих людей, но должно отвечать на обвинения всех их с великой кротостью и с готовностью — лучше прощать им неразумные укоризны, нежели досадовать и гневаться. Если блаженный Павел, опасаясь со стороны учеников подозрения в хищении, допустил и других к распоряжению деньгами, — *чтобы нам не подвергнуться, говорит, от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению* (2 Кор 8, 20), — то не должны ли мы делать все, чтобы уничтожить худые подозрения, хотя бы они были ложны, хотя бы безрассудны и весьма несообразны с нашей славой? Ни от какого греха столько не далеки мы,

как Павел от хищения; и, однако, он, столь далекий от этого худого дела, не пренебрег подозрением народа, хотя весьма бессмысленным и безумным; ибо действительно безумно было подозревать в чем-либо подобном эту блаженную и дивную главу. Несмотря на то что это подозрение было так безрассудно и могло быть разве у какого-нибудь сумасшедшего человека, тем не менее Павел заранее устраняет причины его; он не презрел безрассудности народа и не сказал: кому может придти на мысль подозревать меня в этом, когда и чудеса и скромность жизни приобрели мне от всех уважение и удивление? Совершенно напротив, он предвидел и предполагал это дурное подозрение и вырвал его с корнем, или, лучше, не допустил появиться и началу его. Почему? Потому, что *стараемся о добром*, говорит он, *не только пред Господом, но и пред людьми* (2 Кор 8, 21). Столько и даже еще более надобно стараться о том, чтобы не только истреблять и останавливать возникающую худую молву, но и предвидеть издалека, откуда она могла бы произойти, наперед уничтожать причины, от которых она происходит, и не ждать, пока она составитя и распространится в устах народа, потому что тогда уже не легко истребить ее, но весьма трудно и, может быть, даже невозможно, и притом будет опасно, чтобы не произошел

вред для народа. Впрочем, доколе я не остановлюсь, преследуя недостижимое? Исчислять все здешние трудности значит не что иное, как измерять море. Если и тот, кто чист от всякой страсти, что, впрочем, невозможно, — неизбежно подвергается бесчисленным горестям для исправления погрешностей других, то при собственных слабостях, представь, какую бездну трудов и забот и какие страдания должен перенести желающий преодолеть и свои и чужие пороки!

10. *Василий* сказал: А ты теперь не подвизаешься в этих трудах и не имеешь забот, живя одиноким?

Златоуст. Имею и теперь, сказал я; — как можно человеку, проводящему эту многотрудную жизнь, быть свободным от забот и подвигов? Но не одно и то же пуститься в беспредельное море и переплывать реку; таково различие между теми и этими заботами. Если бы я мог быть полезным для других, я и сам теперь пожелал бы, и это было бы предметом моей усердной молитвы; а так как я не могу принести пользы другому, то удовольствуюсь тем, если по крайней мере успею спасти и исхитить из бури самого себя.

Василий сказал: Неужели ты считаешь это великим делом и вообще неужели думаешь спастись не быв полезным никому другому?

Златоуст. Хорошо и справедливо ты сказал, отвечал я; и сам я не верю, чтобы можно было спастись тому, кто ничего не делает для спасения ближнего. Несчастному рабу нисколько не помогло то, что он не уменьшил таланта, но погубило его то, что он не умножил и не принес вдвое больше (Мф 25, 24–30). Впрочем, я думаю, что мне будет более легкое наказание, когда буду обвиняем за то, почему я не спас других, нежели когда бы погубил и других и себя, сделавшись худшим по принятии такой почести. Я уверен, что теперь ожидает меня такое наказание, какого требует тяжесть грехов моих, а по принятии власти — не двойное и не тройное, но многократное за соблазн многих и за оскорбление Бога, удостоившего меня большей чести.

11. Поэтому и израильтян Бог весьма сильно обличал, показывая им, что они достойны большего наказания за грехи, совершенные после дарованных им от Него преимуществ. Иногда Он говорил: *только вас признал Я из всех племен земли, потому и взыщу с вас за все беззакония ваши* (Ам 3, 2), а иногда: *из сыновей ваших Я избирал в пророки и из юношей ваших — в назореи* (2, 11). И еще прежде пророков, при установлении жертв желая показать, что грехи священников подлежат гораздо большему наказанию, нежели грехи простолюдинов, Он повелевает

приносить за священника такую жертву, какая (была приносима) за весь народ (см.: Лев гл. 4). Этим он выражает не что иное, как то, что раны священника нуждаются в большей помощи и такой, в какой — раны всего вообще народа; а они не нуждались бы в большей помощи, если бы не были тягчайшими, тягчайшими же они бывают не по своей природе, но по достоинству священника, который совершает эти грехи. Но что я говорю о мужах, проходящих это служение? Дочери священников, которые не имеют никакого отношения к священству, по причине достоинства отцов своих за одни и те же грехи подвергаются гораздо строжайшему наказанию. Преступление бывает одинаково как у них, так и у дочерей простолюдинов, например любодеяние у тех и других, — но первые подвергаются наказанию гораздо тягчайшему, нежели последние (см.: Лев 21, 9; Втор 22, 20–21).

12. Видишь ли, с какой силой Бог внушает тебе, что начальник заслуживает гораздо большего наказания, нежели подчиненные? Наказывающий дочь священника более других дочерей за отца ее подвергнет не равному с другими наказанию того, кто бывает виновником такого увеличения наказаний ее, но гораздо большему, и весьма справедливо, потому что вред не ограничивается только самим начальником, но гу-

бит и души слабейших и взирающих на него людей. И пророк Иезекииль, желая внушить это, различает один от другого суды над овнами и над овцами (см.: Иез 34, 17). Ясно ли теперь для тебя, что я имел причины утрашиться? Прибавлю к сказанному следующее: хотя теперь мне нужно много трудиться, чтобы не одолели меня совершенно страсти душевные, однако я переношу этот труд и не убегаю от подвига. Так тщеславие и теперь овладевает мной, но я часто и вооружаюсь против него, и сознаю, что нахожусь в рабстве; а случается, что и укоряю поработившуюся душу. И теперь нападают на меня худые пожелания, но не столь сильный возжигают пламень, потому что глаза не могут получать извне вещества для этого огня; а чтобы кто-нибудь говорил худое, а я слушал говорящего, от этого я совершенно свободен, так как нет разговаривающих; стены же, конечно, не могут говорить. Равным образом нельзя избежать и гнева, хотя и нет при мне людей, которые бы осаждали. Часто воспоминание о непристойных людях и их поступках воспаляет мое сердце, но не вполне: я скоро укрощаю пламень его и успокаиваю его, убеждая, что весьма несообразно и крайне бедственно, оставив свои пороки, заниматься пороками ближних. Но вступив в народ и предавшись беспокойствам, я буду не в состоянии делать себе

таких увещаний и находить руководственные при этом помыслы; но как увлекаемые по скалам каким-нибудь потоком или чем-либо иным, хотя могут предвидеть гибель, к которой они несутся, а придумать какой-либо помощи для себя не могут, так и я, впадши в великую бурю страстей, хотя в состоянии буду видеть наказание, с каждым днем увеличивающееся для меня, но углубляться в себя, как теперь, и удерживать со всех сторон эти яростные порывы мне уже будет не так удобно, как прежде. У меня душа слабая и невеликая и легко доступная не только для этих страстей, но и худшей из всех — зависти и не умеет спокойно переносить ни оскорблений, ни почестей, но последние чрезвычайно надмевают ее, а первые приводят в уныние. Лютые звери, когда они здоровы и крепки, одолевают борющихся с ними, в особенности слабых и неопытных; а если кто изнурит их голодом, то и усмирит их ярость, и отнимет у них большую часть силы, так что и не весьма храбрый человек может вступить в бой и сражение с ними; так бывает и со страстями душевными: кто ослабляет их, тот делает их покорными здравому рассудку, а кто усердно питает их, тот готовит себе борьбу с ними труднейшую и делает их столь страшными для себя, что всю жизнь свою проводит в рабстве и страхе. А какая пища для этих зверей? Для тщеславия —

почести и похвалы, для гордости — власть и величие господства, для зависти — прославление ближних, для сребролюбия — щедрость дающих, для невоздержания — роскошь и частые встречи с женщинами и для других — другое. Все эти звери сильно нападут на меня, когда я выступлю на середину, и будут терзать душу мою и приводить меня в страх, и отражать их будет для меня весьма трудно. А когда я останусь здесь, то хотя тогда потребуются большие усилия, чтобы побороть их, однако они подчинятся по благодати Божией и до меня будет достигать только рев их. Поэтому я и остаюсь в этой келье недоступным, необщительным, нелюдимым и терпеливо слушаю множество других подобных порицаний, которые охотно желал бы отклонить, но, не имея возможности сделать это, сокрушаюсь и скорблю. Невозможно мне быть общительным и вместе оставаться в настоящей безопасности. Поэтому я и тебя прошу — лучше пожалеть, чем обвинять того, кто поставлен в такое затруднительное положение. Но я еще не убедил тебя. Посему уже время сказать тебе и то, что одно оставалось неоткрытым. Может быть, многим это покажется невероятным, но при всем том я не устыжусь открыть это. Хотя слова мои обнаружат худую совесть и множество грехов моих, но так как Всеведущий Бог будет судить меня

строго, то что еще может быть мне от незнания людей? Что же осталось неоткрытым? С того дня, в который ты сообщил мне об этом намерении (избрания в епископа), часто я был в опасности совершенно расслабеть телом, такой страх, такое уныние овладевали моей душой! Представляя себе славу Невесты Христовой, ее святость, духовную красоту, мудрость, благолепие и размышляя о своих слабостях, я не переставал оплакивать ее и называть себя несчастным, часто вздыхать и с недоумением говорить самому себе: кто это присоветовал? Чем столько согрешила Церковь Божия? Чем так прогневала Владыку своего, чтобы ей быть предоставленной мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению? Часто размышляя таким образом с самим собой и не могши перенести мысли о такой несообразности, я падал в изнеможении подобно расслабленным и ничего не мог ни видеть, ни слышать. Когда проходило такое оцепенение (иногда оно и прекращалось), то сменяли его слезы и уныние, а после продолжительных слез опять наступал страх, который смущал, расстраивал и потрясал мой ум. В такой буре я проводил прошедшее время; а ты не знал, думал, что я живу в тишине. Но теперь я открою тебе бурю души моей: может быть, ты за это простишь меня, прекратив обвинения. Как же, как

открою тебе это? Если бы ты захотел видеть ясно, то нужно бы обнажить тебе мое сердце; но так как это невозможно, то постараюсь, как могу, по крайней мере в некотором тусклом изображении представить тебе мрак моего уныния; а ты по этому изображению суди о самом унынии. Представим, что дочь царя, обладающего всей вселенной, сделалась невестой и что она отличается необыкновенной красотой, превышающей природу человеческую и много превосходящую всех женщин, и такой душевной добродетелью, что даже всех мужчин, бывших и имеющих быть, далеко оставляет позади себя, благодетельством своим превышает все требования любомудрия, а благообразием своего лица помрачает всякую красоту телесную; представим затем, что жених ее не только за это пылает любовью к этой девице, но и, кроме того, чувствует к ней нечто особенное и силой своей привязанности превосходит самых страстных из бывших когда-либо поклонников; потом (представим, что) этот пламенеющий любовью откуда-то услышал, что с дивной его возлюбленной намеревается вступить в брак кто-то из ничтожных и презренных людей, низкий по происхождению, и уродливый по телу, и негоднейший из всех. Довольно ли я выразил тебе скорбь мою? И нужно ли далее продолжать это изображение. Для выражения моего уныния,

я думаю, достаточно; для этого только я и привел этот пример; а чтобы показать тебе меру моего страха и изумления, перейду к другому изображению. Пусть будет войско, состоящее из пеших, конных и морских воинов; пусть множество кораблей покроет море, а отряды пехоты и конницы займут пространства полей и вершины гор; пусть блистает на солнце медное оружие, и лучи его пусть отражают свет от шлемов и щитов, а стук копий и ржание коней доносятся до самого неба; пусть не видно будет ни моря, ни земли, а повсюду медь и железо; пусть выстроятся против них и неприятели — люди дикие и неукротимые; пусть настанет уже и время сражения; потом пусть кто-нибудь, взяв отрока, воспитанного в деревне и не знающего ничего, кроме свирели и посоха, облечет его в медные доспехи, проведет по всему войску и покажет ему отряды с их начальниками, стрелков, пращников, полководцев, военачальников, тяжело вооруженных воинов, всадников, копьеносцев, корабли с их начальниками, посаженных там воинов и множество сложенных в кораблях орудий; пусть покажет ему и все ряды неприятелей, свирепые их лица, разнообразные снаряды и бесчисленное множество оружия, глубокие рвы, крутые утесы и недоступные горы, пусть покажет еще у неприятелей коней, как бы силой вол-

шебства летающих, и оруженосцев, как бы несущихся по воздуху, всю силу и все виды чародейства; пусть исчислит ему и ужасы войны — облака копий, тучи стрел, великую мглу, темноту и мрачайшую ночь, которую производит множество метаемых стрел, густотой своей затемняющих солнечные лучи, пыль, затемняющую глаза не менее мрака, потоки крови, стоны падающих, вопли стоящих, груды лежащих, колеса, обогранные кровью, коней, вместе с всадниками стремглав низвергающихся от множества лежащих трупов, землю, на которой все смешано — кровь, луки и стрелы, копыта лошадей и вместе с ними лежащие головы людей, рука и шея, голень и рассеченная грудь, мозги, приставшие к мечам, и изломанное острие стрелы, вонзившейся в глаз; пусть исчислит и бедствия морского сражения — корабли, то сжигаемые среди воды, то потопляемые с находящимися на них воинами, шум волн, крик корабельщиков, вопль воинов, пену, смешанную из волн и крови и ударяющуюся о корабли, — трупы, лежащие на палубах, утопающие, плывущие, выбрасываемые на берега, качающиеся в волнах и заграждающие путь кораблям; ясно показав ему ужасы воинские, пусть еще прибавит и бедствия плена, и рабство, тягчайшее всякой смерти, и, сказав все это, пусть прикажет ему тотчас сесть на коня и принять

начальство над всем этим войском. Думаешь ли ты, что этот отрок в состоянии будет даже выслушать такой рассказ, а не тотчас, с первого взгляда, испустит дух?

13. Не думай, что я словами преувеличиваю дело; (так кажется) потому, что мы, заключенные в теле, как бы в какой темнице, не можем видеть ничего невидимого; а ты не считай сказанного за преувеличение. Если бы ты мог когда-нибудь увидеть глазами своими мрачайшее ополчение и яростное нападение дьявола, то увидел бы гораздо большую и ужаснейшую битву, нежели изображаемая мной. Здесь не медь и железо, не кони, колесницы и колеса, не огонь и стрелы и не подобные видимые предметы, но другие снаряды, гораздо страшнейшие этих. Таким врагам не нужно ни панциря, ни щита, ни мечей и копий, но одного вида этого проклятого войска достаточно, чтобы поразить душу, если она не будет весьма мужественной и еще прежде своего мужества не будет укрепляема Промыслом Божиим. Если бы возможно было, сложив с себя это тело, или и с телом, чисто и без страха собственными глазами видеть все ополчение дьявола и его битву с нами, то ты увидел бы не потоки крови и мертвые тела, но такое избиение душ и такие тяжелые раны, что все изображение войны, которое я сейчас представил те-

бе, ты почел бы детской игрой и скорее забавой, нежели войной: так много поражаемых каждый день! И раны эти причиняют смерть не такую, какую раны телесные, но сколько душа различается от тела, столько же различается та и другая смерть. Когда душа получит рану и падет, то она не лежит бесчувственной подобно телу, но мучится здесь от угрызений злой совести, а по отшествии отсюда, во время Суда, предается вечному мучению. Если же кто не чувствует боли от ран, наносимых дьяволом, тот нечувствительностью своей навлекает на себя еще большее бедствие, потому что кто не пострадал от первой раны, тот скоро получает и вторую, а после второй и третью. Нечистый, видя душу человека беспечной и пренебрегающей прежними ранами, не перестает поражать его до последнего издыхания. Если хочешь узнать и способы его нападения, то увидишь, что они весьма сильны и разнообразны. Никто не знает столько видов обмана и коварства, сколько этот нечистый, чем он и приобретает большую силу; и никто не может иметь столь непримиримой вражды к самым злейшим врагам своим, какую имеет этот лукавый демон к человеческому роду. Если еще посмотреть на ревность, с какой он ведет борьбу, то в этом отношении смешно и сравнивать его с людьми; пусть кто-нибудь изберет самых лютых и свирепых

зверей и противопоставит его неистовству, тот найдет, что они весьма кротки и тихи в сравнении с ним; такою он дышит яростью против наших душ! Притом и время тамошнего сражения кратко, и при краткости его бывает много отдыхов. И наступившая ночь, и утомление от сражения, и время принятия пищи, и многое другое обыкновенно дает воину отдохновение, так что он может снять с себя оружие, несколько ободриться, оживиться пищей и питьем и другими многими средствами восстановить прежнюю силу. А в борьбе с лукавым никогда нельзя ни сложить оружия, ни предаться сну для того, кто желает всегда оставаться нераненным. Необходимо избрать одно из двух: или, сняв оружие, пасть и погибнуть, или всегда вооруженным стоять и бодрствовать. Этот враг всегда стоит со своим ополчением, наблюдая за нашей беспечностью и гораздо более заботясь о нашей гибели, нежели мы — о своем спасении. Особенно трудной борьбу с ним делает для непостоянно бодрствующих то, что он невидим нами и нападает внезапно (это наиболее причиняет множество зол). И ты желал, чтобы в этой войне я предводительствовал воинами Христовыми? Но это значило бы — предводительствовать для дьявола. Если обязанный распоряжаться и управлять другими будет неопытнее и слабее всех, то,

по неопытности предавая вверенных ему, он будет предводительствовать более для диавола, нежели для Христа. Но зачем вздыхаешь? Зачем плачешь? Не плача достойно то, что теперь случилось со мной, но веселья и радости.

Василий сказал: но не мое положение; напротив, оно достойно безмерных рыданий, потому что теперь едва я мог понять, в какие беды ты ввергнул меня. Я пришел к тебе узнать, что мне говорить в твоё оправдание обвинителям, а ты отпускаешь меня, наложив на меня новую заботу вместо прежней. Я не о том уже забочусь, что мне сказать им за тебя, но о том, как мне отвечать за себя и за свои грехи пред Богом? Но прошу и умоляю тебя: если ты имеешь какое-нибудь попечение обо мне, *если [есть] какое утешение во Христе, если [есть] какая отрада любви, если [есть] какое общение духа, если [есть] какое милосердие и сострадательность* (Флп 2, 1), (ибо ты знаешь, что сам ты более всех подверг меня этой опасности), подай руку помощи, говори и делай все, что может ободрить меня; не позволяй себе оставлять меня и на кратчайшее время, но устрой, чтобы мне вместе с тобой теперь еще дружнее, чем прежде, проводить жизнь.

Златоуст. На это я с улыбкой сказал: чем же я могу помочь, какую принести пользу тебе при таком бремени забот? Но если это тебе угодно,

не унывай, любезная глава. Время, в которое тебе можно будет отдохнуть от забот, я буду проводить с тобой, буду утешать и не опущу ничего, что будет по моим силам. При этом, заплакав еще более, он встал; а я, обняв его и поцеловав его голову, проводил его, увещевая мужественно переносить случившееся. Верю, говорил я, Христу, призвавшему тебя и предоставившему тебе овец Своих, что от этого служения ты приобретешь такое дерзновение, что и меня, находящегося в опасности, в тот день примешь в вечную свою обитель.

БЕСЕДЫ О ПОКАЯНИИ

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

о покаянии, по возвращении из села

1. **П**омнили ль вы о нас, когда мы в течение этого времени были в разлуке с вами? Я так никогда не мог забыть вас, но и оставив город, не оставил памяти о вас. Как любители красивых тел, куда бы ни пошли, везде носят с собою любимый образ, так и мы, возлюбив красоту вашей души, всегда носим с собою прекрасный образ вашего духа. И как живописцы, смешивая различные краски, делают изображения тел, так и мы, вашу ревность к собраниям, усердие к слушанию, благосклонность к проповеднику, и все другие добрые дела смешав, как бы различные краски добродетели, начертали образ вашей души и, поставив его пред очами ума, от созерцания его получали немалое утешение в разлуке с вами. И этим мы занимались

постоянно — и когда сидели дома и вставали, и когда ходили и отдыхали, и когда входили и выходили, всегда представляли себе вашу любовь. И этим созерцанием услаждались мы не только днем, но и ночью; с нами тогда было то же, о чем сказал Соломон: *я сплю, а сердце мое бодрствует* (Песн 5, 2); потребность сна смыкала наши вежды, но сила любви вашей пробуждала от сна очи души моей; и часто казалось мне, будто я во сне беседую с вами. И в самом деле, душа обыкновенно ночью представляет то, о чем размышляет днем; это же было тогда и с нами: и не видя нас плотскими глазами, я видел вас очами любви, и не бывши с вами телом, был с вами душою, а уши мои постоянно оглашались вашим воплем. Поэтому, хотя болезнь телесная и побуждала меня оставаться там (в селе) долее и пользоваться целительным для плотского здоровья воздухом, но сила любви вашей не позволяла этого, напротив, вопияла и не переставала докучать дотоле, пока не заставила меня встать еще раньше надлежащего времени и ваше сообщество поставить наравне и с здоровьем, и с наслаждением, и со всем, что только есть доброго. И мы, склонившись на ее убеждения, лучше захотели возвратиться с остатками болезни, чем, стараясь о совершенном исцелении от немощи телесной, опечаливать долее любовь вашу. Жи-

вя и там, я слышал ваши упреки, — частые письма доносили их до нас; и упрекающим я внимал не менее, чем хвалящим, потому что упреки те были выражением души, умеющей любить. Вот почему я встал и поспешно пришел; вот почему я никогда не мог выкинуть вас из своего ума! И что удивительного в том, что я, живя в селе и наслаждаясь свободой, помнил о вашей любви, когда Павел, обложенный узами, живя в темнице и видя бесчисленное множество грозивших ему опасностей, — и в темнице, как бы среди луга, помнил о братьях и писал им так: *как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования* (Флп 1, 7)? Снаружи цепь от врагов, а внутри цепь любви к ученикам; но наружная (цепь) скована из железа, а внутренняя составлена из любви; ту часто он и снимал, а этой никогда не разрывал. Напротив, как жены, испытавшие болезни рождения и сделавшиеся матерями, всегда привязаны бывают к своим детям, где бы они ни были, так, или еще гораздо крепче их, и Павел всегда привязан был к ученикам своим, и тем крепче, чем болезненнее духовное рождение плотского. В самом деле, и он был в муках рождения, и не однажды, но для одних и тех же дважды, и потому вопиял: *дети мои, для которых*

я снова в муках рождения (Гал 4, 19). Этого никогда не может испытать жена, никогда не вытерпит она в другой раз те же муки рождения; а Павел вытерпел то, чего нельзя видеть в природе, — он снова зачал тех, которых уже раз родил, снова перенес для них жестокие муки рождения. Поэтому, желая пристыдить их, он и говорил: *для которых я снова в муках рождения*, как бы так говоря: пощадите меня; никакой сын в другой раз не подвергал матерного чрева мукам рождения, а вы заставляете меня терпеть это. Притом те болезни мучат одно мгновение и прекращаются, коль скоро дитя выйдет из утробы матерней, а эти не так, напротив, продолжают даже по целым месяцам. Павел часто по целому году был в муках рождения и не мог родить зачатых им. Там труд плоти, а здесь болезни терзают не чрево, но поражают самую силу души. И чтобы увериться, что эти болезни (духовного рождения) тяжелее, (подумай), какая мать решилась когда-либо пойти в геенну за своих детей? А Павел не только решается пойти в геенну, но и желает отлучен быть от Христа, только бы ему родить иудеев, для которых он всегда и непрерывно был в муках рождения; и как это не сбывалось, то он с горестью говорил: *великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему* (Рим 9, 2). И здесь опять:

дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос! (Гал 4, 19). Что блаженнее той утробы, которая могла рождать таких детей, кои способны иметь в себе Христа? Что плодоноснее той, которая родила всю вселенную? Что сильнее той, которая родившихся и возросших недоносков могла снова зачать и преобразовать? Это в естественных родах невозможно. Но почему Павел не сказал: *дети мои, которых я снова рождаю, но для которых я снова в муках рождения*, — хотя в другом месте говорит о себе, что он рождает: *я родил вас во Христе Иисусе* (1 Кор 4, 15)? Потому, что там он хотел показать только сродство, а здесь старался выставить и труд. Как же он называет чадами тех, которые еще не родились? Если он болезнует, значит, еще не родил: как же называет чадами? Дабы ты знал, что он терпит уже не первые муки рождения, и этого довольно было, чтобы пристыдить их (галатян). Я, говорит, был уже раз отцом и перенес для вас, какие следовало, муки рождения; и вы раз сделались уже чадами: для чего же снова подвергаете меня вторичным мукам рождения: для чего же снова терзаете меня болезнями? В самом деле, падения верных причиняли ему не меньшую скорбь, чем и (грехи) еще не уверовавших: невыносимо тяжело было видеть, как они

(верующие), после участия в таких Таинствах, уклонялись в нечестие. Поэтому он весьма горько и жалобнее всякой жены плакал и говорил: *дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!* (Гал 4, 19). А это говорил он для того, чтобы в то же время и ободрить и устрашить (галатян). Показав, что Христос не вообразился в них, Павел поверг их в смущение и страх; а дав понять, что Он может вообразиться, — опять возбудил в них бодрость. Слова *доколе не изобразится* показывают и то, что (Христос) еще не вообразился, и то, что Он может снова вообразиться. Если бы это было невозможно, то (Павел) напрасно бы и говорил им: *доколе не изобразится в вас Христос*, — и льстил бы их суетными надеждами.

2. Итак, зная это, не станем и мы отчаиваться, но и не будем совершенно беспечны: то и другое пагубно. Отчаяние не позволяет встать лежащему, а от беспечности падает и стоящий; то обыкновенно лишает приобретенных благ, эта не позволяет избавиться от постигших зол. Нерадение низвергает и с самого неба, а отчаяние сводит в самую бездну зла, тогда как отсутствие отчаяния скоро изводит и оттуда. Вот, смотри на силу того и другого. Дьявол прежде был добр, но, сделавшись беспечным и отчаявшись, пал в такую злобу, что после уже и не восстал.

А что он был добр, — так послушай, что (Христос) говорит: *я видел сатану, спадшего с неба, как молнию* (Лк 10, 18). Сравнение с молнией показывает и светлость прежнего состояния, и быстроту падения. Павел был хулитель, и гонитель, и обидчик; но как возревновал и не предался отчаянию, то и восстал и сделался равным Ангелам. Напротив, Иуда был апостолом, но, предавшись беспечности, сделался предателем. Опять, разбойник, так как не отчаялся и после такой злой жизни, то прежде всех других вошел в рай; фарисей, по самонадеянности, упал с самого верха добродетели; мытарь, не поддавшись отчаянию, так исправился, что упредил и того (фарисея). Хочешь, покажу тебе и целый город, сделавший это? Так спасся целый город ниневитян. Хотя приговор повергал их в отчаяние, — так как (пророк) не сказал, что, если они покаются, то спасутся, но просто: *еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена!*¹ (Иона 3, 4), — однако же, несмотря на то что Бог угрожал, и пророк вопиял, и приговор не допускал ни отсрочки, ни ограничения, они не упали духом и не потеряли доброй надежды. Бог для того не сделал (в этом приговоре) ограничения и не сказал: если покаются,

¹ В славянском переводе, соответствующем греческому тексту, которым пользовался Златоуст: *еще три дни, и Ниневия превратится.*

то спасутся, чтобы и мы, когда услышим Божий приговор, произносимый без ограничения, тоже не отчаивались и не унывали, взирая на этот пример (ниневитян). Но человеколюбие Бога видно не из того только, что Он, хотя и не сделал ограничения в приговоре, однако же примирился с покаявшимися, а даже из того, что произнес безусловный приговор. Он сделал это, чтобы увеличить (в ниневитянах) страх и поразить великую их беспечность. Да и самое время покаяния показывает неизреченное Его человеколюбие: что такое могли значить три дня, чтобы загладить столь великие пороки? Не видишь ли, как и отсюда открывается Божия попечительность? Она-то преимущественно и содействовала спасению этого города.

Итак, зная это, не будем никогда отчаиваться, потому что нет ни одного столь сильного оружия у диавола, как отчаяние. И мы не так радуем его, когда грешим, как — когда отчаиваемся. Можешь видеть на блуднике, как Павел страшился отчаяния больше греха. Когда писал к коринфянам, он так говорил: *есть верный слух, что у вас [появилось] блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников* (1 Кор 5, 1). Не сказал: на каковое не решаются даже между язычниками, но *не слышно*, то есть что у них нетерпимо даже по имени, на то у вас

дерзнули самым делом. *И вы возгордились*. Не сказал: и он (блудник) возгордился; но, оставив согрешившего, обращается к здоровым, подобно тому как поступают врачи, которые, оставив больного, много говорят с родными его. С другой стороны, и сами (здоровые) были причиною гордости его, потому что не осуждали и не устрашали его. Поэтому Павел сделал вину общею, чтобы удобнее было лечение раны. Худо грешить, но гораздо хуже еще гордиться грехами. Если надмение праведностью уничтожает праведность, тем более надмение грехами причинит нам крайний вред и будет гораздо виновнее самих грехов. Поэтому (Господь) говорит: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие* (Лк 17, 10). Если же сотворившие все должны уничижать себя, тем более грешнику прилично и плакать, и считать себя между последними. На это именно указывая тогда, (апостол) говорил: *лучше плакать* (1 Кор 5, 2). Что говоришь? Другой согрешил, а я буду плакать? Да, говорит, потому что все мы связаны между собою наподобие тела и членов, а в теле мы видим, что если и нога получит рану, то склоняется голова. Что, кажется, почетнее головы? Но она не смотрит на (свое) достоинство во время несчастья; так и ты поступи. Поэтому и Павел увещевает: *радуйтесь с радующимися*

и плачете с плачущими (Рим 12, 15). Поэтому и коринфянам он говорит: *лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело* (1 Кор 5, 2). Не сказал: и вы не постарались, — но что? *Лучше плакать*, — как будто всеобщая болезнь и зараза постигла город. Как бы так говорит он: потребны молитва, и исповедь, и усердные моления, чтобы эта болезнь изгнана была из всего города. Видишь, какой навел на них страх? Они думали, что зло остановилось только на согрешившем, и потому апостол возбуждает в них беспокойство, говоря: *разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?* (1 Кор 5, 6). А это значит вот что: зло, распространяясь мало-помалу, касается и прочих членов; поэтому тебе нужно озаботиться, как подобает пекущемуся об общем бедствии. Не говори мне, что он согрешил один; посмотри на то, что этот грех есть некоторого рода яд и (от одного члена) распространяется по всему остальному телу. И как во время пожара и те, которые еще не пострадали от него, суется не менее подвергшихся уже этому несчастью и употребляют все усилия, чтобы огонь, распространяясь, не дошел и до их дверей, так и Павел возбуждает коринфян, говоря: пожар занялся; предупредим несчастье; погасим пожар, прежде чем он объял Церковь. Если же ты не обращаешь внимания на

грех, потому что он совершился в теле другого, то и в этом случае поступаешь весьма худо: ведь согрешивший есть член всего тела (Церкви).

3. Но смотри еще на то, что, если ты полениться и не обратишь внимания (на чужой грех), он когда-нибудь овладеет и тобою. Посему если не ради брата, то по крайней мере ради самого себя воспряни и останови заразу, не дай распространяться яду и прекрати губительный недуг. Итак, сказав это и больше этого и повелев предать грешника сатане, Павел после того, как (грешник) переменился и сделался лучше, говорит: *для такого довольно сего наказания от многих <...> И потому прошу вас оказать ему любовь* (2 Кор 2, 6; 8). Так как он всем представил его как общего врага и неприятеля, отлучил от стада и отсекал от тела, то смотри, сколько употребляет теперь старания, чтобы снова сблизить и присоединить его. Не просто сказал: полюбите его, но — *прошу вас оказать ему любовь*, — то есть покажите любовь твердую и неизменную, жаркую, горячую и пламенную; покажите благосклонность, равносильную прежней вражде. Что случилось, скажи мне? Не сатане ли ты предал его? Да, говорит; только не для того, чтобы он оставался в руках сатаны, но чтобы скорее избавился из-под власти его. Смотри же, сколько Павел, как я сказал, боялся отчаяния,

как сильного оружия дьявола. Сказавши: *прошу вас оказать ему любовь*, — присовокупляет и причину: *дабы он не был поглощен чрезмерною печалью* (2 Кор 2, 7). Овца, говорит, в пасти волка: поспешим же, исхитим ее, пока (волк) не поглотил и не погубил нашего члена. Корабль обуревается волнами: постараемся спасти его, пока не потонул. Как ладья тонет, когда море вздымается и волны восстают со всех сторон, так и душа, когда отовсюду обнимает ее печаль, скоро гибнет, если никто не подаст ей помощи; и спасительная печаль о грехах от неумеренности становится гибельною. И смотри, какая точность в словах. Не сказал: да не погубит его дьявол, но что? *Чтобы не сделал нам ущерб сатана* (2 Кор 2, 11); а здесь слово «ущерб» значит похищение чужого. Итак, показав, что согрешивший чрез покаяние сделался уже чужим для дьявола и своим в стаде Христовом, Павел говорит: *чтобы не сделал нам ущерб сатана*, — потому что, если сатана и после этого будет удерживать его, то он похищает уже наш член, берет овцу из нашего стада, так как тот уже сложил с себя грех чрез покаяние.

Так Павел, зная, что сделал дьявол с Иудою, боялся, чтобы и здесь не случилось то же самое. Что же сделал (дьявол) с Иудою? Иуда раскаялся: *согрешил я*, говорит, *предав кровь невинную* (Мф 27, 4). Услышал эти слова дьявол; понял, что

Иуда вступает на путь к лучшему и идет к спасению, — и утрашился такой перемены. Человеколюбив, говорит, у него Господь: когда хотел (Иуда) предать Его, Он плакал о нем и многократно вразумлял его: не гораздо ли более примет его кающегося? Когда он был неисправим, и тогда влек и звал его к Себе: не гораздо ли более привлечет к Себе исправившегося и познавшего свой грех? Для этого-то Он пришел и на распятие. Что же (дьявол) сделал? Смутил Иуду, омрачил чрезмерностью печали, гнал, преследовал, пока не довел до петли, пока не вывел из настоящей жизни и не лишил намерения покаяться. А что спасся бы и Иуда, если бы остался жив, это видно из примера распинателей. Если (Господь) спас вознесших Его на крест и на самом кресте умолял Отца и просил им прощения в грехе, то явно, что Он со всем благоволением принял бы и предателя, если б этот принес надлежащее покаяние; но он не в состоянии был воспользоваться сим врачевством, быв поглощен чрезмерною скорбью. Этого-то именно опасаясь, Павел понуждает коринфян исхитить того человека из челюстей дьявола. И зачем говорить о том, что было у коринфян? Петр трижды отрекся после участия в Таинствах, но слезами загладил все. Павел был гонитель, богохульник и обидчик, гнал не только Распятого, а также и всех последователей Его;

но — раскаялся и стал апостолом. Бог требует от нас только малого повода и дарует нам отпущение многих грехов. Скажу вам и притчу, которая служит подтверждением этого.

4. Были два брата; они разделили между собою отеческое имение, и один из них остался дома, а другой прожил все, что было ему дано, и ушел в чужую сторону, не в состоянии будучи переносить стыда от бедности. Эту притчу нашел я нужным сказать для того, чтобы вы знали, что отпускаются и грехи, сделанные после крещения, — если мы будем внимательны. А это говорю не для того, чтобы вовлечь вас в беспечность, но чтобы отвлечь от отчаяния, потому что отчаяние причиняет нам больше зла, нежели беспечность. Итак, этот (блудный) сын представляет собою образ падших после крещения; а что он означает падших после крещения, видно вот откуда: он называется сыном, а сыном никто не может называться без крещения. Он и жил в доме отеческом, и получил долю во всем отеческом имуществе, а прежде крещения нельзя воспользоваться отеческим достоянием, ни получить наследство. Таким образом, все это указывает нам на общество верных. Притом (блудный сын) был братом жившего честно, а братом не мог быть без духовного возрождения. Итак, этот (блудный сын), дойдя до крайней степени порока, что говорит?

Возвращусь опять к *отцу моему* (Лк 15, 18). Отец для того и отпустил его и не помешал ему уйти на чужую сторону, чтобы он опытом узнал, сколько получал благодеяний живя дома. И Бог часто, когда не убедит словами, дает урок самими делами, — об этом Он говорил к иудеям. Так Он, когда, потратив чрез пророков множество слов, не убедил и не склонил (их), то, определив дать им урок наказанием, говорит к ним: *накажет тебя нечестие твое, и отступничество твое обличит тебя* (Иер 2, 19). Следовало бы верить Ему и прежде самого события, но как они были столько бесчувственны, что не верили Его увещаниям и советам, коими Он предотвращает их от порока, то Он уже попускает самим событиям вразумить их, дабы хотя таким образом снова привлечь их к Себе. Когда же блудный сын, ушедши на чужую сторону и дознавши опытом, как губительно удаление из дома отеческого, возвратился, — отец не позлопамятствовал, но принял его с распростертыми руками. Отчего же так? Оттого, что он был отец, а не судья. И вот уже ликования, и пиршества, и праздники и светел и радостен стал весь дом! Что говоришь? Это ли плата за порок? Не за порок, человек, но за возвращение (в дом); не за грех, но за покаяние; не за худые дела, но за исправление. И что еще больше, — когда старший сын огорчился этим, отец и его ласково

успокоил, говоря: *ты всегда со мною, а сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся* (Лк 15, 31–32). Когда, говорит, нужно спасти погибшего, то тут время не суда и строгого исследования, но только человеколюбия и прощения. Ни один врач вместо того, чтобы дать лекарство больному, не подвергает его взысканиям и наказанию за беспорядочную жизнь. Если же блудному сыну надлежало непременно понести и наказание, то достаточным наказанием для него была жизнь на чужой стороне. Ведь столько времени он провел вдали от нашего сообщества, боролся и с голодом, и с унижением, и с крайними бедствиями. Поэтому говорит: *был мертв и ожил, пропадал и нашелся*. Не смотри, говорит, на настоящее, но подумай о великости прежнего несчастья; пред тобою брат, не чужой. Он возвратился к отцу, который не может помнить прежнего, а охотнее помнит только то, что может побудить к состраданию, милосердию, любви и снисходительности, свойственной родителям. Поэтому и сказал (отец) не о том, что сделал (блудный сын), но о том, что он потерпел; напомнил не о том, что он истратил имущество, но о том, что перенес множество несчастий. С такою же или еще с большею ревностью искал он овцу. Здесь сын сам возвратился, а там сам пастырь пошел и, найдя овцу, привел ее и радовался о ней больше,

чем о всех, возвратившихся благополучно. Смотри еще, как и возвратил: не бичом погонял, но, возложив на плечи, принес и снова соединил с стадом. Итак, зная, что (Бог) не только не отвращается от обращающихся, но и принимает их не хуже добродетельных, что не только не подвергает наказанию, но и Сам идет отыскивать заблудших и, найдя их, радуется (о них) более, чем о тех, которые были в безопасности, — не будем ни отчаиваться о грехах, ни излишне надеяться на добрые дела, но и живя добродетельно, будем бояться, чтобы от излишней надежды не пасть, а когда согрешим, станем каяться. Что сказал я вначале, то говорю и теперь, а именно, что и излишняя надежда стоящего, и отчаяние лежащего, то и другое губительно для нашего спасения. Потому Павел, остерегая стоящих, говорил: *по-сему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор 10, 12); и опять: *боюсь, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1 Кор 9, 27); а восстанавливая лежащих и побуждая к большей ревности, писал к коринфянам так: *[чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покались* (2 Кор 12, 21), показывая этим, что слез достойны не столько согрешающие, сколько не раскаивающиеся во грехах. Да и пророк к ним (грешникам) говорит: *разве, упав, не встанут и, совратившись*

с дороги, не возвращаются? (Иер 8, 4). И Давид их же убеждает, говоря: *днесъ аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших, яко в прогневании* (Пс 94, 8). Итак, доколе говорится это *днесъ*, не будем отчаиваться, но имея благие надежды на Господа и помышляя о бездне Его человеколюбия, изгнав из совести все злое, с великим усердием и надеждою возьмемся за добродетель и покажем самое глубокое покаяние, дабы, здесь сложив все грехи, с дерзновением могли мы стать пред судилищем Христовым и получить Царство Небесное, которого да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ

БЕСЕДА ВТОРАЯ

о покаянии и о печали царя Ахава,
а также и о пророке Ионе

1. **В**идели вы в прошедший воскресный день брань и победу — брань дьявола, а победу Христа? Видели, как покаяние бы-

ло похваляемо и диавол не снес поражения, но убоялся и вострепетал? Отчего ты боишься, диавол, когда покаяние похваляется? Отчего скорбишь? Отчего трепещешь? Да, говорит, не напрасно я скорблю и сокрушаюсь: дорогие мои сосуды похитило это покаяние. Какие же сосуды? Блудницу, мытаря, разбойника, хулителя. И подлинно, много сосудов похитило у него покаяние, разрушило и самую его твердыню, нанесло ему смертельный удар. Это можешь ты узнать, возлюбленный, из того, что недавно показал опыт. Но отчего же мы не любим собираться сюда и не приходим каждый день в церковь для покаяния? Ты грешник? Приди в церковь, чтобы исповедать грехи твои. Ты праведник? Приди, чтобы не потерять праведности: церковь есть пристань для того и другого.

Ты грешник? Не отчаивайся, но приди, принеси покаяние. Ты согрешил? Скажи Богу: я согрешил. Какой тут труд? Какое обременение? Какая скорбь? Какая тягость — сказать слово: я согрешил? Если сам ты не назовешь себя грешником, то разве не будешь обвинен диаволом? Предупреди же и лиши его этой чести; а его честь состоит в том, чтобы обвинять. Почему же не предупреждаешь его, и не исповедуешь греха, и не изглаждаешь преступления, когда знаешь, что есть против тебя такой обвинитель, который не

может умолчать? Ты согрешил? Приди в церковь, скажи Богу: я согрешил. Ничего другого я от тебя не требую, кроме одного этого. Божественное Писание говорит: *говори ты*, сказано, беззаконии твои прежде¹, *чтоб оправдаться* (Ис 43, 26): скажи грех, чтобы разрешить грех. Для этого не нужны ни труд, ни многословие, ни денежная издержка, ни что другое подобное: произнеси слово, откройся в грехе и скажи: я согрешил. Но откуда известно, скажет кто-нибудь, что если я первый скажу грех, то разрешу грех? В Писании есть пример и такого человека, который исповедал грех — и загладил его, и такого, который не исповедал — и был осужден. Каин умертвил брата своего Авеля из зависти, — убийство было следствием зависти; он убил его, взяв его с собою в поле. И что же говорит ему Бог? *Где Авель, брат твой?* (Быт 4, 9). Тот, Кто знает все, спрашивает не по неведению, но чтобы привлечь убийцу к покаянию. А что Он спрашивал не по неведению, это доказал сам вопросом: *где Авель, брат твой?* Каин же отвечал: *не знаю; разве я сторож брату моему?* (ст. 9). Пусть так, ты не страж: для чего же убийца? Ты не оберегал: для чего же умертвил? Но ты признаешься в том, (что не был сторожем брату)? Ты должен бы и беречь его. Что же Бог

¹ В синодальном переводе этих слов нет.

к нему? *Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли* (ст. 10). Тотчас обличил его и наложил на него наказание, не столько за убийство, сколько за бесстыдство, потому что Бог ненавидит не столько согрешающего, сколько бесстыдного. И когда Каин раскаивался, (Бог) не принял его, без сомнения, потому, что он не первый исповедал свой грех. Что говорит (Каин)? *Наказание мое больше, нежели снести можно* (ст. 13); как бы так сказал: тяжело я согрешил, недостойн и наслаждаться жизнью. Что же к нему Бог? *Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле*¹ (ст. 12); таким образом определил ему страшное и тяжелое наказание. Не лишаю, говорит, тебя жизни, дабы истина не была предана забвению, но делаю из тебя закон, который бы могли все читать, чтобы твое бедствие стало матерью любомудрия. И Каин ходил всюду, как живой закон, как столп движущийся, — безмолвный и, однако же, издававший голос звучнее всякой трубы. Никто не делай, говорил он, того же, что я сделал, дабы не потерпеть того же, что я терплю. Он подвергся наказанию за бесстыдство; осужден за грех, потому что не сам исповедал

¹ В славянском переводе, соответствующем греческому тексту, которым пользовался Златоуст: *стения и трясыйся будещи на земли*.

его, но был обличен в нем. А если бы он сам первый сказал свой грех, то загладил бы его.

2. Но чтобы убедиться тебе, что это действительно так, посмотри, как некто другой, первым исповедав грех, загладил его. Обратимся к Давиду, пророку и царю. Впрочем, я охотнее называю его по пророчеству, так как царство его простиралось на Палестину, а пророчество — до пределов вселенной; царство разрушилось в короткое время, а пророчество приносит вечные глаголы. Лучше пусть солнце померкнет, чем слова Давида предадутся забвению. Он впал в прелюбодеяние и убийство. Он увидел, говорит Писание (см.: 2 Цар 11, 2), моющуюся красивую женщину и возгорел к ней любовью; потом свои помыслы привел в исполнение. И вот пророк в прелюбодеянии, драгоценный перл — в грязи. Но он еще не сознавал, что согрешил, так был усыплен страстью! Когда правящий колесницею нетрезв, то и колесница несется беспорядочно; а колесница и правящий ею то же, что наше тело и душа. Если душа омрачена, то и тело погрязает в нечистоте. Доколе правящий колесницею стоит твердо, дотолé и колесница бежит хорошо; но когда он теряет силы и не может править вожжами, тогда и самая колесница является в самом худом положении. Так бывает и с человеком. Доколе душа трезва и бодра, дотолé и само тело пребывает

в чистоте; а когда душа омрачена, тогда и само тело погрязает в нечистоте и сладострастии. Что же Давид? Совершил прелюбодеяние, но не сознавал этого и ни от кого не был обличаем. Притом (совершил это) в глубокой старости, дабы знал ты, что если будешь беспечен, то и старость не принесет тебе пользы, и наоборот, если будешь рачителен, то и юность не может повредить тебе. Не от возраста добрые нравы, но от душевного расположения добрые дела. Вот Даниил был только двенадцати лет — и судил; а старцы были преклонных лет — и замыслили прелюбодеяние (см.: Дан 13); и как последним не принесла пользы старость, так первому не повредила юность. И чтобы ты узнал, что дела целомудрия зависят не от возраста, но от душевного расположения, вот Давид, уже в старости, впал в прелюбодеяние, совершил убийство и был в таком состоянии, что и сам не знал, что он согрешил, так как управитель — ум был упоен невоздержанием. Что же Бог? Посылает к нему Нафана пророка. Пророк приходит к пророку. Так бывает и с врачами: когда врач делается болен, тогда нуждается он в другом враче. То же самое и здесь. Пророк согрешил, пророк же принес и врачевство. Итак, приходит к нему Нафан и не сейчас, как переступил порог, обличает его, не говорит: беззаконник, непотребный, прелюбодей и убийца! Столько почестей получил

ты от Бога — и попрал заповеди Его! Ничего такого не сказал Нафан, дабы не сделать его бесстыдным, потому что оглашение грехов вызывает согрешившего на бесстыдство. Итак, Нафан приходит к Давиду и сплетает рассказ о тяжёбом деле. Что же говорит? Царь, у меня есть к тебе жалоба. Был человек богатый, и был другой, бедный. У богатого были стада и много волов; а бедный имел только одну агницу, которая пила из его чаши, ела от стола его и спала на груди у него. Здесь (пророк) указывает на любовь мужа к жене. Но пришел к богатому один гость, и он пожалел своего, и взял овцу бедного, и заколол ее (см.: 2 Цар 12, 1–4). Видишь, как Нафан здесь сплетает рассказ, скрывая нож под губкою? Что же царь? Думая, что осуждает другого, он тотчас же произнес приговор. Таковы люди! Против других они охотно и быстро составляют и произносят приговоры. И что же говорит Давид? *Жив Господь! Достоин смерти таковой человек; <...> и за овечку он должен заплатить вчетверо* (ст. 5–6). А что Нафан? Он не стал долго смягчать рану, но тотчас открывает ее и весьма быстро разрезывает, чтобы не уменьшить чувства боли. «Это ты, царь». Что же говорит царь? *Согрешил я пред Господом*. Не сказал: кто ты такой, что обличаешь меня? Кто послал тебя так смело говорить? Как ты дерзнул сделать это? Ничего такого не сказал, но сознал

грех и сказал: *согрешил я пред Господом*. Что же Нафан к нему? *И Господь снял [с тебя] грех твой* (ст. 13). Ты сам осудил себя, я освобождаю тебя от осуждения; ты принес искреннее признание — и загладил грех; ты сам подверг себя осуждению, я уничтожил приговор. Видишь, как исполнилось слово Писания: *говори ты*, сказано, беззаконии твои прежде, *чтоб оправдаться*? Какой это труд — сказать первому свой грех?

3. Но есть и другой путь покаяния. Какой же это? Оплакивание греха. Ты согрешил? Плачь — и изгладишь грех. Какой это труд? Ничего больше не требую от тебя, кроме плача о грехе. Не приказываю тебе ни рассекать моря, ни входить в пристани, ни путешествовать, ни отправляться в дальний путь, ни тратить деньги, ни вверять себя бурным волнам, — но что? Поплачь о грехе. Но откуда, скажешь, известно, что если буду плакать, то уничтожу грех? Есть для тебя и на это доказательство в Божественном Писании. Был некто Ахав, царь. Сам он, говорится, был справедлив, но из-за Иезавели, жены своей, царствовал худо. Он пожелал иметь виноградник одного израильтянина, Навуфея, и послал к нему сказать: отдай мне твой виноградник, который мне захотелось иметь, и возьми от меня или деньги, или другое место. Тот отвечал: не дай Бог, чтобы я продал тебе наследие отцов моих. Ахав, хоть

и желал иметь виноградник (Навуфея), однако же не хотел взять его силою, так что от этого впал в болезнь. Но вот приходит к нему Иезавель, женщина бесстыдная и бессовестная, распутная и непотребная, и говорит: что ты печалишься и не ешь? Встань и ешь; я сделаю, что ты получишь виноградник Навуфея израильтянина. И вот пишет от лица царя к старейшинам письмо такого содержания: объявите пост и поставьте лжесвидетелей против Навуфея, (которые бы показали), что он (не) благословил Бога и царя, то есть произнес хулу на них. О, пост, исполненный крайнего нечестия! Объявили пост, чтобы совершить убийство! Что же последовало? Навуфей побит был камнями и умер. А Иезавель, узнавши об этом, говорит Ахаву: встань, овладеем виноградником, потому что Навуфей умер. Ахав, хоть на время и опечалился, однако же пошел и овладел виноградником. Бог посылает к нему Илию пророка: поди, говорит, скажи Ахаву: за то, что ты убил (Навуфея) и овладел (виноградником его), прольется кровь твоя, и псы будут лизать кровь твою, и блудницы мыться в крови твоей. Гнев Божеский, приговор решительный, осуждение окончательное! И смотри, куда (Бог) посылает его (Илию)? В виноградник. Где беззаконие, там и наказание (3 Цар 21, 2–18). Что же далее? Увидев его (Илию), Ахав говорит: *нашел ты меня, враг мой!* (ст. 20); — это зна-

чит: ты застиг меня виновным, потому что я согрешил; теперь имеешь случай напасть на меня. *Нашел ты меня, враг мой!* Так как Илия всегда обличал Ахава, то Ахав, зная, что согрешил, говорит: ты и всегда меня обличал, но теперь благовременно наступаешь на меня; он признавал, что согрешил. В ответ на это (Илия) объявляет ему приговор. *Так говорит Господь, говорит он: поскольку ты убил, и еще вступаешь в наследство и пролил кровь мужа праведного, то прольется и твоя кровь, псы будут лизать и твою кровь* (ст. 19). Услышав сие, Ахав опечалился и плакал о грехе своем; он сознал беззаконие, и Бог отменил приговор, произнесенный на него. Впрочем, Бог наперед оправдал Себя пред Илиею, чтобы он не оказался лжецом и чтобы не случилось с ним того же, что случилось с Ионою. А вот что случилось с Ионою. Бог говорит ему: пойдя, возвести в городе Ниневии, где живет сто двадцать тысяч человек, исключая жен и детей: *еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена* (Иона 3, 4). Зная человеколюбие Божие, Иона не захотел пойти; но что делает? Предается бегству. Вот, говорит, я пойду проповедовать, а Ты, по Своему человеколюбию, отменишь Свой приговор, и убьют меня как лжепророка. Однако же море, приняв его, не скрыло, но возвратило земле и спасло для Ниневии, точно так, как добрая служанка сохраняет свою

сослужанку. *Встал Иона*, говорит Писание, *чтобы бежать <...> и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за провоз и вошел в него* (Иона 1, 3). Куда бежишь, Иона? В иную землю уходишь? Но *Господня земля, и исполнение ея* (Пс 23, 1). Или в море? Но разве не знаешь, что *Того есть море, и той сотвори е* (Пс 94, 5)? Или на небо? Но разве не слышал ты, что говорит Давид: *узрю небеса, дела перст твоих* (Пс 8, 4)? Но несмотря на это, он, объятый страхом, якобы убежал, потому что на самом деле невозможно убежать от Бога. Когда же море выбросило его, он пришел в Ниневию и проповедовал так: *Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена*. А что действительно он предался бегству, имея в мыслях то, что Бог по человеколюбию раскается о зле, которое определил ниневитянам, и что он явится лжепророком, это доказывает сам он. Проповедав в Ниневии, он вышел из города и наблюдал, что будет. Когда же увидел, что три дня прошли и нигде не случилось ничего, чем угрожал он, — возвращается к прежней своей мысли и говорит: *не это ли говорил я, когда еще был в стране моей? <...> ибо знал, что Ты Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии* (Иона 4, 2). Итак, чтобы не случилось того же с Илиею, что и с Ионою, Бог объявляет ему причину, по которой Он простил Ахава. Что же гово-

рит Бог Илии? *Видишь*, как ходил Ахав в скорби и печали пред лицом Моим? Не сделаю (поэтому) по нечестию его (см.: 3 Цар 21, 29). Чудное дело! Господь становится защитником раба, и Бог пред человеком ходатайствует за человека. Не думай, говорит, будто Я без причины простил его; он переменил свой нрав, и Я отменил и укротил гнев Мой. Но и ты не будешь сочтен за лжепророка; и ты сказал правду. Если бы он не изменил своего нрава, то потерпел бы, что назначено по приговору; но он переменил нрав, и Я укротил Свой гнев. И говорит Бог Илии: видел ли, как ходил Ахав в скорби и печали? Не сотворю по гневу Моему. Видишь ли, что плач заглаживает грехи?

4. Есть у тебя и третий путь покаяния. Я представляю тебе многие пути покаяния, чтобы чрез разнообразие путей сделать для тебя удобнее спасение. Какой же это третий путь? Смиреномудрие. Будь смиреномудр, и разрешишь узы греховные. И на это есть доказательство в Божественном Писании — в повествовании о мытаре и фарисее. Пришли, говорит Писание (см.: Лк 18, 10 и сл.), фарисей и мытарь в церковь помолиться, и начал фарисей вычислять свои добродетели. Я, говорит, не такой грешник, как все люди или как этот мытарь. Бедная и несчастная душа! Ты осудила всю вселенную: для чего же еще оскорбила и ближнего твоего? Мало было

бы тебе вселенной, если бы ты не осудила и мытаря? Поэтому ты обвинила всех и не пощадила даже и одного человека. «Я не таков, как все люди или как этот мытарь: дважды в неделю пощусь, даю бедным десятую часть моего имущества». Надменные слова произнес (фарисей)! Несчастный человек! Пусть ты осудил всю вселенную: для чего же уязвил и стоящего близ тебя мытаря? Ты не удовольствовался бы осуждением вселенной, если б не осудил и стоящего с тобою (мытаря)? Что же мытарь? Услышав это, он не сказал: ты кто таков, что говоришь это обо мне? Откуда знаешь жизнь мою? Ты не имел сношений, не жил со мною, не проводил много времени. Почему столько превозносишься? Кто свидетель твоих добрых дел? Зачем хвалишь сам себя? Зачем льстишь сам себе? Ничего такого не сказал мытарь, но, преклонившись, помолился и говорил: *Боже! будь милостив ко мне грешнику* (ст. 13)! Чрез такое смиренномудрие мытарь сделался праведным. Фарисей вышел из храма, потеряв праведность, а мытарь вышел, стяжав праведность, — и слова победили дела. Один делами погубил праведность, а другой словом смиренномудрия стяжал праведность. Впрочем, это и не было смиренномудрие. Смиренномудрие состоит в том, когда кто, будучи великим, уничижает себя; но признание мытаря было не сми-

ренномудрие, а сущая правда: слова его были справедливы, потому что он был грешник.

5. В самом деле, скажи мне, что хуже мытаря? Он пользуется чужими несчастьями, участвует в плодах чужих трудов; о трудах не помышляет, а в прибыли берет себе долю. Так, грех мытаря — самый тяжкий. Мытарь есть не что иное, как обезопасенное насилие, узаконенный грех, благовидное хищничество. Что хуже мытаря, который сидит при пути и собирает плоды чужих трудов, — который, когда надобно трудиться, несколько об этом не заботится, а когда предстоит выгода, берет часть из того, над чем не трудился? Если же мытарь, будучи грешником, получил столь великий дар за смиренномудрие, то не гораздо ли более (получит) человек добродетельный и смиренный? Итак, если ты исповедуешь грехи твои и покажешь смиренномудрие, то будешь оправдан. Но хочешь ли узнать, кто истинно смиренномудр? Посмотри на Павла, подлинно смиренномудрого, — на Павла, учителя вселенной, духовного витию, сосуд избранный, пристань необуреваемую, столп непоколебимый, — (на Павла), который в малом теле обошел вселенную и как бы на крыльях обтек ее. Посмотри, как он смиренно любомудрствует, он — простолюдин и мудрец, бедняк и богач. Его-то называю истинно смиренномудрым, — его, который

понес бесчисленные труды, одержал над диаволом бесчисленные победы, проповедует и говорит: *благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился* (1 Кор 15, 10). Он, потерпевший темничное заключение, удары и бичевания, уловивший посланиями вселенную, призванный небесным голосом, он-то смиренномудрствует, когда говорит: *ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом* (ст. 9). Видишь великость смиренномудрия? Видишь, как Павел смиренномудрствует, называя себя меньшим (из апостолов)? *Ибо я, говорит, наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом.* В том-то и состоит истинное смиренномудрие, чтобы смиряться во всем и называть себя меньшим. Подумай, кто был сказавший эти слова? Павел, гражданин небесный, хотя еще облеченный немощным телом, столп церкви, земной Ангел, человек небесный. Люблю останавливаться на этом муже и созерцать красоту его добродетели. Не столько радует мои очи взошедшее и испускающее светлые лучи солнце, сколько освещает мою душу Павел. Солнце озаряет глаза, а Павел как бы на крыльях возносит нас к самым сводам небес и возводит душу выше солнца и луны. Такова сила добродетели: человека она делает Ангелом и душу как бы на крыльях возносит к небу.

Этой добродетели учит нас Павел: постараемся соделаться ревнителями его добродетели. Но мы не должны уклоняться от своего предмета. Нашею целью было показать, что смиренному-
 дрие есть третий путь покаяния, что мытарь не смиренномудрствовал, но говорил правду, когда обнаруживал грехи свои; что стал он праведным, хотя и не тратил денег, не переплывал морей, не предпринимал дальних путешествий, не обтекал беспредельных морей, не упрашивал друзей и не потратил много времени. Нет, одним уничижением он стяжал праведность и удостоился Царствия Небесного, которое да получим мы все, по благодати и человеколюбию

Господа нашего Иисуса Христа, Которому
 слава и держава во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

О милостыне и о десяти девах

1. **З**наете ли, откуда у нас началось недавно слово и где кончилось, или с какого предмета и до какого доведена прежняя беседа? Вы, думаю, забыли, где у нас остановилось

слово; а я знаю и не виню вас в этом, не осуждаю. Каждый из вас имеет жену, печется о детях и заботится о делах домашних; одни заняты службою в войске, другие — ремесленники; словом: каждый из вас озабочен различными нуждами. А мы с этим (проповеданием) имеем дело, этим занимаемся и в этом проводим свое время. Стало быть, вас нельзя порицать за это¹, но должно хвалить за ревность, — за то, что вы ни в одно воскресенье не покидаете нас, но, оставляя все, приходите в церковь. Это-то и составляет величайшее украшение нашего города, — не шум его, не предместья, не позлащенные дома и столовые комнаты, но жители ревностные и бодрые. И добрую породу дерева мы узнаем не по листьям, но по плодам. Тем-то мы и отличаемся пред бессловесными животными, что имеем (дар) слова, изъясняемся словом и любим слово. Человек, не любящий слова, гораздо глупее скотов: он не знает, для чего он почтен (даром слова) и откуда получил такую честь. Хорошо сказал пророк: *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс 48, 13). Ты — человек, одаренный словом, и не любишь слова? Скажи же, какое будешь иметь извинение? Потому из всех вы для меня самые незаменимые, что, как

¹ То есть непамятование о предмете прежней беседы.

на крыльях, слетаетесь к (слушанию) слова о добродетели и поставляете все ниже Божественных речений. Так вот и мы возьмемся за предмет и продолжим беседу о том, о чем говорили недавно: я должен вам и охотно плачу долг, потому что это приносит мне не бедность, но доставляет богатство. В делах мирских должники бегают от займодавцев, чтобы не отдать (долга); а я гонюсь (за вами), чтобы отдать — и весьма справедливо, потому что в мирских делах отдача производит бедность, а в слове отдача рождает богатство. Например: я должен кому-нибудь деньги; если возвращу их, они не могут быть и у него, и у меня; нет, от меня они ушли, а к нему пришли. Но если заплачу слово, оно и при мне находится, и вы все его имеете. Если задержу слово и не сообщу (его), тогда я беден, а когда заплачу, тогда становлюсь богаче. Если не заплачу слова, тогда я один богат; а если заплачу, то получаю плод вместе со всеми вами.

Итак, отдадим долг. Что же это за долг? Недавно рассуждали мы о покаянии и сказали, что есть многие и различные пути покаяния, чтобы легко было для нас спасение. Если бы Бог дал нам один путь покаяния, мы стали бы отговариваться так: не можем идти этим путем, не можем спастись. Но вот, чтобы отнять у тебя этот предлог, Он дал тебе не один только путь, и не

два, и не три, но многие и различные, дабы чрез это множество сделать для тебя легким восхождение на небо. Сказали мы также, что покаяние не трудно и что нет в нем никакой тяжести. Ты грешник? Войди в церковь, скажи: я согрешил — и загладишь грех. В пример представили мы и Давида, который согрешил и загладил грех. Потом предложили и другой путь, то есть плач о грехе, и говорили: какой это труд? Не нужно ни потратить деньги, ни пройти длинный путь, ни сделать что-либо другое подобное, а надобно только поплакать о грехе. Тут привели мы из Писания то, что Бог переменял свое определение об Ахаве, потому что он заплакал и опечалился; и это Сам (Бог) сказал Илии: видел ли, как ходил Ахав в скорби и печали пред лицом Моим? Не сотворю по гневу Моему (ср.: 3 Цар 21, 29). Затем указали мы и третий путь покаяния и представили из Писания фарисея и мытаря, — то есть что фарисей, надменно похвалившись, лишился праведности, а мытарь, показав чувство смирения, вышел с плодом праведности и, не употребив никакого труда, сделался праведным, — дал слова, а получил дела. Теперь пойдем дальше и представим четвертый путь покаяния. Какой же это путь? Это милостыня, царица добродетелей, весьма скоро возводящая людей в небесные своды, наилучшая защитница. Великое дело —

милостыня; посему и Соломон восклицал: *многие хвалят человека за милосердие*¹ (Притч 20, 6). Велик полет у милостыни: она рассекает воздух, проходит луну, восходит выше лучей солнечных, достигает до самых небес. Но и там она не останавливается; напротив, проходит и небо, обтекает и сонмы Ангелов, и лики Архангелов, и все высшие Силы, и предстает самому Престолу Царскому. Научись этому из самого Писания, которое говорит: *Корнилий! <...> молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян 10, 3–4). А слова *пред Богом* значат вот что: хотя у тебя много грехов, но, так как милостыня твоя защитница, то не бойся; ни одна из вышних Сил не останавливает ее; она требует должного, имея в руках собственное рукописание. Это глас Самого Господа, что кто сотворил *одному из сих братьев Моих меньших*, тот Мне сотворил (Мф 25, 40). Таким образом, сколько бы ни было у тебя других грехов, твоя милостыня перевешивает все.

2. Разве не знаешь в Евангелии притчу о десяти девах: как не имеющие милостыни, хотя и подвизавшиеся в девстве, остались вне брачного чертога? Были, говорит (Писание), десять дев,

¹ В славянском переводе, соответствующем греческому тексту, которым пользовался Златоуст: *Велика вещь человек, и драгая муж творяй милость.*

пять глупых и пять мудрых; у мудрых был елей, а у глупых не было елея, поэтому их светильники стали гаснуть. Пришедши к мудрым, глупые сказали: дайте нам елея из ваших сосудов (см.: Мф 25, 8). Стыжусь я, и краснею, и плачу, когда слышу о деве глупой; краснею, когда слышу, что они названы так после столь великой добродетели, после подвигов девства, после того как они возлетели телом на небо и соревновали вышним силам, — перенесли жар и одолели пламя сладострастия. После этого они названы глупыми — и справедливо, потому что, сделав великое, побеждены были малым. И пришли, сказано, глупые и сказали мудрым: дайте нам елея из сосудов ваших. А эти отвечали: не можем дать вам, *чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас* (ст. 9). И сделали они это не по жестокости и не по злобе, но по тесным обстоятельствам времени, — потому что ожидали пришествия жениха. Были у глупых светильники, но в светильниках мудрых был елей, а у тех не было. Ведь девство есть огонь, а милостыня — елей. Потому как огонь гаснет, когда не будет для него подливаться елей, так гаснет и девство, когда не имеет милостыни. Дайте нам елея (сказали глупые) из сосудов ваших. А мудрые в ответ им: не можем дать вам. Это сказано не по злобе, а от страха: *чтобы не случилось недостатка и*

у нас и у вас — как бы нам, когда все мы стараемся войти, как бы всем не остаться (вне брачного чертога). Пойдите лучше и купите у продающих. Кто же продавцы этого елея? Бедные, ради милостыни сидящие пред церковью. А за сколько (продается) он? За сколько хочешь: цены не назначаю, чтобы ты не ссылался на бедность. Сколько у тебя есть, за столько и купи. Есть у тебя овол¹? Купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь человеколюбив. Нет у тебя и овола? Подай чашу холодной воды. *И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды ради Меня, не потеряет награды своей* (Мф 10, 42). Предметом купли и продажи — небо, и мы не заботимся! Дай хлеб и возьми рай; дай малое и возьми великое; дай смертное и возьми бессмертное; дай тленное и возьми нетленное. Если б была ярмарка, и на ней продавались бы дешево и в большом количестве съестные припасы, и многое можно бы приобрести за малую цену, не распродали ли бы вы имущества и, оставив все в стороне, не приняли ли бы участие в том торге? И вот где тленное, там вы показываете столько ревности, а где идет дело о бессмертном, там вы столько нерадивы и беспечны? Дай бедному, и — пусть

¹ Самая мелкая монета.

сам ты будешь молчать — тысячи уст заговорят в защиту тебя, потому что милостыня восстанет и защитит (тебя): милостыня есть выкуп души. Поэтому как пред дверьми церковными стоят сосуды, наполненные водою, чтобы ты мыл руки, так вне церкви сидят и бедные, чтобы ты омывал руки души. Омыл ты чувственные руки водою? Омой руки души милостынею. Не ссылайся на бедность. Вдовица и в крайней бедности ввела в дом свой Илию, и бедность не была (для нее) препятствием, но с великою радостью она приняла его; потому и получила достойные плоды и собрала жатву милостыни. Но, может быть, слушатель скажет: дай мне Илию. Что ищешь Илию? Господа Илии даю тебе, и не питаешь Его: как же ты принял бы Илию, если б нашел его? Христос, Господь всяческих, сказал: *кто сотворил одному из сих братьев Моих меньших, — Мне сотворил* (Мф 25, 40). Если бы царь позвал кого-нибудь на вечерю и, когда бы предстали слуги, сказал к ним: возблагодарите его много за меня; он пропитал и принял меня в дом свой, когда я был в бедности, он оказал мне много благодеяний во время нужды, — не каждый ли бы употребил и потратил все свои деньги для того, кому царь изъявил благодарность? Не каждый ли бы постарался сблизиться и подружиться с ним?

3. Видели вы силу слова (царского)? Если же у царя — человека оно имеет такую честь, то представь себе, что Христос в тот день взывает пред Ангелами и всеми Силами и говорит: этот человек на земле ввел Меня в дом свой; он оказал Мне множество благодеяний; он принял Меня — странника. Затем представь себе дерзновение (этого человека) среди Ангелов, радость среди чинов небесных. О ком Христос свидетельствует, тому как не иметь дерзновения пред Ангелами? Итак, братия, великое дело — милостыня. Возлюбим ее, — ей нет ничего равного; она может и загладить грехи, и избавить от Суда. Ты молчишь, — а она стоит и защищает; или, лучше, тогда как ты молчишь, тысячи уст благодарят за тебя. Столько-то благ от милостыни, а мы не радим и не заботимся? Дай, по возможности, хлеба. Нет у тебя хлеба? Дай овол. Нет овола? Дай чашу холодной воды. Нет и этого? Поплачь с несчастным, и получишь награду, — награду не за вынужденное, но за свободное дело. Но вот, беседуя об этом, мы забыли о девах; возвратимся же к предмету. *Дайте нам*, говорят, елея из сосудов ваших. Не можем дать вам, *чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас*; пойдите лучше и купите у продающих. *Когда же пошли они покупать, пришел жених, и те, у которых были светлые лампы, вошли с ним на брачный пир,*

и двери брачного чертога затворились. Пришли и пять глупых и начали стучать в двери чертога, восклицая: отвори нам; а в ответ им глас жениха изнутри: отойдите от меня, не знаю вас (Мф 25, 8–12). Итак, после столь великих трудов что они слышали? *Не знаю вас*. Это значит, как я сказал, что они напрасно и без пользы приобрели себе великое достояние девства. Подумай, они отвержены после столь великих трудов, после того как обуздали невоздержание, после того как имели состязание с Небесными Силами, после того как посмеялись над житейскими делами, перенесли великий зной, переступили чрез преграды, после того как возлетели от земли на небо, не разломили печати тела, приобрели великую красоту девства, вошли в состязание с Ангелами, попрали требования плоти, забыли природу, в теле совершили свойственное бестелесным, после того как приобрели великое и необоримое достояние девства, — после всего этого они слышали: отойдите от меня, *не знаю вас*. Не подумай, будто я считаю маловажным достоинство девства: девство таково, что из древних никто не мог сохранить его. Потому-то и велика благодать, что страшное для пророков и для древних ныне стало весьма доступно. Что, в самом деле, было всего тяжелее и невыносимее? Девство и презрение смерти. Но их не страшатся

ныне и слабые девы. В самом деле, соблюдение девства было так тяжело, что из древних никто не мог хранить его. Ной был праведен и имел свидетельство от Бога, но жил с женою. Равным образом Авраам и Исаак, сонаследники ему в обетовании, жили с женами. Целомудренный Иосиф отказался сделать великий грех прелюбодеяния, но и он жил с женою, потому что тяжело было состояние девства. Девство утвердилось с тех пор, как вырос цвет девства. Итак, никто из древних не мог хранить девство, потому что великое дело — обуздать тело. Изобрази словом вид девства и познай величие этой добродетели. У ней каждый день брань, которая никогда не может умолкнуть; эта брань хуже войны с варварами. На войне с варварами бывает время отдыха, — когда ведут переговоры; там иногда сражаются, иногда нет; там наблюдается порядок и время. А на войне, которая ведется против девства, нет отдыха, потому что воюет диавол, который не знает определенного времени к нападению, не ожидает условного знака к сражению, но всегда стоит и старается найти деву безоружною, чтобы нанести ей смертельную рану; и дева никогда не может отдохнуть от этой брани, но всегда носит в самой себе тревогу и воителя. И осужденные не так бедствуют, хотя и видят начальника только по временам; а дева, куда ни

пойдет, везде имеет при себе судию и носит с собою врага. Этот враг не дает ей покоя ни вечером, ни ночью, ни утром, ни в полдень, но воет непрестанно, представляя ей наслаждение, указывая на брак, чтобы исторгнуть из нее добродетель и породить в ней порок, чтобы изгнать из нее целомудрие и всеять в нее блуд: каждый час разгорается, приятно поджигаемая, печь сладострастия. Подумай, как труден этот подвиг; а они (глупые девы) после всего этого слышали: отойдите от меня, *не знаю вас*. Смотри, какое великое дело девство: когда оно имеет у себя сестру — милостыню, тогда никакие бедствия не одолевают его, но оно становится выше всего. Они потому не вошли (в брачный чертог), что при девстве не имели милостыни. стыдно сказать: поборовши сладострастие, ты не презрела денег, но, будучи девою, отрешившеюся от жизни, и распявши себя, любишь деньги! Если бы ты возжелала мужа, и тогда была бы вина не столь велика, потому что ты возжелала бы предмета одинакового (с тобою) по существу; но теперь вина гораздо больше, потому что ты возжелала чуждого (тебе) предмета. Вот замужние злобно выказывают бесчеловечие, ссылаясь на детей; если скажешь им: дай мне милостыню, — у меня дети, говорят они, не могу. Бог дал тебе детей, ты получила плод чрева для того, чтобы тебе быть человеколюби-

вою, а не бесчеловечною; повода к человеколюбию не обращай в предлог к бесчеловечию. Хочешь оставить доброе наследство твоим детям? Оставь милостыню, чтобы все стали хвалить тебя и память твоя осталась славною. Но ты, не имеющая детей и распявшаяся для жизни, ты для чего собираешь деньги?

4. Но у нас живо (в уме) слово и о пути покаяния, и о милостыне. Сказали мы, что милостыня есть великое приобретение; затем перешли к морю девства. Итак, великий (путь) покаяния ты имеешь в милостыне, которая может освободить (тебя) из уз греховных; но есть для тебя и другой путь покаяния, также весьма удобный, чрез который можешь освободиться от грехов. Молись каждый час, не изнемогай в молитве и неленостно умоляй человеколюбие Божие, а Бог не отвратится от постоянно молящегося, но простит тебе грехи твои и исполнит прошения твои. Если ты, молясь, будешь услышан, продолжай молиться, чтобы принести (Богу) благодарение; если же не будешь услышан, пребывай в молитве, чтобы быть тебе услышанным. И не говори: «много я молился, и не услышан», — потому что и это часто бывает для твоей же пользы. Бог знает, что ты ленив и беспечен и что, если получишь нужное, то отойдешь и больше не станешь молиться, и вот самою нуждою заставляет тебя чаще

беседовать с Богом и упражняться в молитве. Если ты, в такой нужде и имея надобность, ленишься и не продолжаешь молитвы, что было бы, если б ты ни в чем не нуждался? Стало быть, и это Он делает для твоей пользы, желая, чтобы ты не оставлял молитвы. Итак, пребывай в молитве, возлюбленный, и не ленись, потому что молитва может совершить многое; и не приступай к молитве как к маловажному делу. А что молитва доставляет прощение грехов, это можешь узнать из Божественного Евангелия. Что же оно говорит? Подобно Царствие Небесное человеку, который запер двери свои и лег спать с детьми своими. Между тем вечером пришел некто взять у него хлебов и стучит, говоря: отвори мне, мне нужны хлебы. А он ему: не могу дать тебе теперь, потому что легли спать и мы, и дети наши. Тот продолжал стучать в дверь, а этот опять говорит к нему: не могу тебе дать, потому что легли спать и мы, и дети. Но тот и после этого продолжал стучать и не отходил, пока домохозяин не сказал: встаньте, дайте ему, и пусть он отойдет (см.: Лк 11, 5–8). Итак, (Писание) учит тебя молиться и никогда не унывать, но и тогда, как не получишь (просимого), пребывать (в молитве), пока не получишь. Много и других путей покаяния найдешь в Писании. Покаяние и прежде Пришествия Христова проповедовалось Иере-

миею, который говорит: *разве, упав, не встают и, сокрушившись с дороги, не возвращаются* (Иер 8, 4)? И опять: после этого, после того как она прелюбодействовала, сказал ей: *возвратись ко Мне* (3, 7). Много и других (кроме милостыни и молитвы) различных путей покаяния (Бог) дал нам для того, чтобы отнять у нас всякий предлог к нерадению. Если б у нас был только один путь, мы бы не могли пойти по нему. От этого оружия всегда убегает диавол. Согрешил ты? Войди в церковь и загладь свой грех. Сколько бы ты ни падал на площади, — всякий раз встаешь: так же точно сколько раз ни согрешишь, — покайся во грехе, не отчаивайся; согрешишь в другой раз, в другой раз покайся, чтобы по нерадению совсем не потерять тебе надежды на обещанные блага. Ты в глубокой старости — и согрешил? Войди (в церковь), покайся: здесь лечебница, а не судилище; здесь не истязуют, но дают прощение в грехах. Одному Богу скажи грех твой: *Тебе Единому согреших и лукавая пред Тобою сотворих* (Пс 50, 6), — и отпустится тебе грех. Есть у тебя и иной путь покаяния, не трудный, а самый легкий. Какой же это путь? Поплачь о грехе своем. Об этом узнаешь ты из Божественного Евангелия. Петр, верховный из апостолов, первый в Церкви, друг Христов, получивший откровение не от человеков, но от Отца, как свидетельствует

о нем Господь, говоря: *блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой Небесный* (Мф 16, 17), — этот Петр (когда называю Петра, разумею камень несокрушимый, скалу неподвижную, великого апостола, первого из учеников, первозванногого и первого последовавшего на зов), он-то сделал не какое-либо маловажное преступление, но очень великое — отрекся от Самого Господа. Это говорю не в обвинение праведника, но чтобы дать тебе побуждение к покаянию. Так он отвергся Самого Господа вселенной, Попечителя и Спасителя всех. Но расскажем этот случай сначала. Спаситель знал, что во время Его предания некоторые отойдут (от Него), и говорит Петру: *не хочешь ли и ты отойти?* Но Петр отвечал: *хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя* (Мф 26, 35; ср.: Ин 6, 67). Что говоришь, Петр? Бог определил, а ты противодействуешь? Но хотя воля (Петра) и выказала свое (желание), однако же слабость природы (его) изобличилась. Когда же это? В ночь, в которую предан был Христос. Тогда, сказано, стоял Петр у горящих дров и грелся; и вот подошла к нему одна служанка и говорит: *вчера и ты был с этим человеком*; а он в ответ: *не знаю сего человека*. Потом (отрекся) и в другой, и в третий раз — и исполнилось определение (Божие). Засим Христос

взглянул на Петра и этим взглядом подал голос; не заговорил с ним устами, чтобы не обнаружить его пред иудеями и не пристыдить своего ученика, но взглядом сказал ему: вот, Петр, сбылось то, о чем Я говорил. Тогда и Петр пришел в чувство и начал плакать, но заплакал не просто, а горько и из слез очей сделал второе крещение. Но заплакав так горько, он загладил свой грех, и после этого ему вверены ключи небесные. Если же плач Петра загладил столь великий грех, то как тебе не загладить греха, если будешь плакать? Отречься от своего Господа — было преступление не малое, но великое и весьма важное, — и, однако же, слезы загладили грех. Плачь же и ты о грехе своем, только плачь не просто и не для вида, но горько, как (плакал) Петр; изведи потоки слез из самой глубины души, чтобы Господь, умилосердившись, простил тебе прегрешение. Человеколюбив Господь; Он Сам сказал: *не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез 33, 11). От тебя хочет небольшого труда, а Сам дает великое; от тебя ожидает повода, чтобы дать тебе сокровище спасения. Предложи слезы, а Он даст тебе прощение; принеси покаяние, а Он дарует тебе отпущение грехов. Ты представь хоть малый предлог, чтобы иметь благовидное оправдание, потому что (в деле спасения) одно зависит от Него,

а другое от нас. Если мы представим что зависит от нас, то и Он дарует что зависит от Него. Но вот Он уже даровал что зависело от Него, — утвердил солнце, луну и разнообразный ход звезд, разлил воздух, распростер землю, оградил море, дал горы, долины, холмы, источники, озера, реки, бесчисленные роды растений, сады и все прочее. Принеси же и ты немного, чтобы таким образом Он даровал тебе и высшие блага. Итак, не будем беззаботны о самих себе и не отступимся от своего спасения, имея такую бездну человеколюбия Господа всех, Который даже кается о наших грехах. Предлагается Царство Небесное, и рай, и блага, которых *не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор 2, 9), — и мы не будем всячески стараться привнести что-нибудь с своей стороны, чтобы не лишиться этих благ? Разве не знаешь, что говорит Павел, который много потрудился и одержал бесчисленные победы над дьяволом, — который в теле прошел вселенную, обтек землю, и море, и воздух и, как бы на крыльях, облетел вселенную, — который был заброшен камнями, побит, потерпел побои, все перенес ради имени Божия, призван был свыше небесным голосом? Смотри, что говорит он, какое произнес слово: мы получили, говорит, благодать от Бога, но и я потрудился и сделал свое; *благодать*

Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился и сделал свое (1 Кор 15, 10). Знаем, говорит, знаем великость благодати, которую мы получили; но не праздным она нашла и меня: известны дела мои. Так и мы приучим руки к милостыне, чтобы привнести с своей стороны нечто малое; станем плакать о грехе, стенать о беззаконии, чтобы видно было, что и мы привносим хоть что-нибудь малое, между тем как то, что имеет быть даровано нам, велико и превышает наши силы. Это рай и Царство Небесное, которого да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

О ПОКАЯНИИ И МОЛИТВЕ

1. **П**астухи водят овец постоянно туда, где видят траву гуще, и дотоле не выгоняют их оттуда, пока стадо не пощиплет всю

траву. Подражая им, и мы вот уже четвертый день пасем свое стадо на пастбище покаяния, да и сегодня еще не располагаемся встать, потому что видим еще много пищи, много наслаждения и, вместе, пользы.

Не столько древесные ветви, служащие для овец кровом в полдень, успокаивают овец, доставляя приятную и полезную тень и располагая к весьма сладкому сну, сколько чтение Божественного Писания ободряет и оживляет скорбящие и одержимые печалью души, уничтожая силу и жар скорби и доставляя утешение, которое приятнее и сладостнее всякой тени. И действительно оно доставляет нам великое утешение, не только в потере имущества, не только в утрате детей или в другом подобном несчастье, но и в обстоятельствах греховных. Когда падет человек, уловленный и низринутый грехом, когда потом будет угрызать его совесть и он, непрестанно памятуя о грехе, подавляется чрезмерной печалью, каждый день горит в огне и, несмотря на множество утешителей, не получает утешения, тогда, войдя в церковь и услышав, что многие из святых после падения восстали и снова вошли в прежнюю славу, — не приметно получает утешение. Притом людям мы, согрешив, часто не смеем и открыть своего греха, потому что нам стыдно и совестно, а если и откроем, то не получим такой пользы.

Но когда Бог утешает и касается нашего сердца, тогда сейчас убежит всякая сатанинская печаль. Для того и описаны нам падения праведных, чтобы и добродетельные, и грешники получили от них величайшую пользу. Грешник не приходит в отчаяние и безнадежность, видя, что другой пал и, однако же, мог опять восстать; а добродетельный будет ревностнее и благонадежнее: когда он увидит, что многие из тех, которые гораздо лучше его, пали, то, вразумляемый страхом их падения, будет всегда бдителен и покажет великую внимательность к самому себе. И, таким образом, один, усовершенствуясь в добродетели, будет стоять твердо, а другой, грешник, избавляясь от отчаяния, скоро возвратится в то состояние, из которого ниспал. Когда человек утешает нас в печали, мы, по-видимому, и утешаемся на несколько времени, но потом опять впадаем в прежнюю печаль. А когда Бог вразумляет примером других, согрешивших и покаявшихся — и спасшихся, тогда Он делает ясной нам Свою благодать, чтобы мы не сомневались в своем спасении, получая верное и надежное утешение. Итак, древние повествования писаний подают всем желающим достаточное для скорбящих врачевство, как в обстоятельствах греховных, так и в приключающихся опасностях. Постигнет ли нас лишение имущества, или обиды от клеветников, или узы,

или побои, или другое какое-либо бедствие, — смотря на праведников, которые потерпели и испытали то же самое, мы скоро можем придти в себя. В болезнях телесных, если больной смотрит на (других) больных, он чрез это увеличивает свою болезнь, а часто получает и новую болезнь: например, некоторые, увидев больных глазами, и сами получали болезнь от одного взгляда. Но в болезнях душевных не так, а напротив: частое размышление о потерпевших одинаковые с нами бедствия облегчает для нас скорбь о наших бедствиях. Поэтому и Павел точно так утешает верных, выставляя им на вид святых, не только живых, но и умерших. Беседуя с евреями, которые готовы были преткнуться и пасть, он выставляет на вид святых мужей — Даниила, трех отроков, Илию, Елисея, говоря так: *заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, <...> были побиваемы камнями, <...> испытывали поругания и побои, а также узы и темницу; <...> скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин* (Евр 11, 33–38).

А общение в страданиях доставляет скорбящим утешение: как терпеть одному какое-либо бедствие есть безотрадное несчастье, так найти другого, удрученного такими же бедствиями, значит облегчить свою рану.

2. Итак, чтобы не унывать нам ни в каких тяжких обстоятельствах, будем усердно внимать повествованиям Писаний. Отсюда мы получим великое ободрение к терпению, потому что не только будем утешены общением с потерпевшими одинаковые с нами бедствия, но и научимся, как избавиться от постигающих нас зол, как и по успокоении (от бед) оставаться ровными, — и не впадать в беспечность и не надмеваться гордостью. Ничего нет удивительного, если мы в несчастье смиряем и уничижаем себя и выказываем великое благочестие, потому что самые искушения заставляют и имеющих каменное сердце делать это, то есть печалиться. Но (только) душе благочестивой и непрестанно имеющей Бога пред очами свойственно и после избавления от искушений никогда не впадать в забвение; а это часто случалось с иудеями. Потому и пророк, посмеиваясь им, говорил: *егда убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утреневаху к Богу* (Пс 77, 34). И Моисей, сознавая за ними то же самое, часто увещевал их, говоря: *будешь есть, и пить, и насыщаться, тогда берегись, чтобы <...> не забыл ты Господа* (Втор 6, 11–12). Между тем это и случилось, потому что сказано: *и утучнел Израиль, <...> и отолстел и разжирел; и оставил он Бога* (Втор 32, 15). Итак, надобно удивляться святым не потому, что они были

так благочестивы и любомудры во время сильной скорби, но потому, что и по прошествии бури и с наступлением тишины продолжали быть одинаково скромными и старательными. И коню особенно надобно удивляться тогда, как он может без узды идти ровно; если же он прямо идет потому, что удерживается вожжами и уздой, то в этом нет ничего удивительного: тогда эту стройность приписать должно не благородству животного, но силе узды. Это же должно сказать и о душе: не удивительно, если она ведет себя скромно, когда гнетет ее страх; нет, тогда покажи мне душевное любомудрие и всяческое благонравие, когда пройдут искушения и снимется узда страха. Но боюсь, чтобы, осуждая иудеев, мне не осудить нашего образа жизни. Когда и мы страдали от голода и заразы, от града и засухи, от пожаров и нашествия неприятелей, то не каждый ли день церковь тесна была от множества собиравшихся? Великое тогда было у нас любомудрие и пренебрежение мирскими делами; не тревожили нас ни любовь к деньгам, ни искание славы, ни страсть и стремление к распутству и никакой другой злой помысел, но все вы предавались благочестию с молитвой и слезами. Блудник стал тогда воздерживаться, злопамятный спешил мириться, сребролюбец склонялся к подаению милостыни, гневливый и дерзкий

обращался к смиренномудрию и кротости. Но когда Бог рассеял тот гнев, отвел бурю и после такого волнения устроил тишину, мы опять обратились к прежним делам. Об этом я и тогда, во время самих искушений, наперед говорил и предостерегал непрестанно, однако же не имел никакого успеха, но все те (внушения) вы выбросили из ума, как сон и мимошедшую тень. Посему-то боюсь теперь больше, нежели тогда, и, о чем тогда говорил я, особенно боюсь теперь, чтобы нам не навлечь на себя несчастий более тяжких, чем прежние, и затем не получить от Бога неизлечимой раны. Когда часто согрешающий получает от Бога прощение и между тем не располагаясь таким долготерпением к оставлению нечестия, то такой человек наконец доводит Бога до того, что Он и против воли насылет на него самое великое бедствие, искореняет его вконец и уже не дает ему нисколько времени для покаяния, — как это случилось и с фараоном. Когда он, испытав великое долготерпение Божие в первой, и во второй, и в третьей, и в четвертой, и в последующих казнях, нисколько не воспользовался этим, то, наконец, был истреблен и совершенно уничтожен со всем городом. Это же потерпели и иудеи. Потому и Христос, определяя истребить их и подвергнуть конечному разорению, говорил так: *сколько раз хотел Я собрать*

чад твоих, <...> и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст (Лк 13, 34–35). Итак, боюсь, чтобы и нам не потерпеть того же, потому что мы не вразумляемся ни чужими, ни своими бедствиями. Впрочем, говорю это не вам только, теперь присутствующим здесь, но и тем, которые прервали повседневное усердие и забыли о прежних скорбях, — которым я непрестанно с крайним усилием говорил, что хотя и прошли искушения, но память о них должна оставаться в душах наших, чтобы мы, постоянно памятуя о благодеянии, непрестанно благодарили Бога, даровавшего его.

3. Это и тогда говорил я, и теперь говорю вам, а чрез вас — им: будем подражать святым, которые ни скорбями не были побеждаемы, ни от покоя не расслабевали, что бывает теперь со многими из нас, как с легкими ладьями, которые от всякого напора волн заливаются водой и тонут. Часто и бедность, нашедши на нас, заливает и потопляет нас, и богатство, прибывши к нам, опять надмевает нас и повергает в крайнюю беспечность. Потому прошу, пусть каждый из нас, оставив все, настроит душу свою к спасению. Когда она хорошо настроена, тогда, какое бы ни постигло нас бедствие, голод ли, болезнь ли, клевета ли, расхищение ли имущества или что бы то ни было другое, — все будет удобоносимо и лег-

ко, по заповеди Господа и по надежде на Него; равно как, наоборот, у кого душа не благоустроена в отношении к Богу, такой человек испытает много скорбей и забот, хотя бы и богатство текло к нему, хотя бы были у него дети и бесчисленное множество денег. Итак, не будем ни искать богатства, ни убегать бедности, но прежде всего позаботимся каждый о своей душе и сделаем ее способной и к распоряжению настоящей жизнью, и к отшествию отсюда туда. Еще немного — и будет испытание каждого из нас, когда все мы предстанем страшному Судилищу Христову, окруженные своими делами, и увидим собственными глазами — то слезы сирот, то постыдное распутство, которым осквернили мы душу свою, то стоны вдов, то побои (нанесенные) бедным, и разграбление нищих; (увидим) не только это и подобное этому, но и все, что только сделали мы худого даже и в мыслях, так как Он (Бог) есть судья помышлений и ценитель мыслей (ср.: Евр 4, 12); и опять: *испытаяй сердца и утробы* (Пс 7, 10), и *воздаст каждому по делам его* (Рим 2, 6).

Но это слово мое относится не только к живущим в мире, но и к тем, которые, по любви к уединенной жизни, построили себе кельи в горах, потому что они должны блюсти не только тела свои от осквернения блудом, но и душу от

всякого сатанинского любостяжания. Апостол Павел рассуждает не о женах только, но и о мужах и всей Церкви, когда говорит, что девствующая душа должна быть *святою и телом и духом* (1 Кор 7, 34); и опять: представьте тела ваши *чистою девою* (2 Кор 11, 2). А как чистою? *Не имеющею пятна, или порока* (Еф 5, 27). И те девы, у коих угасли светильники, были девы телом, но не чисты сердцем; и хотя муж не растлил их, но растлила их любовь к деньгам. Тело у них было чисто, а душа была преисполнена блуда, потому что ими овладели злые помыслы — сребролюбие, и жестокосердие, и гнев, и зависть, и леность, и забывчивость, и гордость, и все это погубило достоинство их девства. Потому и Павел говорит: да будет дева *святою и телом и духом* (1 Кор 7, 34); и опять: *представить Христу чистой девою* (2 Кор 11, 2). Как тело растлевается блудом, так и душа оскверняется сатанинскими помыслами, превратными правилами, нечистыми мыслями. Кто говорит: я девственник по телу, а в душе завидует брату, тот не девственник: его девство растлила связь с завистью. Тщеславный также не девственник: его девство растлила любовь к злословию; вошла (в него) эта страсть — и нарушила его девство. А кто ненавидит своего брата, тот более человекоубийца, чем девственник; и вообще какой кто одержим бывает злой

страстью, ею и растлевают свое девство. Поэтому Павел устраняет (нас) от всех этих злых связей и повелевает нам быть девами, так, чтобы добровольно не принимали мы в душу никакого противного помысла.

4. Что же нам сказать на это? Как заслужить помилование? Как спастись? Вот что скажу: будем всегда носить в сердце молитву и плоды ее, то есть смирennemудрие и кротость. *Научитесь от Меня*, говорит Господь, *ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф 11, 29); и опять Давид: *жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс 50, 19). Ничего так не принимает и не любит Бог, как душу кроткую, смирennemудрую и благодарную. Смотри же и ты, брат, когда что-либо неожиданно постигнет и опечалит тебя, не прибегай к людям и не полагайся на человеческую помощь, но, оставив всех (людей), востеки мыслью твоей к Врачу душ. Уврачевать сердце может единственно Тот, Кто один создал сердца наши и знает все дела наши; Он может войти в совесть нашу, коснуться сердца и утешить душу. Если же Он не утешит сердец наших, то бесполезны и тщетны будут утешения человеческие; равно как и наоборот, когда Бог успокаивает и утешает, тогда пусть люди тысячекратно станут беспокоить нас, они не

в состоянии будут нисколько повредить нам, потому что, когда Он укрепит сердце, тогда никто не может поколебать его.

Итак, зная это, возлюбленные, будем всегда прибегать к Богу, Который и хочет, и может избавить нас от несчастья. Когда надобно умолять людей, то нам необходимо наперед и поговорить с привратниками, и упросить прихлебников и льстецов, и пройти длинный путь. Но у Бога нет ничего такого; Его можно упросить без посредника; Он склоняется на молитву без денег, без издержек; довольно только возопить сердцем и принести слезы, и — лишь только войдешь, тотчас привлечешь Его к себе. Притом, умоляя человека, мы часто боимся, чтобы какой-нибудь враг, или друг (наших врагов), или противник (наш) не услышал о нашем деле или другой кто не рассказал того, о чем мы говорим, и не извратил правды; а у Бога нельзя опасаться ничего такого. Когда ты хочешь, говорит Он, умолить Меня, приступи ко Мне один, без всякого свидетеля, то есть воззови сердцем, не приводя в движение уст. *Войди, говорит, в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф 6, 6). Смотри, какая высокая честь: когда ты умоляешь Меня, говорит Он, пусть никто не видит этого; а ко-

гда я оказываю тебе честь, то вселенную привожу в свидетели этого благодеяния. Убедимся же и будем молиться не напоказ и не об отмщении нашим врагам; не будем учить Его, каким образом помочь нам. Если и людям, защищающим нас и говорящим за нас пред мирскими судьями, мы рассказываем только дела наши, а образ защиты предоставляем им, чтобы они по своему усмотрению распорядились нашими делами, тем более так поступать должно в отношении к Богу. Сказал Ему твое дело, сказал, что ты потерпел, — но отнюдь не говори при этом, как помочь тебе; Он сам хорошо знает, что полезно тебе. А есть много таких, которые на молитве высказывают тысячу особых прошений и говорят: Господи, дай мне здоровье телесное, удвой мое имущество, отомсти моему врагу. Это весьма неразумно. Потому надобно, оставив все это, молить и просить только по примеру мытаря, который говорил: *Боже! будь милостив ко мне грешнику* (Лк 18, 13); а Он уже Сам знает, как помочь тебе: *ищите*, говорит Он, *прежде Царства Божия*, <...> *и это все приложится вам* (Мф 6, 33). Так-то, возлюбленные, будем любопытствовать (молиться), с усердием и смирением, ударяя себя в грудь, по примеру того (мытаря) — и мы получим чего просим. Если же мы молимся в гневе и раздражительности, то

мерзки мы и ненавистны пред Богом. Сокрушим же наше сердце, и уничим нашу душу, и будем молиться как о самих себе, так и об оскорбивших нас. Если хочешь склонить Судью к подаянию помощи твоей душе и привлечь Его на свою сторону, никогда не жалуйся Ему на того, кто опечалил тебя. Таков нрав у Судьи: Он внемлет и подает просимое особенно тем, которые молятся за врагов, не помнят зла и не встают против своих врагов. И в какой мере они делают это, в той мере и Бог отмщает их врагам, если эти не обратятся к покаянию.

5. Смотрите же, братия, когда кто-нибудь нанесет нам какое-либо бесчестие, не будем тотчас досадовать и печалиться, но станем благодарить, терпеливо перенося (обиду) и ожидая помощи от Господа. Разве Бог не мог, еще прежде прошения, подать нам блага, даровать нам жизнь беспечальную и свободную от всякой скорби? Но Он делает то и другое по любви к нам. В самом деле, для чего Он попускает нам испытывать скорби и не скоро избавляет от них? Для чего? Для того, чтобы мы обращались к Нему с мольбой о защите, прибегали к Нему и непрестанно призывали Его к себе на помощь. Для того и болезни тела, для того и скудость плодов, для того и голод, чтобы мы из-за этих бедствий всегда прилеплялись к Нему и, таким образом, чрез вре-

менные скорби сделались наследниками вечной жизни. Стало быть, и за них мы должны благодарить Бога, Который многими способами врачует и спасает души наши. Люди, если окажут нам ничтожное благодеяние, а мы впоследствии хоть и невольно оскорбим их какой-нибудь малостью, тотчас попрекают нас своим благодеянием, так что многие проклинаят себя за то, что приняли от них какое бы то ни было благодеяние. Но Бог не так поступает; напротив, когда, и после полученных от Него благодеяний, люди пренебрегают и оскорбляют Его, — Он сам защищается и оправдывается пред оскорбившими Его, говоря так: *народ Мой! что сделал Я тебе?* (Мих 6, 3). Они не хотели именовать Его Богом, а Он не переставал их называть людьми, они отрекались от Его владычества, а Он не отвергал их, но приближал и привлекал к себе, говоря: *народ Мой! что сделал Я тебе?* Разве Я, говорит, был тяжел для вас, или суров, или обременителен? Этого вы не можете сказать. Но если бы и это было, и в таком случае не следовало вам бежать (от Меня): *есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?* (Евр 12, 7). Однако же и этого не можете сказать. И опять в другом месте: *какую неправду нашли во Мне отцы ваши?* (Иер 2, 5). Важны и удивительны эти слова; они значат вот что: в чем Я погрешил? Бог говорил

людям: в чем Я погрешил, между тем как и рабы не допускают, чтобы господин их сказал это! Притом (Бог) не говорит: в чем Я согрешил против вас, — но против отцов ваших. Вы, говорит, не можете даже сказать и того, что питаете ко мне отцовскую вражду, потому что и предкам вашим Я никогда не подавал повода жаловаться на Мое промышление, как будто бы Я пренебрег их в малом или великом. И не просто сказал: какое (погрешение) *имели* отцы ваши, но *какое нашли*? Много выискивали, много выслеживали они, будучи столько лет под Моим владычеством, однако же не нашли во Мне ни одного погрешения. По всему этому будем непрестанно прибегать к Нему и во всякой печали искать Его утешения, во всяком несчастье — Его избавления, Его милости, во всяком искушении — Его помощи. Какое бы ни было бедствие, сколь бы велико ни было несчастье, Он может все прекратить и отстранить. Впрочем, благость Его подаст нам не только это, но и всякую безопасность, и силу, и добрую славу, и телесное здоровье, и душевное любомудрие, и благие надежды, и то, что мы не будем спешны на грех. Итак, не будем роптать, как неблагодарные рабы, не будем и обвинять Господа, но за все благодарить Его и почитать несчастьем только одно, именно — грех против Него. И если мы так будем распо-

ложены к Богу, то не постигнет нас ни болезнь, ни бедность, ни бесчестье, ни скудость плодов и никакое другое кажущееся бедствие, но всегда наслаждаясь чистой и невинной радостью, мы получим и будущие блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава со Святым Духом ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

О посте, также о пророке Ионе, Данииле
и о трех отроках; сказана пред
наступлением святого поста

1. **С**ветлый сегодня у нас праздник и торжественнее обыкновенного собрание. Какая же тому причина? Это, я знаю, дело поста еще не наступившего, но ожидаемого. Он нас собрал в отеческий дом, он сегодня привел в материнские объятия и тех, которые доселе были ленивы. Если же пост, только еще ожидаемый, внушил нам столько ревности, то сколько благочестия он произведет в нас, когда явится и наступит? Так и город, ожидая прибытия страшного

начальника, отлагает совсем беспечность и выказывает великую рачительность.

Но, услышав о посте, не испугайтесь (его, как) страшного начальника: он страшен не нам, но демонам. Если кто одержим злым духом, покажи ему лицо поста, и он, сковываемый страхом и удерживаемый как бы какими цепями, станет неподвижнее самих камней, особенно когда увидит в союзе с постом сестру и подругу поста — молитву. Поэтому и Христос говорит: *сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф 17, 21). Если же он так прогоняет неприятелей нашего спасения и так страшен врагам нашей жизни, то надобно его любить и принимать с радостью, а не бояться. Если чего должно бояться, то бояться надобно пьянства и объедения, а не поста. Те, связав у нас сзади руки, предают нас рабами и пленниками жестокому владычеству страстей, как некоему свирепому господину; а пост, найдя нас в рабстве и в узах, разрешает от уз, избавляет от жестокого владычества и возвращает на прежнюю свободу. Так, когда пост и воюет против наших врагов, и освобождает (нас) от рабства, и возвращает на свободу, то какого еще большего надобно тебе доказательства его дружбы к нашему роду? Ведь величайшим доказательством дружбы считается то, когда (другие) и любят, и ненавидят тех же самых, кого и мы.

Хочешь узнать, какое украшение для людей пост, какая он оборона и защита? Подумай о блаженном и чудном роде монашествующих. Они, убежав от мирского шума, и востекши на вершины гор, и построив кельи в тишине пустыни, как в некоей спокойной пристани, взяли себе пост в товарищи и сообщники на всю жизнь. Зато он и сделал их из людей Ангелами; да и не их одних, но кто и в городах соблюдает его, — всех возводит он на самую высоту любомудрия. И Моисей, и Илия — столпы ветхозаветных пророков, хотя знамениты и велики были по другим (добродетелям) и имели великое дерзновение, однако же, когда хотели приступить к Богу и беседовать с Ним — сколько это возможно человеку, — прибегали к посту и на его руках возносились к Богу. Поэтому и Бог, лишь только создал человека, тотчас отдал его на руки посту, ему поручил его спасение, как нежной матери и наилучшему наставнику. *От всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него* (Быт 2, 16–17) — это ведь род поста. Если же пост необходим в раю, то гораздо более вне рая; если лекарство полезно прежде раны, то гораздо более после раны; если оружие было нужно нам еще до начала войны с похотями, то гораздо более необходимо споборничество поста по открытии такой брани со стороны похотей и демонов.

Если бы Адам послушал этого голоса¹, то не услышал бы другого: *прах ты и в прах возвратишься* (Быт 3, 19). Но как не послушал он того (голоса), так за это (постигли его) смерть, и заботы, и горести, и печали, и жизнь тягостнее всякой смерти; за это терния и волчцы; за это труды, и болезни, и полная скорбей жизнь.

Видел ты, как Бог гневается, когда презируют пост? Узнай же, как Он и радуется, когда чтут пост. За пренебрежение поста Он наказал преступника смертью; напротив, за уважение к посту избавлял (постящихся) от смерти. И чтобы показать тебе силу поста, (Бог) дал ему власть после уже приговора (над преступниками), по отправлении их на казнь, брать ведомых на смерть с самой середины пути и возвращать к жизни. И это сделал пост не с двумя, или тремя, или двадцатью человеками, но даже с целым народом. Тогда как великий и дивный город ниневитян лежал уже на коленях, склонил голову к самой пропасти и готов был принять направленный сверху удар, — пост, как некая свыше слетевшая сила, исторг его (город) из самых врат смерти и возвратил к жизни. Но если угодно, послушаем и саму историю. *И было, сказано, слово Господ-*

¹ То есть повеления Божия — не вкушать от дерева познания добра и зла.

не к Ионе: <...> «встань, иди в Ниневию, город великий» (Иона 1, 1–2). Бог, предвидя бегство пророка, с самого начала хочет возбудить (в Ионе) жалость величием города. Но послушаем и поведи.

2. *Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена* (Иона 3, 4). Для чего же наперед говоришь о том зле, которое хочешь сделать? Для того, что не сделаю того, о чем говорю наперед. Для того Он угрожал и геенной, чтобы не отвести в геенну: пусть, говорит, устрашают вас слова — и не печаливают дела. А для чего Он ограничивает срок столь кратким временем? Для того, чтобы ты и узнал добродетель иноплеменников — иноплеменников, то есть ниневитян, которые в три дня могли утишить такой гнев (Божий) на их грехи, — и подивился человеколюбию Бога, Который удовольствовался трехдневным покаянием за столь великие беззакония, и сам ты не впадал бы в отчаяние, хотя бы и без числа согрешил. Как вялый душой и беспечный, хоть и получит много времени для покаяния, по лености не сделает ничего важного и не примирится с Богом, так добрый и пылающий рвением и с великой ревностью совершающий покаяние может и в краткое мгновение загладить грехи многих годов. Петр не трижды ли отрекся? Не с клятвой ли в третий раз? Не оттого ли, что испугался слов

какой-то ничтожной служанки? Что же? Много ли годов нужно было ему для покаяния? Нисколько; но в одну и ту же ночь он и пал и восстал, получил и рану и лекарство, и заболел и выздоровел. Как и каким образом? Тем, что он плакал и рыдал, или, лучше, тем, что плакал не просто, но с великой горячностью и от сердца; потому и евангелист не сказал, что он только плакал, но — *плакал горько* (Мф 26, 75). А какова сила его слез, этого, говорит, никакое слово не может изобразить; только последствия ясно показывают. Преступно было то падение (Петра), потому что ни один грех не может сравняться с отречением (от Христа), — однако же и после столь великого греха (Христос) снова возвел его в прежнее достоинство и поручил ему управление Вселенской Церковью и — что всего важнее — представил его имеющим больше любви к Господу, нежели все апостолы, потому что сказал: Петр, *любишь ли ты Меня больше, нежели они?* (Ин 21, 15). А с такой любовью ничто не может сравняться в качестве добродетели. Так, чтобы ты не сказал, что Бог по справедливости простил ниневитян, как иноплеменников и несмысленных, — сказано ведь: *раб, <...> который не знал волю господина своего, и сделал достойное наказания, бит будет меньше* (Лк 12, 47–48), — чтобы ты, говорю, не сказал этого, для этого Он и представил тебе Петра — раба,

вполне знавшего волю Господа. И хотя он сделал самый тяжкий грех, однако же смотри, на какую взошел высоту дерзновения.

Так и ты не отчаивайся из-за грехов: в грехе всего преступнее то, когда остаются в грехе, и в падении всего хуже то, когда лежат по падении. Об этом и Павел плачет и рыдает; это называет он достойным слез: (боюсь) да не так, говорит, когда приду к вам, *уничжит* меня *Бог мой* и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые не просто согрешили, но не покались в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали (2 Кор 12, 21). А для покаяния какое время может быть удобнее времени поста?

3. Но возвратимся к истории. Услышав эти слова¹, пророк *пришел в Иоппию, <...> чтобы бежать в Фарсис от лица Господня* (Иона 1, 3). Куда бежишь, человек? Разве ты не слышал, что говорит пророк: *камо пойду от Духа Твоего? И от лица Твоего камо бегу?* (Пс 138, 7). На землю? Но *Господня земля, и исполнение ея* (Пс 23, 1). В ад? *Аще сниду во ад, сказано, тамо еси* (Пс 138, 8). На небо? Но *аще възыду на небо — Ты тамо еси* (Пс 138, 8). Или в море? Но *и тамо бо, сказано, удержит мя десница Твоя* (Пс 138, 10), что и с ним (Ионой) случилось. Но таков грех: он доводит

¹ То есть: *встань и иди в Ниневию* и проч. (Иона 1, 2)

душу нашу до великого неразумия. Как люди с отяжелевшей от опьянения головой бродят без цели и без разбора, и случится ли пред ними яма, или стремнина, или что другое, они падают туда от неосмотрительности, — так и стремящиеся к греху, как бы опьянев, от желания совершить грех не знают что делают, не видят ничего — ни настоящего, ни будущего.

От Господа бежишь, скажи мне? Так подожди немного, и на самом деле узнаешь, что ты не можешь убежать и из рук подвластного Ему моря. Действительно, едва (Иона) взошел на корабль, как оно воздвигло волны и поднялось высоко. Как верная служанка, нашедши беглого сораба, похитившего что-либо из господского имущества, дотоле не перестает всячески беспокоить принявших его, пока не возьмет его с собой, — так точно и море, нашедши и узнав своего сораба, всячески беспокоит корабельщиков, мятется, воеет и хоть не влечет в суд, но угрожает потоплением кораблю вместе с людьми, если не отдадут ему сораба. Что же корабельщики при этом? *И стали, сказано, бросать в море кладь с корабля* (Иона 1, 5). Но корабль не облегчался, так как вся тяжесть оставалась еще на нем, то есть тело пророка — бремя тяжкое не по существу тела, но по тяжести греха, потому что нет ничего настолько тяжкого и неудобноносимого, как грех

и непокорность. Поэтому и Захария изобразил его под видом слова (ср.: Зах 5, 7), а Давид, описывая существо его, сказал: *беззакония моя превзошла главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне* (Пс 37, 5). И Христос к тем, которые жили во многих грехах, взывал: *придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф 11, 28). Так грех и тогда отягощал корабль и готов был погрузить его в воду, а Иона спал и храпел. Тяжелый это был сон, — не сон удовольствия, но скорби, — не беспечности, но печали, потому что добрые слуги скоро сознают свои грехи, что случилось и с Ионой. Совершив грех, он тогда же познал и тяжесть греха. Таково свойство греха, что он после того, как рождается, пробуждает болезни в породившей его душе; не так, как бывает при нашем рождении. Мы лишь только родимся, прекращаем болезни рождения, а он, коль скоро рождается, терзает болезнями породившие его помыслы. Что же кормчий? *Пришел*, сказано, *к нему* (Ионе), *и сказал ему: <...> встань, воззови к Богу твоему* (Иона 1, 6). Он уже из опыта узнал, что то была не обыкновенная буря, но наказание, ниспосланное от Бога, — такое волнение, пред которым бессильно искусство человеческое, — и что тут бесполезны руки кормчего; для укрощения его нужен был другой, лучший кормчий, управляющий всем миром; потребна была помощь

свыше. Поэтому и корабельщики, оставив весла, и паруса, и снасти, и все, отняв руки от весел, подняли их к небу и молили Бога. Когда же и это не помогло, тогда, говорит Писание, *бросили жребий* (Иона 1, 7), и жребий открыл наконец виновного. Впрочем, они не просто взяли его и бросили в воду, но среди столь великого смятения и тревоги, как бы среди великой тишины, устроили на корабле судилище, дали ему (Ионе) говорить, дозволили защищаться и все исследовали тщательно, как будто должны были отдать кому отчет в своем приговоре. Послушай же, как они исследуют все, как бы в судилище. *Какое твое занятие, и откуда идешь ты? где твоя страна, и из какого ты народа?* (Иона 1, 8). Море уже обвиняло его, вопия против него, обличил и засвидетельствовал против него жребий — однако же они, несмотря ни на вопль моря, ни на свидетельство жребия, не произносят еще приговора, но, как в судилище, хотя присутствуют и обвинители, предстоят и свидетели и улики, судьи дотоле не произносят приговора, пока сам подсудимый не повинится в своем грехе, так и здесь корабельщики, люди иноплеменные и несмысленные, соблюдали порядок, какой бывает в судах. И это (сделали они) среди столь великого страха, столь великого волнения, столь великой тревоги, когда море не давало им и вздохнуть, — так оно шумело и ярилось, с неис-

товством и воем воздымая непрестанные волны. Откуда же, возлюбленные, происходила такая попечительность о пророке? От устройства Божия. Бог так устроил это, вразумляя чрез это пророка быть человеколюбивым и кротким и как бы взывая к нему и говоря: подражай корабельщикам, несмысленным. Они не пренебрегают и одной душой, не безжалостны и к одному твоему телу; а ты предал, сколько от тебя зависело, целый город, в котором столько тысяч жителей. Они и открыв виновника приключившихся им бедствий, не спешат произнести обвинительный приговор, а ты, не имея причины обвинять ниневитян, потопил их и погубил. Притом ты не послушал, когда Я повелевал тебе идти с проповедью воззвать их (ниневитян) к спасению; а эти (корабельщики) и без всякого приказанья употребляют все средства, чтобы тебя, оказавшегося виновным, избавить от наказания. В самом деле, корабельщики и после обвинения от моря, после улики чрез жребий, когда и сам (Иона) обвинял себя и признался в бегстве, и тогда не устремились на гибель пророка, но медлили, удерживались и употребляли все средства, чтобы и после такого обличения не предать его неистовству моря. Но этого не дозволило море, или — лучше — не допустил Бог, желая вразумить Иону, как чрез корабельщиков, так и чрез кита. И точно, услышав: *возьмите*

меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас (Иона 1, 12), — они усиливались подойти к земле, но волны не дозволили.

4. Так вот ты видел пророка бегущим: послушай же, как он и исповедуется из глубины — из чрева кита. То сделал (бежал) он как человек, а это (исповедание) совершил как пророк. Итак, море, приняв его, ввергло, как в некую темницу, в чрево кита, чтобы сохранить Господу беглеца невредимым. Ни лютые волны, взявшие его, не задушили его, ни более лютый, чем волны, кит, поглотивший его, не погубил в чреве, но сохранил и привел в город. И море, и кит оказали сверхъестественное послушание, чтобы пророк всем вразумился. И вот он, пришедши в город, прочел приговор, как царскую грамоту о наказании, и воззвал, говоря: *еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена* (Иона 3, 4).

Услышали это ниневитяне и не показали неверия и пренебрежения, но тотчас поспешили к посту все — мужи, жены, рабы, господа, начальники, подчиненные, дети, старцы; даже и бессловесные не были изъяты от этого общественно-го подвига; всюду вретища, всюду пепел, всюду плач и вопль. И сам облеченный диадемой, сойдя с царского престола, разостлал под собой вретище, сыпал пепел и, таким образом, исхитил город из опасности. Открылось необычайное яв-

ление: порфира уступила вретищу! В самом деле, для чего бессильна была порфира, то могло сделать вретище; чего не сделала диадема, то совершил пепел. Видишь, не напрасно сказал я, что бояться надобно не поста, но пьянства и объедения? Пьянство и объедение поколебали и грозили ниспровергнуть город, когда он стоял, а пост поддержал его и тогда, как колебался и готов был упасть. С постом и Даниил, войдя в ров львиный, вышел оттуда так, как будто был там с кроткими овцами. Львы, хоть и кипели яростью, и бросали убийственные взгляды, однако же не коснулись лежавшей пред ними трапезы¹, но отказались от этой пищи, тогда как и сама природа возбуждала их (потому что нет ничего лютее этих зверей), и голод (потому что они не ели семь дней), как некий внутренний палач, понуждал их растерзать пророческую утробу. С постом и три отрока, войдя в вавилонскую печь и долгое время пробыв в огне, вышли из печи с телами светлее самого огня. Но если тот огонь был действительно огонь, как же он не сделал того, что свойственно огню? Если тела отроков были точно тела, как же они не потерпели того, что свойственно телам? Как? Спроси у поста, и он ответит тебе и сам разрешит тебе загадку: это действительно была

¹ То есть брошенного в ров пророка Даниила.

загадка. Природа тел боролась с природой огня, и победа осталась за телами! Видел ты чудную борьбу? Видел еще чудную победу? Подивись посту и прими его с распростертыми руками. Если он и помогает в печи, и сохраняет во рве львином и изгоняет демонов, и изменяет определение Божие, и укрощает неистовство страстей, и возводит нас к свободе, и производит великую тишину в помыслах наших, то не крайне ли было бы безумно убегать и бояться его, когда столько благ в руках у него? Он, говорят, измождает наше тело до немощи. Но чем более *внешний наш человек тлеет*, тем более *внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор 4, 16). А лучше сказать, если захочешь тщательно исследовать дело, то найдешь, что пост есть мать и здоровья телесного. И если не веришь моим словам, спроси об этом у врачей, и они яснее покажут это. Воздержание они называют матерью здоровья, а о болезнях в ногах и о болезнях головных, об апоплексии, и о рвоте, и о водяной болезни, и о воспалениях и опухолях, и о бесчисленном множестве других болезней говорят, что они происходят от лакомства и пресыщения, как от самого нечистого источника нечистые ручьи, пагубные и для здоровья тела, и для целомудрия души.

5. Итак, не будем бояться поста, который избавляет нас от столь великих зол. Не без причи-

ны внушаю вам это, но потому, что вижу много таких людей, которые уклоняются и бегут прочь, как будто их хотят отдать в руки какой-либо суровой жене, и губят сегодня сами себя пьянством и пресыщением. Поэтому советую: не губите наперед, объедением и пьянством, ожидаемой от поста пользы. И люди с расстроенным желудком, когда пред тем как надобно им принять горькое лекарство, наполнят себя излишней пищей и потом примут лекарство, то — горечь эту вытерпят, а пользы не получают, потому что они затруднили действие лекарства на испорченные мокроты. Поэтому врачи и советуют им ложиться спать не ужинавши, чтобы вся сила лекарств тотчас же обратилась на излишние мокроты, причиняющие болезнь. Так бывает и с постом. Если ты сегодня предашься великому пьянству, а завтра примешь врачевство поста, этим сделаешь, что оно будет для тебя бесполезно и бесплодно, и ты хоть понесешь труд, но не соберешь плодов поста, потому что он всю свою силу употребит против вреда, только что причиненного пьянством. Если же ты приготовишь для него легкое тело и примешь лекарство с трезвой мыслью, то можешь очистить много прежних грехов. Итак, не будем — и, вступая в пост, упиваться, и после поста опять предаваться пьянству, дабы не случилось того же, что бывает, когда кто ударяет ногой больное тело,

только что оправляющееся от болезни, и этим снова повергает его в более тяжкую болезнь. Это бывает и с нашей душой, когда мы в обоих случаях — и в начале и в конце поста — омрачаем облаком пьянства трезвость, полученную нами от воздержания. Как готовящиеся сражаться с дикими зверями сперва ограждают главные члены свои многими орудиями и щитами и затем уже вступают в борьбу со зверями, так и теперь есть много людей, которые, готовясь сражаться с постом, как бы с диким зверем, ограждают себя объединением и, до крайности обременив и омрачив себя, весьма неразумно встречают тихое и кроткое лицо поста. И если спрошу тебя: для чего сегодня идешь в баню? — ты скажешь: чтобы с чистым телом встретить пост. А если спрошу: отчего упииваешься? — ты опять скажешь: оттого, что готовлюсь вступить в пост. Но не странно ли этот прекраснейший праздник встречать с телом чистым, а с душой нечистой и опьяневшей? Можно бы сказать и больше этого, но для здравомыслящих и этого довольно для исправления. Итак, надобно прекратить слово, потому что хочу я послушать и голоса отца. Мы, как малые пастушеские дети, играем на легкой свирели, сидя под сенью этого святилища, как бы под дубом или тополем: а он, подобно тому как отличный какой музыкант, настроив золотую арфу, стройностью

звуков восхищает всех слушателей, — так и он доставляет нам великую пользу не стройностью звуков, но согласием слов и дел. Таких-то учителей и Христос ищет: *кто сотворит, сказал Он, и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном* (Мф 5, 19). Таков и этот¹; потому он и велик в Царствии Небесном. Да сподобимся же и мы, по молитвам его и всех сослужителей, получить Царство Небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава со Святым Духом, ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

О посте, сказанная в шестую неделю
Святой Четыредесятницы

1. **К**ак приятны для нас волны этого духовного моря — приятнее и волн морских! Эти
воздвигаются возмущением ветров, а те

¹ То есть епископ Флавиан, в присутствии которого была произнесена эта беседа.

желанием слышать (поучение); эти, воздымаясь, приводят кормчего в великий страх, а те, появляясь, влагают в говорящего великое дерзновение. Эти служат знаком ярящегося моря, а те признаком радостной души; эти, ударяясь о камни, производят глухой шум, а те, приражаясь к слову учения, издают приятный звук. Равным образом и дуновение легкого ветра, когда падает на нивы и то приклоняет к земле, то поднимает вверх головки колосьев, — представляет на суше подобие морских волн. Но и тех нив приятнее эта нива¹, потому что не дуновение ветерка, а благодать Святого Духа возбудила и согрела души ваши; и огонь, о котором некогда сказал Христос: *огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* (Лк 12, 49) — ЭТОТ ОГОНЬ, вижу я, ввергнут и горит в душах ваших. Поелику же страх Христов возжег для нас столько лампад, то воъем в них елей учения, дабы свет у нас был продолжительнее.

Вот уже время поста склоняется у нас к концу; дошедши до середины поприща, мы подошли уже к концу (его), потому что как тот, кто начал, двинулся к середине, так тот, кто дошел до середины, касается конца. Итак, время (поста) склоняется к концу, и ладья смотрит уже в пристань;

¹ То есть собрание слушателей.

но дело не в том, чтобы войти в пристань, а чтобы ввести (в нее) ладью не без прибыли. Прошу всех вас и молю, пусть каждый в своей совести рассмотрит (свою) торговлю постом, и если найдет, что прибыток велик, пусть еще умножает (его) торговлей; если же (найдет, что) ничего не собрано, пусть употребит на эту торговлю оставшее время. Пока стоит ярмарка, станем торговать для приобретения большой прибыли, чтобы не уйти (нам) с пустыми руками, чтобы, подъявши труд поста, не лишиться награды за пост. Можно ведь и понести труд поста и не получить награды за пост. Как? Когда от пищи мы воздерживаемся, а от грехов не удерживаемся; когда мяса не едим, а поедаем дома бедных; когда вином не упиваемся, а упиваемся злой похотью; когда весь день проводим без пищи и весь же день бываем на бесстыдных зрелищах. Вот и труд поста, и никакой награды за пост, когда ходим на зрелища беззакония. Не к вам (мое) слово; знаю, что вы чисты от вины; но опечаленные имеют обычай изливать гнев на присутствующих, когда нет при них виновников (их печали). Какая выгода постящимся ходить на зрелища беззакония, посещать общее училище бесстыдства, публичную школу невоздержания, восседать на седалище пагубы? Да, не погрешит тот, кто сцену, это пагубнейшее место, полное всякого рода болезней,

эту вавилонскую печь, назовет и седалищем пагубы, и школой распутства, и училищем невоздержания, и всем, что ни есть постыднейшего. Действительно, диавол, ввергнув город в театр, как бы в какую печь, затем поджигает снизу, подкладывая не хворост, как некогда иноплеменник тот¹, не нефть, не паклю, не смолу, а что гораздо хуже этого, — любодейные взгляды, срамные слова, развратные стихотворения и самые негодные песни. Ту печь разожгли руки иноплеменные, а эту печь разжигают помыслы, более неразумные, чем иноплеменники. Эта печь хуже той, потому что и огонь (здесь) пагубнее: он не тела сжигает, но разрушает благосостояние души; а еще хуже то, что горящие (в этом огне) даже и не чувствуют, потому что если бы чувствовали, то не производили бы громкого смеха при виде того, что происходит. А это-то и хуже всего, когда больной не знает даже и того, что он болен, и, сгорая жалким и бедственным образом, не чувствует воспалений. Какая польза в посте, когда тело ты лишаешь дозволенной законом пищи, а душе даешь пищу противозаконную; когда целые дни просиживаешь там (в театре), смотря на посрамление и унижение общей (человеческой) природы, на жен-блудниц, на лицедеев, которые,

¹ То есть Навуходоносор, царь Вавилонский.

собирая все, что есть худого в каждом доме, представляют зрелища любодеяния? Да, там можно видеть и блудодеяния, и прелюбодеяния, можно слышать и богохульные речи, так что болезнь проникает в душу и чрез глаза, и чрез слух; (там лицедеи) представляют чужие несчастья, от чего дано им и позорное имя. Итак, какая прибыль от поста, когда душа питается всем этим? Какими глазами посмотришь ты на жену после тех зрелищ? Как взглянешь на сына, как на слугу, как на друга? Надобно ли быть бесстыдным, рассказывая о том, что бывает там, или молчать, краснея от стыда. Но отсюда уходишь не таким, нет, ты можешь смело пересказывать дома все, что здесь говорится, — вещания пророческие, учения апостольские, законы Господни, — можешь предлагать всю трапезу добродетели; а таким повествованием жену ты сделаешь более целомудренной, сына более разумным, слугу более преданным, друга более искренним, да и самого врага заставишь прекратить вражду.

2. Видишь, как эти наставления во всем спасительны, а те представления совершенно не потребны. Какая же польза в посте, скажи мне, когда телом ты постишься, а глазами любодействуешь? Ведь любодеяние состоит не только в соитии или совокуплении телесном, но и в бесстыдном взгляде. Какая же польза, когда ты бываешь

и здесь, и там? Я учу, а тот развращает; я прила-
гаю лекарство к болезни, а тот усиливает при-
чину болезни; я погашаю пламя природы, а тот
разжигает пламя похоти. Какая же польза, скажи
мне? *Когда один строит, а другой разрушает:
то что они получают для себя кроме утомле-
ния?* (Сир 34, 23). Итак, будем проводить время — не
здесь и там, но только здесь, чтобы здесь прово-
дить его с пользой, не попусту, не напрасно и не
в осуждение. *Когда один строит, а другой раз-
рушает: то что они получают для себя кроме
утомления?* Если бы даже и много было созида-
ющих, а один разоряющий, и тогда легкость раз-
рушения восторжествовала бы над множеством
созидающих. Поистине великий стыд, что и юно-
ши, и старцы спешат к таким занятиям. И пусть
бы зло ограничивалось только стыдом, хотя и это
для человека благородного не легко, напротив —
для благоразумного весьма важная потеря — и
позор и стыд; но не в стыде только наказание,
нет, за это угрожает еще великая казнь и муче-
ние. Сидящие там (на зрелищах) все, по необхо-
димости, уловляются грехом любодеяния, не по-
тому, чтобы совокуплялись с находящимися там
женами, а потому, что смотрят на них бесстыд-
ными глазами. А что и они неизбежно становят-
ся виновными в любодеянии (в доказательство
этого), скажу вам не свое слово, чтоб вы не пре-

небрегали (им), но прочитаю вам закон Божий, которым уже нельзя пренебрегать. Что же говорит закон Божий? *Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф 5, 27–28). Видел ты совершенного прелюбодея? Видел вполне учиненный грех? И что еще хуже — прелюбодея, уличенного в любодеянии, не на человеческом, но на Божественном судилище, где наказания нескончаемы? *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.* (Спаситель) исторгает не болезнь только, но и корень болезни. Корень любодеяния бесстыдная похоть, потому Он наказывает не только за любодеяние, но и за похоть, мать любодеяния. Так поступают и врачи: они вооружаются не только против болезней, но и против самих причин (их); и если увидят, что больны глаза, останавливают течение худых мокрот сверху, из висков. Так делает и Христос. Любодеяние есть тяжкая глазная болезнь, болезнь глаз, не только телесных, но еще более душевных; поэтому (Он) там и остановил ток бесстыдства страхом закона; поэтому и определил наказание не только за любодеяние, но и за похоть. *Уже прелюбодействовал с нею в сердце своем:* а когда растлено сердце, то что пользы

в остальном теле? Когда в растениях и деревьях увидим сердцевину изъеденной, мы уже ни во что ставим остальную часть: так и в человеке, когда сердце погибло, тщетно уже здоровье остального тела. Возница пал, погиб, низринут: так напрасно уже бегут кони. Труден закон и имеет в себе много тяжкого, зато великий дает и венец; таковы именно дела трудные, что они доставляют великие награды. Но ты обращай внимание не на труд, а размышляй о воздаянии; так бывает и в житейских делах. Если будешь иметь в виду трудность подвигов, дело покажется тяжелым и невыносимым, а если будешь смотреть на награду, оно будет легко и удобоносимо. Так и кормчий, если бы смотрел только на волны, — никогда бы не вывел ладьи из пристани, но смотря на прибыток, а не на волны, он отваживается пускаться и в неизмеримое море. Так и воин, если будет смотреть на раны и поражения, — никогда не наденет брони; если же будет смотреть не на раны, а на трофеи и победы, то устремится на сражение, как на луг. Таким образом, и тяжелое по природе становится легким, когда мы не о трудах только размышляем, но и смотрим на награды за них. Хочешь ли знать, как трудное по природе становится легким? Послушай Павла, который говорит: *кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном пре-*

избытке вечную славу (2 Кор 4, 17). Слова эти загадочны. Если страдание, то как легкое? Если легкое, то как страдание? Одно с другим несовместно. Но (Павел) разрешил загадку, показав легкость (печали) следующими затем словами. Какими? Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое (ст. 18). Предложил венец — и сделал подвиг легким; показал награду — и облегчил труды. Так и ты, когда увидишь жену, красивую лицом и в светлой одежде; когда увидишь, что похоть подстрекает (тебя) и что душа (твоя) ищет этого зрелища, воззри на уготованный тебе на небе венец — и пройдешь мимо такого зрелища. Ты увидел подобную тебе рабыню? Помысли о Владыке — и несомненно прекратишь недуг. Если и дети, идя за учителем, не резвятся, не смотрят по сторонам, не пугаются, тем более ты не испытаешь ничего такого, видя при себе мысленно Христа. Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. С удовольствием и очень часто повторяю я слова этого закона; о, если бы мог я и целый день говорить об этом вам, или, лучше, не вам, но виновным в грехах, — а впрочем, и вам, потому что и вы будете более безопасны, и находящиеся в болезни скорее выздоровеют. Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

3. Одного чтения этих слов достаточно для очищения всякой гнилости греха. Но будьте снисходительны: мы очищаем раны, а очищающему раны необходимо употреблять и острые лекарства. Чем долее будете вы внимать (этим) словам, тем более будет очищаться гной. Как огонь чем сильнее объемлет золото, тем более истребляет ржавчину, так и страх, внушаемый этими словами, чем глубже проникнет в душу вашу, тем более очистит весь грех невоздержания. Сожжем же его здесь словом учения, чтобы не быть нам в необходимости сжечь его там — огнем геенским: этот огонь не коснется души, отошедшей отсюда чистой, но он обымет душу, отошедшую отсюда в грехах. *Дело каждого*, говорит Писание, *огонь испытает, <...> каково оно есть* (1 Кор 3, 13). Будем испытывать самих себя ныне без болезни, чтобы не быть испытанными тогда с болезнью. Что ни говори, скажешь, а закон труден. Что же? Бог повелевает нам невозможное? Нет, говоря; сомкни свои уста, не обвиняй Господа; это не оправдание, а новый грех хуже прежнего. А что у многих грешников есть обычай возводить обвинение на Господа, — так послушай. Приступил получивший пять талантов и принес другие пять; приступил получивший два таланта и принес другие два; приступил получивший (один) талант и, поскольку не мог принести другого та-

ланта, то вместо таланта принес обвинение. Как? *Я знал тебя*, говорит, *что ты человек жестокий*. О, бесстыдный раб! Он не довольствуется грехом, но возносит еще обвинение на господина: *жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал* (см.: Мф 25, 20–24). Так и в настоящей жизни все те, которые не делают ничего доброго, усугубляют грехи свои обвинением Господа.

Итак, не обвиняй Господа: Он не заповедал невозможного. Хочешь знать, что Он не заповедал невозможного? Многие делают даже больше заповеданного, но они не сделали бы этого при всем своем усердии, если бы заповеданное было невозможно. Господь не заповедал девства, а многие хранят (его); не заповедал нищеты, а многие бросают свое (имущество), свидетельствуя делами, что заповеди закона весьма легки: они сделали бы больше заповеданного, если бы заповеданное не было легким. Господь не заповедал девства, потому что кто заповедует девство, тот подчиняет человека необходимости закона и против воли его, а кто только советует, тот оставляет слушателя господином (своей) воли. Посему-то и Павел говорит: *относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет* (1 Кор 7, 25). Видишь, не повеление, но совет? Видишь, не заповедь, а внушение? А тут большая разность: одно — дело необходимости,

260 другое — дело произволения. Не повелеваю, го-
ворит, чтобы не обременить; убеждаю и сове-
тую, чтобы склонить. Так и Христос не сказал:
все пребывайте в девстве, потому что, если бы
Он повелел быть девственниками всем и эту за-
поведь сделал законом, то и исполнивший (ее)
не получил бы той великой чести, какую получа-
ет теперь, и преступивший понес бы самое тяж-
кое наказание. Видишь, как Законодатель ща-
дит нас, как печется о нашем спасении? Разве Он
не мог дать и эту заповедь и сказать: хранящие
девство да прославятся, а не хранящие да будут
наказаны? Но (чрез это) Он обременил бы нашу
природу, а Он щадит ее. Он поставил девство вне
поприща, поставил выше места борьбы, чтобы и
соблюдающие обнаружили величие своей души,
и несоблюдающие воспользовались снисхожде-
нием Владыки. Не дал Он также заповеди и о ни-
щете, не просто сказал: продай имение твое, но:
если хочешь быть совершенным, пойди, продай
имение твое (Мф 19, 21). Пусть (это) будет в твоей
воле; будь господином (своего) намерения; не
принуждаю, не обременяю; нет, исполняющего
я венчаю, а неисполняющего не наказываю. Что
делается по повелению и долгу, то не заслужи-
вает великой награды; а что по произволению
и собственной ревности, то доставляет блиста-
тельные венцы. И свидетелем этого представляю

Павла: *если я благовествую*, говорит он: *нечем мне хвалиться*. Почему? *Потому что это необходимая [обязанность] моя, и горе мне, если не благовествую* (1 Кор 9, 16). Видишь, исполняющий предписанное законом не заслуживает великой награды, потому что это необходимая обязанность, а неисполняющий подлежит наказанию и мучению. *Горе*, говорит, *мне, если не благовествую*. А в рассуждении прочего, что (зависит) от произволения, не так; но что? *За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благовествовании* (1 Кор 9, 18). Там был закон, поэтому (Павел) не заслуживал великой награды; а это было делом произволения, потому что он получил великую награду.

4. Все это сказано мной не без причины, но ради закона Божия, чтобы показать, что он не тяжек, не обременителен, не труден и не неисполним. Теперь же докажем это и самими словами Христа. *Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*. Знал это и Христос, что многие будут обвинять закон в трудности, посему не предложил его просто и в отдельности, но тут же припоминает и древний закон, чтобы чрез сравнение показать и легкость (закона), и свое человеколюбие. А как — послушайте. Не сказал просто: *кто*

262 *смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем (слушайте это со вниманием); но прежде напомнил о древнем законе, говоря: вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Видел ты два закона — древний и новый, (один), который дал Моисей, и (другой), который вводит Сам Он. Впрочем, и тот (Моисеев) Он же дал, потому что и чрез Моисея Он говорил. А откуда видно, что и тот закон дал Он же? Приведу свидетельство не из Иоанна и не из апостолов, так как у меня теперь состязание с иудеями, но из пророков, которым они, кажется, верят, — из них докажу, что и древний, и новый (завет) имеют одного Законодателя. Итак, что говорит Иеремия? *Я заключу с вами новый завет* (Иер 31, 31). Видишь и нового (завета) имя в ветхом? Видишь, что и это название известно стало за столько лет? *Я заключу с вами новый завет*. Но откуда видно, что и ветхий завет Он же (Христос) дал? Сказавши: *Я заключу с вами новый завет*, (Господь) присовокупил: *не такой завет, какой Я заключил с отцами вашими* (Иер 31, 32). Это так; но все еще мы не доказали своего предмета. Надобно выставить на вид и объяснить все, что представляет случай к спору, чтобы наше слово со всех*

сторон было чисто и чтобы бесстыдным не осталось никакой отговорки. *Я заключу с вами новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами вашими.* Бог постановил завет с Ноем, когда был потоп, желая избавить нас от страха, чтобы мы и при виде наводнения, и всегда, как видим дождь, не боялись, что и опять будет та всеобщая гибель; поэтому, говорит, *Я поставлю завет Мой с вами <...> и со всякою душою живою* (Быт 9, 9–10). Постановил также с Авраамом завет обрезания; постановил и чрез Моисея завет, известный всем. Иеремия сказал: *Я заключу с вами новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами вашими.* Скажи, каким отцам? И Ной был отец, и Авраам был отец: о каких же говорит Он отцах? Неопределенность лиц производит темноту. Здесь будьте внимательны. *Не такой завет, какой Я заключил с отцами вашими.* Дабы ты не сказал, что (Бог) говорит о завете с Ноем, — дабы не сказал, что говорит о завете с Авраамом, — Он вот как напомнил и о самом времени заветов. Сказав: *Я заключу с вами новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами вашими,* тут же указал и на время: *в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской.* Видишь, какую ясность сообщило определение времени? Теперь уже и иудей не противоречит: вспомни время и прими

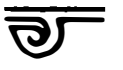

законодательство. *В тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской.* Но для чего Бог говорит и об образе исхода (иудеев из Египта)? *Когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской.* Чтобы показать Свою отеческую любовь, Он вывел их не как рабов, но взял, как отец дитя, и так освободил; не повелел, как рабу, позади себя идти, но взял за правую руку, как сына благородного и свободного, и так вывел. Видел ты, что у обоих заветов Законодатель один? Теперь, когда состязание мы уже кончили, я докажу тебе это же и из нового (завета), чтобы ты видел согласие (обоих) заветов. Видел ты пророчество посредством слов? Познай и пророчество посредством образов. Но, как и это, опять неясно, что такое пророчество посредством образа и что такое пророчество посредством слова, — то и это вкратце объясню. Пророчество посредством образа есть пророчество событий, а другое пророчество есть пророчество посредством слов; разумнейших (Господь) убеждал словами, а неразумных видением событий. Так как имело произойти событие великое, и Бог имел принять на Себя плоть; так как земля имела сделаться небом, и наше естество возвыситься до благородства Ангелов; так как проповедь о будущих благах превышала надежду и ожидание, — то, чтобы новое и нео-

бычайное, явившись внезапно, не смутило тех, которые тогда будут его видеть и слышать, (Бог) заранее предызображал (все это) посредством дел и слов и таким образом приучал наш слух и зрение и приготавлиал будущее. А это и было то самое, о чем мы говорили, то есть что означает пророчество посредством образа и что означает пророчество посредством слова: одно — посредством событий, другое — посредством слов. Скажу тебе пророчество и событием и словом об одном и том же: *как овца, веден был Он на заклание, и как агнец перед стригущим его безгласен* (Ис 53, 7). Это пророчество словом. А когда Авраам приносил Исаака, то, увидев овна, запутавшегося рогами, принес его в жертву на самом деле и в нем, как в образе, предвозвестил нам спасительную страсть.

5. Хочешь, докажу тебе делами, что, как я говорил, оба эти завета имеют одного Законодателя? Видел овна в (пророчестве посредством) слова (Ис 53, 7): познай (его) и в событии. *Скажите мне вы, желающие быть под законом* (Гал 4, 21). Хорошо (апостол) сказал: *желающие быть*, — потому что (они) не были; а если бы были под законом, то не были бы под законом. Слова эти, может быть, загадочны: (объясним их). Закон внимательных (к нему) приводит к Христу; а кто отвергает Учителя (Христа), тот не знает

и детоводителя (закона) (Гал 3, 25). Потому, говорит, *скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона? (Ибо написано:)* Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. <...> В этом есть *иносказание* (Гал 4, 21–22; 24). Видишь пророчество посредством события? Иметь жен — не слово, а событие. Я показал тебе рабу и свободную в словах, что один Законодатель обоих заветов: узнай (теперь) то же самое и в образах. Авраам имел двух жен: это два завета и один Законодатель. Как там овен и овен — один в слове, другой в деле, и при этом великое согласие в делах и словах, так и здесь два завета, и их-то Иеремия предрек словом, а Авраам изобразил событием, — тем, что имел двух жен, потому что как один муж и две жены, так один Законодатель и два завета. Но все это сказано и предложено (мною) — не должно ведь отступать от предмета — по поводу слов: *кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*. Так, но дело, для которого все это мы предложили, в том, для чего (Христос) читает им (Своим слушателям) древний закон? Он говорит им: *вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй*. Знал Он, что заповедь трудна, не сама по себе, но по нерадению слушающих. Многое и легкое само по себе становится

неудобоисполнимым, когда мы нерадивы, равно как и трудное делается легким и удобоносимым, когда мы ревностны, потому что трудность — не в природе вещей, но в воле делающих. А что это так, видно из следующего: мед по своей природе сладок и весьма приятен, но для больных он и горек, и неприятен, однако же не по собственной природе, а по болезни тех. Так и закон, если кажется трудным, то не по своей природе, но по нашему нерадению. Немногого стоит мне труда доказать, что он легок для исполнения; чтобы сделать его трудным, для этого надлежало бы сказать иное. Теперь Он говорит: убегай взгляда на жену, отложи невоздержание; а чтобы он был трудным, для этого надлежало бы сказать наоборот: ближе знакомься с женщинами, засматривайся на чужую красоту и затем побеждай похоть. Вот это было бы трудно. А что Он говорит: беги от печи, удались от огня, не приближайся к пламени, чтобы быть тебе невредимым, — это весьма легко, потому что такая заповедь сообразна с природой. *Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй.* Итак, для чего (Христос) напоминает нам о древнем законе, намереваясь ввести другой? Дабы ты из сравнения (обоих законов) познал, что нет противоречия между тем и другим, потому что когда бывает сравнение (двух предметов), то суждение (о них)

становится очевиднее. Так как некоторые готовы были возразить, что (Христос), говоря это, вводит противный прежнему закон, то вот, говорит Он, Я полагаю оба закона рядом: испытай и познай их согласие. Впрочем, делает Он так не для этого только, но и для того, чтобы показать, что (новый закон) и легок, и благовременно вводится. С этой целью говорит: *вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй*: столько-то времени вы упражнялись в древнем законе! Как учитель, обращаясь к ленивому отроку, который хочет еще заниматься старыми уроками, и, намереваясь повести его к высшим (познаниям), говорит: подумай, сколько времени употребил ты на это ученье, — так и Христос: чтобы напомнить, что (слушатели) много времени упражнялись в древнем законе и (много) посвятили ему и что пора уже перейти к высшему закону, указал им на бывшее некогда у отцов их законодательство, говоря: *вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй*. То сказано было древним, — *Я же говорю вам*. Если бы Он говорил древним, ты имел бы причину жаловаться, потому что тогда природа наша была менее совершенна; а когда природа (наша) пришла в большую силу и сделалась более совершенной, тогда уже настало время и для учения более совершенного. Поэтому Христос, лишь только еще начи-

нает законодательство, (в предотвращение того), чтобы кто-нибудь, видя большую строгость Любомудрия, не предался беспечности и нерадению, говорит: *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф 5, 20). Большого от меня требуешь труда? Почему? Разве я не одинаковой природы с теми (древними)? Разве я не (такой же) человек, как и они? Так, чтобы не сказали этого, зачем то есть увеличил для нас труды, зачем назначил большие подвиги, Господь наперед отстранил это возражение, сказав о Царстве Небесном: большие, говорит, предлагаю я и награды. Сказав о трудах, сказав о подвигах, сказав о большей строгости законодательства, Он напомнил о наградах. Не Палестину, говорит, даю вам, не землю, текущую молоком и медом — нет, предлагаю вам самое небо. Впрочем, если мы имеем преимущество (пред древними) в наградах за добродетели, то подлежим, в случае преступления закона, и большему наказанию за грехи. Как жившие до закона подверглись легчайшему наказанию, чем те, кто жил во время закона: *те, которые, говорит, не [имея] закона, согрешили, вне закона и погибли* (Рим 2, 12), то есть не будут иметь обвинителем своим закона, но произнесу, говорит, приговор над ними чрез самую природу их, мысли

их, то обвиняющие, то оправдывающие, — так и согрешающие под благодатью потерпят тяжчайшее наказание, чем те, которые согрешали в законе. Различие между теми и другими Павел показал так: отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия [наказывается] смертью, то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет? (Евр 10, 28–29). Видишь, под благодатью наказание больше, так как и награды больше? Но как я напомнил вам о страшных и духовных тайнах, то убеждаю вас, и молю, и прошу, и желаю со всем усердием, да приступаете к этой страшной трапезе, отложив всякий грех. Мир, говорит апостол, старайтесь иметь со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа (Евр 12, 14). А кто недостоин видеть Господа, тот недостоин и приобщения тела Господня. Поэтому Павел говорит: испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей (1 Кор 11, 28). Не обнаружил раны, не выставил вины на всеобщий позор, не представил свидетелей преступления: нет, внутри — в совести, в отсутствии всех, кроме всевидящего Бога, твори суд и исследование своих грехов и, разбирая всю жизнь,

веди грехи на судилище ума; исправь проступки и потом уже с чистой совестью приступай к священной трапезе и причащайся святой жертвы. Это имея в уме, также помня сказанное нами о невоздержании и то, какое наказание угрожает бесстыдно смотрящим на лица жен, а прежде и геенны имея пред очами страх и любовь Божию, будем очищать себя во всем и, таким образом, приступать к священным Тайнам, да примем их не в суд и осуждение, но во спасение и здравие души и в непрестанную надежду на это спасение о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

О покаянии и сокрушении сердца, а также о том, что Бог скор на спасение и медлен на наказание; здесь же дивная повесть о Рааве

Божественный апостол всегда говорит божественным и небесным языком и с великим искусством преподает евангельское слово, изрекая правила веры не от собственного

разума, а по царской своей власти. Преимущественно же он обнаруживает такое искусство тогда, когда обращается с речью о покаянии к согрешающим. О том же самом предмете и я буду беседовать с вами. Итак, вы слышали, — коснусь сказанного лишь отчасти, — как этот доблестный и дивный муж, беседуя с коринфянами, говорил: (боюсь), чтобы, *по пришествии моем <...> не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покались* (2 Кор 12, 20–21). По природе этот великий учитель был человек, а по воле — Божий служитель, почему он и говорит как бы небесным языком, и, как будто возглашая из самых небес, и грешников устрашает угрозами, и кающимся обещает прощение. Когда я говорю это, то приписываю власть не (личному) слову Павла, а возвожу все к благодати Божией, о чем говорил ныне он сам: или вы *ищите доказательства того, Христос ли говорит во мне* (2 Кор 13, 3)? Итак, он предлагает грешникам целительное врачевство и спасительное покаяние. Но сегодня с апостольским чтением совпало и евангельское властное изречение Спасителя, изобильно дарующее отпущение грехов. Исцеляя расслабленного, Спаситель, как вы только что слышали, сказал: *чадо! прощаются тебе грехи твои* многие (Мк 2, 5), а отпущение грехов — источник спасения и воздаяние покаяния. Покая-

ние есть врачевство, истребляющее грех; оно есть дар небесный, чудесная сила, благодатью побеждающая силу законов, почему оно ни блудника не отвергает, ни прелюбодея не отгоняет, ни пьяницы не отвращает, ни идолослужителем не гнушается, ни поносителя не отметаает, ни хулителя не гонит, ни гордеца, но всех переменяет, потому что покаяние — горнило греха. Но необходимо наперед познать намерение Божие (когда Он терпит согрешающих), приступая к такому рассмотрению не по нашим домыслам, а показывая, как истина свидетельствуется самими Божественными Писаниями. Когда Бог долготерпит грешникам, то имеет двоякую спасительную цель: с одной стороны, Он ищет чрез покаяние спасения им самим, а с другой — предуготовляет благодеяние для их потомков, которые будут успевать в добродетели. Бог, повторю опять, долготерпит, чтобы и сам грешник покался, и своим потомкам не заключил пути к спасению, потому что, хотя сам грешник и остается нераскаянным, Бог часто щадит корень, чтобы сохранить плоды, часто же, как прежде сказал я, исправляет и самый корень; а когда последний подвергается окончательной порче, то Бог отсрочивает наказание, ожидая, чтобы другие спаслись чрез покаяние. А как? Выслушай (следующее): Фарра, отец Авраама, был идолослужитель, однако не был

наказан здесь за свое нечестие; да это так и следовало, потому что откуда произрос бы такой плод веры, если бы Бог пресек корень? Что хуже Исава? Посмотри здесь на другой пример Божественного милосердия. Что бесстыднее его нечестия? Не он ли был блудник, или нечестивец, как сказал апостол (см.: Евр 12, 16)? Не матереубийца, не отцеубийца ли он? Не убийца ли брата, по крайней мере в мыслях? Не он ли ненавидим был Богом, как свидетельствует Писание, говоря: *Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел* (Рим 9, 13)? Если же он и блудник, и братоубийца, и осквернитель, и ненавидим Богом, то почему он не удаляется (из мира), почему не исторгается, почему не постигает его тотчас же достойная кара? Почему? Подлинно, следует указать причину. Если бы Бог погубил его, то мир лишился бы величайшего плода правды, а какого — послушай: Исав родил Рагуила, Рагуил — Зару, Зара — Иова. Видишь, какой погиб бы цвет терпения, если бы Бог наперед предал казни корень?

2. Так рассуждай и обо всех событиях. Так, Бог показывает долготерпение в отношении к египтянам, произносившим нетерпимые хулы, ради тех церквей, которые цветут ныне в Египте, ради монастырей и избравших ангельское житие. В самом деле, и законоведы утверждают, и римские законы предписывают беременную жен-

щину, если последняя совершит преступление, влекущее смертную казнь, предавать смерти не прежде, как она родит носимое в чреве. И такой закон весьма справедлив; составители законов не сочли справедливым губить зараз с преступной матерью неповинного младенца. Если же людские законы щадят ни в чем не повинных, то не гораздо ли больше, как и должно думать, сохранит корень Бог, предуготовляя плодам его благодеяние покаяния. Обрати, наконец, внимание на благодеяние покаяния и для самих грешников; причина Божественного милосердия и в отношении к ним — та же самая. Если бы наказание предупреждало исправление, то мир окончательно бы погиб и уничтожился. Если бы Бог ускорял наказанием, Церковь не приобрела бы Павла, не стяжала бы столь святого и великого мужа. Но Бог терпел его хулы, чтобы показать его обращение. Долготерпение Божие сделало гонителя проповедником, долготерпение Божие превратило волка в пастыря, долготерпение Божие из мытаря сделало евангелиста, чрез долготерпение Божие мы все помилованы, все переменились, все обратились. Когда увидишь, как бывший некогда пьяницей стал постником; когда увидишь, что хулитель стал богословом; когда увидишь, как сквернивший некогда свои уста постыдными песнями

теперь очищает душу божественными песнопениями, — прославляй долготерпение Божие, восхваляй покаяние и, смотря на такую перемену, говори: *сия измена десницы Вышняго* (Пс 76, 11). Бог благ ко всем людям, но преимущественно являет Свое долготерпение согрешающим. И если хочешь послушать нечто странное, — странное, впрочем, в обычном смысле, но истинное в рассуждении благочестия, — то выслушай.

К праведникам Бог везде является строгим, а к грешникам благим, и, будучи скор на помилование, Он восстанавливает падшего грешника и говорит ему: *упав, не встанут и, соvertedшись с дороги, не возвращаются?* (Иер 8, 4). И еще: для чего *крепко держится обмана* несмысленная дочь Иудина (ср.: ст. 5)? И опять: *обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам* (Мал 3, 7). И в другом месте Он, по великому Своему человеколюбию, клятвой подтверждает, что спасение дается покаянием: *живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез 33, 11). Праведнику же Бог говорит: если сотворит человек всякую правду и всякую истину и, соvertedшись, согрешит, не помяну правды его, но в грехе своем умрет (ср.: Иез 18, 24). Какая строгость к праведнику! Какое щедролюбие к грешнику! Так Бог употребляет разнообразные и различные сред-

ства, не Сам переменяясь, но разделяет щедроты Своей благодати сообразно нашей пользе. А как? Послушай. Если Он устрашит грешника, упорно пребывающего в грехах, то приведет его к отчаянию и лишит надежды; а если похвалит праведника, то ослабит силу его добродетели и сделает то, что последний, как человек уже удостоившийся похвалы, будет нерадив к подвигам (добродетели). Поэтому-то Он грешника милует, а праведника устрашает. *Страшен*, говорит Писание, *есть над всеми окрестными Его* (Пс 88, 8); и: *Благ Господь всяческим* (Пс 144, 9). *Страшен*, говорит, *есть над всеми окрестными Его*. Кто же эти окрестные, как не святые? *Бог*, говорит Давид, *прославляемь в совете святых, Велий и Страшен есть над всеми окрестными Его* (Пс 88, 8). Если Он увидит падшего, простирает руку милосердия; если увидит стоящего, наводит (на него) страх, и поступает Он так по справедливости и правосудию, потому что праведника страхом Он подкрепляет, а грешника милосердием восстанавливает. Желаете знать, как благовременна бывает Его благодать и как полезна и пригодна бывает нам Его строгость? (В таком случае) тщательно внимай (словам моим), чтобы это высокое рассуждение не ускользнуло от тебя. Жена грешница, погрязшая во всякого рода грехах и беззакониях, повинная в стольких грехах, одержимая

бесчисленными греховными делами, возжаждав спасения от покаяния, проникла на пир святых, — пиром же святых я называю (этот пир) потому, что здесь присутствовал Святой святых. Когда Спаситель возлежал в доме Симона фарисея, пришла эта грешная жена, коснулась ног Спасителя, омывала слезами ноги Его и отирала волосами. И Человеколюбец восстанавливает погребенную в бесчисленных грехах, говоря: *прощаются грехи ее* (Лк 7, 47). Я не намерен теперь исследовать всей этой истории, а (хочу) привести одно только свидетельство. Итак, смотри, какая щедрость! *А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много.* Итак, грешная эта жена получила прощение стольких грехов, а Мария, сестра Моисея, за малый ропот, осуждается на проказу (Чис 12, 1 и сл.). Грешникам Бог говорит: *если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис 1, 18); покаянием Он изменяет мрак в свет и словом благодати разрешает бесчисленные грехи; к ходящему же в правде говорит: *кто скажет брату своему: «безумный», подлежит геенне огненной.* (Мф 5, 22). За одно слово он определил такое наказание, а при множестве грехов обнаруживает великое снисхождение.

3. Заметь еще и вот что достойное удивления. Грехи наши считаются как бы долгами, и то-

гда как кающимся грешникам Бог прощает весь долг, от праведников требует, напротив, еще и лихвы. Приступил к Нему человек, который должен был много талантов, и так как он, каясь, и с усиленной просьбой молил о деле и сказал: *государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу* (Мф 18, 26), то Человеколюбец не ждал уплаты, а вменил признание вместо уплаты долга. Должнику десяти тысяч талантов Он простил все решительно, тогда как от праведников, говорит Он, будет требовать еще лихвы: *для чего же не дали серебра моего в оборот, чтобы я, придя, получил его с прибылью?* (Лк 19, 23). Я говорю это не потому, что Бог будто бы враждебно относится к праведникам, — для Бога нет ничего возжеленнее праведника, — а потому, что, как я сказал раньше, грешника Он утешает, чтобы восстано-вить, а праведника устрашает, чтобы утвердить (в правде); и первым прощает многочисленные грехи как врагам и надменным, в последних же строго примечает и маловажное, желая, чтобы не было никакого недостатка в их совершенстве. Что в этом мире богатый, то праведник у Бога, и что в мире бедный, то у Бога грешник. Ничего нет беднее грешника, и ничего нет богаче добродетельного. Поэтому-то о живущих в благочестии и правоте Павел говорит: *благодарю Бога, <...> потому что в Нем вы обогатились всем,*

всяким словом и всяким познанием (1 Кор 1, 4–5), а о нечестивых блаженный Иеремия говорит: *они глупы, потому что не могут слышать слово Господне* (Иер 5, 4). Видишь, как убогими называет отторгнувшихся от благочестия? Итак, грешников, как убогих, Бог милует, от праведников же, как от богатых, взыскивает; первым снисходит ради убожества, а от последних, по богатству их благочестия, строго требует отчета. Как поступает Он с праведниками и грешниками, так точно поступает с богатыми и убогими. Подобно тому как грешника Он восстанавливает милосердием, а праведника устрашает строгостью, так точно Он проявляет Свое попечение и в делах мира. Если Он видит блистающих достоинствами могущественных царей, князей, всех (словом), кто изобилует богатством, то говорит с ними, возбуждая страх, и с пользой присоединяет к власти страх. *И ныне, царие, разумейте, накажитесь вси судящи земли. Работайте Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс 2, 10–11), потому что Он есть Царь царствующих и Господь господствующих (1 Тим 6, 15). Где начальство власти, там Он прилагает страх Своего царства, где смирение простоты, там приносит врачевство Своего милосердия, потому что Он великий Бог — Царь царствующих и Господь господствующих, и Он, снисходя со Своего до-

стоинства, является, по изображению Священного Писания, и Отцом сирых, и Судьей вдовиц, будучи в то же время Царем царствующих, Князем княжащих и Господом господствующих. Видишь, сколь велико Его щедрое милосердие? Видишь, как полезен (тот) страх при благочестии и власти, (который внушает Он)? Там, где Он усмотрел, что довольно будет для утешения власти, приложил с пользой страх; а где усмотрел угнетенное приниженностью сиротство и обнищавшее в изнеможении вдовство, там дал в утешение милосердие. Я отец сирых (ср.: Пс 67, 6). Бог поступает двояко: являет Свое милосердие и наказывает могущество. Он называет Себя Отцом сирых, желая утешить несчастных и в то же время устрашить людей сильных, чтобы они не обижали сирот и вдовиц. Так как смерть похитила у них: у одного — отца, у другой — мужа, то закон Божественной любви восстанавливает тех, кого поразила закон природы, и та же самая благодать в лице Царя святых вдове дает судью, а сироте отца. Итак, если ты, нечестивец, притесняешь вдовиц, то раздражаешь Пекущегося о них, если обижаешь сирот, обижаешь сынов Божиих. Я, говорит, Отец сирот и Судья вдовиц (ср.: Пс 67, 6). Кто же так дерзок в своем нечестии, чтобы обижать сынов Божиих и оскорблять вдовиц, о которых заботится Бог? Видишь, как

мудро уготовляет Он врачевство благочестия; (видишь, как Он), не изменяясь Сам, а приспособляясь к нуждам человеческим, одним внушает страх, а другим являет милосердие? Итак, воспользуемся спасительным врачевством покаяния, или, лучше, — получим от Бога врачующее нас покаяние, потому что не мы Ему приносим его, а Он нам даровал его. Видишь строгость Его в законе? Видишь милосердие Его в благодати? Когда я говорю о строгости в законе, то не порицаю суда, а прославляю милосердие евангельской благодати, потому что закон неумолимо наказывал согрешающих, а благодать с великим долготерпением отлагает казнь, чтобы привести (согрешающего) к исправлению. Итак, братья, примем спасительное врачевство покаяния, примем врачевство, очищающее наши грехи. Но истинное покаяние не то, которое произносится лишь на словах, а то, которое утверждается делами и, исходя из самого сердца, истребляет скверну нечестия. *Омойтесь, сказано, (и) очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих* (Ис 1, 16). Что значит это излишество слов в выражении? Не достаточно ли было сказать: *удалите злые деяния ваши*, чтобы показать все? Почему же прибавлено: *от очей Моих*? Потому, что иначе видят глаза людские, и иначе видит око Божие. *Человек смотрит на лице, а Господь*

смотрит на сердце (1 Цар 16, 7). Не по виду лишь притворяйтесь кающимися, а покажите плоды покаяния *пред очами Моими*, которые испытывают тайники сердца.

4. Но и очистившись от грехов, мы должны иметь эти самые грехи пред своими глазами. И если Бог по Своему милосердию простит тебе грех, ты имей его пред глазами ради безопасности своей души, потому что память о прежних грехах предохраняет от будущих и кто сокрушается о прежних, тот остерегается их повторения. Потому-то и Давид говорит: *и грех мой предо мною есть выну* (Пс 50, 5), чтобы, имея пред глазами прежние грехи, не впасть в будущие. А что Бог требует от нас такого памятования, послушай, как Сам Он говорит: *Я Сам изглаживаю грехи твои, и не помяну. Ты же припомни Мне; станем судиться*, говорит Господь; *говори ты беззакония твои прежде, чтоб оправдаться* (Ис 43, 25–26). Бог не требует для покаяния продолжительного срока: сказал твой грех — и ты оправдан, покался — и помилован; не время оправдывает, а усердие кающегося уничтожает грех. Может случиться, что и трудившийся много времени не достигнет спасения, и в короткое время искренно покаявшийся освободится от греха. Блаженный Самуил употребил много времени на молитву о Сауле и много ночей провел

без сна, (молясь) о спасении согрешившего, но Бог, невзирая на время, потому что с молитвой пророка не соединилось покаяние согрешившего, говорит Своему пророку: *доколе будешь ты печалиться о Сауле, которого Я отверг* (1 Цар 16, 1). Слово: *доколе* означает продолжительность (молитвы) и настойчивость молившегося. И Бог пренебрег продолжительностью молитвы пророка, потому что с ходатайством праведника не соединилось покаяние царя. Напротив, блаженному Давиду, который, получив от святого пророка Нафана обличение греха, тотчас же вслед за угрозой обнаружил искреннее обращение и сказал: *согрешил я пред Господом* (2 Цар 12, 13), — одно это слово, в одно мгновение произнесенное от чистого сердца, тотчас же лишь только он покался, принесло всецелое спасение, потому что за этим словом последовало немедленное исправление. Поэтому Нафан говорит ему: *и Господь снял [с тебя] грех твой* (2 Цар 12, 13).

Смотри же, как Бог медлителен на наказание и скор на спасение. И подумай прежде всего, сколько времени милосердный (Бог) отлагал обличение. Давид согрешил; жена понесла во чреве, и никакого обличения в грехе не последовало; целитель греха посылается после того, как родился уже зачатый от греха младенец. Поче-

му же Бог не тотчас же привел к исправлению согрешившего? Потому что знал Он, что в увлечении грехом душа грешников слепотствует, что уши погруженных в глубь греха глухи; поэтому Он и медлит оказанием помощи душе, в которой пылает страсть, и спустя так много времени дает обличение, — и в одно мгновение совершается и покаяние и прощение. *И Господь снял [с тебя] грех твой.* О, домостроительство Божие, приводящее к спасению угрозой! Видишь, как скор Бог на спасение? Точно так же поступает Он и с другими людьми, медля на погибель и ускоряя на спасение. У нас, у людей, — употребляю такое сравнение, — здания строятся много времени, и простой дом мы строим немало времени; чтобы построить, требуется, таким образом, много времени, а чтобы разрушить — немного. А у Бога — наоборот. Когда Он устраивает, то строит скоро, а когда разрушает, то разрушает медленно. Скор Бог на устройство, медлен на разрушение, потому что Богу пристойно и то и другое; в первом обнаруживается Его могущество, во втором — благость; по преизбытку могущества Он скор, по великой благости — медлен. Слова наши подтверждаются самим делом. В шесть дней Бог сотворил небо и землю, великие горы, равнины, скалы, долины, леса, травы, источники, реки, рай, все (словом) разнообразие, поражающее

глаза наши — это великое и широкое море, острова, приморские и внутренние страны; весь этот видимый мир, со всей его красотой, Бог сотворил в шесть дней; и наполняющие этот мир разумные и неразумные существа и весь видимый нами распорядок Он созидает в шесть дней. И этот Бог, столь скорый в создании (вселенной), по Своей благодати оказался медлителен, когда захотел погубить один город. Он хочет разрушить Иерихон и говорит Израилю: обходите его семь дней, и в седьмой день падет стена (см.: Нав 6, 3–4). Ты созидаете весь мир в шесть дней, и один ли город разрушаете в семь дней? Что же препятствует Твоему могуществу? Почему не вдруг разрушаете его? Не о Тебе ли восклицает пророк: *если бы Ты расторг небеса [и] сошел! горы растаяли бы от лица Твоего, как от плавящего огня* (Ис 64, 1–2)? Не поведав ли о делах Твоей силы, говорит Давид: *не убоимся, внегда смущается земля и преллагаются горы в сердца морская* (Пс 45, 3)? Ты можешь переставлять горы, ввергать их в море, а не хочешь (затем) разрушить одного непокорного города и назначаешь семь дней на его разорение. Почему? Не потому, говорит, что могущество бессильно, а (потому, что) милосердие долготерпеливо. Дарую семь дней, как три дня Ниневии; может статься, что город примет проповедь покаяния

и спасется. Но кто будет проповедовать им покаяние? Враги облегали город, вождь окружал стены; велик страх (в городе), велико смятение! Какой же путь покаяния открыл Ты им? Послал ли Ты пророка? Прислал ли благовестника? Был ли кто-нибудь у них, кто внушил бы им полезное? Да, говорит, у них был такой учитель покаяния — та дивная Раав, которую спас Я покаянием. Она была из одного и того же рода; но так как она не была одинаковых с ними мыслей, то, не приобщившись их неверию, она не приобщилась и греху их.

5. И посмотри, какая необычная проповедь милосердия! Тот, который говорит в законе: *не прелюбодействуй*, не соблуди (Исх 20, 14), переменя слово (закона) по милосердию, восклицает чрез блаженного Иисуса: Раав блудница да будет жива (Нав 6, 16). Этот Иисус, сын Навина, говорящий: блудница да будет жива, был прообразом Господа Иисуса, Который говорит: *мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие* (Мф 21, 31). Но если ей надлежит жить, то зачем она блудница? А если блудница, то для чего *да будет жива*? Я, говорит, указываю на прежнее ее состояние, чтобы ты подивился происшедшей затем перемене. Что же такого, скажешь, сделала Раав, что принесло ей спасение? То ли, что приняла она с миром соглядатаев? Так

поступает и (всякая) содержательница гостиницы. Не речами одними только приобретает она спасение, а предшествовавшей им верой и любовью к Богу. И чтобы тебе знать высоту ее веры, послушай, как само Писание повествует и свидетельствует о совершенных ею добрых делах. Она жила в непотребном доме, как драгоценный камень, валяющийся в грязи, как золото, затонувшее в тине, как цвет благочестия, заглушенный тернием; благочестивая душа была заключена в злочестивом месте. Обратите тщательное внимание на слова мои. Она приняла соглядатаев; и от Кого отрекся Израиль в пустыне, Того Раав проповедала в непотребном доме. Для чего упоминаю я об Израиле в пустыне? Когда гора исполнена была облаком, мраком, шумом труб, молнией и другими страшными явлениями, то из среды огня Израиль услышал от Бога: *слушай, Израиль: Господь, Бог твой, Господь один есть* (Втор 6, 4), *да не будет у тебя других богов* (Исх 20, 3). *Я на небе вверху и на земле внизу, [и] нет еще Бога [кроме] Меня* (Втор 4, 39). Израиль после того, как выслушал это, слил тельца и отверг Бога; он забыл Владыку, отвергнул Благодетеля и говорит Аарону: *сделай нам богов* (Исх 32, 1). Если *боги*, то почему *сделай*? Как могут быть богами, если их можно сотворить? Так-то слепая страсть воюет сама с собой и сама себя гу-

бит. Один вылит телец, а неблагодарный Израиль восклицает: *вот боги твои, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской* (Исх 32, 4). *Вот боги*; одного только видят тельца, один созданный кумир, почему же (говорят) *вот боги*? Этим народ хотел показать, что он поклоняется не тому только, что было пред его взорами, а воображает себе и многобожие, высказывает свою мысль, а не просто рассуждает о лежащем пред глазами. Но возвратимся к нашему предмету. Что слышал Израиль, ограждаемый столь многими чудесами, руководимый наставлениями закона, и от чего отвергся, то прославляет Раав, заключенная в непотребном доме. Она говорит соглядателям: мы узнали, что сотворил Бог ваш египтянам. Иудей говорит: *вот боги твои, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской*, а блудница приписывает спасение не богам, а Богу: мы узнали, говорит она, что сотворил Бог ваш египтянам в пустыне, слышали, и истаяло сердце наше и нет в нас силы (см.: Нав 2, 9–11). Узнали, что сотворил Бог ваш. Видишь, как она верой воспринимает слово Законодателя? Знаю, говорит она, *Бог ваш есть Бог на небе вверху и на земле внизу* и кроме Его нет Бога (Нав 2, 11).

Раав прообразовала церковь, некогда оскверненную демонским блудодеянием, а ныне принявшую соглядатаев Христа — апостолов,

посланных не Иисусом Навином, но Иисусом — истинным Спасителем. Знаем, говорит, *Бог ваш есть Бог на небе вверху и на земле внизу* и кроме Его нет Бога. Это (учение) приняли иудеи и не сохранили; это (учение) слышала Церковь и верно соблюла. Итак, всякой похвалы достойна Раав, прообразовавшая собой церковь. Потому-то и доблестный Павел, уразумев достоинство ее веры и смотря на нее не как на отверженную по причине прежнего состояния ее, а как на угодную Богу по ее благочестивому обращению, сопричисляет ее всем святым и, сказав: *верую Авель принес жертву* (Евр 11, 4), верой Авраам сделал то-то и то-то, *верую Ной <...> приготовил ковчег* (ст. 7), верой Моисей сделал и совершил такие-то и такие-то дела и упомянув по порядку многих святых, наконец присовокупил: *верую Раав блудница, с миром приняв соглядатаев и (проводив их другим путем), не погибла с неверными* (ст. 31). И посмотри, с какой великой мудростью соединяет она свои добрые чувства. Когда посланные царем сыскать соглядатаев говорят ей: «не вошли ли к тебе мужи?» — она отвечает им: «да, вошли». Сначала она утверждает истину, чтобы присоединить затем ложь, потому что сама по себе одна ложь никогда не заслужит доверия, если не оградит себя наперед истиной. Поэтому-то те, кто желает солгать убедительно,

сначала говорят правду и то, что известно всем, а затем присоединяют уже ложное и сомнительное. «Вошли к тебе соглядатаи?» «Да», — говорит она. Если бы она сначала сказала «нет», то пода-ла бы посланным повод к розыску. Но она гово-рит: вошли и вышли таким-то путем; *гонитесь скорее за ними, вы догоните их* (Нав 2, 5). О, пре-красная ложь! О, прекрасный обман, не предаю-щий (на поругание) божественного, но сохраня-ющий благочестие! Итак, если Раав покаянием удостоилась такого спасения, если она прослав-ляется устами святых, устами Иисуса Навина, возглашающего в пустыне: да жива будет Раав блудница, равно как и Павла, который говорит: *верую Раав блудница, <...> не погибла с невер-ными*, то не тем ли больше получим спасение мы, если принесем покаяние? Настоящая жизнь есть время покаяния; обременяющие нас грехи грозят нам великой опасностью, если покаяние не предотвратит наказания. *Предварим лице Его во исповедании* (Пс 94, 2), угасим пожар грехов-ный, не изобильной водой, а малыми слезами. Велик огонь греха, но угасает от немногих слез, потому что слеза гасит пожар греховный и омы-вает зловоние греха. Об этом свидетельствует блаженный Давид, когда он, указывая, как силь-на слеза, говорит: *измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс 6, 7).

Если бы он хотел означить только обилие слез, то достаточно было бы сказать: *измыю на всякую нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу*; для чего же он наперед сказал: *измыю*? Для того, чтобы показать, что слезы омывают и очищают от грехов.

6. Грехи служат причиной всех несчастий; за грехи насылаются печали, за грехи беспокойства, за грехи войны, за грехи болезни и все тяжкие страдания, какие только с нами ни случаются. Подобно тому как искусные врачи не довольствуются исследованием видимых (признаков) болезней, а разыскивают причину видимых (ими болезней), так и Спаситель, желая показать, что грех служит причиной всех человеческих бедствий, обращаясь к расслабленному телом, — так как Целитель душ знал, что последний сначала расслабел душой, а затем уже и телом, — говорит ему: *ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин 5, 14); следовательно, причиной и предшествующей болезни был грех. Он служит причиной наказания, он причина печали, он бывает источником и всякого несчастья. Впрочем, я дивлюсь тому, как Бог, определивший вначале человеку печаль (в наказание) за грех, нарушает (новым) определением (бывшее раньше) определение и уничтожает (новым) осуждением

(прежде бывшее) осуждение. А как — послушай. За грех дана была печаль, и печалью разрушается грех. Тщательно внимай словам моим. Бог, угрожая жене и налагая наказание за преступление, говорит ей: *в болезни будешь рождать детей* (Быт 3, 16), и этими словами показал, что болезнь — плод греха. Но — о, Великощедрый! То самое, что дал в наказание, обратил (в средство) к спасению. Грех породил печаль, печаль истребила грех. Как червь, рождаясь из дерева, губит самое дерево, так и печаль, рожденная грехом, истребляет грех, когда сопровождается покаянием. Поэтому Павел и говорит: *печаль ради Бога производит неизменное покаяние к спасению* (2 Кор 7, 10). Прекрасна печаль в душах искренно кающихся; приличен грешникам плач о грехах: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф 5, 4); восплачь о грехе, чтобы тебе не восплакать о наказании; оправдайся пред Судьей прежде, чем предстанешь пред судилищем. Или ты не знаешь, что все, желающие смягчить судью, умоляют его не при самом разбирательстве дела, а умоляют еще до прихода на суд или чрез друзей, или чрез покровителей, или каким-нибудь иным способом? То же следует сказать и относительно Бога: во время суда нельзя уже склонить Судью, до наступления же суда можно умолить Его. Потому-то и говорит Давид: *предварим*

лице Его во исповедании (Пс 94, 2). Там Великого Судью уже не прельстит ораторское искусство, не поколеблет могущество; Он ни на достоинства не взирает, ни лица не стыдится, ни деньгами не подкупается, но страшно и неумолимо Его правосудие.

Итак, будем здесь смягчать и молить Судью; здесь станем преклонять Его всеми силами, но не деньгами; впрочем, если нужно сказать правду, Человеколюбец преклоняется и деньгами, которые принимает Он не Сам, а чрез бедных. Дай нуждающемуся денег — и ты умолил Судью. Говорю это, заботясь о вас, как близких друзьях, потому что покаяние без милостыни мертво и лишено крыльев; не может окрылиться покаяние, не имея крыла милостыни. Вот почему для Корнилия, чистосердечно покаявшегося, милостыня сделалась крылом благочестия: *милостыни твои*, говорится в Писании, *и молитвы твои пришли* на небо (Деян 10, 4), потому что, если бы покаяние его не имело крыла милостыни, то не взошло бы на небо. Теперь (и нам) отверзлось торжище милостыни: мы видим пленников и нищих, видим бродящих на площади, видим вопиющих, видим плачущих, видим стонущих; дивное торжище предлежит нам; цель же всякого торжища и забота всякого купца состоят не в ином чем, как в том, чтобы за малую цену ку-

пить что продается, а продать за большую. Не в этом ли цель всякого купца? Не с тем ли намерением начинают заниматься торговлей, чтобы за дорогую цену продать дешево купленное и таким образом получить во много раз большие барыши? Такое-то торжище предложил нам и Бог; приобрети оправдание недорогой ценой, чтобы за дорогую продать его впоследствии, если только воздаяние можно назвать перепродажей. Здесь оправдание покупается недорогой ценой: ничего не стоящим куском хлеба, дешевой одеждой, чашей холодной воды: *кто напоит <...> чашею холодной воды, <...> истинно говорю вам, говорит Учитель духовной купли, не потеряет награды своей* (Мф 10, 42). За чашу студеной воды есть награда, а за одежды и деньги, подаваемые с целью благодеяния, не будет награды? Наоборот, даже великая награда. Итак, для чего упомянул Он о чаше студеной воды? Он хотел этим указать на милостыню, не требующую никаких издержек. На студеную воду ты не тратишь ни дров, не иждиваешь и ничего другого. Если же так высоко ценится милость благодеяния там, где подаяние чуждо издержек, то какого воздаяния следует ожидать от праведного Судьи в том случае, когда снабжают (бедных) одеждami, раздают деньги и обильно наделяют прочими благами? Итак, доколе будут лежать

пред нами добродетели, которые можно приобрести недорогой ценой, возьмем их, восхитим, купим у Великощедрого. *Жаждающие*, говорит Писание, *идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте* (Ис 55, 1). Доколе предлежит торг, купим милостыню, лучше же сказать — милостыней купим спасение. Ты одеваешь Христа, когда одеваешь нищего. Это, скажешь, я знаю прекрасно и твердо; это я и раньше знал, не ты первый учишь, не от тебя от первого слышу это; не необычное ты проповедуешь, а чему часто учили нас многие из присутствующих. Знаю и сам я, знаю, что вас часто наставляли в этих и подобных истинах: но о, если бы мы, часто обучаясь им, хотя немного сделали хорошего! *Благотворящий бедному дает займы Господу* (Притч 19, 17). Дадим займы Богу милостыню, чтобы воспринять от Него милосердное воздаяние. О, сколь мудро это изречение: *благотворящий бедному дает займы Господу*! Почему не сказано: *благотворящий бедному дает Богу*, а: *дает займы*? Знало Писание наше корыстолюбие, заметило, что алчность наша, питаемая любостыжанием, ищет излишества; для того и сказала оно не просто: *благотворящий бедному дает Богу*, дабы ты не подумал, что дело идет о простом возмездии, но сказано: *благотворящий бедному дает займы*

Господу. Если Бог берет у нас займы, то Он уже наш должник. Итак, каким же хочешь ты иметь Его — судьей или должником? Должник чтит дающего займы, судья же не щадит получающего займы.

7. Необходимо рассмотреть еще и другую причину, почему Бог сказал: подающий бедняку даст займы Мне. Так как Он знал, что наше любостяжание стремится к прибытку, как я сказал раньше, и что имеющий деньги ни в каком случае не захочет дать займы без ручательства, потому что заимодавец требует или залога, или обеспечения, или поручителя и под этими тремя ручательствами вверяет свои деньги, то есть когда, как выше сказано, или возьмет поручительство, или залог, или обеспечение; так как знал Бог, что без таких ручательств никто не дает займы, что всякий руководится не человеколюбием, а взирает на одну только прибыль, между тем бедняк лишен подобного рода ручательств, потому что не имеет ни залога, — ибо ничем не владеет, — ни обеспечения, — ибо наг, — ни поручителя, — ибо по бедности ему не доверяют; так как знал Бог, что бедняк подвергается опасности по своей бедности, а имеющий деньги подвергается опасности за свое жестокосердие, то сделал Себя посредником (между тем и другим), для бедняка стал поручителем, а для заимодавца

залогом. Не веришь ты, говорит Он, бедняку ради его скудости, поверь Мне ради Моего богатства. Увидел бедного — и оказал сожаление, увидел бедного — и не презрел, но Себя Самого дал порукой за неимущего и по Своей великой благодати пришел на помощь нуждающемуся, о каком Его милосердии свидетельствует блаженный Давид, говоря: *яко предста одесную убогаго* (Пс 108, 31). *Благотворящий бедному дает взаймы Господу* (Притч 19, 7). Будь, говорит, благонадежен: Мне взаймы даешь. Что же такое приобрету я, если даю Тебе взаймы? Поистине, преступнейшее дело — требовать отчета от Бога. Впрочем, снисходя твоему беззаконию и желая милосердием победить твою жестокость, исследуем и это. Какую пользу получаешь ты, когда даешь взаймы другим? Какого прибýtка ищешь ты от них? Не на сто ли ищешь один, если ищешь законной лихвы; а если обогащаешься, увлекаясь своей алчностью, то соберешь двойной или тройной неправедный плод. Но я награждаю большим твою страсть к любостыжанию; иду дальше твоих ненасытных желаний; богатством моим покрываю твои безмерные стремления. Ты ищешь в сто раз меньшего, а Я даю тебе в сто раз большее. Итак, Ты заимствуешь, Господи, Ты берешь здесь от меня взаймы милостыню, подаваемую нищему, чтобы некогда мне воздать ее? Тогда я ищу дого-

вора и желаю утвердить взаимные условия; объяви мне время уплаты, назначь определенный срок, когда я получу обратно долг. Совершенно излишни такие условия. *Верен Господь во всех словесех своих* (Пс 144, 13). Но так как честный должник обыкновенно определяет срок и назначает день (уплаты), то послушай, когда и где воздаст тебе долг Тот, Кто взял у тебя займы чрез нищего. Когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его (здесь обрати внимание, как честно поступает должник по отношению к займодавцу, с какой великой благодарностью воздает взявший займы): *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира. За что? За то, что алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; <...> наг был, и вы одели Меня; <...> в темнице был, и вы пришли ко Мне; <...> был странником, и вы приняли Меня* (Мф 25, 31; 34–36). Тогда хорошо послужившие в этой жизни, взирая на собственную немощь и на достоинство взявшего займы, говорят: *Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили?* (ст. 37). Тебя, на Которого очи всех уповают, и Ты даеши им пищу в изобилии (Пс 144, 15)? О, великая

благость! Он скрывает Свое величие ради милосердия. *Алкал Я, и вы дали Мне есть. О, великая благость! О, безмерная милость! Даяй пищу всякой плоти* (Пс 135, 25), отверзающий руки Свои и исполняющий всякое животное благоволения (Пс 144, 16), алкал, говорит, и дали Мне есть, не по унижению своего достоинства, а по человеколюбию своему, ставшему порукой за бедных. *Жаждал, и вы напоили Меня.* Кто говорит это? Тот, Кто вливает водное естество в озера, реки и источники, Тот, Кто говорит в Евангелии: *кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой* (Ин 7, 38), Тот, Кто сказал: *кто жаждет, иди ко Мне и пей* (ст. 37). Но говорит еще: *наг был, и одели Меня.* Мы одели Того, Кто одевает небо облаками, Кто облакает всю Церковь и вселенную. *Все вы, говорится в Писании, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал 3, 27). *В темнице был.* Ты ли в темнице, изводящий окованные (Пс 67, 7)? Изъясни, что говоришь, потому что величие отрицает говоримое Тобой. Когда видели мы Тебя в такой нужде? Когда сделали это? Так как, отвечает Он, *сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф 25, 40). Не истинно ли изречение: *благотворящий бедному дает взаймы Господу*? И вот что, заметь, удивительно: ни о какой

другой добродетели не упоминает Он, кроме дел милостыни, хотя и мог сказать: *приидите, благословенные*, потому что вы целомудренно жили, потому что сохранили девство, избрали евангельское житие, но умалчивает об этом, не потому, чтобы недостойно было упоминания, а потому, что эти добродетели ниже милосердия. Но как этим, стоящим одесную, Он назначил царство, дарованное за милосердие, так, наоборот, стоящим с левой стороны грозно изрек наказание за непринесение плода (милостыни). *Идите проклятые* в мрак крошечный, *уготованный диаволу и ангелам его* (ст. 41). Почему? За что? За то, что алкал, *и не дали Мне есть* (ст. 42). Не сказал: за то, что блудодействовали, прелюбодействовали, за то, что воровали, лжесвидетельствовали, за то, что нарушили клятву; нет сомнения, и это — пороки, но более простительные, чем бесчеловечие и немилосердие. Почему, Господи, не упоминаешь Ты о других грехах? Не сужу, говорит, грех, но жестокость; не сужу согрешивших, но непокаявшихся. За жестокосердие осуждаю вас, за то, что, имея такое великое и сильное врачевство к спасению — милостыню, которой заглаживаются все грехи, вы презрели такое благодеяние. Итак, я поношу жестокосердие, как корень зла и всякого нечестия; хвалю (напротив) милосердие, как корень всех

благ, — и одним угрожаю огнем вечным, а другим обещаю Царство Небесное. Хороши, Владыка, и обетования Твои, прекрасно и Твое ожидаемое царство, равно полезна и геенна, которой Ты угрожаешь; одно — потому что поощряет нас, другая — потому что устрашает. Прекрасно поощряет царство, а геенна к пользе устрашает, потому что Бог грозит геенной не потому, чтобы желал ввергнуть в геенну, а чтобы избавить нас от геенны: если бы Он хотел наказать, то не грозил бы наперед, чтобы мы не предостерегались и не избежали угрозы. Бог угрожает мщением, чтобы мы избежали действительного мщения; устрашает словом, чтобы не наказывать самим делом. Итак, дадим Богу взаймы милосердие. Дадим взаймы, чтобы, как я сказал раньше, обрести Его должником, а не судьей, потому что должник стыдится займодавца, стыдится — и оказывает ему почтение. Если займодавец придет к дверям должника, то последний убегает, если не имеет средств (к уплате), а если имеет, смело принимает его. Обрати внимание еще и на нечто другое, что заставляет удивляться Праведному Судье, если сравнить это с образом поведения людей. Если ты дашь взаймы какому-нибудь бедняку, а должник впоследствии разбогатеет и окажется, наконец, в силах уплатить долг, тогда он отдает его, таясь от лю-

дей, чтобы не испытывать стыда за прежнее свое состояние, и выражает (заимодавцу) благодарность, а благодеяние его скрывает, стыдясь прежней нужды. Бог же поступает не так: Он тайно берет займы, а возвращает долг явно, потому что когда Он получает заем, то получает его чрез тайную милостыню, а когда отдает, то отдает пред взорами всей твари. Но, может быть, кто-нибудь скажет: почему же Бог точно так же, как Он даровал мне — богатому, не дал и бедному? Конечно, Он мог дать одинаково и тебе, и убогому; но не пожелал Он, чтобы и твое богатство было бесплодно, и его бедность оставалась без награды. Тебе — богатому Он повелел богатеть милостыней и расточать в правде, ибо *расточи, сказано, даде убогим: правда Его пребывает во век* (Пс 111, 9). Видишь, что богатый посредством милостыни собирает себе правду вечную? Рассуди опять и о бедном: у него нет богатства, которым он мог бы заслужить правду; но зато у него есть бедность, которой он приобретает терпение вечное, ибо *терпение убогих не погибнет во век* (Пс 9, 19) о Христе,

Господе нашем, Которому слава

во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

1. **Х**отя вчера я отлучился от вас, но не по своей воле, а по необходимости; отлучился от вас телом, но не сердцем, отлучился плотью, но не мыслью, потому что я, насколько было сил моих, обнимал всех вас и носил в своей памяти. И вот опять, братья, лишь только временная эта болезнь оставила меня, я как можно скорее поспешил увидеть лицо ваше и с остатками еще недуга побежал к вашей любви. Больные, излечившись от недуга, спешат в купальни и бани, а я счел достойным посмотреть вожделенные лица ваши и удовлетворить, по долгу моему, вашему желанию слушать меня, — пожелал увидеть это великое море, в котором нет соли, море, не вздымаемое волнами; пришел я посмотреть вашу очищенную ниву. Где, в самом деле, такая пристань, как Церковь? Где такой рай, как наше собрание? Нет здесь змея-наветника, но Христос, открывающий тайны. Нет Евы, виновницы падения, но Церковь — восстановительница падшего. Нет здесь листов древесных, но плод духовный. Нет здесь ограды терновой, но лоза плодовая. А если я найду здесь терновник, то превращу его в маслину, потому что то, что бывает здесь, зависит не от недостатка природы, а от свободного произволения. Если же увижу

я волка, сделаю его овцой, не чрез изменение самой природы, а переменой его воли.

Поэтому не погрешил бы тот, кто назвал бы Церковь лучше ковчега, потому что ковчег принимал животных и сохранял их такими же животными, а Церковь принимает животных и перемениает их. Например, вошел туда ястреб — и вышел он (оттуда) ястребом, вошел волк — волком и вышел; а здесь кто входит ястребом, выходит голубем, входит волк — выходит овца; входит змея и выходит ягненок, не потому, что перемениается природа, а оттого, что зло изгоняется. Вот почему я не перестаю говорить вам о покаянии, потому что покаяние, тягостное и страшное для грешника, есть врачевство грехов, средство, истребляющее беззаконие, иждивение слез, дерзновение к Богу, оружие на диавола, меч, отсекающий его голову, надежда на спасение, устранение отчаяния; оно отверзает человеку небо, оно возводит его в рай, оно побеждает диавола. Вот почему не перестаю беседовать о покаянии, вселяющем в нас смелую надежду на победу (над врагом). Ты грешник? Не отчаивайся; не перестану укреплять вас этими лекарствами, потому что знаю я, какво это оружие против диавола — не предаваться нам отчаянию. Если у тебя есть грехи, не отчаивайся, — не перестану постоянно повторять это, — и если каждый день согрешаешь, каждый день

кайся. Подобно тому как в обветшавших домах, когда они сгниют, мы удаляем сгнившие части и заменяем новыми и никогда не покидаем подобных забот, так точно и ты: обветшал сегодня от греха? Обнови себя покаянием. Можно ли, скажешь, спастись покаявшемуся? Вполне возможно. Хотя бы я всю жизнь провел в грехах, но если покаюсь, спасусь? Конечно. Чем это может быть доказано? Милосердием твоего Владыки. Разве я надеюсь на твое покаяние? Разве твое покаяние может, в самом деле, очистить такие скверны? Если бы одно только покаяние было, тебе действительно следовало бы бояться; но так как с покаянием соединяется Божие милосердие, а для Божественного милосердия меры нет и нельзя изречь словом Его благодати, — твоя злоба имеет меру, а у врачевства нет меры; твоя злоба, какова бы ни была, есть злоба человеческая, а человеколюбие Божие неизреченно, — то надейся, что оно преодолеет твою злобу. Подумай, может ли упавшая в море искра светиться? Как мала искра в отношении к морю, так ничтожен и грех в отношении к милосердию Божию, да и не так, а в гораздо сильнейшей степени, потому что море, как бы оно велико ни было, все же имеет пределы, а Божие милосердие безгранично.

Говорю это не с той целью, чтобы сделать вас нерадивыми, но чтобы внушить вам больше рев-

ности. Часто убеждал я не ходить в театр. Ты слышал, но не повиновался, ходил в театр, не послушал моего слова; не стыдись опять придти (сюда) и слушать. Слышал, скажешь ты, и не исполнил: как могу придти (сюда) опять? Но ты по крайней мере уже сознаешь, что не исполнил; ты уже стыдишься; тебе совестно; ты безо всякого обличителя налагаешь уже на себя узду; слово мое уже вкоренилось в тебе, поучение мое исправляет тебя даже без моего присутствия. Ты не соблюл (сказанного), но ты осудил себя и тем наполовину уже соблюл; хоть ты и не соблюл, однако признался (по крайней мере), что не соблюл. Кто осуждает сам себя за неисполнение, тот стремится уже к выполнению. Ты был на зрелище? Совершил преступление? Стал пленником блудницы? Но вышедши из театра, ты опять опаматовался и почувствовал стыд? Приди. Ты опечалился? Помолись Богу: ты не далек уже от исправления. Горе мне, скажешь, — слышал я и не исполнил: как войду в церковь? Как стану опять слушать? Но тогда-то, напротив, и войди сюда, когда не соблюл, чтобы опять выслушать и исполнить. Если врач приложит тебе пластырь, но не вылечит тебя, то не прикладывает ли его опять на другой день? Когда дровосек, желая срубить дуб, берет топор, рубит корень, то если с одного удара не упадет бесплодное дерево, не

наносит ли он второго удара, четвертого, пятого, десятого? Так и ты делай. Блудница тот же дуб, бесплодное дерево, произрастающее желуди — пищу бессловесных свиней; она издавна укоренилась в сердце твоём, в деревянной ограде заключила твою совесть. Слово мое тот же топор. Ты слушал его один день; как же в один день упадет то, что вкоренилось издавна? Если и дважды услышишь, если и трижды, если и сто, и тысячу раз, не будет удивительно; только вырви застарелый порок, дурную привычку. Манну вкушали иудеи и требовали египетского лука, говоря: хорошо было нам в Египте. Так гнусна и зловредна привычка. И хотя бы ты десять дней пожил добродетельно, хотя бы сто, триста дней, я не буду еще доволен и стану благодарить и обнимать тебя; я хочу только одного — чтобы ты не ослабевал, а стыдился бы и осуждал себя.

2. Опять, беседовал я о любви; ты выслушал, ушел и ограбил? Делами ты не оправдал наставления? Не стыдись вновь придти в церковь. Стыдись грешить, но не стыдись каяться. Смотри, что сделал тебе диавол. О двух вещах следует рассудить: о грехе и покаянии. Грех есть рана, покаяние — врачевство. Что для тела раны и лекарства, то для души грехи и покаяние. Но грех сопровождается стыдом, а покаяние да-

ет дерзновение. Обрати тщательное внимание, умоляю тебя, на слова мои, — чтобы тебе не смешивать предметов и не лишиться пользы (от моего наставления). Язва и врачевство, грех и покаяние. Язва — грех; врачевство — покаяние. В язве — гной; в лекарстве — очищение гноя. В грехе — гной, в грехе — поношение, в грехе — посмеяние; в покаянии — дерзновение, в покаянии — свобода, в покаянии — очищение грехов. Обрати тщательное внимание. За грехом следует стыд; покаяние сопровождается дерзновением. Уразумел, что говорю я? Сатана извратил естественный порядок: греху он дал дерзость, а покаянию — стыд. Не отстану до вечера (объяснять это), до тех пор, пока не разрешу (того, о чем начал говорить). Я должен исполнить обещание и не могу отступить. Есть язва и лекарство. В язве гной; лекарство обладает силой очищать гной. В лекарстве ли гной? В язве ли целительная сила? Не имеют ли и то и другое своего собственного свойства. Может ли сообщиться первое последнему или последнее первому? Ни в каком случае. Перейдем к душе, отягченной грехами. Грех имеет своим уделом поношение и бесчестие; покаяние сопровождается смелой надеждой, покаяние соединено с постом, покаяние дает оправдание. *Говори ты беззакония твои прежде, чтоб оправдаться* (Ис 43, 26).

Праведный себя самаго оглаголник во первослови¹ (Притч 18, 17). Итак, сатана, зная, что за грехом следует стыд, который легко может отвратить от него согрешающего, а покаяние сопровождается дерзновением, которое в силах привлечь кающегося, извратил естественный порядок и стыд отдал покаянию, а дерзновение — греху. Каким же это образом? А вот как: пленяется кто-нибудь безумной страстью к всенародной блуднице; следует он за блудницей, как пленник, входит в ее жилище и, не стыдясь, не краснея, отдается блуднице, совершает грех, и нет у него ни стыда, ни стеснения. По окончании греха он выходит оттуда и стыдится покаяться. Несчастный! Когда отдавался блуднице, тогда тебе не было стыдно, а когда пришел каяться, тогда стыдишься? О чем он, скажи мне, стыдится теперь, если не стыдился, когда предавался блуду? Делает (постыдное) дело и не стыдится, а слова стыдится? Злодейство диавола это. В грехе он не допускает ему стыдиться, а всенародно дозволяет ему бесчестить себя, потому что знает, что если грешник почувствует стыд, то убежит от греха; в покаянии (напротив) заставляет его стыдиться, зная, что стыдящийся не покается. Два зла учиняет он: во-

¹ Этот стих в синодальном переводе имеет другой смысл: *Первый в тяжбе своей прав, но приходит соперник его и исследывает его.*

влекает в грех и удерживает от покаяния. В чем же стыд, наконец? Когда предаешься блуду, — не стыдишься, а когда принимаешь врачевство, — стыдишься? Тебе стыдно, когда освобождаешься от греха? Тогда надлежало тебе стыдиться, тогда должен был чувствовать стыд, когда грешил. Когда был грешником, — не стыдился, когда же стал праведником, — стыдишься? *Говори ты беззакония твои прежде, чтоб оправдаться* (Ис 43, 26). О, милосердие Владыки! Не сказал, «чтобы не быть наказанным», но: *чтоб оправдаться*. Неужели для него не достаточно, что Ты не наказываешь его, а еще делаешь праведным? Подлинно так. Но обрати тщательное внимание на изречение. Праведником, говорит, сделаю его. Где же сделал это Бог? Когда Он спас разбойника за то лишь, что тот сказал другому: *или ты не боишься Бога; <...> мы [осуждены] справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли* (Лк 23, 40–41), Спаситель говорит ему: *ныне же будешь со Мною в раю* (ст. 43). Не сказал: освобождаю тебя от наказания и муки, но вводит его оправданным в рай.

Видишь, как он чрез исповедание стал праведником? Многомилосерд Бог! Он Сына не пощадил, чтобы пощадить раба; предал Единородного, чтобы искупить неблагодарных рабов; кровь Сына Своего положил вместо цены.

О, человеколюбие Владыки! И не повторяй мне опять: много согрешил я, — как я могу спастись? Ты не можешь, Владыка твой может, и так, что изгладит грехи. Тщательно внимай слову. Изглаживает Он так грехи, что не остается даже и следа их. На телах это невозможно: как бы много ни старался врач, сколько бы снадобий ни прикладывал к ране, — только рана скроется; и часто случается, что кто-нибудь получит удар по лицу и залечит рану, а шрам остается и безобразием лица указывает на бывшую рану. Врач старается всевозможными средствами уничтожить и шрам, но оказывается не в силах, потому что ему противится и слабость природы, и бессилие искусства, и ничтожество лекарств. Когда же Бог изглаживает грехи, то не оставляет ни шрама, не попускает остаться и следу, но вместе со здоровьем дарует и благообразие, вместе с освобождением от наказания дает и оправдание и делает согрешившего равным несогрешившему. Он уничтожает грех и обращает его ни во что, как будто его и не было; так Он истребляет его, (что не остается) ни шрама, ни следа, ни приметы, ни знака.

3. Но откуда видно это? Я должен представить и доказательство тому, о чем говорю, но не от собственных домыслов, а от Писаний дать подтверждение, чтобы свидетельство было вполне

надежно. Приведу вам (в качестве доказательства) людей, покрытых ранами, целый народ, исполненный язвами, гноем, червями (до того, что он) весь — рана, весь — язва, и, однако, может так излечиться, что не останется ни шрама, ни следа, ни знака; приведу людей, которые имеют не одну рану, не две, не три, не четыре, а в ранах с ног до головы. Прилежно внимай словам моим, потому что всех касается это наше спасительное слово. Я приготавливаю лекарства лучшие, чем (готовят) врачи, такие, каких не могут приготовить и цари. Что может царь? Выпустить может из темницы, но освободить от геенны не в силах; может дать денег, а души спасти не в состоянии. Я вручаю вас покровительству покаяния, чтобы вы узнали его могущество, чтобы узнали его силу, чтобы узнали, что грех не может победить его и что нет греха, который в силах был бы преодолеть его могущество. Приведу не одного, не двоих, не троих, а тысячи людей, покрытых струпьями, язвами, зараженных бесчисленными грехами, которые так могли спастись покаянием, что не осталось ни следа, ни знака прежних язв. Но усердно внимайте словам, да и не только внимайте, а и запоминайте то, что будет сказано, чтобы вы могли наставить и отсутствующих, и, таким образом, возжечь ревность тех, которые лишены пользы нынешнего слова. Итак,

пусть предстанет Исаия, зревший Серафимов, слышавший их таинственную песнь и прорекший много о Христе. Спросим, что говорит он. *Видение Исаии, <...> которое он видел о Иудее и Иерусалиме* (Ис 1, 1). Скажи видение, какое видел ты, скажи мне. *Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит* (Ис 1, 2). Иное ты обещал и иное говоришь. Что же иное обещал я? Ты начинаешь словами: *видение <...> о Иудее и Иерусалиме*, а потом, оставив Иудею и Иерусалим, беседуешь с небом и обращаешь слово к земле, оставив же и словесных людей, беседуешь с бессловесными стихиями? Это потому, что словесные стали неразумнее бессловесных. И не только поэтому, но подобно тому как Моисей, намереваясь ввести иудеев в землю обетования и предвидя будущее, — что они пренебрегут дарованными им благами, — говорит: *внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих* (Втор 32, 1), засвидетельствую вам, иудеи, небом и землей, говорит Моисей, что если войдете в обетованную землю и оставите Господа Бога, то рассеяны будете по всем народам; так и Исаия, когда (при нем) угроза готова была исполниться на деле, не мог призвать в свидетели умершего уже Моисея и тех, кто слышал его и давно скончался, почему и призывает свидетелями те самые стихии, которыми свиде-

тельствова-
ния; вот вы оставили Бога: как поставлю в сви-
детели тебя, Моисей? Ты умер и скончался. Как
призову Аарона? И он предался смерти. Не мо-
жешь поставить меня в свидетели? Призови сти-
хии, потому что и я при своей жизни не свиде-
тельствова-
вал ни самим Аароном, ни кем другим,
потому именно, что они должны были скончать-
ся, а пребывающими стихиями засвидетельство-
вал вам, — небом и землей. Итак, Исаия говорит:
слушайте, небеса, и внимай, земля. Вас повелел
призвать сегодня в свидетели Моисей. Но не по-
этому только призывает он эти стихии, а и пото-
му еще, что он говорил к иудеям. *Слушай, небо,*
потому что ты одождило манну; *внимай, зем-*
ля, потому что ты дала перепелов. *Слушай, не-*
бо, слушай, потому что ты одождило манну, ты
явило сверхъестественное, — вверху было и гум-
ну уподобилось. *Внимай, земля,* потому что ты
была долу и устроила трапезу без предуготовле-
ний. Бездействовала природа, но действовала
благодать. Не трудились волы, но произрастал
колос; не было ни рук поварских, ни приказа-
ния, но манна, освященный источник, служи-
ла им вместо всего. Природа забыла о своей не-
мощи. Как не изнашивались одежды их? Как не
ветшала обувь их? Все готово было к их услугам.
Слушайте, небеса, и внимай, земля. Несмотря

на все удостоверения (Божия покровительства) и явные благодеяния, Владыка терпит оскорбление. К кому обращаю слово, как не к вам? Человека не имею, который послушал бы (меня). Вот я пришел, и нет человека; говорил, и не было слушающего. С неразумными беседую, потому что разумные пали ниже неразумных. Поэтому и другой пророк, видя, как безумствует царь, как почитается кумир, а Бог предается бесчестию и все одержимы страхом, говорит: послушай, алтарь, послушай меня (ср.: 3 Цар 13, 2). Ты говоришь с камнем? Да, потому что царь бесчувственнее камня. Послушай меня, алтарь, послушай: *так говорит Господь*, и тотчас же алтарь расселся (см.: ст. 5). Камень послушал, камень распался и пролил жертву. Как же не услышал человек? Он простер руку свою, чтобы схватить пророка. Что же делает Бог? Он сделал сухой его руку. Примечай, что сотворил (Бог), заметь милосердие Владыки и грех раба. Почему с самого начала не иссушил Он его руки? Потому, что хотел вразумить его разрушением камня. Если бы не разрушился камень, пощадил бы я тебя; но так как камень развалился, а ты не исправился, то навожу на тебя гнев мой. Простер (царь) руку свою, чтобы схватить пророка, и высохла рука. Так водружен был трофей. Столько оруженосцев и вождей, такое громадное войско

присутствовало здесь, а он (царь) не мог согнуть руки своей, рука так и оставалась (простертой), громко возвещая о поражении нечестия и победе благочестия, милосердии Божиим и о безумии царя. И согнуть ее (царь) не мог.

4. Но чтобы нам, при постоянных уклонениях в сторону, не потерять из виду нашего предмета, покажем то, что обещали. Что же я обещал? Обещал я доказать, что если кто имеет и множество ран, но покается и сделает доброе дело, то Бог так заглаживает их, что не остается ни знака, ни следа, ни признака грехов. Это я обещал, это постараюсь доказать. *Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит. Скажи мне, что говорит Он? Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владельца своего (они бессловесных бессловеснее), и осел — ясли господина своего (несмысленнее ослов они); а Израиль не знает [Меня], народ Мой не понимает. Увы, народ грешный* (Ис 1, 2–4). Зачем он говорит это? Разве нет надежды на спасение? Зачем, скажи мне, говоришь ты: *увы?* Затем, что не нахожу исцеления. Почему говоришь: *увы?* Потому, что давал я врачевство и не зажила рана, — поэтому Я и отвратился. Что же мне делать? Не стану и стараться об излечении. Словом *увы* Он подражает плачущей женщине, и хорошо поступает.

Обратите, прошу вас, тщательное внимание. Почему говорит: *увы*? Потому что то же самое бывает и при телесных болезнях. Когда врач видит, что для больного нет надежды на спасение, то плачет, и домашние с родственниками рыдают и стенают, но уже тщетно и напрасно, потому что когда больной должен умереть, то хотя бы заплакал весь мир, он не воздвигнет его. Плач этот происходит, следовательно, от печали, а не оттого, что будто бы он мог возвратить здоровье. Но в отношении к душе этого не бывает; если ты заплачешь, то часто случается, что и воскресишь мертвого душой. Почему? Потому, что умершее тело не восстает человеческой силой, а умершая душа восстает чрез покаяние. Смотри на блудника и заплачь о нем, и не разставишь его. Поэтому-то и Павел не только писал, не только увещевал, но и слезно плакал, уча (тому же) всех вас. Пусть ты учишь; для чего еще и плачешь? Для того, чтобы, если бессильно будет наставление, помогли слезы. Так точно плачет и пророк. И Господь наш, предвидя разрушение Иерусалима, говорит: *Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к нему* (Мф 23, 37), — обращается с речью к падшему городу, подражая плачущему человеку. Так и пророк говорит: *увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями* (Ис 1, 4).

Нет здорового места на теле. Видишь, как они покрыты язвами? *Племя злодеев, сыны погибельные* (ст. 4). Почему плачешь ты, скажи мне? *Оставили Господа, презрели Святого Израилева* (Ис 1, 4). *Во что вас бить еще?* (ст. 5). Чем еще поражу вас? Голодом ли? Губительной ли язвой? Все наказания посланы, а нечестие ваше не истребилось. *Продолжающие свое упорство <...> Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. <...> Язвы, пятна, гноящиеся раны* (ст. 5–6). Новое говоришь ты. Незадолго ты говорил: *племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева; и: увы, народ грешный*. Ты плачешь, скорбишь, рыдаешь, считаешь раны, а потом говоришь: *язвы, пятна?* Обрати внимание. Рана называется так тогда, когда все прочие части тела здоровы, а одна часть поражена нечувствительностью. А здесь (пророк) говорит, что все тело — струп. *От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и не обвязанные и не смягченные елеем. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие* (ст. 6–7). Все это сделал Я, и вы не исправились; Я употребил все искусство, а больной остается мертв. Придите, слушайте слово Господне, князя Сodomские и Гоморрские! К чему Мне множество

жертв ваших? (Ис 1, 10–11). Так что же, Он обращает речь к содомлянам? Нисколько, а самих иудеев называет содомлянами; так как они подражали образу жизни последних, то и называет их именем. Придите, *слушайте слово Господне, князья Содомские и Гоморрские! <...> К чему Мне множество жертв ваших? — говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. <...> Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня. <...> Новомесечия ваши и праздники ваши ненавижит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои* (Ис 1, 10–11; 13–15). Что может сравниться с таким гневом? Пророк призывает в свидетели небо; плачет, проливает слезы, рыдает и говорит народу израильскому: *нет ни струпа, нет ни язвы. Бог гневается, Он не принимает ни жертвы, ни новомесечия, ни субботы, ни седмидала, ни молитвы, ни воздаяния рук. Видишь язву? Видишь неисцелимую болезнь не у одного, не у двоих, не у десяти, а у тысяч? Что же затем? Омойтесь, очиститесь* (Ис 1, 16). Есть ли грех, за который можно бы предаваться отчаянию? Сам Бог говорит: *не слышу вас* (ср.: Ис 1, 15), и затем говорит: *омойтесь*. Для чего Ты говоришь это? То

и другое говорится для пользы: то — чтобы меня утрашить, другое — чтобы привлечь. Если Ты не слышишь их, у них нет надежды на спасение; если они не имеют надежды спастись, то как говоришь Ты: *омойтесь*? Но Он есть человеколюбивый Отец, единый благий, милосердствующий более всякого отца. И чтобы увериться тебе, что Он Отец, Он говорит им: что сделаю с Иудой? Не знаешь, что сделаешь? Знаю, но не хочу. Свойство грехов требует (наказания), но обилие милосердия удерживает. Что сделаю тебе? Пощажу ли тебя? Но ты станешь еще беспечнее. Поражу ли тебя? Но этого не терпит милосердие. Что сделаю тебе? Истреблю ли тебя огнем, как Содом, или разрушу тебя, как Гоморру? *Повернулось во Мне сердце Мое* (Ос 11, 8). Бесстрастный подражает страстному человеку, или, лучше, — нежно любящей матери. *Повернулось*; так сказала бы жена отроку: превратилось сердце мое по природе материнской. Но Он не удовольствовался первыми словами. Смутился в раскаянии моем (Ос 11, 8). Бог ли смущается? Нет! Да не будет! Божество чуждо смущения; но, как сказал я, Бог подражает нашей речи. *Повернулось сердце Мое; омойтесь, очиститесь*. Что я обещал вам? То, что Бог, принимая кающихся грешников, хотя бы обремененных бесчисленными грехами и покрытых (греховными) струпьями, так

врачуе́т их, что у них не остается ни следа грехов, не остается ни знака, не остается никакого напоминания. *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от душ ваших, научитесь делать добро* (Ис 1, 16–17). Какое добро повелеваешь Ты? *Защищайте сироту, вступайтесь за вдову* (ст. 17). Не тяжки повеления; сама природа ведет к ним, потому что естественно оказывать сострадание к женщине. *Придите — и рассудим*. Сделайте ничтожное, а остальное приложу Я, немного дайте Мне, и Я дарую все. *Придите*. Куда же пойдём? Ко Мне, Которого вы раздражили, Которого прогневали, ко Мне, Который сказал: «не слушаю вас», чтобы, устранившись угрозы, утолили вы гнев Мой. *Придите к неслышающему, чтобы я услышал*. Что же сотворишь Ты? Не оставляю следа (грехов), не оставляю знака, не оставляю струпа. *Придите — и рассудим, говорит Господь* (ст. 18), и говорит: *если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (ст. 18). Неужели нигде нет струпа? Нигде скверны? И даже еще с цветом чистоты? *Если будут красны, как пурпур, — как вóлну убелю* (ст. 18). Неужели нигде нет черноты, нигде нет пятна? Как же будет это? Но разве не таковы обетования? *Ибо уста Господни говорят* (ст. 20). Вот, ты видел не только величие обетований, но и достоинство Даровавшего их. Все возможно Богу, мо-

гущему сделать чистое из скверного. Итак, прослушав слова Его и познав врачевство покаяния, станем воссылать ему славу, ибо Его слава и держава вовеки.

АМИНЬ.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ

О покаянии и о тех, кто оставляет
собрания; здесь же о священной
Трапезе и Суде

1. **К**ак сеятелям нет никакой пользы, когда они бросают семена при дороге, так и нам нет никакой пользы от того, что именуемся христианами, если не оправдываем наименования соответствующими делами. Если желаете, представлю вам достоверного свидетеля (этому), брата Божия Иакова, который говорит: *вера без дел мертва* (Иак 2, 20). Итак, всюду необходимо упражнение в (добрых) делах, а без него и наименование христианином не может принести нам пользы. И не удивляйся. Скажи мне, в самом деле, какая польза воину от того, что он состоит на военной службе, когда он недостоин

ее и, будучи питаем за счет царя, не сражается за него? Может быть, — хотя и ужасно слово мое, — лучше было бы ему не вступать вовсе в военную службу, чем, вступивши, не радеть о царской чести. Как может не подвергнуться наказанию тот, кто живет за счет царя, а за царя не сражается? Да что говорю я, за царя? Пусть хоть заботились бы мы о своей душе. Но как, скажешь, живя в мире, среди беспокойства, могу я спастись? Что ты говоришь, человек? Хочешь, я кратко укажу тебе, что не место спасает, а образ жизни и произволение? Адам в раю, как бы в пристани, потерпел крушение, а Лот, живя среди содомлян, как бы в море, спасся. Иов заслужил оправдание будучи на гноище, а Саул, пребывая в чертогах, лишился и здешнего царства, и будущего. Нельзя оправдываться словами: не могу я жить в мире, среди беспокойства, и спастись. Откуда берется такое оправдание? Оттого, что вы не часто приходите, одни — на молитву, другие — на божественные собрания. Разве вы не видите, как стараются те, кто желает получить почести от земного царя, и как они склоняют к ходатайству (за них) других, чтобы не лишиться того, чего они домогаются? Это говорится о тех, кто оставляет освященные собрания и в час страшной и таинственной трапезы занимается беседами и пустыми разговорами. Что делаешь ты, человек? Не обещался

ли ты священнику и на его слова: *горе имеем ум наш и сердца*, не сказал ли: *имамы ко Господу*? Ты не чувствуешь страха, не стыдишься оказаться лжецом в самый страшный час? Удивительно! Когда уготована таинственная трапеза, когда закалается за тебя Агнец Божий, когда за тебя подвизается священник, когда духовный огонь истекает от пречистой трапезы, предстоят Херувимы, летают Серафимы, шестикрылые закрывают свои лица, все бестелесные Силы молят за тебя вместе с иереем, духовный огонь снисходит с неба, от пречистого ребра изливается в чашу кровь в твоё очищение, — ты не боишься, не стыдишься в этот страшный час оказаться лжецом? Из ста шестидесяти восьми часов в неделе один лишь единственный час отделил Себе Бог: неужели ты и тот потратишь на дела житейские, на смех и разговоры? С какой, после этого, дерзостью приступишь ты к Таинствам? С какой оскверненной совестью? Неужели ты, с пометом в руках, осмелился бы коснуться края одежды земного царя? Ни в каком случае.

Не полагай, что (это) хлеб, и не думай, что вино, потому что они не выходят из человека, как прочие роды пищи. Нет; не рассуждай так! Но, подобно тому как воск, соприкасаясь с огнем, ничего из себя не теряет и ничего не получает, так точно думай и здесь, что тайны сорастворяются

с сущностью тела. Поэтому и приступая, не думайте, будто вы принимаете божественное тело от человека, а представляйте, что вы принимаете божественное тело как бы огонь из клещей самих Серафимов, которых видел Исаия (Ис гл. 6), спасительную же кровь станем принимать, как бы касаясь устами божественного и пречистого ребра. Не будем поэтому, братья, оставлять собраний, равно как и в них предаваться праздным разговорам: будем стоять со страхом и трепетом, опустив взор долу, а душу имея горе, и с воздыханиями будем восклицать не голосами, а сердцем. Не видите ли, как предстоящие видимому, тленному, временному и земному царю бывают недвижимы, молчаливы, спокойны, не блуждают взором в разные стороны, а стоят потупившись, смиренно и со страхом? Возьми их в образец себе, человек. Так стойте пред Богом, прошу вас, как если бы вы явились пред лицом земного царя. Пред Небесным Царем должно стоять и гораздо с большим страхом. Не перестану повторять, что часто и раньше говорил, пока не увижу вас исправившимися. Входя в церковь, войдем как пристойно пред Богом, не питая в душе злобы, чтобы при молитве нам не молиться против самих себя, говоря: *прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим* (Мф 6, 12). Страшно слово это, и кто произносит его, как бы

так взывает к Богу: я оставил, Владыка, оставь и Ты; я отпустил, отпусти и Ты; простил, прости и Ты; сам я не простил, не прощай и Ты; если я не отпустил ближнему, и Ты не отпускаяй моих согрешений. Какой мерой мерил я, пусть отмерится и мне.

Зная это, и помышляя о том страшном дне, и представляя тот огонь и страшные наказания, обратимся, наконец, от пути, по которому блуждали. Настанет час, когда прекратится зрелище этого мира и не будет уже времени для подвигов. Нельзя по окончании жизни заниматься делами, нельзя по прекращении зрелища стяжать венок. Настоящее время — время покаяния, будущее — время суда, теперь — время подвигов, тогда — время венцов; теперь — пора труда, тогда — время отрады; теперь — время изнурения; тогда — время воздаяния. Воспряньте, молю, воспряньте и с усердием выслушаем то, что говорят нам. Мы жили по плоти, станем же теперь жить по духу; мы жили в плотских удовольствиях, будем теперь жить в добродетелях; жили в небрежении (о грехах), проживем же в покаянии. *Что гордится земля и пепел?* (Сир 10, 9). Что надмеваешься, человек? Что слишком хвалишься? На какую мирскую славу и богатство ты надеешься? Пойдем, прошу тебя, к гробам и увидим совершающиеся там таинства,

увидим разрушившееся естество, изъеденные кости, сгнившие тела. Если ты мудр, поразмысли, и если разумен, скажи мне: кто тут царь и кто простолюдин, кто благородный и кто раб, кто мудрый и кто неразумный? Где тут красота юности, где привлекательный взгляд, где миловидные очи, где прекрасный нос, где розовые уста, где цвет ланит, где блестящее чело? Не все ли прах? Не все ли пепел? Не все ли персть? Не все ли червь и зловоние? Не все ли тление? Имея все это в уме и помышляя о нашем последнем дне, обратимся, братия, пока есть у нас время, с нашего пути, по которому мы блуждали. Честной кровью искуплены мы (ср.: 1 Пет 1, 18–19). Для того Бог на земле явился; для тебя, человек, Бог на земле явился, не имея, *где приклонить голову* (Лк 9, 58). О, чудо! Судья ради осужденных приходит на суд; Жизнь вкушает смерти; Создатель терпит заушение от создания; Невидимый Серафимами рабом оплевается, оцта (уксуса) и желчи вкушает, копьем протыкается и в гроб полагается. И ты, человек, скажи мне, не радишь, спишь и пренебрегаешь (такими чудесами). Не знаешь, что если ты даже прольешь за Него свою кровь, то и тогда еще не выполнил своего долга, потому что иная кровь владычная и иная кровь рабская? Предупреди покаянием и исправлением исход души, чтобы, когда придет смерть, не оказалось уже

бессильным всякое врачевство покаяния, потому что только на земле имеет силу покаяние, а в аду оно уже бессильно. Взыщем Господа, пока есть у нас время. Будем делать добро, чтобы нам избавиться и от будущей бесконечной геенны и удостоиться Царства Небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА О МУЧЕНИКАХ И О СОКРУШЕНИИ И МИЛОСТЫНЕ

Сказана в городе, когда епископ отбыл на село для празднования дня мучеников

1. **В**чера день мучеников, и сегодня день мучеников; о, если бы и всегда нам совершать день мучеников! Если помешавшиеся на зрелищах и глазеющие на конские ристалища никогда не насыщаются этими непристойными зрелищами, то гораздо более нам

должно иметь ненасытимое расположение к праздникам святых. Там дьявольское торжество, а здесь христианский праздник; там скачут бесы, а здесь ликуют Ангелы; там гибель душ, а здесь спасение всех собирающихся. Однако и там есть некоторое удовольствие? Но не такое, какое здесь. Что за удовольствие — смотреть на коней, бегающих тщетно и напрасно? А здесь ты видишь не запряжки бессловесных, но бесчисленные колесницы мучеников и Бога, стоящего на этих колесницах и устремляющего путь к небу. А что души святых суть колесница Божия, послушай пророка, который говорит: *колесница Божия тмами тем, тысяща гобзующих* (Пс 67, 18). Чем одарил Он вышние Силы, то даровал и нашему естеству. Он сидит на Херувимах, как и псалом говорит: *взыде на Херувимы, и лете* (Пс 17, 11); и еще: *восседающий на Херувимах и видящий бездны* (Дан 3, 54). Это Он дал также и нам; на них Он сидит, в нас обитает: *вселюсь <...> и буду ходить в вас* (2 Кор 6, 16; Лев 26, 12). Они стали колесницей, мы храмом. Видишь ли сродство чести? Видишь ли, как Он умиротворил горнее и дольнее? Поэтому мы нисколько не отстали от Ангелов, если захотим. Но, как я сказал вначале, вчера день мучеников, и сегодня день мучеников, не тех, которые у нас, но тех, которые в селе, или — лучше — и те у нас. Город

и село в делах житейских различаются между собой, но в отношении к благочестию обобщаются и имеют единение. Не смотри на варварский язык тамошних жителей, но — на любомудрую их душу. Какая польза от согласия в речи, когда мысли не согласны? И какой вред от различия в речи, когда есть единение в вере? В этом отношении и село ничем не хуже города, потому что в главном из благ они равночестны. Поэтому и Господь наш Иисус Христос не в городах только пребывал, а села оставлял пустыми и праздными, но *ходил по всем городам и селениям, <...> проповедуя Евангелие <...> и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь* (Мф 9, 35). Ему подражая, и общий наш пастырь и учитель оставил нас и пошел к тем, или — лучше — не оставил нас, уйдя к ним, потому что ушел к нашим братьям. И как, когда совершался праздник Маккавеев, все село стеклось в город, так теперь, когда отправляется праздник тамошних мучеников, всему городу следовало бы переселиться к ним. Для того Бог и насадил мучеников не только в городах, но и в самом селе, чтобы по случаю праздников мы имели необходимый повод к взаимному общению, — и больше (мучеников) в селе, нежели в городе. Недостаточному Бог дал более обильную честь; это — немощнейший член, потому он и получил большее врачевание, так как

живущие в городах постоянно пользуются учением, а живущие в деревне не участвуют в этом изобилии.

И так Бог, утешая в недостатке учителей обилием мучеников, устроил, что у тех больше погребено мучеников. Они не слышат непрестанно голоса учителей; зато слышат голос мучеников, который вещает к ним из гроба и имеет большую силу. А чтобы убедиться, что мученики и молча имеют более силы, нежели мы, говорящие, (вспомните, что) многие, часто беседуя со многими о добродетели, не имели никакого успеха, другие же молча совершили величайшие дела своей светлой жизнью; тем больше совершили это мученики, издавая не голос из уст, но гораздо высший изустного — голос самих дел, которым они беседуют со всем человеческим естеством, говоря такие слова: посмотрите на нас, какие мы потерпели бедствия. А что мы потерпели будучи осуждены на смерть и найдя вечную жизнь? Мы удостоились положить тела свои за Христа; но если бы мы теперь не предали их за Христа, то спустя немного должны были бы и невольно разлучить их с временной жизнью; если бы мученичество не пришло и не взяло их, то общая природная смерть пришла бы и разрушила бы их. Потому мы непрестанно благодарим Бога, что Он удостоил нас смертью,

неизбежно необходимой, воспользоваться ко спасению наших душ и то, что составляет необходимый долг, принял от нас, как дар, и притом с величайшей честью. Однако мучения тяжки и несносны? Но они продолжаются краткий момент времени, а блаженство от них — бесконечные веки; или — лучше — даже и на краткое мгновение времени эти мучения не тяжки для тех, которые взирают на будущее и стремятся к Распорядителю подвигов. Так и блаженный Стефан очами веры созерцал Христа и поэтому не видел дождя камней, но вместо них исчислял награды и венцы (см.: Деян 7, 55). Так и ты перенеси взор свой от настоящего к будущему — и не получишь даже кратковременного ощущения бедствий.

2. Это и больше того говорят мученики и убеждают гораздо больше, нежели мы. В самом деле, когда я говорю, что мучение не включает в себе ничего тяжкого, то слова мои не кажутся достоверными, так как рассуждать о подобном на словах несколько не трудно; а мученик, говорящий делами, не встречает ни в ком противоречия. И как бывает в банях, когда ванна наполнена горячей водой и никто не осмеливается спуститься в нее, — пока сидящие на краях побуждают к этому друг друга словами, то никого не убеждают; а когда один кто-нибудь из них

или опустит руку, или, разув ноги, смело бросится всем телом, то и молча лучше говорящих много убедит сидящих вверху спуститься в ванну, — так и у мучеников: здесь вместо ванны с водой предстоит костер. Таким образом снаружи стоящие кругом, хотя бы увещевали бесчисленными речами, не очень убеждают; а когда один кто-нибудь из мучеников не ногу только или руку спустит вниз, но ввергнет все тело, предлагая сильнейший всякого увещания и совета опыт на самом деле, то изгоняет страх из окружающих.

Видите ли, сколько сильнее голос и безмолвствующих мучеников. Поэтому Бог и оставил нам тела их; поэтому они, давно победив, доселе еще не воскресли, но, хотя уже за столько времени претерпели подвиги, еще не получили воскресения, не получили ради тебя и ради твоей пользы, чтобы и ты, помышляя о таком подвижнике, возбуждался к подобному подвигу. Им самим нет никакого вреда от этого замедления, а для тебя происходит величайшая польза от этого обстоятельства. Они впоследствии получают то, чего не получают ныне; а если бы Бог теперь же взял их отсюда, то лишил бы нас великого назидания и утешения, так как поистине величайшее назидание и утешение бывает всем людям от гробов этих святых. Свидетели ска-

занного — вы сами. Часто мы угрожали, ласкали, устрашали, увещевали вас, но вы не оказывали такого усердия к молитве и не возбуждались; а пришедши во храм мучеников, не слыша ни от кого совета, увидев только гроб святых, вы стали проливать обильные источники слез и стали горячи в молитвах. Мученик лежит безгласен, в совершенном молчании: что же такое трогает совесть и заставляет ручьи слез литься, как из источника? Самое представление о мученике и воспоминание о всем совершенном им. Как бедные, когда увидят других богатыми, достигшими высоких званий, окруженными телохранителями, пользующимися у царя великой честью, из благосостояния других яснее познавая собственную бедность, проливают слезы, — так точно и мы, когда вспомним о дерзновении мучеников, какое имеют они пред Царем всех — Богом, о светлости и славе их, вспомним также о собственных грехах, то, из богатства их яснее увидев собственную бедность, сетуем и скорбим, познавая, как далеко мы отстоим от них; это и производит слезы. Для того Бог и оставил нам здесь тела их, чтобы, когда куча занятий и множество житейских забот наведет густой мрак на нашу душу от частных или общественных дел (а их так много), тогда, оставив дом, вышедши из города, простившись с этим шумом, мы удалились

бы в храм мучеников, насладились тамошним духовным веянием, забыли о множестве дел, утешились спокойствием, побыли вместе со святыми, помолились Распорядителю их подвигов о нашем спасении, пролили многие моления и, чрез все это сложив бремя с своей совести, возвратились опять домой с великой душевной радостью.

Гробницы мучеников суть не что иное, как безопасные гавани, источники духовных вод, сокровища богатства неистощимые и никогда не исчерпаемые. Как гавани, принимая корабли, заливаемые множеством волн, поставляют их в безопасность, так точно и гробницы мучеников, приняв наши души, заливаемые житейскими делами, поставляют их в великую тишину и безопасность. И как источники холодных вод оживляют тела, изнуренные трудом и жаром, так точно и эти гробницы прохлаждают души, опаленные неуместными страстями, и погашают при одном на них взгляде и неуместную похоть, и иссушающую зависть, и пламенный гнев, и все другое, что ни тревожило бы нас. И сокровищ они гораздо лучше, потому что денежные сокровища подвергают многим опасностям тех, кто находит их, и, будучи разделены на многие части, от этого деления уменьшаются; а здесь нет ничего такого, но, в противоположность чув-

ственным сокровищам, и приобретение безопасно, и разделение не производит уменьшения. Те, как я сейчас сказал, будучи раздроблены на части, делаются меньше; а эти, когда будут разделены между многими, тогда еще более показывают свое богатство. Таково естество предметов духовных: они от раздробления увеличиваются, от разделения умножаются. Не так приятны луга, представляющие зрителям розы и фиалки, как — гробы мучеников, доставляющие душам зрителей некоторое неувядающее и ненарушимое удовольствие.

3. Итак, с верой прикоснемся к этим гробницам, воспламенимся душой, подыдем плач. Много грехов совершено нами, — и великих грехов; поэтому мы имеем нужду в великом врачевании, в крепком исповедании. Святые мученики пролили кровь свою — твои глаза пусть прольют слезы; и слезы могут погасить костер грехов. Им были раздираемы ребра, они видели вокруг себя палачей, — так и ты сделай со своей совестью: посади судящий ум на престол неподкупного суждения, выведи на середину все грехи твои, приставь к проступкам грозные мысли, укроти непристойные пожелания, от которых произошли грехи, пусть будут они раздираемы великой силой. Если мы таким образом позаботимся судить сами себя, то избежим и того страшного судилища.

А что судящий ныне сам себя и требующий от себя строгого отчета во грехах не подвергнется осуждению в будущем, об этом послушай Павла, который говорит: *если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* от Господа (1 Кор 11, 31). Укоряя тех, которые недостойно приобщались Тайн, он так говорил: *кто ест и пьет недостойно, <...> виновен будет против Тела и Крови Господней* (ст. 29; 27). А этим говорит он следующее: как распявшие Иисуса, говорит, так и недостойно приобщающиеся Тайн понесут наказание. Пусть никто не осудит это слово за преувеличение. Тело Господне есть царская одежда; а разорвавший царскую багряницу и замаравший ее нечистыми руками одинаково оскорбляют, — посему одинаково и наказываются; так бывает и в отношении к телу Христову. Иудеи растерзали его гвоздями на кресте, а ты, живя во грехах, — нечистым языком и мыслью. Поэтому и одинаковым наказанием пригрозил тебе Павел, и дальше говорит: *от того многие из вас немощны и больны и немало умирает* (ст. 30). Затем, показывая, что требующие от самих себя здесь отчета во грехах, осуждающие проступки свои и потом уже не впадающие в те же грехи смогут исхитить себя от будущего страшного и неумолимого приговора, он прибавляет: *ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы*: ныне же судимы, на-

казываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром (ст. 31–32). Итак, будем терзать свою душу, сильно наказывая невоздержные помыслы; будем смывать нечистоты свои слезами; велик плод этих рыданий, велико назидание и утешение. Как велико наказание за смех и распущенность, так, напротив, постоянные рыдания производят утешение: *блаженны плачущие*, говорится, *ибо они утешатся* (Мф 5, 4); *горе смеющимся ныне, ибо они восплачут* (Лк 6, 25). Поэтому и Павел, хотя не признавал за собой никакого греха, проводил все время в слезах и рыданиях. Кто говорит об этом? Сам этот блаженный: *три года*, говорит он, *день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас* (Деян 20, 31). Он — три года, а мы — хотя бы один месяц; он — ночи и дни, он — за чужие грехи, а мы — хотя бы за собственные проступки, он — ничего не признавая за собой, а мы — хотя бы ради обремененной нашей совести. Почему же он плачет? Для чего не только учит и увещевает, но прибавляет и слезы? Как чадолюбивый отец, у которого единственный сын впал в болезнь и не принимает лекарств от врачей, но отвергает их, севши при нем, ласкает его, целует, обнимает и этой чрезмерной заботливостью желает привлечь его и убедить принять помощь врачевания, — так и Павел, любя верующих всей вселенной, как единственного

сына, и видя, что многие впали в худое состояние и в неисцельные болезни душевные и однако не принимают охотно обличение и исправление укоризной, но удаляются от него, удерживал их слезами, чтобы они, видя его плачущим и рыдающим и тронувшись этим видом, приняли врачевание и, избавившись от болезни, пришли в прежнее здоровье; поэтому он, поучая, всегда плакал.

Если же Павел прилагал такую заботливость к чужим грехам, то какую нам должно прилагать ревность к исправлению собственных? Велика — в смысле пользы — сила печали по Боге; о ней говоря, Исаия, или — лучше — Бог чрез Исаию возвестил так: *за грех мало что опечалих его*¹ (Ис 57, 17). Я не наложил, говорит, наказания, соразмерного преступлению. В добрых делах Бог превышает меру воздаяниями, а за грехи, по Своему человеколюбию многократно обличая, налагает на преступивших малое наказание. Наめкая на это и здесь, Он сказал: *за грех мало что опечалих его, и видех, яко опечалися и поиде дряхл во путех своих* (Ис 57, 17–18).

¹ Синодальный перевод имеет другой смысл: *За грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отворотившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его и сетующих его.*

4. Видишь ли, как и быстра очень и велика польза покаяния? Немного наказав его за грехи и увидев, что он стал прискорбен и печален, Я оставил, говорит Бог, и это малое наказание. Так Бог готов к примирению с нами и только ищет малого повода к этому! Доставим же Ему случаи — показать любовь к нам, постараемся соблюдать себя чистыми от грехов; если же когда-нибудь преткнемся, скоро восстанем, оплакивая проступки с полной искренностью, чтобы нам получить радость по Боге. Если грешник примирил с собой Бога тем, что *опечалился и поиде дряхл*, то чего не сделает тот, кто и слезы прибавит к этому и будет призывать Его с великим напряжением? Знаю, что душа ваша теперь разгорелась, но чтобы нам вышедши отсюда не охладить этого жара, но удержать его в себе, сделаем это. Ни-ва души вашей плодоносна, принимает семена и тотчас дает колосья, не нуждается ни в промедлении, ни во времени; но я боюсь вашего врага.

Вне церкви стоит диавол; он не смеет войти в эту священную ограду, потому что где стадо Христово, там волк не показывается, но, боясь Пастыря, стоит вне. Когда мы выйдем отсюда, не станем тотчас отдаваться непристойным собраниям или праздным речам и бесполезным занятиям, но, пока еще держим в памяти сказанное, поспешим домой, и каждый, севши с женой и детьми, пусть

внимательно размыслит о сказанном. А если не хотите пойти домой, то, собрав дружески тех, которые слушали вместе с вами, сядьте наедине и, предлагая от себя каждый то, что мог сохранить, вторично составьте полное поучение, чтобы вам собираться сюда не напрасно. Повеления и Божии суть светильник: *ибо заповедь закона — есть светильник и <...> свет, и назидательные поучения* (Притч 6, 23); а кто зажигает светильник, тот не останавливается на торжище, но спешит домой, дабы не погас огонь от дуновения ветра, дабы не истощился пламень от долгого промедления; так точно поступим и мы. Дух Святый зажег нам Свое учение, поэтому вышедши отсюда и будучи исполнены того, что слышали, с другом ли, с родственником ли, с домашним ли или с кем другим мы встретимся, пройдем мимо, чтобы, когда мы будем разговаривать с ним о лишнем и бесполезном, не погас между тем огонь учения, но чтобы он пламенел в душе, как в доме и, горя в возвышенных помыслах, как бы на каком светильнике, освещал все внутреннее. Подлинно, странно было бы — видеть душу, оставленную без учения, тогда как мы никогда не терпим видеть вечером дом без светильника и света. Оттого у нас и происходит много грехов, что мы не скоро зажигаем светильник в душе; оттого мы и падаем каждый день, оттого многое и лежит у нас в душе без

пользы и как случится, что мы, выслушав Божественные изречения, еще прежде, нежели пройдем преддверие церковное, тотчас бросаем их и, погасив свет, ходим в большом мраке.

Но если это было прежде, пусть после того уже не будет; постараемся иметь постоянно горящий светильник в душе и прежде, чем дом, будем украшать душу. Тот ведь остается здесь, а эту мы возьмем и отходя отсюда; посему и должно удостоивать ее большего попечения. А теперь есть такие жалкие люди, которые украшают здешние дома свои и золотыми потолками, и разноцветными камнями, и живописными картинами, и блестящими столбами, и всем прочим; а душу небрежно оставляют в состоянии хуже всякой опустелой гостиницы, исполненной грязи, дыма, великого зловония, в невыразимом запустении. А причиной всего этого то, что в нас не горит постоянно светильник учения; поэтому необходимое оставлено в пренебрежении, а ничего не стоящее пользуется великим вниманием. Это сказано мной не к богатым только, но и к бедным. И эти часто, украшая по силе дом свой, душу оставляют в небрежении. Посему я делаю общее тем и другим наставление, увещывая и советуя — о делах настоящей жизни заботиться не много, а все старание тратить на попечение о предметах духовных и необходимых.

Бедный пусть взирает на вдовицу, положившую две лепты¹ (см.: Лк 21, 2), и не считает бедности препятствием к делам милости и человеколюбия. Богатый пусть помышляет об Иове, и как тот употреблял все свое имущество не на себя, а на бедных, так и он. Потому Иов и перенес доблестно отнятие имущества, что еще прежде искушения диавольского приучился отчуждать его. Так и ты презирай имеющееся богатство, чтобы, если некогда оно и отойдет, тебе не предаваться скорби. Трать его на нужное, когда имеешь его, чтобы, когда лишишься, тебе иметь двойную пользу — уготованную тебе награду за прекрасную трату и происходящее от презрения любомудрие, которое бывает полезно во время лишения богатства. Для того оно и называется имуществом (χρήματα), чтобы мы употребляли (χρησόμεθα) его на нужное, а не зарывали бы; для того оно называется стяжанием (κτήματα), чтобы мы владели (κτησόμεθα) им, а не были его владением. Ты — господин большого богатства? Не будь же рабом того, чего владыкой сделал тебя Бог, а не бываешь рабом тогда, когда тратишь его на должное, а не зарываешь. Нет ничего непостояннее богатства, нет ничего изменчивее благосостояния. Итак, поелику обладание ими непрочно и часто они улетают от нас быстрее

¹ Мелкая аттическая монета.

всякой птицы и убегают неблагодарнее всякого беглого раба, то, пока мы владыки над ними, будем пользоваться ими на должное, чтобы нам, приобретши на непрочное богатство прочные блага, наследовать уготованное на небесах сокровище, которого да сподобимся все мы, благодарью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава со Святым Духом ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО ГОВОРИТЬ К НАРОДУ С УГОДЛИВОСТЬЮ ОПАСНО

как для тех, кто говорит, так и для тех,
кто их слушает, и что речь против
собственных прегрешений — полезна
и является величайшей справедливостью

1. **Д**остаточно, я думаю, мы недавно нападали на вас и причинили вам очень глубокую рану. Следовательно, сегодня необходимо

предложить врачевание и доставить более приятные лекарства. Это — наилучший способ врачевания: не только резать, но и перевязывать раны; это — достойный удивления закон наставления: не только порицать, но и увещевать и утешать. Так повелел и Павел: *обличай, запрещай, увещевай* (2 Тим 4, 2). И если кто всегда утешает, то этим делает слушателей более беспечными; и если только порицает, то делает их более ожесточенными, потому что, не имея возможности перенести бремя непрерывных обличений, они тотчас поспешно убегают. Поэтому должно, чтоб был какой-нибудь разнообразный способ наставления. Итак, поелику в предшествующий день речь очень сильно огорчила ум каждого, сегодня нам необходимо более ласковое наставление, и на огорчения, происшедшие от обличений, необходимо накапать, как бы елей, ласковость речей, сначала напомнив вам о самих обличениях.

Недавно мы прочитали вам постановление Павла относительно общения в Таинствах, предназначенное для всех, посвященных в Таинства. Закон же был таков, — ведь ничто не препятствует и теперь снова прочитать его: *да испытывает же себя каждый человек, и таким образом пусть ест от хлеба и пьет из чаши* (1 Кор 11, 28). Посвященные в Таинства знают,

что говорим и какой это — хлеб, какая — чаша. *Кто ест и пьет*, говорит (Писание), *недостойно Господа, виновен будет против Тела и Крови Господней* (ст. 29; 27). Мы прочитали вам этот закон; изъяснили и смысл изречения. Мы сказали, что значит: *виновен будет против Тела и Крови Господней*, — что он понесет то же наказание, какое потерпят распявшие Христа. Как те, говорит, убийцы сделались повинными в крови, так и эти, недостойно причащающиеся Таинств; это именно и значит: *виновен будет против Тела и Крови Господней*. Казалось, что сказанное страдает большим преувеличением и угроза эта нестерпима; мы присоединили и размышление с помощью примера, имеющее большое соответствие. Подобно тому, говорил я, как если кто разрывает царскую багряницу и пятнает грязью, то он почти что оскорбляет царя, облеченного в нее, — так, конечно, и здесь: и те, которые убили Тело Господне, и те, которые принимают Его с нечистой мыслью, равно оскорбляют царское одеяние. Иудеи разорвали Его на кресте, оскверняет и тот, кто принимает Его с нечистой душой, так что, хотя и различны грехи, но одинаково оскорбление. Это многих потревожило, это многих смутило; уязвило совесть слушателей, лучше же сказать, не только слушателей, но прежде, чем вас, и меня — говорящего; общо наставление, общи раны;

поэтому прилагаю и общие врачевства. Это было дело Божия человеколюбия, чтобы и говорящий, и слушающие подлежали одним и тем же законам, были причастны одному и тому же естеству, чтобы каждый был одинаково ответствен в том, что преступает закон. Для чего? Для того, чтобы он предлагал упрек в соразмерной степени, чтобы сделался снисходительным к согрешающим, чтобы, вспоминая о своей собственной немощи, не причинял несносного обличения. Поэтому Бог не свел с небес Ангелов и не приставил их учителями к человеческому естеству, чтобы по причине превосходства своей природы и по причине неведения человеческой немощи они не делали упреков против нас очень беспощадно; но Он дал смертных людей учителями и священниками, людей, облеченных немощью, чтобы одно и то же, виновность в том же самом и говорящего, и слушающих сделалась уздой для языка говорящего человека, не позволяющего делать обвинений свыше меры. И что это — истинно, сам Павел, положивший этот закон, разъяснил нам и причину, сказавши так: *ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим* (Евр 5, 1–2). По какому случаю и почему? *Потому что и сам обложен немощью* (ст. 2). Видишь, что немошь делается

основанием к состраданию и сродство естества не позволяет упрекающему когда-либо впасть в безмерность, хотя бы он был одержим и большим соревнованием? Но зачем я сказал это? Чтобы вы не говорили: ты, — будучи чист от грехов, будучи свободен от скорби, происходящей по причине упрека, — с великой силой наносишь нам очень глубокую рану. Я прежде чувствую боль, так как и сам я подвержен прегрешениям. Потому что *все мы находимся под эпитимиями* (Сир 8, 6); и: никто не может сказать: «я очистил мое сердце» (Притч 20, 9). Итак, я сделал те обличения не потому, что любомудрствовал в области чуждых мне бедствий и не вследствие какого-либо бесчеловечия, но движимый великой заботливостью. При врачевании тел тот, кто наносит удар, не получает никакого ощущения удара, а тот, кого режут, один только он разрывается от болей; но при врачевании душ бывает не так, — если только я сколько-нибудь не ошибаюсь, о делах прочих людей судя по моим собственным, — но говорящий сам прежде мучится от боли, всякий раз как упрекает других. Мы не так скорбим, обличаемые со стороны других, как обличая других за грехи, в которых мы виновны, потому что тотчас совесть начинает порицать говорящего, и то обстоятельство, что облеченный достоинством учительства впадает в одни и те же с учениками

прегрешения и имеет нужду в тех же самых обличениях, причиняет говорящему более горькую печаль.

2. И не без причины оплакиваю теперь это, но так как многие, не вынеся тяжести сказанного, по возвращении назад выражали недовольство, негодовали, говоря: ты отводишь нас от священной трапезы и прогоняешь от приобщения, — то по этой причине я и был вынужден сказать, чтобы вы поняли, что я не отвожу, но скорее — собираю вместе; не прогоняю и не удаляю, но путем обличений более привлекаю к себе. Страх пред возвещенным наказанием, падая на совесть грешников так, как огонь на воск, уничтожает и расплавляет наши прегрешения, постоянно будучи в действии, а делая ум чистым и блистающим, влагает в нас большее дерзновение; от дерзновения же и вследствие веселого настроения дух может сделаться более склонным к непрерывному общению в неизреченных и страшных Таинствах. И подобно тому как дающий горькие лекарства людям, лишенным аппетита, и очищающий дурные соки пробуждает в них потерянный аппетит и производит то, что они с большей готовностью касаются обычной пищи, — точно так и говорящий горькие слова и очищающий ими ум от дурных помыслов и устраняющий тяжелое бремя прегрешений

дает совести возможность перевести дыхание и производит то, что она с большим удовольствием вкушает Господня Тела. Поэтому не негодовать должно за то, что сказано, а прославлять и хвалить.

Если же некоторые — очень немощны и не переносят этой нашей защиты, то я мог бы сказать им, что изъясняю вам не свои собственные законы, а читаю письма, сшедшие с небес; и необходимо, чтобы, когда мне вверено это служение, я или сказал все с дерзновением, что содержится в них, всюду ища пользы для слушателей, а не удовольствия, или чтобы, боясь ненависти слушателей, путем этой неблагоприятной угодливости пожертвовал и своим, и их спасением. А что и для говорящего, и для слушателей весьма опасно умалчивать о чем-либо из Божественных законов и что учителя судятся как виновники в убийствах, когда не изъясняют всех законов Божиих без страха, — я опять представляю вам в свидетели Павла. Прибегаю же во всех делах непрерывно к этой святой душе по той причине, что изречения Павла суть некоторые полезные и Божественные законы, так как не Павел говорит, но Христос, движущий его душу, чрез него говорит все, что тот сказал. Итак, что говорит Павел? Призвав жителей Ефеса и сказав им последнюю речь, так как уже намерен был

удалиться от них, — уча начальников их тому, что как проливающие кровь учеников, так и не говорящие им полезного подлежат взысканиям и наказаниям, — так почти говорит: *чист я от крови всех*. Почему? *Не упустил возвещать вам всю волю Божию* (Деян 20, 26–27); если бы он убоился возвестить, то не был бы чист от крови, но был бы судим как человекоубийца, и вполне естественно, потому что человекоубийца умерщвляет одно только тело, а говорящий льстиво и делающий слушателей более беспечными губит душу; тот предаёт нынешней смерти, а этот губит душу и отправляет на бессмертные мучения и наказания. Итак, разве один только Павел говорит это? Никоим образом, но и прежде Павла Бог, в Свою очередь, устами пророка загадочно предвещает то же самое, так говоря: *Я поставил тебя стражем дому Израилеву* (Иез 33, 7). Что значит: стражем? Стражем называется тот, кто, в то время как войска находятся внизу, занимает высокую и холмистую местность и оттуда наблюдает за нападающими неприятелями и находящимся внизу объявляет о нападении, и возбуждает к приготовлению на сражение, так чтобы не напали на них, не охраняемых, и не умертвили их с большой легкостью. Итак, поелику многих ужасов из числа угрожающих нам мы не видим, проводя жизнь на земле, — то благодать Божия

устроила, чтобы стоящие как бы на высоком месте пророчества, святые пророки заранее предугазывали, что нам угрожает грядущий гнев Божий, чтобы мы, придя в себя чрез покаяние и исправив нашу падшую душу, задолго раньше отвели от себя Богом посланный удар. Поэтому Он говорит: *Я поставил тебя стражем дому Израилеву*, чтобы ты предвозвестил, что угрожает грядущее несчастье, — подобно тому как тот возвещает о наступлении врагов. И немалое наказание Он налагает на не предваряющего о Божиим гневом. Какое именно? Души погибающих, говорит Он, *от руки твоей взыщу* (ст. 8). Кто же в такой степени жесток, и бесчеловечен, и нечувствителен, чтобы стал обвинять говорящего и непрестанно беседующего о Божиим гневом, имеющего подвергнуться столь великому наказанию, если бы он промолчал? Итак, что не полезно нам — говорящим умалчивать об этом, достаточно научили нас и пророк и апостол; а что и вам — слушающим не полезно это, будет ясно из следующего. Если бы я, умолчав, скрывал молчанием грехи, то по праву стал бы негодовать каждый, справедливо стал бы сердиться, если бы я и не молчал; если же, сколько бы ни молчали мы теперь, во всяком случае там грехи по необходимости обнаружатся, то — какая польза могла бы быть от молчания? Пользы — никакой, а вред — крайний. Всякий

раз, как я скажу теперь, — веду к покаянию и сокрушению душевному; если же буду молчать, то здесь и не вспомним о тех грехах, какие допущены нами, и не раскаемся; там же увидим их пред глазами своими обнаженными и открытыми и будем плакать без пользы и тщетно.

3. Итак, если во всяком случае необходимо, чтобы или там, или здесь мы сокрушались о своих прегрешениях, то лучше — здесь, а не там. Откуда это ясно? Из пророческих слов, из евангельских. Пророк говорит: *во аде же кто исповестся Тебе?* (Пс 6, 6). Не потому, что не исповедуемся, но потому, что делаем это напрасно. Христос же научил этому самому и чрез притчу. Был некий бедняк — Лазарь, говорит Он; всюду был он покрыт струпьями (см.: Лк 16, 20), имея неизлечимую болезнь; некоторый же другой человек — богач не уделял бедняку даже крошек. Впрочем, зачем нужно излагать всю притчу? Вы знаете всю эту историю о бесчеловечии богача, как он не уделял бедняку от трапезы, — о бедности последнего и голоде, с которым он непрерывно боролся. Но так в здешней жизни; а после того, как каждый умер, богач видит того бедняка на лоне Авраамовом. И что говорит: *отче Аврааме, пошли его (Лазаря), чтобы омочил концом перста своего язык мой, чтобы отдохнуть от боли* (ст. 24). Видел ты воздаяние? Он не уделял крошек, — не

получает за то и капли воды. *Какою мерою, говорится, мерите, такою отмерено будет вам* (Мк 4, 24). Что же Авраам? *Чадод! <...> ты получил уже доброе твое <...> а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь* (Лк 16, 25). Но, — что и исследуется, — хотя люди сокрушаются из-за грехов и переменяются и, благодаря геенне, делаются лучшими, однако это нисколько не приносит им пользы в отношении к облегчению мук пламени, так как *отче, пошли его в дом мой, — говорит тот, — чтобы он возвестил моим сродникам, чтобы и они не пришли в это место* (ст. 27–28). Сам не получив благодеяния, пытается доставить после спасение другим. Ты видел, как он до этого времени был бесчеловечен, как после этого стал человеколюбив? Пока был жив, он проходил мимо лежавшего пред его глазами Лазаря, теперь же заботится и об отсутствующих родственниках; тогда, находясь среди изобилия, не склонялся к милосердому созерцанию бедняка, теперь же, будучи среди мучений и неотвратимых пыток, заботится о своих родственниках и просит, чтоб был послан имеющий возвестить им об этом. Видишь, как человеколюбив стал он, и кроток, и сострадателен?

Что же? Извлек ли он для себя какую-либо пользу из покаяния? Получилась ли какая-либо для него выгода от сокрушения? Никоим образом,

так как это покаяние неблаговременно. Зрелище окончилось, бои прекратились, уже не осталось удобного времени для состязаний; поэтому увещаваю, и прошу, и умоляю: здесь должно горевать и плакать из-за грехов. Пусть здесь опечаливают нас слова, и пусть там не устрашают дела; пусть здесь уязвляет нас слово, и пусть не уязвляет нас там ядовитый червь; пусть здесь жжет нас порицание, и пусть не жжет там геенна огненная. И последовательно, чтобы печальющиеся здесь были утешены там; совершенно необходимо, чтоб здесь роскошествующие и смеющиеся и беспечально относящиеся к своим прегрешениям опечалились там и скорбели и скрежетали зубами. Не мое это слово, но Самого Того, Кто тогда будет судить нас. *Блаженны, говорит Он, плачущие, ибо они утешатся* (Мф 5, 4). *Горе вам, смеющимся ныне, ибо восплачете* (Лк 6, 25). Итак, что лучше — променять продолжающееся лишь определенное время сокрушение и сетование на вечные блага и на наслаждение, не имеющее конца, — или, проведя здесь в веселии эту краткую и преходящую жизнь, отойти из нее, с тем чтобы там подвергнуться вечным наказаниям? Быть может, ты стыдишься и краснеешь пред мыслью высказать прегрешения? Но если бы даже надлежало говорить об этом или обнаруживать при людях, то

и при таких условиях не должно было бы стыдиться: впадать в грех — стыд, а не признаться в допущенном грехе; теперь же и нет надобности исповедоваться в присутствии свидетелей, пред размышлениями совести пусть происходит исследование содеянных грехов; судилище пусть будет без свидетелей; Бог один только да видит тебя — исповедующегося, — Бог, не порицающий грехи, но разрешающий их из-за исповедания. Но даже и при таких условиях ты медлишь и отговариваешься? Знаю и я, что совесть не выносит воспоминания о собственных прегрешениях, так что, если только придем к воспоминанию о допущенных нами прегрешениях, то ум прыгает, как бы какой неукротимый, молодой и непокорный конь. Но удержи его, обуздай, погладь рукой, сделай его кротким, убеди, что, если теперь он не исповедуется, то будет исповедоваться там, где — большее наказание, где — большее бесчестие. Здесь судилище без свидетелей и ты — согрешивший — ведешь суд с собой самим; там же все грехи будут приведены в средину зрелища вселенной, если наперед не изгладим их здесь. Ты стыдишься сознаться в прегрешениях? Стыдись делать грехи. Мы же всякий раз, как делаем их, отваживаемся безрассудно и бесстыдно; а когда нужно бывает сознаться, тогда стыдимся и медлим, между тем как должно

было бы делать это с готовностью. Порицать за грехи не стыд, но — справедливость и добродетель; если бы не было справедливостью и добродетелью, то Бог не назначил бы за это награды. А что исповедание имеет награды, послушай, что говорит (Писание): *говори ты беззакония твои прежде, чтоб оправдаться* (Ис 43, 26). Кто стыдится дела, благодаря которому становится праведным? Кто стыдится исповедать прегрешения, чтобы уничтожить последние? Ужели Господь для того повелевает сознаться, чтобы наказать? Не для того, чтобы наказать, но — чтобы даровать прощение.

4. Во внешних судилищах за сознанием следует наказание. Посему и псалом, предусматривая это самое, чтобы кто-либо, боясь наказания после исповедания, не стал отрицать своих грехов, говорит: *Исповедайтесь Господеви, яко Благ, яко в век милость Его* (Пс 105, 1). Ужели Он не знает твоих прегрешений, если ты не признаешься? Итак, какого ты достигаешь успеха чрез то, что не исповедуешься? Ужели ты можешь остаться скрытым? Хотя бы ты не сказал, Он знает; если же ты скажешь, Он забывает, потому что вот Я — Бог, *изглаживающий преступления твои, <...> и не помяну* (Ис 43, 25). Видишь ли? Я не помяну, говорит, так как это свойственно человеколюбью; ты же вспомни, чтобы полу-

чить случай к исправлению. Услышав это, Павел сам непрерывно вспоминал о тех грехах, о которых Бог не помнил, — вспоминал, так именно говоря: *я недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь* (1 Кор 15, 9); и: *Христос пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим 1, 15). Не сказал: *был*, но: *есмы*. Возымело место прощение грехов от Бога, — а воспоминание о прощенных грехах не померчалось у Павла; что Господь изгладил, это он сам обнаруживал. Вы слышали пророка, говорящего: *и не помяну*; ты же помни. Бог называет его сосудом избранным (см.: Деян 9, 15), а он называет себя первым из грешников. Если же он не забывал о прощенных прегрешениях, то поразмысли, как он помнил о Божиих благодеяниях. И зачем я говорю о том, что память о грехах не посрамляет? Не столь славными делает нас память о добрых поступках, как воспоминание о грехах; лучше же сказать: воспоминание о добрых поступках не только не делает славными, но даже исполняет стыда и осуждения; память же о грехах преисполняет нас дерзновением и великой праведностью. Кто говорит это? Фарисей и мытарь. Один, объявив прегрешения, возвратился оправданным; другой же, объявив добрые поступки, возвратился, став ниже мытаря. Видишь, какой вред — вспоминать о добрых

360
☪

поступках, — какая польза не предать забвению прегрешения? И весьма естественно, потому что кто помнит о добрых поступках, тот увлекается высокомерием, презирает остальных людей, что именно и случилось с фарисеем, который не дошел бы до столь великого тщеславия, не сказал бы: *я не таков, как прочие люди* (Лк 18, 11), если бы не помнил о своем посте и десятине; память же о грехах укрощает ум, убеждает быть смиренномудрым и чрез смиренномудрие привлекает Божие благоволение. Послушай, прошу, как и Христос повелевает нам предавать забвению свои добрые поступки. *Когда исполните все это, говорите: мы рабы ничего не стоящие* (Лк 17, 10). Ты говори о себе, что — непотребный раб, — не я делаю тебя непотребным; если ты сознаешься в своей ничтожности, я делаю тебя славным и увенчиваю.

Видишь, сколькими доказательствами нам засвидетельствовано, что память о грехах доставляет пользу и что память о добрых поступках приносит вред, — и, в свою очередь, наоборот, что за забвение грехов навлекается наказание нам, а за забвение добрых поступков бывает нам польза? Желаете понять и с другой стороны, что величайшая добродетель — помнить о грехах? Послушай Иова. Как он в других случаях гордился, так и при исповедании прегрешений,

так именно говоря: *Если бы я скрывал проступки мои, <...> то я боялся бы большого общества*¹ (Иов 31, 33–34). А что он говорит, имеет такой смысл: никогда собрание сорабов не привело меня в стыд. Какая польза от того, что о мне не знают люди, когда Судия знает все; какой вред от того, что они знают о допущенных мной прегрешениях, когда Тот желает освободить от наказания? И хотя бы все осуждали, я нисколько не забочусь о мнении их, если оправдает Судия; и хотя бы все восхвалили и изумились мне, опять для меня нет никакой пользы от их приговора, если Тот меня осуждает. Всюду должно смотреть на Того и делать в отношении к прегрешениям то же самое, что именно делаем в отношении к трате денег. Тотчас после того как встали с постели, прежде чем пойдем на рынок или займемся каким-либо частным или общественным делом, призвав слугу, требуем отчет в истраченном, чтобы знать, что истрачено дурно, а что на должное, и как много осталось; и если мы узнаем, что оставшегося — немного, то всячески придумываем средства к доходам, чтобы не быть незаметно истребленными голодом.

¹ В славянском переводе, соответствующем греческому тексту, которым пользовался Златоуст: *Аще же и согрешая неволею, не посрамихся народнаго множества, еже не поведати* (грехов моих).

Итак, станем делать это и в отношении к нашим делам. Призвав нашу совесть, дадим ей отчет в словах, делах, в помышлениях; исследуем, что истрачено на должное, а что — к нашему вреду; какое слово истрачено дурно, на поношения, на сквернословие, на оскорбления; какая мысль побудила глаз к распутству; какой помысл, ко вреду нашему, перешел в дело, осуществленный или с помощью рук, или — языка, или — самих глаз; и постараемся отстать от неуместной траты, а вместо того, что однажды истрачено дурно, постараемся сберечь другие доходы; вместо слов, произнесенных безрассудно, будем произносить молитвы, вместо взоров, ставших нецеломудренными, прибегнем к милостыням, постам. Если мы намерены тратить неразумно, ничего не сберегая, не собирая себе добра, то, впав в крайнюю бедность, незаметно стяжем себе наказание вечным огнем. Итак, мы имеем обыкновение давать отчет в деньгах около рассвета, а в делах, в том, что совершено нами после того как настал день, и во всем сказанном потребуем от себя отчетов после ужина и после наступления самого вечера, лежа на постели, когда никто не беспокоит, когда никто не тревожит; и если увидим, что в чем-либо согрешили, то накажем совесть, сделаем выговор уму, уязвим рассудок так сильно, чтобы более мы уже

не дерзнули, встав, привести себя к той же самой бездне греха, помня о вечерней ране.

363
☞

5. Что это время более удобно для такового требования отчетов, послушай, что говорит пророк: *яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитесь* (Пс 4, 5). Много по наступлении дня делаем не так, как желаем; и друзья раздражают, и слуги приводят в неистовство, и жена огорчает, и дитя печаливает, и множество житейских и общественных дел окружает нас; и не можем тогда понимать даже и того, каким образом обманываем себя. Но, освободившись от всего этого и вечером оставшись наедине с самими собой и наслаждаясь большим спокойствием, устроим на ложе судилище, чтобы с помощью такового суда умилоствлять Бога. Если же ежедневно будем грешить и ранить нашу душу, никогда не вникая в это, то подобно тому как получающие непрерывные раны, а потом нерадеющие о них приобретают себе лихорадки и навлекают невыносимую смерть, — так, конечно, и мы вследствие этого непрерывного бесчувствия навлекаем на себя неминуемое наказание. Я знаю, что сказанное — тягостно, но оно приносит большую выгоду. У нас — милостивый Господь; Он желает только найти предлог и тотчас обнаруживает всякое человеколюбие. Если бы, согрешая и оставаясь ненаказанными,

мы не делали худшими, то Он и удалял бы от нас наказание; но Он ясно знает, что безнаказанность согрешающих вредит им не меньше самих грехов. Поэтому налагает наказание, не за прошедшее взыскав вину, но исправляя будущее. И чтобы ты понял, что это — истинно, послушай, что Он говорит Моисею: *оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их* (Исх 32, 10). Оставь Меня, говорил Он, не потому, что Моисей удерживал Его, так как тот ничего не сказал Ему, но предстоял в молчании, — а желая дать ему случай к мольбе за них. Так как те допустили грех, достойный наказания, и наказания неизбежного, и, однако, Он хотел не наказать их, а проявить к ним человеколюбие, но так как это делало их более беспечными, то Он устраивает одно и другое, так чтобы и наказания не было нанесено, и чтобы те вследствие безнаказанности не сделались более беспечными, поняв, что они избежали гнева Господня не ввиду их собственного достоинства, а по предстательству Моисея. Это и мы часто делаем и, не желая ни подвергать наказанию слуг, допустивших проступки, достойные наказания, ни освободить от страха пред ожидающим наказанием, просим друзей исхитить их из наших рук, так чтобы и страх в них оставался в полной силе, и чтобы они избежали с нашей стороны

ударов. То же сделал и Бог; а что это — истинно, ясно из самих слов: *оставь Меня*, говорит, *да воспламенится гнев Мой...* И мы, когда желаем наказывать, а нам не позволяют этого, приходим в состояние гнева. Он же говорит: *остави Мя, и възъярився гневом*, — чтобы ты понял, что гнев не страсть в Боге, но что называется этим именем назначаемое нам наказание. Итак, когда услышишь, что Моисей говорит: *прости им грех их* (Исх 32, 32), то прежде, чем пред рабом, приди в изумление пред Господом по той причине, что Он Сам доставил ему случаи к этому человеколюбию. Но не здесь только сделал Он это, но то же самое говорит и к Иеремии, и к Иезекиилю: *походите по улицам Иерусалима, и посмотрите, <...> не найдете ли человека, нет ли соблюдающего правду, ищущего истины? Я пощадил бы [Иерусалим]* (Иер 5, 1). Ты увидел человеколюбие? Добродетелью одного пользуются многие даже и порочные люди, но из-за порочности множества, даже если среди многочисленного народа и один окажется поступающим добродетельно, (последний) не разделяет их участи; напротив, один человек право живущий будет в состоянии исхитить от гнева Божия целый народ, а целое государство развращенное не будет в состоянии привлечь к собственному наказанию и мучению и погубить человека, справедливо живущего. Это

ясно и из истории Ноя: когда все действительно погибали, один только он был сохраняем; ясно и из жизни Моисея: один только он действительно оказался в состоянии явиться с ходатайством за таковой народ. Я же могу представить и другое, большее доказательство Божия человеколюбия. Когда Он не найдет живых людей, имеющих дерзновение и могущих явиться с ходатайством за согрешивших, то прибегает к умершим и говорит, что ради их отпускает грехи, как действительно и сказал Езекии: *защиту город сей ради Себя и ради Давида, раба Моего* (4 Цар 20, 6), уже умершего. Итак, зная, что Бог все движет и делает, чтобы освободить нас от наказания и мучения, будем доставлять Ему многочисленные случаи к этому, исповедуясь, раскаиваясь, плача, молясь, прекращая гнев на ближних, улучшая бедность близких, бодрствуя в молитвах, обнаруживая смиренномудрие, непрестанно помня о грехах.

Недостаточно сказать, что я — грешник, но должно вспомнить и о самих грехах, о каждом в отдельности. Подобно тому как огонь, попавший в терновник, легко уничтожает его, так помышление, постоянно направленное на допущенные грехи, легко уничтожает их и потопляет. Бог же, оставляющий без внимания беззакония, удаляющий неправды, да избавит нас от грехов и да удо-

ПОХВАЛА ВСЕМ СВЯТЫМ, ВО ВСЕМ МИРЕ ПОСТРАДАВШИМ

стоит Небесного Царства, по благодати и чело-
веколюбии Господа нашего Иисуса Христа, чрез
Которого и с Которым Отцу слава со Святым
Духом ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ.

ПОХВАЛА ВСЕМ СВЯТЫМ, ВО ВСЕМ МИРЕ ПОСТРАДАВШИМ

1. **Е**ще не прошло семи дней после того, как мы совершали священное торжество Пятидесятницы, и вот опять настиг нас лик мучеников, или — лучше — ополчение и воинство мучеников, ничем не уступающее ополчению Ангелов, которое видел патриарх Иаков (см.: Быт 32, 2), но подобное ему и равное. Мученики и Ангелы различаются только именами, а делами соединены: Ангелы обитают на небе, и мученики также; первые не причастны старости и бессмертны, и мученики будут иметь то же. Но те получили бестелесное естество? Что же? И мученики, хотя облечены телом, но бессмертным, или — лучше — еще прежде бессмертия смерть

за Христа украшает тела их больше бессмертия. Не так светло небо, украшаемое хором звезд, как тела мучеников, украшаемые светлой кровью ран, так что, умерши, они сделали величайшее приобретение и еще прежде бессмертия восприняли награды, получив от смерти венцы. *Умалил еси его малым чим от ангел, славою и честью венчал еси его*, говорит Давид о естестве человеческом вообще (Пс 8, 6); но и это *малое* Христос пришедши восполнил, осудив смертью смерть. Впрочем, я не это доказываю, но то, что и этот недостаток, смерть, сделался приобретением, так как, если бы они не были смертными, то не сделались бы мучениками; если бы не было смерти, то не было бы и венца; если бы не было кончины, то не было бы мученичества; если бы не было смерти, то Павел не мог бы говорить: *я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, <...> которую я имею во Христе Иисусе* (1 Кор 15, 31); если бы не было смерти и тления, то он также не мог бы говорить: *радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых* (Кол 1, 24). Итак, не будем скорбеть, что мы стали смертными, но будем благодарить, что смертью открыто нам поприще мученичества; чрез тленность мы получили возможность наград, отсюда имеем мы повод к подвигам. Ви-

дишь ли премудрость Божию, как Он величайшее из зол, верх нашего бедствия, введенный дьяволом, то есть смерть, обратил нам в честь и славу, ведя чрез нее подвижников к наградам мученичества? Что же? Будем благодарить дьявола за смерть? Да не будет: не по его мысли — это добро, но дар премудрости Божией; он ввел, чтобы погубить людей и, возвратив в землю, отнять у них всякую надежду спасения, но Христос, взяв это, изменил и чрез смерть опять возвел нас на небо. Поэтому никто да не осуждает нас, если я назвал весь сонм мучеников ликом и воинством, приписав одному предмету два противоположные названия; лик и воинство — названия противоположных, но здесь оба они соединились вместе: (мученики) шли на мучения с удовольствием, как ликующие, и вместе, как воинствующие, оказали всякое мужество и терпение и победили противников. Если посмотришь на существо событий, то эти события — сражение, война и ополчение; а если исследуешь смысл событий, то совершившееся — ликования, празднества, торжества и величайшее удовольствие.

Хочешь узнать, сколько эти подвиги, то есть подвиги мучеников, ужаснее войны? Что ужасного в войне? С той и другой стороны стоят огражденные станы, блещущие оружием и озаоряющие землю; со всех сторон пускаются тучи

стрел, множеством своим помрачающие воздух; потоки крови льются по земле; везде в великом множестве, как колосья во время жатвы, падают воины, поражаемые друг другом. Теперь от них я переведу тебя к этому сражению. И здесь два ополчения, одно — мучеников, а другое — мучителей; но мучители вооружены, а мученики сражаются с обнаженным телом, и победа остается за обнаженными, а не вооруженными. Кто не изумится, что бичуемый побеждает бичующего, связанный — несвязанного, сожигаемый — сожигающего, умирающий — умерщвляющего? Видишь ли, как эти подвиги страшнее тех? Те, хотя и страшны, но происходят естественно; а эти превосходят всякое естество и всякий порядок вещей, чтобы ты убедился, что это — дела благодати Божией. Притом, что несправедливее этой борьбы? Что незаконнее этих сражений? На войнах обе сражающиеся стороны бывают вооружены; а здесь не так, но один наг, а другой вооружен; также в борьбе обоим противникам позволено действовать руками, но здесь один связан, а другой свободно наносит удары. Выбравши себе, как бы по тирании, право делать зло, а праведным мученикам предоставив терпеть зло, судьи таким образом нападают на святых и даже и так не побеждают их, но после такой неравной битвы отходят пораженны-

ми; и бывает то же, как если бы кто вывел воина на сражение и, отломив острие копья его и сняв с него броню, приказал ему так сражаться с обнаженным телом, а он, подвергаясь нападениям и ударам и получая бесчисленные раны, поставил бы трофеи. Таким же образом и эти, выведя мучеников нагими, связав им руки назад и со всех сторон нанося им удары и язвы, были побеждаемы; а они, получая раны, ставили трофеей победы над дьяволом. Как адамант, поражаемый ударами, не поддается и не смягчается, а напротив сокрушает ударяющее железо, — так точно и души святых при столь многих наносимых им мучениях сами не терпели никакого вреда, а силу тех, которые били их, сокрушали и заставляли их удаляться с борьбы побежденными со стыдом и бесчестьем после многих и нестерпимых ударов. Их привязывали к дереву и строга-ли бока их, проводя глубокие борозды, как бы распахивая землю, а не тело раздирая, так что можно было видеть открытые внутренности, обнаженные ребра, расторгнутые груди; и здесь не останавливались в неистовстве те кровожадные звери, но, сняв с дерева, растягивали их на железной решетке над горячими угольями, и можно было видеть опять зрелища, ужаснейшие прежних: двойкие капли падали из тел, льющейся крови и растопляемой плоти, — но

святые, возлежа на угольях, как на розах, с радостью смотрели на совершавшееся.

2. Ты же, слыша о железной решетке (имеющей вид лестницы), вспомни о мысленной *лестнице*, виденной патриархом Иаковом, которая простиралась от земли до неба; по той нисходили Ангелы, а по этой восходят мученики; на той и другой стоит Господь (см.: Быт 28, 12). Не перенесли бы страданий эти святые, если бы не имели такой опоры. По той восходят и нисходят Ангелы, а по этой, как всякому известно, восходят и мученики. Почему? Потому, что *те посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение* (Евр 1, 14); а эти, как ратоборцы и венценосцы, окончив подвиги, отходят наконец к Распорядителю подвигов. Впрочем, не будем просто слушать, когда говорится, что горячие уголья были подкладываемы под истерзанные тела, но представим, каково бывает нам, когда мы впадаем в горячку; тогда мы самую жизнь не считаем жизнью, досадуем, негодуем, раздражаемся, как малые дети, считая этот огонь нисколько не меньшим огня геенского; а они, не горячкой будучи объаты, но когда пламень со всех сторон осаждал их и искры вторгались в их раны и терзали язвы их свирепее всякого зверя, тогда, как бы адамантовые и как бы видя это совершающимся в чужих телах, до-

блестно и с свойственным им мужеством стояли в словах исповедания и оставались непреклонными во всяких бедствиях, блистательно обнаруживая и свое мужество и Божию благодать. Вы часто видите на рассвете солнце восходящим и бросающим багряновидные лучи? Таковы были тела святых, когда со всех сторон обливали их потоки крови, как бы багряновидные лучи, и озаряли тело их гораздо больше, нежели небо озаряется солнцем. Видя эту кровь, Ангелы радовались, а бесы ужасались и сам диавол трепетал: то была не просто видимая кровь, но кровь спасительная, кровь святая, кровь достойная небес, кровь постоянно напоющая добрые растения Церкви. Видел эту кровь и ужасался диавол, потому что вспоминал о другой крови — Владычней; ради той текла и эта кровь, потому что с тех пор как прободено ребро Владыки, ты видишь тысячи прободенных ребер. И кто не пойдет на эти подвиги с великой радостью, имея в виду приобщиться страданий Господних и сделаться сообразным смерти Христовой? Это — достаточное воздаяние, честь большая, награда, превышающая труды, еще прежде Царства Небесного. Итак, не будем страшиться, слыша, что такой-то потерпел мученичество; но будем страшиться, слыша, что такой-то оказался слабым и пал, когда предстояли ему такие награды.

Если же хочешь слышать и о наградах будущих, то никакое слово не может представить их, — потому что *не видел того глаз, говорит-ся, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор 2, 9); а никто из людей не возлюбил Его так, как мученики. Впрочем, потому, что величие назначенных благ превышает и слово и ум наш, мы не будем молчать о них, но, сколько возможно нам сказать и вам выслушать, постараемся, хотя неясно, изобразить вам блаженство, которое примет там мучеников; а ясно познают его только те, которые наслаждаются им на самом деле. Здешние жестокие и невыносимые страдания мученики терпят в течение краткого времени, а по отшествии отсюда они восходят на небеса, причем Ангелы предшествуют им и Архангелы сопровождают их, потому что не стыдятся подобных себе рабов и решились все сделать для них, как и те решились потерпеть все для Христа, своего Владыки. По восшествии на небо сретают их все святые Силы. Если тогда, когда приходят в город чужие ратоборцы, стекается весь народ отовсюду и, окружив их, рассматривает стройность их членов, — то гораздо больше тогда, когда восходят на небеса подвижники благочестия, Ангелы сретают и все вышние Силы стекаются отовсюду — видеть их раны и, как некоторых героев,

возвратившихся с войны и сражения с великими трофеями и после многих побед, радостно принимают всех их и приветствуют, потом ведут их с великим торжеством к Царю Небесному, к тому Престолу, исполненному великой славы, где Херувимы и Серафимы. Прибыв туда и поклонившись Седящему на Престоле, мученики удостоиваются от Владыки гораздо большего благоволения, нежели от подобных себе рабов, потому что Он принимает их не как рабов (хотя и это величайшая честь, равной которой нельзя найти), но как друзей Своих: *вы*, говорит Он, *друзья Мои* (Ин 15, 14); и весьма справедливо, потому что Сам Он сказал еще: *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин 15, 13). Так как они показали величайшую любовь, то Он дружески и принимает их и наслаждаются они тамошней славой, соединяются с ликами (ангельскими), участвуют в таинственных песнопениях. Если они еще находясь в теле чрез общение в Таинствах принадлежали к тамошнему лику, воспевая Трисвятую песнь вместе с Херувимами, как известно вам, посвященным в тайны, — то гораздо больше тогда, наслаждаясь сотоварищами по лику, они с великим дерзновением участвуют в тамошнем славословии. Не страшились ли вы мученичества прежде? А теперь не желаете ли мученичества? Теперь не

сожалаете ли, что ныне уже не время мучений? Но будем и мы упражняться, как во время мучничества. Они презирали жизнь, — ты презирай удовольствия. Они ввергали тела свои в огонь, — ты ввергай теперь деньги в руки бедных. Они попирали уголья, — ты погашай пламень похоти. Трудно это, но и полезно. Смотри не на прискорбное настоящее, а на приятное будущее, не на бедствия присущие, а на блага уповаемые, не на страдания, а на награды, не на труды, а на венцы, не на усилия, а на плату, не на скорби, а на воздаяния, не на горящий огонь, а на царство предстоящее, не на окружающих палачей, а на увенчивающего Христа.

3. Это лучший способ и удобнейший путь к добродетели — взирать не на труды только, но и на награды после трудов, — впрочем, и не на них только самих по себе. Так, когда ты намереваешься подать милостыню, то обращай внимание не на издержки денежные, а на приобретение правды: *расточи, даде убогим, правда его пребывает во век века* (Пс 111, 9); не смотри на оскудение богатства, но взирай на умножение сокровища. Когда постишься, то думай не об изнурении от поста, но о легкости, происходящей от этого изнурения. Когда бодрствуешь в молитве, то помышляй не об усталости, причиняемой бодрствованием, а о дерзновении, доставляемом

молитвой. Так делают и воины: они смотрят не на раны, а на награды, не на поражения, а на победы, не на падающих мертвыми, а на увенчиваемых героев. Так и кормчие прежде волн видят пристани, прежде кораблекрушений — торговые выгоды, прежде бедствий на море — благополучие после мореплавания. Так делай и ты: представь, сколь великое дело — среди глубокой ночи, когда спят все люди, звери и скот, когда господствует глубочайшая тишина, тебе одному бодрствовать и дерзновенно беседовать с общим всех Владыкой. Сладок сон? Но нет ничего слаще молитвы. Беседуя с Богом наедине, когда никто не беспокоит тебя и не отвлекает тебя от молитвы, ты можешь во многом иметь успех; самое время — союзник твой для получения того, чего желаешь. Но ты поворачиваешься, лежа на мягкой постели, и медлишь встать? Представь сегодняшних мучеников, которые лежали на железной решетке, где не постель была подостлана, но подложены горячие уголья. Здесь я хочу окончить речь, чтобы вы ушли с живым и свежим воспоминанием об этой решетке и памятовали о ней ночью и днем; хотя бы удерживали нас тысячи уз, мы в состоянии будем легко разорвать все и встать для молитвы, если будем постоянно представлять себе эту решетку. Впрочем, не только решетку, но и прочие страдания мучеников на-

чертаем на широте нашего сердца. Так делающие свои дома великолепными украшают их со всех сторон разноцветной живописью, — так и мы на стенах души нашей рисуем казни мучеников. Та живопись бесполезна, а эта приносит пользу; для этой живописи не нужно ни богатства, ни издержек, ни какого-нибудь искусства, но вместо всего достаточно приложить усердие и ум мужественный и бодрственный, чтобы посредством него, как бы посредством искусной какой руки, изобразить их мучения. Итак, рисуем в душе одних лежащими на сковородах, других растянутыми на угольях, иных вверженными в котлы, других брошенными в море, иных скоблимыми, иных сгибаемыми на колесе, иных разбиваемыми об утес, иных борющимися с дикими зверями, иных низвергаемыми в пропасть, иных так, как каждому из них случилось окончить жизнь, чтобы, сделав разнообразием такой живописи жилище наше светлым, приготовить приличное пристанище для Царя Небесного. Если Он увидит такие изображения в душе, то придет с Отцом и сотворит у нас обитель с Духом Святым; и будет, наконец, наша душа царским домом и никакой непристойный помысл не сможет войти в нее, потому что воспоминание о мучениках, как бы какая живопись, постоянно будет сохраняться в нас и производить великий

блеск, и Царь всего, Бог, будет непрестанно обитать в нас. Таким образом, приняв Христа здесь, мы по отшествии отсюда сможем быть принятыми в вечные обители, чего да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу со Святым и Животворящим Духом во веки веков.

АМИНЬ.

О ЖИЗНИ ПО БОГУ

и на слова: *Тесны врата...* и пр. (Мф 7, 14),
и изъяснение молитвы «Отче наш»

1. **Ч**тение всего боговдохновенного Писания сообщает внимательным познание благочестия, но досточтимое Писание евангельское есть превосходнейшее из высочайших учений, потому что содержащиеся в нем изречения суть глаголы высочайшего Царя. Поэтому и страшным наказанием угрожается тем, которые не соблюдают в точности сказанного Им. В самом деле, если преступающий законы земных начальников подвергается неумолимому наказанию, то

не тем ли более будет предан нестерпимым мучениям преступающий повеления Небесного Владыки? Если же велика опасность от невнимания, то будем с великим тщанием внимать словам, сейчас прочитанным нам из Евангелия. Какие же это слова? *Тесны врата, говорит Господь, и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их; и еще: широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими* (Мф 7, 13; 14).

Часто, слушая эти слова и взирая на заботы людей о предметах пустых, я весьма удивляюсь истине сказанного. Подлинно, все идут широким путем, все увлекаются настоящими предметами и нисколько не думают о будущих; непрестанно стремятся к телесным удовольствиям, а души свои оставляют истощаться голодом и, получая каждый день бесчисленное множество ран, нисколько не чувствуют бедственного состояния, в каком они находятся; в случае телесных болезней ходят ко врачам и приглашают их к себе в дом, дают им весьма большие награды, показывают великое терпение и переносят болезненное врачевание, чтобы возвратить здоровье телу; а когда страдает душа, то совершенно не заботятся и не стараются возвратить ей вожденное здоровье, хотя хорошо знают, что тело смертно и тленно и подобно весенним цветам, — потому что оно подобно им увядает, засыхает

и предается тлению, — между тем как о душе знают, что она почтена бессмертием и сотворена по образу Божию и что ей вверены бразды управления этим животным (телом). Подлинно, что возница для колесницы, или кормчий для корабля, или музыкант для музыкального орудия — тем же Создатель поставил душу для этого земного сосуда, она держит бразды, движет рулем, ударяет в струны; и когда делает это хорошо, то производит согласнейшие звуки добродетели; а когда или слишком ослабляет звуки, или напрягает их больше надлежащего, то нарушает и искусство и благозвучие. Такою-то душою пренебрегают многие из людей, не удостаивая ее даже и малейшего попечения, а все время своей жизни тратят на заботы о теле. Одни избирают жизнь мореплавателей — и борются с волнами и ветрами, нося с собою жизнь и смерть и полагая надежду спасения в немногих досках; другие предпринимают труды земледелия, запрягая рабочих волов и возделывая землю, то сея семена и пожиная жатву, то насаждая растения и собирая с них плоды, и все время у них проходит в этих трудах; иные занимаются торговлею и для нее совершают путешествия по земле и морю, предпочитают чужую страну своей и, оставляя отечество, родных, друзей, жен и детей, для малых выгод ведут жизнь странническую. И нужно ли

исчислять все занятия, которые люди изобрели для потребностей телесных, в которых проводя дни и ночи, они стараются сохранить здоровье своего тела, а между тем душу, алчущую и жаждущую, иссохшую и загрязненную и подвергшуюся бесчисленному множеству зол, оставляют без внимания? Но после многих трудов и усилий они и смертное тело не защищают от смерти, и бессмертную душу вместе с смертным телом подвергают вечным мучениям.

2. Поэтому, горько оплакивая объемлющее души людей невежество и покрывающую их густую мглу, я желал бы найти какое-нибудь возвышенное место, с которого мне можно было бы видеть весь род человеческий; желал бы иметь и голос, который оглашал бы все пределы и слышен был бы для всех, живущих на земле, чтобы стать и взывать и провозгласить слова Давида: *Сынове человечести, доколе тяжкосердии? Вскую любите суету и ищите лжи?* — предпочитая небесному земное, вечному временное, бессмертному тленное (Пс 4, 3). Доколе вы будете закрывать глаза и заграждать уши и не слушать Божественного голоса, ежедневно взывающего: *просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф 7, 7–8)? Но так как некоторые

несовершенные, склонные более к предметам житейским и увлекающиеся плотскими помыслами, совершают молитвы ненадлежащим образом, то общий Владыка преподал нам наставление в молитве, когда сказал: *а молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны* (Мф 6, 7), называя излишним многоглаголанием речи, состоящие из множества слов, но не приносящие никакой пользы.

Запрещая многоглаголание, Господь внушает то, что молящиеся не должны просить скоропреходящего и погибающего: ни красоты телесной, которая увядает от времени, изглаждается от болезни, исчезает при смерти, потому что такова телесная красота, она — кратковременный цвет, недолго являющийся весною юности и скоро увядающий от времени, а если кто захочет исследовать самую сущность ее, то будет в состоянии тем более презирать ее, так как она есть не что иное, как влага, кровь, сок и жидкость съеденной пищи, чрез которую и глаза, и щеки, и нос, и брови, и уста, и все тело получает полноту, если же прекратится прилив этот, то совершенно исчезнет и благообразие лица, — ни денежного богатства, которое, подобно речным водам, притекает и утекает, переходит то к одному, то к другому, убегает от тех, кто удерживает

его, и не остается у тех, кто любит его, подвергается бесчисленному множеству бедствий от молни, от разбойников, от клеветников, от пожаров, от кораблекрушений, от нападений врагов, от восстаний народа, от злобы рабов, от потери записей, от приращений и уменьшений и от прочих зол, которые у любящих богатство происходят от любостяжания, — ни почетной власти, которую также сопровождает множество скорбей, изнурительные заботы, частые бессонницы, козни завистников, враждебные замыслы ненавистников, красноречие риторов, благовидными словами утаивающее истину и подвергающее судей великой опасности. Есть, действительно есть многоглаголивые пустословы, которые просят у Всевышнего Бога таких и подобных предметов и нисколько не ценят благ истинных. Врача не учат больные употреблению лекарств, а только принимают предлагаемое им, хотя бы и болезнен был способ врачевания; и кормчему мореплаватели не приказывают держать руль и направлять судно именно так, а не иначе, но сидя на скамьях они доверяют его знанию не только во время благоприятного плавания, но и тогда, когда подвергаются крайней опасности; а одному Богу, который точно знает, что можно дать нам с пользою, люди нездравомыслящие не хотят предать себя, но просят у Него вредного,

как полезного, поступая подобно тому больному, который просит врача дать ему не то, что искореняет болезнь, а то, чем питается вещество, производящее болезнь. Врач же не слушается просьбы больного, а, хотя бы видел его плачущим и рыдающим, более следует закону своего искусства, нежели преклоняется на его слезы, и это непослушание мы называем не бесчеловечием, но человеколюбием, потому что, слушаясь больного и делая удобное ему, врач поступил бы с ним, как враг, сопротивляясь же ему и не удовлетворяя желания, оказывает ему милость и человеколюбие. Так и Врач наших душ не станет давать просящим того, что будет во вред им. И чадолюбивые отцы, когда малые дети просят ножа или горячих угольев, не соглашаются дать им, потому что знают, как вредно дать им это. А некоторые из людей, впадших в крайнее безумие, не только просят у Всевышнего Бога телесной красоты, богатства, власти и тому подобного, но восстают против своих врагов, умоляют послать им какое-нибудь наказание, и Того, Кого просят быть к самим себе милостивым и человеколюбивым, в отношении к врагам своим хотят сделать немилостивым и нечеловеколюбивым. Господь, желая предотвратить это, заповедует *не говорить лишнего* и внушает, что нужно говорить в молитве, в немногих словах

научая всякой добродетели, потому что эти слова заключают в себе не только наставление к молитве, но и руководство к совершенной жизни.

3. А какие это слова и какой смысл их, исследуем с великим тщанием и будем твердо хранить их, как законы Божии. *Отче наш, сущий на небесах* (Мф 6, 9). О какое чрезмерное человеколюбие! О, какая превосходная честь! Какое слово будет в состоянии воздать благодарность подающему нам такие блага? Посмотри, возлюбленный, на уничиженность твоей и моей природы, вникни в сродство ее, в эту землю, пыль, грязь, глину, пепел, потому что мы созданы из земли и опять наконец разлагаемся в землю. Представив это, подивись неисследимому богатству великой благодати к нам Божией, по которой заповедано тебе называть Его *Отцом*, земному — небесного, смертному — бессмертного, тленному — нетленного, временному — вечного, бывшему вчера и прежде грязью — существующего прежде веков Бога. Но не напрасно научен ты произносить это слово, а для того, чтобы, благоговая пред именем Отца, произносимым собственным языком твоим, ты подражал Его благодати, как и в другом месте говорится: *будьте подобны Отцу вашему Небесному, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф 5, 45).

Поэтому не может называть человеколюбивого Бога Отцом своим тот, кто имеет настроение души зверское и бесчеловечное, потому что он не хранит свойств благости, какие есть у Небесного Отца, но изменился в зверский вид и лишился божественного достоинства, по словам Давида: *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс 48, 21). В самом деле, когда кто нападает как вол, лягает как осел, злопамятствует как верблюд, насыщает чрево как медведь, похищает как волк, уязвляет как скорпион, хитрит как лисица, ржет на женщин как неистовый конь, то как может такой (человек) произносить слово, свойственное сыну, и называть Бога Отцом своим? Чем же можно назвать такого человека? Зверем? Но звери страдают каким-нибудь одним из этих недостатков, а он, соединяя в себе все, стал бессмысленнее бессловесных. Да что говорю я — зверем? Такой человек свирепее всякого зверя. Те, будучи свирепыми по природе, при помощи человеческого искусства часто делаются кроткими, а он, будучи человеком и имея способность изменять свирепость, свойственную зверям по природе, на кротость, не свойственную их природе, какое будет иметь оправдание, когда обращает свою природную кротость в свирепость, не свойственную своей природе, и, имея возможность

делать свирепое по природе кротким, делает себя, кроткого по природе, свирепым, — когда, имея способность укрощать льва и делать его ручным, доводит свой гнев до свирепости большей, чем у льва? У этого зверя два неблагоприятных обстоятельства — и то, что он не имеет рассудка, и то, что он яростнее всех; однако, при помощи данной от Бога мудрости, и его зверская природа укрощается. Тот, кто побеждает природу в зверях, в себе самом губит добро природы и воли; тот, кто делает льва как бы человеком, себе самому попускает сделаться из человека львом; сообщает льву то, что выше его природы, а в себе самом не сохраняет и свойственного природе. Как же такой человек может называть Бога Отцом? Следовательно, тот, кто кроток и человеколюбив к ближним и не мстит согрешающим против него, но воздаёт за обиды благодеяниями, безукоризненно может называть Бога Отцом. И вникни в точность выражения, как Он заповедует нам взаимную любовь и соединяет всех дружелюбным расположением. Он не повелел говорить: *Отче мой, суций на небесах*, но: *Отче наш, суций на небесах*, для того, чтобы, научившись иметь общего Отца, мы оказывали братское расположение друг другу. Притом, желая научить, чтобы мы оставили землю и земное и не преклонялись вниз, а взяли крылья веры и,

возлетев выше воздуха и поднявшись выше эфира, стремились к называемому Отцу, Он заповедал говорить: *Отче наш, сущий на небесах*, — не потому, чтобы Бог находился только на небесах, но чтобы нас, пресмыкающихся по земле, расположить к стремлению на небеса и, озарив красотой небесных благ, обратить туда все наши желания.

4. Далее Он прибавил второе изречение, сказав: *Да святится имя Твое*. Впрочем, пусть никто не имеет безрассудной мысли, будто Богу даруется прибавление святости словами: *Да святится имя Твое*; Он Свят, и Всесвят, и Святейший Святых. И Серафимы приносят ему такое песнопение, непрестанно взывая: *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!* небо и земля полны славы Его (Ис 6, 3). Как те, которые приносят хвалы царям и называют их царями и самодержцами, не дают им то, чего они не имеют, но славословят то, что они имеют, так и мы не сообщаем Богу святости, как бы не бывшей у Него, когда говорим: *да святится имя Твое*, но прославляем находящуюся у Него, потому что *святится* здесь сказано вместо *да прославится*. Итак, научимся этим словом вести жизнь добродетельную, чтобы люди, видя ее, прославляли Небесного Отца нашего, как и в другом месте, Он говорит: *да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели*

390 *ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф 5, 16). После этого мы научены говорить: *да придет Царствие Твое* (Мф 6, 10), потому что, претерпевая насилие от плотских страстей и подвергаясь бесчисленным искушениям, мы имеем нужду в Царстве Божием, *да не царствует грех в смертном теле нашем, чтобы повиноваться ему в похотях его; и не предаем членов наших греху в орудия неправды, но представляем Богу в орудия праведности; и воинствуем для Бога веков* (Рим 6, 12–13). Кроме того, мы научаемся — не слишком прилепляться к настоящей жизни, но презирать настоящее и желать будущего, как Постоянного, и искать Царства Небесного и вечного, а здешними приятностями не увлекаться, ни благообразием телесным, ни обилием богатства, ни множеством стяжаний, ни драгоценностью камней, ни великолепием домов, ни званиями градоправителей и военачальников, ни багряницею и диадемою, ни яствами, сластями и всякого рода роскошью, ни чем-нибудь другим из предметов, услаждающих наши чувства, но, отказавшись от всего этого, непрестанно искать Царства Божия. Таким образом, научив нас и этой добродетели, Господь повелел говорить: *да будет воля Твоя и на земле, как на небе*. Возбудив в нас любовь к будущему и желание Царства Небесного и пронзив нас

этим желанием, Он заповедует говорить: *да будет воля Твоя и на земле, как на небе*. Дай нам, Господи, говорит, подражать жизни небесной, чтобы и мы желали того, чего желаешь Сам Ты; помоги нашей воле ослабевающей и хотя желающей исполнять дела Твои, но удерживаемой немощью плоти; простри руку стремящимся идти, но принуждаемым хромать; душа легка, но ее обременяет плоть; та быстро стремится к небесному, а эта тяготеет к земному, но при Твоей помощи и невозможное будет возможным, *да будет воля Твоя и на земле, как на небе*.

5. Так как Он упомянул о земле, а существам, происшедшим из нее и живущим на ней и облеченным земным телом, нужна соответственная пища, то необходимо Он присовокупил: *хлеб наш насущный дай нам на сей день* (Мф 6, 11). Он повелел просить хлеба *насущного*, не для объедения, а для питания, восполняющего истраченное в теле и отклоняющего смерть от голода, — не роскошных столов, не разнообразных яств, произведений поваров, изобретений хлебопечков, вкусных вин и прочего тому подобного, что услаждает язык, но обременяет желудок, помрачает ум, помогает телу восставать на душу и делает этого жеребенка непослушным вознице. Не этого просит, научает нас заповедь, но *хлеба насущного*, то есть обращающегося в существо тела

и могущего поддержать его. Притом и его заповедано нам просить не на великое число лет, а столько, сколько нужно нам на настоящий день. *Не заботьтесь*, сказал Господь, *о завтрашнем дне* (Мф 6, 34). И для чего заботиться о завтрашнем дне тому, кто, может быть, и не увидит завтрашнего дня, кто предпринимает труд, а не пожинает плода? Надейся на Бога, Который дает *пищу всякой плоти* (Пс 135, 25). Тот, Кто даровал тебе тело, вдохнул душу, сделал тебя животным разумным и приготовил для тебя все блага прежде, нежели создал тебя, как презрит тебя созданного, если *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф 5, 45)? Итак, надеясь на Него, проси пищи только на настоящий день, а об завтрашнем предоставь заботу Ему, как и блаженный Давид говорит: *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс 54, 23). Научив, таким образом, этими словами высокому любомудрию и зная, что невозможно, чтобы мы, как люди, облеченные смертным телом, не падали, он научил еще говорить: *и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим* (Мф 6, 12). Этими словами доставляется три блага вместе: достигших высоты добродетелей Он научает смиренномудрию и увещевает не полагаться на свои подвиги, но бояться, трепетать

и помнить о прежних грехах, как поступал и божественный Павел, который после бесчисленных подвигов говорил: *Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим 1, 15). Не сказал: *я был*, но *есть*, выражая, что он непрестанно памятовал о делах своих. Итак, достигшим высоты добродетелей Господь доставляет этими словами безопасность в смиренномудрии, а падшим после благодати святого крещения не попускает отчаиваться в своем спасении, но научает их просить у Врача душ врачевства прощения. Кроме того, эти слова научают человеколюбию. Господь хочет, чтобы мы были кротки к виновным, незлопамятны к согрешающим против нас, прощением их приобретали прощение себе и сами предуготовляли себе меру человеколюбия, потому что мы просим столько даровать нам, сколько сами даем ближним, и испрашиваем себе такого же прощения, какое даруем своим должникам. Сверх того нам заповедано говорить: *и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого* (Мф 6, 13). Подлинно, много скорбей причиняется нам от дьявола, много и от людей или явно оскорбляющих, или тайно злоумышляющих. И тело, иногда составляя на душу, наносит тяжкий вред, а иногда, подвергаясь различным болезням, причиняет нам скорби и страдания. Поэтому, так как много

различных бедствий нападает на нас со многих сторон, и мы научены испрашивать у Бога всяческих избавлений от них, потому что при Его запрещении прекращается всякое смятение, буря превращается в тишину и пристыженный лукавый удаляется, как некогда, оставив людей, он удалился в свиней, даже не осмелившись сделать и этого без приказанья (см.: Мф 8, 31). А кто не имеет власти даже над свиньями, тот как может овладеть людьми бодрствующими и внимательными, охраняемыми Богом и признающими Его Царем своим? Поэтому и в конце молитвы Он выразил Царство и силу и славу Божию, сказав: *ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь* (Мф 6, 13). Этого, говорит, я прошу у Тебя потому, что знаю, что Ты Царь всего, имеешь вечную державу, можешь сделать все, чего ни захочешь, и обладаешь неотъемлемою славою. За все же это будем благодарить удостоившего нас таких благ, так как Ему подобает всякая слава, честь и держава, Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно
и во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДЫ О БРАКЕ

БЕСЕДА НА СЛОВА АПОСТОЛА:

*Но [во избежание блуда] каждый
имей свою жену (1 Кор 7, 2)*

1. **И** сегодня хочу я вести вас к источникам меда, — меда, который никогда не производит пресыщения. Таково свойство Павловых слов; и все, которые наполняют сердца свои из этих источников, говорят Духом Святым, или — лучше — всю сладость меда превосходит удовольствие, получаемое от Божественных изречений. Это выразил и пророк, сказав: *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим* (Пс 118, 103). И не только слаще меда, но и драгоценнее золота и всякого камня и чище всякого серебра удовольствие, получаемое от Божественных изречений. *Словеса Господня,*

398
☪

говорит он же, *слова чиста, серебро разжжено, искушено земли, очищено седмицею* (Пс 11, 7). Поэтому и премудрый сказал: *ясти меда много не добро: почитати же подобает слова славна*¹ (Притч 25, 28), потому что от первого часто рождается болезнь, которой не было, а последним мы можем освободиться и от того недуга, который был; притом мед будучи сварен портится, а Божественные изречения, когда переварятся, тогда делаются еще приятнее и полезнее как для тех, которые усвоили себе их, так и для многих других. И кто слишком много наслаждался трапезою чувственною, тот впоследствии, отрывая от этого, делается неприятным имеющему с ним общение, а отрывающий от духовного учения сообщает ближнему великое благовоние. Так Давид, постоянно насыщавшийся этою пищею, говорил: *отрыгну сердце мое слово благо* (Пс 44, 2), потому что можно отрыгать и злое слово. Как при трапезе чувственной от свойства яств зависит и качество отрыжки, так точно по свойству изречений, какими питаются, производят и отрыжку многие из людей. Например, если ты пошел на зрелище и слушал блудные песни, то та-

¹ Этот стих в синодальном переводе имеет другой смысл: *Как нехорошо есть много меду, так домогаться славы не есть слава* (Притч 25, 27).

кие же слова ты непременно будешь изрыгать и пред ближним; если же ты, пришедши в церковь, участвовал в слушании духовных изречений, то и отрыгать будешь ими. Вот почему и пророк говорил: *отрыгну сердце мое слово благо*, показывая нам яства той трапезы, в которой он постоянно участвовал. По тому же побуждению и Павел увещевает так: *никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе* (Еф 4, 29). А какое, скажешь, слово *гнилое*? Если узнаешь *благое* (доброе), то узнаешь и *гнилое*, потому что первое он выразил для различения второго. А какое слово *благое*, об этом ты не имеешь нужды спрашивать у меня, потому что сам Павел объяснил нам его свойство. Сказав: *только доброе*, он прибавил: *для назидания в вере*, — выражая, что добро то слово, которое назидает ближнего. Поэтому как назидающее слово — добро, так разрушающее — гнило и негодно.

Так и ты, возлюбленный, если имеешь сказать что-нибудь такое, от чего слушающий может сделаться лучшим, то не удерживай слова во время спасения; а если не имеешь ничего такого, но только речи порочные и развратные, то молчи, чтобы не повредить ближнему. То слово гнилое, которое не назидает слушателя, но еще развращает его. Если он заботится о добродетели, то часто побуждается к гордости; если же

был беззаботен, то делается еще нерадивее. Если ты имеешь сказать слово постыдное и смешное, то молчи, потому что и то слово — гнило, которое делает более рассеянными и говорящего и слушающего и в каждом воспламеняет порочные пожелания. Как для огня составляют пищу дрова и хворост, так для порочных пожеланий — слова. Поэтому не должно непременно высказывать все, что мы имеем в уме; но должно стараться удалять и из самого ума порочные пожелания и всякую постыдную мысль. Если же когда незаметным образом мы допустим у себя нечистые помыслы, то не будем никогда выводить их наружу языком, но будем подавлять их молчанием. Как дикие звери и пресмыкающиеся животные, попавши в яму, если найдут какой-нибудь выход наверх, то, вышедши, делаются еще более свирепыми, а если останутся навсегда заключенными внизу, то непременно погибают и легко пропадают, так точно и порочные пожелания, если найдут какой-нибудь выход чрез наши уста и посредством слов, то усиливают внутренний пламень, а если ты заключишь их посредством молчания, то они делаются слабее и, истощаясь безмолвием, как бы голодом, скоро умирают в душе. Таким образом, если ты чувствуешь какое-нибудь постыдное пожелание, то не произноси постыдного слова: этим ты погасишь

и пожелание. У тебя нечисты мысли? Пусть же по крайней мере будут чисты твои уста; не выноси вон этой грязи, чтобы не сделать вреда и другому и самому себе, потому что не только говорящим, но и слушающим других, когда говорят постыдное, придается много нечистоты. Поэтому прошу и советую не только не говорить таких слов, но, когда и другие говорят, воздерживаться от слушания и постоянно прилепляться к Закону Божию. Поступающего так и пророк ублажает, когда говорит: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь* (Пс 1, 1–2).

2. В мирских собраниях, хотя иногда и говорится что-нибудь доброе, но среди многого дурного едва одно что-нибудь здоровое скажут некоторые; а в Божественных Писаниях все напротив: никогда не услышишь ты здесь ни одного дурного слова, но все они исполнены спасения и великого любомудрия. Таковы и те изречения, которые прочитаны нам сегодня. Какие же именно? А о чем вы писали ко мне, говорит апостол, *то хорошо человеку не касаться женщины. Но, [во избежание] блуда, каждый имей свою жену, и каждая (жена) имей своего мужа* (1 Кор 7, 1–2). Павел преподает закон о браках и не стыдится,

не уклоняется — и совершенно справедливо. Если Господь его почтил, брак, и не постыдился, но украсил это дело и присутствием Своим и даром — ведь Он принес и дары больше всех, превратив воду в вино, — то как стал бы стыдиться раб, преподавая закон о браке? Не брак — порочное дело, но порочно прелюбодеяние, порочное дело — блуд; а брак есть врачевство, истребляющее блуд. Не будем же бесчестить его диавольскими торжествами, но как поступили жители Каны Галилейской, так пусть поступают и ныне вступающие в брак: пусть они имеют среди себя Христа. Но как, скажут, может быть это? Чрез священников. *Кто принимает вас*, говорит Господь, *принимает Меня* (Мф 10, 40). Итак, если ты отгонишь диавола, если устранишь блудные песни, развратные напевы, непристойные пляски, срамные речи, диавольские обряды, крик, необузданный смех и прочие бесчинства, а введешь святых служителей Божиих, то поистине чрез них будет присущ и Христос с Своею Матерью и братьями. *Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного*, говорит Он, *тот Мне брат, и сестра, и мать* (Мф 12, 50). Знаю, что для некоторых я кажусь тяжким и несносным, внушая это и уничтожая древний обычай. Но об этом я ни сколько не беспокоюсь, потому что не в лести от вас, а в пользе вашей я имею нужду, не в руко-

плесканиях и в похвалах, а в преуспейнии и любомудрии. Пусть никто не говорит мне, что таков обычай: где совершается грех, там не упоминай об обычае; но если совершаемое дурно, то хотя бы и давши был обычай, оставь его; если же не дурно, то хотя бы и не было обычая, введи и насади его. А что такие бесчинства не составляют древнего обычая, но суть некоторые нововведения, припомни, как Исаак вступил в брак с Ревеккою и как Иаков — с Рахилью. Писание упоминает об этих браках и говорит, как эти невесты были введены в дома женихов, но не упоминает ни о чем таком; они учреждали пиршество и обед лучше обыкновенного и близких приглашали на брак, но не было там ни флейт, ни свирелей, ни кимвалов, ни неистовых плясок, ни прочих всех нынешних бесчинств. А в наше время поют песни с плясками в честь Афродиты, воспевая и прелюбодеяния, и нарушение брака, и незаконную любовь, и преступное кровосмешение, и много других поют в этот день песней, исполненных нечестия и бесстыдства, и после пьянства и такого бесчинства с срамными словами при всех выводят невесту. Как же, скажи мне, ты требуешь от нее целомудрия, приучая ее с первого дня брака к такому бесстыдству и распоряжаясь, чтобы пред ее глазами совершалось и говорилось то, что непристойно слушать даже

честным невольникам? Столько времени отец с матерью старались охранять девицу, чтобы она не говорила и не слышала другого говорящим что-нибудь из таких речей, устроая и внутренние покои, и женские отделения, и стражу, и двери, и запоры, и вечерние прогулки, и то, чтобы она не показывалась никому даже из близких, и многое другое кроме этого; а ты своим приходом ниспровергаешь все это в один день, делая ее бесстыдною посредством своего бесчестного торжества и внедряя развратные речи в душу невесты? Не отсюда ли столько последующих зол? Не отсюда ли прелюбодеяние и ревность? Не отсюда ли бездетство, вдовство и безвременное сиротство? Когда ты призываешь бесов такими песнями, когда исполняешь их желания срамными словами, когда вводишь в дом шутов и развратников и составляешь целое зрелище, когда наполняешь дом блудницами и устрояешь у себя пиршество для всего сонма бесов, то чего, скажи мне, ожидаешь ты доброго? Зачем же и приглашаешь ты священников, намереваясь на другой день совершать такие дела? Хочешь ли показать гостеприимство, приносящее пользу? Пригласи сонмы бедных. Но ты стыдишься и краснеешь? Что же хуже такого безрассудства, — вводя в дом диявола, не считать этого делом постыдным, а Христа привести стыдить-

ся? Подлинно, как вместе с приходящими в дом бедными приходит Христос, так среди ликующих там шутов и развратников ликует диавол. И притом от этих издержек нет никакой пользы, а напротив, происходит великий вред; а за те издержки ты скоро получишь великую награду. Никто в городе не делал этого? Но начни ты, постарайся быть первым учредителем такого доброго обычая, чтобы и потомки приписали его тебе. Кто станет соревновать, кто будет подражать этому обычаю, тот из внуков и правнуков на вопрос желающих знать скажет, что такой-то первый ввел этот прекрасный закон. В самом деле, если на мирских ристалищах, во время пиршеств, многие воспевают тех, которые придали особенное великолепие этим бесполезным занятиям, то тем более все будут превозносить это духовное занятие и воздавать благодарность первому, положившему такое дивное начало; и одним и тем же делом он сделает вместе и гостеприимство и пользу. Хотя и другие будут совершать то же, но ты, который первый насадил это, получишь воздаяние от этих плодов; чрез это скоро ты сделаешься отцом, это и детям послужит в пользу, и жениху с невестой поможет достигнуть старости, потому что как грешникам Бог часто угрожает, говоря: *и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами* (Исх 22, 24), так

тем, которые во всем повинуются Ему, Он обещает даровать маститую старость и вместе с тем все блага.

3. И от Павла можно слышать, что множество грехов часто производило безвременную смерть. *Оттого, говорит он, многие из вас немощны и больны и немало умирает* (1 Кор 11, 30). А бедные, получая пропитание, не допускают случиться ничему такому, но если случится что-нибудь неожиданное, весьма скоро исправляют это, как можешь узнать из примера девицы, жившей в Иоппии. Когда она лежала мертвою, то бедные, которых она питала, стоя вокруг нее и проливая слезы, воскресили ее и возвратили к жизни (см.: Деян 9, 36–41). Столько молитва вдов и бедных полезнее всякого смеха и ликования! Там веселие на один день, а здесь — постоянная польза. Представь, как важно, когда невеста, приняв на свою голову столько благословений, входит в дом жениха. Каких это почтеннее венцов? Какого полезнее богатства? Между тем совершающееся теперь бывает крайне безумно и безрассудно. Подлинно, если бы даже никакое наказание и никакое мучение не угрожало так бесчинствующим, то представь, какое мучение для новобрачных переносить столько срамных слов торжественно, вслух всех, от людей пьяных и расстроенных в уме. Бедные, получая ми-

лостыню, благословляют и молятся о подаении множества благ; а те, после пьянства и обжорства, бросают на голову новобрачных всю грязь насмешек, соревнуя в этом друг с другом некоторым дьявольским соревнованием, и как будто собрались враги, так близкие к ним состязаются друг с другом, чтобы произносить о вступающих в брак слыханные или неслыханные колкости, подражая неприятелям; и это состязание их друг с другом заставляет жениха с невестой испытывать чрезвычайный стыд.

После этого нужно ли нам, скажи мне, искать другого доказательства на то, что они делают и говорят это по внушению бесов, движущих души их? Кто будет сомневаться, что по внушению бесов, движущих души их, и говорится и делается ими все это? Никто, потому что таковы дары дьявола: злословие, пьянство, омрачение души. Если же кто считает худым предзнаменованием приводить вместо того бедных и станет называть это признаком несчастья, то пусть знает, что кормить не бедных и вдов, а развратных и блудниц есть предвестие всякой неприятности и бесчисленных зол. Часто с этого самого дня блудница, уходя, похищала новобрачного от друзей в плен свой, погашала любовь его к невесте, разрушала благорасположение, уничтожала привязанность, прежде чем она усилилась,

и бросала семена прелюбодеяния. Если уж не чего-нибудь другого, то этого должны были бы страшиться отцы и запрещать шутам и плясунам присутствовать на браках. Брак установлен не для того, чтобы мы распутствовались, не для того, чтобы предавались блудодеянию, но чтобы были целомудренными. Послушай Павла, который говорит: *но, [во избежание] блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа* (1 Кор 7, 2). Так, две цели, для которых установлен брак: чтобы мы жили целомудренно и чтобы делались отцами; но главнейшая из этих двух целей — целомудрие. После того как появилась похоть, введен и брак, пресекающий неумеренность и побуждающий довольствоваться одною женою. А рождение детей, конечно, происходит не от брака, но от слов, сказанных Богом: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт 1, 28); это доказывают те, которые, вступив в брак, не делались отцами. Таким образом, главная цель брака — целомудрие, особенно теперь, когда вся вселенная наполнилась нашим родом. Вначале желательно было иметь детей, чтобы каждому оставить память и остаток после своей жизни. Когда еще не было надежды на воскресение, но господствовала смерть и умиравшие думали, что после здешней жизни они погибают, тогда Бог давал утешение в детях,

чтобы оставались одушевленные образы отшедших, чтобы сохранился род наш и умиравшие и близкие к ним имели величайшее утешение в их потомках. А дабы тебе убедиться, что поэтому особенно вожделенны были дети, послушай, что оплакивает пред Иовом жена его после многих бедствий: *ибо, говорит она, погибли с земли память твоя, сыновья и дочери* (Иов 2, 13). Также Саул говорит Давиду: *поклонись мне Господом, что ты не искоренишь потомства моего после меня и не уничтожишь имени моего* (1 Цар 24, 22). Когда же, наконец, воскресение стало при дверях и нет никакого страха смерти, но мы идем к другой жизни, лучшей, нежели настоящая, то и забота о том сделалась излишней. Если же ты желаешь детей, то можешь приобрести лучших и полезнейших теперь, когда введено некоторое духовное чревоношение, лучшее рождение и полезнейшие питатели старости. Следовательно, некоторым образом — одна цель брака, чтобы не предаваться блудодеянию, и для этого введено такое врачевство. Если же ты намереваешься и после брака предаваться блудодеянию, то излишне было тебе и вступать в брак, бесполезно и напрасно, и не только напрасно и бесполезно, но и вредно, потому что неодинаковое дело — предаваться блуду, не имея жены, или после брака опять делать то же самое. Последнее уже не

блуд, а прелюбодеяние. Хотя и странны эти слова, но справедливы.

4. Знаем, что многие называют прелюбодеянием только то, когда кто развращает замужнюю женщину; но что касается до меня, то с общественной ли блудницей, или с рабою, или с какою-нибудь другою женщиною, не имеющей мужа, соединяется беззаконно и распутно человек, имеющий жену, это я называю прелюбодеянием. Вина прелюбодеяния зависит не только от тех, которым наносится позор, но и от тех, которые наносят его. Не говори мне теперь о внешних законах, которые жен прелюбодействующих влекут в судилище и подвергают наказаниям, а мужей, которые имеют жен и развратничают с служанками, оставляют без наказания; я прочитаю тебе Закон Божий, который равно укоряет и жену и мужа и называет это дело прелюбодеянием. Сказав: *и каждая (жена) имей своего мужа*, апостол присовокупил: *муж оказывай жене должное благорасположение* (1 Кор 7, 3). Что хотел он выразить этими словами? Неужели то, чтобы он сберегал ей денежные доходы, чтобы хранил в целости приданое, чтобы доставлял драгоценные одежды, или роскошный стол, или блистательные выходы, или большую толпу слуг? Что говоришь ты? Какого требуешь ты рода благорасположе-

ния? И это все служит знаком любви. Нет, говорит апостол, ничего такого я не разумею, но говорю о целомудрии и чистоте. Тело мужа уже не принадлежит мужу, но жене. Пусть же он хранит в целостности собственность ее, пусть не уменьшает и не повреждает ее. Ведь и из слуг тот называется преданным, который, приняв имущество господ, ничего не тратит из него. Поэтому, так как тело мужа есть собственность жены, то пусть муж будет верен в отношении к этому залогу. А что он действительно разумел это, когда сказал: *оказывай благорасположение*, для того он присокупил: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* (1 Кор 7, 4). Итак, когда ты видишь блудницу, соблазняющую, увлекающую, жаждущую твоего тела, то скажи ей: это тело не мое, но принадлежит моей жене, я не смею злоупотреблять им и отдать его другой женщине. Так пусть поступает и жена. В этом между ними совершенное равенство, хотя в других отношениях Павел отдает большое преимущество мужу и говорит так: *так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа* (Еф 5, 33); и еще: *муж есть глава жены* (ст. 23); и еще: *жены, повинуйтесь своим мужьям* (ст. 22); также в Ветхом Завете сказано: *и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать*

над тобою (Быт 3, 16). Как же здесь он определил равную взаимность подчинения и господства? В самом деле, сказать: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* — значит определить полное равенство. Как муж есть господин ее тела, так и жена — госпожа его тела. Почему же он определил такое равенство? Потому что там необходимо превосходство; а здесь, когда дело идет о целомудрии и чистоте, то муж не имеет никакого преимущества пред женою, но подобно ей наказывается, если нарушает законы брака. И весьма справедливо. В самом деле, не для того пришла к тебе жена, оставила отца и мать и весь дом, чтобы подвергаться оскорблению, чтобы ты принимал вместо нее низкую служанку, чтобы делал ей множество неприятностей; ты взял в ней спутницу, подругу жизни, свободную и равночестную. Подлинно, не безрассудно ли, — получив приданое, показывать свою благорасположенность и нисколько не уменьшать его, а то, что драгоценнее всякого приданого, целомудрие и чистоту и тело свое, которое есть собственность жены, растлевать и осквернять? Если ты истратишь приданое, то отвечаешь пред тестем; а если потеряешь целомудрие, то дашь отчет Богу, Который установил брак и вручил тебе жену. А что это справедливо, послушай, что го-

ворит Павел о прелюбодеях: *непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святаго* (1 Фес 4, 8). Видишь ли, как слово Божие внушает, что прелюбодеяние состоит не только в том, когда имеющий жену совершает блуд с женщиной замужней, но и с какою бы ни было блудницею? Как о женщине, имеющей мужа, мы говорим, что она прелюбодействует, с слугою ли грешит она или с кем бы ни было, — так и о муже мы должны сказать, что он прелюбодействует, когда, имея сам жену, распутствует, с рабынею ли или с какою бы то ни было общественною блудницею. Не будем же пренебрегать своим спасением и отдавать душу свою диаволу чрез этот грех. Отсюда происходит множество бедствий, разрушающих дома, и множество раздоров; от этого иссякает любовь и уничтожается благорасположение. Как невозможно, чтобы человек целомудренный презирал свою жену и когда-нибудь пренебрег ею, так невозможно, чтобы человек развратный и беспутный любил свою жену, хотя бы она была прекраснее всех. От целомудрия рождается любовь, а от любви бесчисленное множество благ. Итак, считай прочих женщин как бы каменными, зная, что если ты после брака посмотришь похотливыми глазами на другую женщину, хотя бы общественную, хотя бы замужнюю,

ты делаешься виновным в грехе прелюбодеяния. Каждый день повторяй себе эти слова; и если увидишь, что в тебе возбуждается похоть к другой женщине и затем твоя жена от этого кажется тебе неприятною, то войди во внутреннюю комнату и, раскрыв эту книгу, взяв в посредники Павла и непрестанно повторяя эти слова, погаси пламень.

Таким образом, и жена опять будет для тебя вожденною, потому что такое пожелание не станет истреблять твоего благорасположения к ней; и не только жена будет более вожденною, но и ты сам окажешься гораздо почтеннейшим и благороднейшим. Нет, подлинно нет ничего постыднее человека, который блудодействует после брака. Он чувствует стыд не только пред тестем и друзьями и встречными, но и пред самими рабами. И не только это зло постигает его, но и сам дом кажется ему несноснее всякой темницы, тогда как он имеет пред глазами возлюбленную и постоянно мечтает о блуднице.

5. Хочешь ли узнать в точности, как велико это зло? Представь, какую жизнь ведут те, которые подозревают своих жен, как неприятна им пища, неприятно питье. Им кажется, что стол их наполнен отравами, и как от заразы бегут они от своего дома, исполненного бесчисленных зол. Нет у них сна, не приносит им спокойствия ни ночь, ни об-

щество друзей, ни сами лучи солнца; но сам свет считают они несносным для себя не только тогда, когда видят, что жена предается прелюбодеянию, но даже если только подозревают ее в этом. Подумай же, что и жена терпит то же самое, когда слышит от кого-нибудь или только подозревает, что ты предал себя блудной женщине. Представляя это, не только избегай прелюбодеяния, но не подавай повода и к подозрениям; а если жена будет подозревать несправедливо, то успокой ее и разуверь. Не по вражде или гордости она делает это, но от заботливости и от того, что очень боится за свою собственность. Твое тело, как я выше сказал, есть ее собственность, и собственность драгоценнее всякого имущества. Не обижай же ее в важнейшем предмете и не наноси ей смертельной раны. Если презираешь ее, то побойся Бога, мстителя за такие дела, который угрожает невыносимыми наказаниями за такие грехи, потому что о тех, которые осмеливаются делать это, Господь говорит: *червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк 9, 48). Если же не очень устрашает тебя будущее, то побойся по крайней мере настоящего; многие из тех, которые прилепляются к блудницам, и здесь *злодеев сих предаст злой смерти* (Мф 21, 41), пострадав от козней распутных женщин. Они, стараясь друг пред другом отклонить человека от сожительницы, соединенной

с ним браком, и вполне подчинить его своей любви, прибегали к волшебствам, составляли чары и употребляли много обаяний; потом, подвергнув его таким образом тяжелой болезни, предав тлению и продолжительному гниению и навлекши на него тысячи зол, лишали настоящей жизни. Если ты, человек, не страшишься геены, то побойся их обаяний. Когда ты чрез такое распутство сделаешься чуждым Божественного содействия и лишишь себя вышней помощи, тогда блудница, смело взяв тебя и призвав своих бесов, составив чары и устроив козни, весьма легко повредит твоему спасению и выставит тебя на позор и посмеяние всем жителям города, так что они даже не пожалеют о твоём злополучии. И *кто пожалеет*, говорит премудрый, *об ужаленном заклинателе змей и обо всех, приближающихся к диким зверям?* (Сир 12, 13). Не говорю уже о потере имущества, об ежедневных подозрениях, надменности, наглости, оскорблении, которое блудницы делают глупцам; это горше тысячи смертей. От жены часто ты не переносишь и одного тяжелого слова, а пред блудницею, когда она даже бьет тебя, благоговеешь. И ты не стыдишься, не краснеешь, не желаешь, чтобы пред тобою разверзлась земля? Как можешь ты войти в церковь и воздеть руки к небу? Как призовешь Бога устами, которыми ты цело-

вал блудницу? И ты не трепещешь, скажи мне, и не боишься, чтобы когда-нибудь молния, упавши свыше, не сожгла твою бесстыдную голову? Хотя бы ты и укрылся от своей обиженной жены, но никогда не укроешься от недремлющего ока. Так и тому прелюбодею, который говорит: *вокруг меня тьма, и стены закрывают меня, и никто не видит меня: чего мне бояться?* премудрый отвечал: *очи Господа в десять тысяч крат светлее солнца, и взирают на все пути человеческие* (Сир 23, 25; 27–28). По всему этому и сказал Павел: *каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу* (1 Кор 7, 2–3). *Ибо мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый* (Притч 5, 3–4). Поцелуй блудницы заключает в себе яд, яд тайный и скрытый. Зачем же ты гоняешься за удовольствием, которое ведет к осуждению, производит гибель, наносит неизлечимую рану, тогда как можно получать удовольствие не подвергаясь никакому злу? С свободною женою и удовольствие, и безопасность, и покой, и честь, и красота, и добрая совесть; а там великая горечь, великий вред, постоянное осуждение. Хотя бы никто из людей не видал, совесть никогда не перестанет осуждать

тебя; куда бы ты ни пошел, этот обвинитель будет следовать за тобою, осуждая и громко взывая против тебя. Таким образом, кто ищет удовольствия, тот особенно и пусть избегает общения с блудницами, потому что нет ничего горче этой привычки, ничего неприятнее этого общения, ничего порочнее этих нравов. *Любезною ланью и прекрасною серною <...> любовью ее услаждайся постоянно. <...> Источник твой да будет благословен* (Притч 5, 19; 18). Имея чистый источник воды, для чего ты бежишь к болоту, наполненному грязью, пахнущему геенною и невыразимым наказанием? Какое ты будешь иметь оправдание, какое прощение? Если предающиеся блуду прежде брака осуждаются и наказываются, подобно тому человеку, который был одет в грязные одежды, то тем более — после брака. Здесь бывает двойное и тройное преступление, как потому, что они, наслаждаясь удовольствием, устремились к такому распутству, так и потому, что это дело не только блуд, но признается и прелюбодеянием; это тяжелее всякого греха. Будем же постоянно повторять это и самим себе и женам; поэтому и я заключу речь теми же словами: *но, [во избежание] блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над*

своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена (1 Кор 7, 2–4). Тщательно соблюдая эти слова, и на площади, и дома, и днем, и вечером, и за столом, и на ложе, и везде будем и сами стараться, и жен научать, и мы говорить, и нам говорить так, чтобы, целомудренно прожив настоящую жизнь, сподобиться нам и Царства Небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА НА СЛОВА:

*Жена связана законом, доколе жив муж ее;
если же муж ее умрет, свободна выйти,
за кого хочет, только в Господе.
Но она блаженнее, если останется
так (1 Кор 7, 39–40)*

1. **Н**едавно блаженный Павел преподавал нам закон о браке и правах брака, говоря в Послании к коринфянам так: о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться

420 женщины. Но, [во избежание] блуда, каждый
имей свою жену, и каждая имей своего мужа
(1 Кор 7, 1–2). Поэтому и мы целую беседу посвяти-
ли этим словам. Сегодня опять нужно беседовать
с вами о том же предмете, потому что и сегодня
тот же Павел говорит о том же. Вы слышали его
вещание и изречение: *Жена связана законом,
доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, сво-
бодна выйти, за кого хочет, только в Госпо-
де. Но она блаженнее, если останется так, по
моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия*
(1 Кор 7, 39–40). Последуем же за ним и сегодня и
будем беседовать об этом предмете, потому что,
следуя за Павлом, чрез него мы непременно бу-
дем следовать за Христом, так как и он писал все
не сам по себе, а следуя Христу. Подлинно, не-
маловажное дело — брак благоустроенный; рав-
но как для тех, которые живут в нем ненадлежа-
щим образом, он бывает причиною множества
несчастий. Жена как бывает помощницею, так
часто бывает и вредительницею. Брак есть как
пристань, так и кораблекрушение, не по свое-
му свойству, но по расположению худо живущих
в нем. Кто соблюдает его должным образом по
законам, тот после дел на торжище и всех раз-
нообразных зол находит некоторое утешение и
отраду в своем доме и в своей жене; а кто при-
нимает на себя это дело необдуманно и как случи-

лось, тот, хотя бы на торжище наслаждался великим миром, по прибытии домой встречает скалы и подводные камни. Поэтому, так как нам предстоит опасность не в маловажном деле, то необходимо со вниманием слушать сказанное и, кто намеревается вступить в брак, делать это согласно с законами Павла, или — лучше — с законами Христа. Знаю, что многим эти слова кажутся новыми и странными; но, несмотря на это, я не буду молчать, а наперед прочитав вам закон, потом постараюсь разрешить кажущееся в нем противоречие. Какой же это закон, который предложил нам Павел? *Жена*, говорит он, *связана законом*. Итак, она не должна отделяться от живого мужа, принимать другого супруга или вступать в другой брак. И заметь, с какою точностью он употребляет сами выражения. Не сказал: пусть живет вместе с мужем, пока он жив, но что? *Жена связана законом, доколе жив муж ее*, так что, хотя бы он дал ей запись отпущения, хотя бы она оставила дом и ушла к другому, она связана законом, она и в таком случае — прелюбодейка.

Поэтому, если муж захочет отвергнуть жену или жена оставить мужа, то пусть вспомнит это изречение и представит присущим Павла, который, осуждая ее, вещает: *жена связана законом*. Как беглые рабы, хотя оставляют господский дом, влекут за собою и свои цепи, так

и жены, хотя бы оставили мужей, имеют вместо цепей закон, который осуждает их, обвиняет в прелюбодеянии, осуждает и тех, которые берут их, и говорит: муж еще жив, и дело это есть прелюбодеяние. *Жена связана законом, доколе жив муж ее. И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф 5, 32). Когда же, скажешь, можно будет ей вступить во второй брак? Когда? Когда она освободится от цепей, когда умрет муж. Объясняя это, апостол не прибавил так: когда *скончается* муж ее, она свободна выйти, за кого хочет, но: *если умрет*, — как бы утешая ее во вдовстве и внушая оставаться при прежнем и не соединяться со вторым супругом. Не умер муж твой, а спит. Кто не ожидает спящего? Поэтому он и говорит: *если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет*; не сказал: пусть вступает в брак, чтобы не показалось, будто он заставляет и принуждает; он и не препятствует желающей вступить во второй брак, и не заставляет нежелающую, но сказал закон такой: *свободна выйти, за кого хочет*. Называя ее свободною после смерти мужа, он выразил, что прежде этого, при его жизни, она была рабою; а будучи рабою и подчиненною закону, хотя бы она получила тысячу раз запись отпущения, она по закону виновна в прелюбодеянии. Рабам позволительно переменять живых

господ, а жене непозволительно переменять мужей при жизни мужа, потому что это — прелюбоддеяние. Не указывай мне на законы, постановленные внешними, дозволяющие давать запись отпущения и разводиться. Не по этим законам будет судить тебя Бог в тот день, а по тем, которые Он Сам постановил. И мирские законы дозволяют это не просто и не без ограничения, но и они наказывают за это дело, так что и отсюда видно, что они неблагосклонно смотрят на этот грех, потому что и виновницу развода они лишают имущества и отпускают без всего, и того, кто подает повод к разводу, наказывают денежным убытком; а они, конечно, не поступали бы так, если бы одобряли это дело.

2. Что же Моисей? И он делал это по той же причине. Но ты послушай Христа, Который говорит: *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф 5, 20). Послушай также следующих слов Его: *кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбоддеяния, тот подает ей повод прелюбоддействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбоддействует* (Мф 5, 32). Для того и пришел Единородный Сын Божий, для того принял зрак раба, для того пролил драгоценную кровь Свою, разрушил смерть, поправ грех, даровал обильнейшую

благодать Духа, чтобы возвести тебя к высшему любомудрию. Впрочем, и Моисей постановил такой закон не без причины, но будучи вынужден снизойти к немощи тех, которым он давал закон. Они были скоры на убийство, родственной кровью наполняли дома и не щадили ни своих, ни чужих; поэтому, чтобы они в домах не убивали жен, которые сделались им неприятными, он заповедал разводиться, предупреждая большее зло — удобство к убийствам. А что они были склонны к убийству, послушай самих пророков, которые говорят: *созидающие Сион кровью и Иерусалим — неправдою* (Мих 3, 10); еще: *кровопролитие следует за кровопролитием* (Ос 4, 2); и еще: *ваши руки полны крови* (Ис 1, 15). А что они неистовствовали не только против чужих, но и против своих, и на это указывает пророк, когда говорит: *и пожроша сыны своя и дочери своя бесовом* (Пс 105, 37). А не щадившие детей своих не стали бы щадить жен. Чтобы этого не было, Моисей и дал такое дозволение. Поэтому и иудеям, которые спрашивали и говорили: *как же Моисей заповедал давать разводное письмо*, Христос, желая показать, что Моисей не в противоречие Ему написал этот закон, говорит так: *Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не бы-*

ло так (Мф 19, 8), но *Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их* (ст. 4). Если бы это было хорошо, говорит, то Бог не сотворил бы одного мужа и одну жену, но, сотворив одного Адама, сотворил бы двух жен, если бы хотел, чтобы можно было одну отвергнуть, а другую принять; а здесь самым способом сотворения Он постановил закон, который теперь Я предписываю. Какой же именно? Тот, чтобы ту жену, которая сначала досталась, иметь при себе постоянно; этот закон древнее того, и настолько, насколько Адам древнее Моисея. Таким образом, Я теперь не ввожу нового закона и не предлагаю странного учения, но такое, которое старее и древнее Моисея. Не излишне выслушать и самый закон Моисея, который он постановил об этом. *Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки* (Втор 24, 1). Смотри, он не сказал: пусть напишет и пусть даст, но что? *Напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки*. Между тем и другим великое различие. Сказать: пусть напишет и пусть даст — свойственно повелевающему и требующему; а сказать: *напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки* свойственно повествующему о том, что бывает, а не от

себя предписывающему закон. Если кто, говорит он, отвергнет жену и отпустит ее из дома своего, и она выйдет из дома его, пойдет, и выйдет за другого мужа, но и сей последний муж возненавидит ее и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, или умрет сей последний муж ее, взявший ее себе в жену, — то не может первый ее муж, отпустивший ее, возвратить и опять взять ее себе в жену (Втор 24, 1–4). Потом в знак того, что он не одобряет этого дела и не считает его браком, но снисходит к немощи их, после того как сказал: *то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену*, он присовокупил: *после того как она осквернена*, объясняя самым образом выражения, что второй брак, при жизни первого мужа, есть скорее осквернение, чем брак. Поэтому он и не сказал: по вступлении ее в брак. Видишь, что он говорит согласно с Христом? Потом приводит и причину: *ибо сие есть мерзость пред Господом*. Так говорит Моисей; а пророк Малахия гораздо яснее Моисея выражает то же самое, или — лучше — не Малахия, но Бог чрез Малахию, и говорит так: *Он уже не призывает более на приношение и не принимает умиловительной жертвы из рук ваших*. Потом, сказав это, говорит: *Господь был свидетелем*

между тобою и женою юности твоей, против которой ты поступил вероломно — и, желая показать, сколь велико это зло, и лишить сделавшего это всякого оправдания, дальнейшими словами усиливает осуждение, продолжая так: она подруга твоя и законная жена твоя. Но не сделал ли того же один, и в нем пребывал превосходный дух (Мал 2, 13–15). Смотри: сколько он исчисляет прав: во-первых, со стороны возраста: жена юности твоей; далее, со стороны потребности: она подруга твоя и законная жена твоя; потом со стороны образа сотворения: но не сделал ли того же один, и в нем пребывал превосходный дух.

3. Ко всему этому Малахия прибавляет то, что важнее всего — достоинство Создателя, что означают слова: *но не сделал ли того же один*. Ты не можешь, говорит, сказать, что тебя сотворил Бог, а ее не Бог, но некто другой, низший Его, потому что один и тот же привел в бытие их обоих; итак, если не по чему другому, то по уважению к этому питай к ней любовь. Если часто для рабов, ссорящихся друг с другом, служит побуждением к согласию то, что они должны служить одному и тому же господину, то тем больше так должно быть между нами, когда мы оба имеем одного и того же Создателя и Владыку. Видишь ли, как еще в Ветхом Завете получили

свое начало и предуготовление заповеди нового любомудрия? Так как (иудеи) долгое время были воспитываемы законом и должны были перейти к совершенным заповедям и их общественные учреждения уже достигали конца, то пророк в надлежащее время и ведет их к этому любомудрию. Будем же повиноваться такому прекрасному закону и хранить себя от всякого стыда, не будем ни отвергать своих жен, ни принимать отвергнутых другими. С каким лицом ты будешь смотреть на мужа этой жены, какими глазами — на его друзей и слуг? Если по смерти супруга взявши его жену, увидев потом пред собою одно только изображение его, испытывает тяжелое и неприятное чувство, то видящий живого мужа своей сожительницы какую будет вести жизнь? Как будет входить в дом? С какими мыслями, какими глазами будет видеть в жене его свою?

Или — лучше — отпущенную никто не мог бы справедливо назвать женою ни его, ни своею, потому что прелюбодейка — ничья жена. Она и в отношении к тому нарушила условия, и к тебе пришла не согласно с законами. Каким же было бы безумием — вводить в дом то, что исполнено таких зол? Разве есть недостаток в женщинах? Для чего же, тогда как есть много таких, которых можно брать согласно с законами и с чистою совестью, мы обращаемся к запре-

щенным, расстраиная дома, производя междоусобные брани, навлекая на себя везде вражду, отверзая уста бесчисленному множеству осуждающих, посрамляя собственную жизнь и, что всего тяжелее, приготавливая себе неизбежное наказание в день суда? В самом деле, что скажем мы тогда Имеющему судить нас, когда, представив закон и прочитав, Он скажет: Я повелел не брать отпущенной жены, сказав, что это дело — прелюбодеяние; как же ты осмелился вступить в запрещенный брак? Что мы скажем и что будем отвечать? Там уже нельзя сослаться на светские законы, но необходимо в молчании и связанными идти в геенский огонь вместе с прелюбодеяниями и осквернившими чужие браки, потому что и отвергнувший жену без причины, состоящей в прелюбодеянии, и женившийся на отвергнутой, при жизни мужа, наказываются одинаково вместе с отвергнутой. Поэтому увещаю, прошу и умоляю, мужей — не отвергать жен, и жен — не оставлять мужей, но слушать Павла, который говорит: *Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе.*

Какое же могут получить прощение те, которые, невзирая на Павла, дозволяющего и второй брак по смерти супруга и предоставляющего такую свободу, осмеливаются делать это прежде

смерти супруга? Какое могут иметь оправдание как те, которые берут жен при жизни мужей их, так и те, которые ходят к общественным блудницам? Ведь и это другой вид прелюбодеяния: имея дома жену, входить в общение с блудницами. Как жена, имеющая мужа, отдавая себя рабу или кому-нибудь свободному, не имеющему жены, делается виновной пред законами в прелюбодеянии, так если и муж, имеющий жену, грешит хотя бы с общественной блудницею, хотя бы с другой женщиной, не имеющей мужа, то это дело признается прелюбодеянием. Итак, будем убегать и этого вида прелюбодеяния. Ведь что мы можем сказать, на что сошлемся, решаясь на такие дела? Какой представим благовидный предлог? Естественное пожелание? Но пред нами стоит данная нам жена и лишает нас этого оправдания. Для того и установлен брак, чтобы ты не блудодействовал. Или — лучше — не только жена, но и многие другие, имеющие одно и то же с нами естество, лишают нас этого оправдания. Когда подобный тебе раб, одаренный таким же телом, имеющий такое же пожелание, побуждаемый такою же потребностью, не смотрит ни на какую другую женщину, но остается довольным одною своею женою, то каким оправданием может быть для тебя ссылка на пожелание? Но что я говорю об имеющих жен? Представь

себе людей, постоянно живущих в девстве, совершенно не причастных браку и оказывающих великое целомудрие. Если же другие без брака остаются целомудренными, то какое можешь получить прощение ты, блудодействуя в браке? Пусть выслушают это и мужья и жены, и вдовы и замужние: ко всем, говорит Павел, и относится этот закон: *жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе*. И имеющим мужа и не имеющим, и вдовствующим и вступающим во второй брак, и всем вообще полезно это изречение. Имеющая мужа не решится, при жизни его, принадлежать другому, услышав, что она *связана с ним, пока он жив*; также и лишившаяся мужа, если захочет вступить во второй брак, сделает это не просто и как случится, но согласно с законами, постановленными Павлом, который говорит: *свободна выйти, за кого хочет, только в Господе*, то есть с воздержанием, с честностью. Если же она решится остаться верной условиям с умершим, то услышит о назначенных ей венцах и укрепитя в своей решимости. *Но она блаженнее*, говорит апостол, *если останется так* (1 Кор 7, 40).

4. Видишь ли, как это изречение полезно для всех, снисходя к немощи первых и последних, не лишая принадлежащих им похвал? Как

апостол поступил в отношении к браку и девству, так и в отношении к первому и второму браку. Как там он не запретил брака, чтобы не обременить немощнейших, и не поставил его в непременную обязанность, чтобы желающих оставаться в девстве не лишить назначенных венцов, но показал, что брак — хорошее дело, вместе с тем и объяснил, что девство лучше; так точно и здесь опять он предлагает нам другие степени, объясняя, что вдовство лучше и выше, а второй брак — хуже и ниже, и таким образом ободряя сильнейших и не желающих унижаться, и вместе не попуская пасть слабейшим. Сказав: *но она блаженнее, если останется так* и предупреждая, чтобы ты не подумал, будто это закон человеческий, услышав слова его: *по моему совету*, он присовокупил: *а думаю, и я имею Духа Божия* (1 Кор 7, 40). Поэтому ты не можешь сказать, что это — мнение человеческое, но это — определение благодати Духа и закон Божественный. Итак, не будем думать, что это — слова Павла, но — Утешителя, который преподает нам такой закон. Если же он говорит: *думаю*, то говорит не как не знающий, но как умеренный и скромный. Таким образом, о том, что *она блаженнее*, он сказал; а как *блаженнее*, об этом не прибавил, сделав достаточное указание в том, что он преподает определение Духа. Ес-

ли же ты хочешь исследовать это и суждением, то найдешь здесь великое обилие доказательств и увидишь, что вдова блаженнее не только по отношению к будущему веку, но и в настоящей жизни. Это самое разумел Павел, как он и выразил, говоря о девах. Увещевая и советуя избрать девство, он сказал так: *по настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так*; и далее: *если девица выйдет замуж, не согрешит* (1 Кор 7, 26; 28), понимая здесь не такую деву, которая отказалась вступать в брак, но только не испытавшую брака, а не ту, которая обязалась обетом постоянного девства. *Таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль*. Этим одним простым словом он предоставил благоразумному слушателю припомнить все: и болезни рождения, и воспитание детей, и заботы, и болезни, и безвременные смерти, и несогласия, и ссоры, и угождение бесчисленному множеству мнений, и ответ за чужие грехи, и принятие бесчисленных скорбей в одну душу. От всех этих зол избавляется избравшая девство и вместе с избавлением от неприятностей имеет в надежде великую награду в будущей жизни. Зная все это, постараемся довольствоваться первым браком; если же готовимся вступить во второй, то — надлежащим образом и с должным настроением, по законам Божиим. Поэтому

апостол и сказал: *свободна выйти, за кого хочет*, и присовокупил: *только в Господе*, предоставляя свободу и вместе ограждая эту свободу, уступая власть и вместе полагая этой власти пределы и законы со всех сторон, например — чтобы жена не принимала в дом мужей беспутных и развратных, или упражняющихся на зрелищах, или склонных к прелюбодеянию, но с честностью, с целомудрием, с благоговением, чтобы все делалось во славу Божию. Так как часто многие жены, по смерти первых мужей, сначала предавались блудодеянию, а потом принимали следующих и придумывали другие нечистые способы жизни, то он и прибавил: *только в Господе*, — чтобы второй брак не имел ничего подобного. Таким образом вдова может избавиться от обвинений. Всего лучше — ожидать умершего мужа и соблюдать условия с ним, избрать воздержание и находиться при оставшихся детях, чтобы приобрести большее благоволение от Бога. Если же кто захочет вступить во второй брак, то нужно делать это с целомудрием — с честностью, согласно с законами, — потому что и это дозволяется, а запрещается только блуд и прелюбодеяние. Его будем избегать, и имеющие жен и не имеющие; не станем срамить свою жизнь, проводить смешной образ жизни, осквернять тело, носить в душе нечистую совесть. Как можешь ты войти в церковь

после беседы с блудницами? Как будешь простирать к небу руки, которыми ты обнимал блудницу? Как двигать язык и призывать Бога теми устами, которыми ты целовал блудницу? Какими глазами будешь смотреть на честнейших из друзей? Но что я говорю о друзьях? Хотя бы и никто не знал об этом, ты сам принужден будешь стыдиться себя самого и краснеть пред всеми, а больше всего отвращаться от собственного тела. Если это не так, то почему ты после такого греха бежишь в умывальницу? Не потому ли, что ты считаешь сам себя не чище всякой грязи? Какого другого желаешь ты большего доказательства нечистоты дела или какого ожидаешь определения от Бога, когда ты сам, согрешивший, имеешь такое понятие об этом деле?

То, что сами себя признают нечистыми, я весьма хвалю и одобряю, а то, что принимаются не за надлежащий способ очищения, осуждаю и укоряю. Если бы это была только нечистота телесная, то справедливо ты мог бы очищать себя омовением в умывальнице; но когда ты осквернил душу и сделал ее нечистою, то ищи такого очищения, которое могло бы смыть ее нечистоту. Какое же есть средство омовения от этого греха? Горячие источники слез, воздыхания, исходящие из глубины сердца, постоянное сокрушение, усердные молитвы, милостыни, и щедрые

милостыни, осуждение сделанного, решимость больше не делать таких дел; так грех существенно смывается, так очищается нечистота души; а если мы не сделаем этого, то хотя бы побывали во всех источниках рек, мы не будем в состоянии смыть и малой части этого греха. Итак, гораздо лучше — и не испытывать этого отвратительного греха. Но если кто когда-нибудь падет, то пусть прилагает те врачевства, дав наперед обещание — больше не впадать в то же самое. А если мы, согрешив, будем осуждать уже сделанное и потом опять начинать то же, то не будет нам никакой пользы от очищения. Кто оmyвается и потом опять оскверняется тою же грязью и кто разрушает то, что построил и опять строит, чтобы разрушить, тот не приобретает ничего больше, как только работает и трудится напрасно. Так и мы, чтобы нам не истратить жизни тщетно и напрасно, очистим прежние грехи и всю остальную жизнь будем проводить в целомудрии, в честности и в прочих добродетелях, чтобы, снискав себе милость Божию, удостоиться нам Царства Небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков.

АМИНЬ.

ПОХВАЛА МАКСИМУ И О ТОМ, КАКИХ ДОЛЖНО БРАТЬ ЖЕН

1. **О** том, что я не был в прошедшем собрании вашем, я скорблю; а о том, что вы наслаждались обильнейшей трапезой, радуюсь. Влекущий вместе со мною ярмо тогда провел нам борозду, посеял семена обильною речью и с великою ревностью возделал ваши души. Вы видели очищенный язык, слышали обработанную речь, наслаждались водою, текущею в жизнь вечную, созерцали источник, производящий реки чистого золота. Говорят о некоторой реке, что она приносит частицы золота живущим при ней людям, не потому, чтобы вода по природе своей производила золото, но потому, что источники этой реки протекают по металлическим горам, и река, промывая те горы и увлекая золотоносную землю, делается сокровищем для жителей, доставляя им готовое богатство. Такой реке подражал и этот учитель, наперед проходя по Писаниям, как бы по металлическим горам, и потом принося душам вашим мысли, драгоценнейшие всякого золота. Знаю, что наша речь покажется вам сегодня более бедной. Ведь кто имеет постоянно бедную трапезу и между тем случайно

438
☪

примет участие в какой-нибудь богатейшей, а потом опять возвратится к своей, тот еще более почувствует ее бедность. Но, несмотря на то, я без лености приступлю к делу. Вы умеете, научившись у Павла, *насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке* (Флп 4, 12) и смотреть на богатых и не презирать бедных. Как любители вина и напитков радуются лучшему вину, но не отвращаются и от худшего, так точно и вы, любя слушать божественные изречения, радуетесь мудрейшим из учителей и к менее совершенным оказываете немалое усердие и ревность. Люди сластолюбивые и изнеженные бывают недовольны и дорогою трапезой; а благонамеренные и трезвые, алкая и жажда правды, с великою охотою прибегают и к бедной. А что эти слова — не лесть, это весьма ясно вы доказали при прежней нашей беседе с вами. В самом деле, когда мы много говорили вам о браках, доказывая, что отвергать жен или брать отвергнутых, при жизни прежних мужей их, значит несомненно прелюбодействовать, и читали закон Христов, который говорит: *кто женится на разведенной, тот прелюбодействует; и кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать* (Мф 5, 32), — тогда я видел, как многие, поникнув головою, ударяли себя по

лицу и не могли подняться, — тогда и я, воззрев на небо, сказал: благословен Бог, что мы проповедуем не мертвым ушам, но слова наши достигают души слушателей с великою силою. Гораздо лучше — вовсе не грешить; но немаловажно для спасения и то, чтобы согрешивший сокрушался, осуждал душу свою и с великим тщанием наказывал совесть свою; такое осуждение есть часть оправдания и конечно ведет к тому, чтобы больше не грешить. Поэтому и Павел, произведши печаль в грешниках, радовался, не тому, что опечалил их, но что посредством печали исправил их. *Теперь я радуюсь, говорил он, не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию. <...> Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор 7, 9–10). Поэтому, о своих ли или о чужих грехах вы скорбели тогда, вы достойны бесчисленных похвал. Кто скорбит о чужих, тот показывает апостольское сострадание и подражает тому святому, который говорит: *кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?* (2 Кор 11, 29). А кто терзается за свои грехи, тот избавляется от наказания за дела уже совершенные и в будущем становится безопаснее посредством этой скорби. Вот почему и я, видя поникших головою, вздыхающих и ударяющих себя по лицу, радовался,

представляя плоды этой печали. Поэтому и теперь я буду беседовать с вами о том же предмете, чтобы желающие вступить в брак приступали к этому делу с великою осмотрительностью. Если мы, намереваясь купить дома или рабов, исследуем и разведываем и о продавцах, и о прежних владельцах, также и касательно самих продаваемых — об устройстве одних, о телесном состоянии и душевном настроении других, то гораздо больше намеревающимся выбрать жен должно иметь такую же и еще большую осмотрительность. Ведь худой дом можно опять продать и раба, оказавшегося негодным, можно опять отдать продавшему, а взявшему жену нельзя опять отдать ее давшим, но совершенно необходимо иметь ее при себе до конца или, отвергнув ее за пороки, сделаться виновным в прелюбодеянии по законам Божиим. Итак, когда ты намереваешься взять жену, то прочитай не внешние только законы, но еще прежде них законы, находящиеся у нас, потому что по этим, а не по тем будет судить тебя Бог в тот день; первые (законы), быв пренебрегаемы, часто причиняли денежный убыток; а последние, быв оставлены в пренебрежении, навлекают на душу неизбежные наказания и неугасимый огонь.

2. А ты, когда намереваешься взять жену, бежишь с великой заботливостью к мирским за-

конникам и, не отступая от них, со всею тщательностью разведываешь, что будет, если жена умрет бездетною, что — если имея дитя, что — если имея двух или трех, как она будет пользоваться своим имением при жизни отца, как после его смерти, сколько наследства перейдет к ее братьям и сколько к супругу, когда он будет обладателем всего, так чтобы не позволить никому присвоить ни малейшей части ее имущества, и в каком случае он может лишиться всего, — и о многом другом подобном ты разведываешь от них и расспрашиваешь, обсуждая и обзревая все, чтобы никаким образом не перешло что-нибудь из имущества жены к кому-нибудь из ее родственников. Между тем, как я выше сказал, хотя бы и случилось что-нибудь неожиданное, убыток может быть только денежный; однако ты не позволяешь себе ничего такого оставить без внимания. Не безрассудно ли, — тогда как нам угрожает потеря имущества, показывать такое усердие, а тогда как предстоит опасность нашей душе и отчет там, не обращать никакого внимания, между тем как следовало бы, прежде всего остального, об этом пещись, заботиться и разведывать.

Поэтому увещаю и советую тем, которые намереваются взять жен, обратиться к блаженному Павлу, прочитав написанные им законы

о браках и, узнав наперед, что повелевает он делать, когда случится жена злобная, коварная, преданная пьянству, злословная, безумная или имеющая какой-нибудь другой подобный недостаток, потом и рассуждать о браке. Если ты увидишь, что он предоставляет тебе власть отвергать одну жену, когда найдешь в ней один из этих недостатков, и брать другую, то благодушествуй, избавившись от всякой опасности; а если он не позволяет этого, но повелевает жену, имеющую все прочие недостатки, кроме прелюбодеяния, любить и держать в своем доме, то охраняй себя так, чтобы быть готовым переносить всю злобу жены. Если же это тяжело и трудно, то сделай все и прими все меры, чтобы взять жену добрую, благонравную и послушную, зная, что должно быть одно из двух: или, взяв дурную жену, переносить ее злобу, или, не желая этого и отвергнув ее, быть виновным в прелюбодеянии. *Кто разводится с женою своею, говорит Господь, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф 5, 32). Обсудив это хорошо прежде брака и узнав эти законы, будем всячески стараться, чтобы вначале брать жену с добрым настроением и соответствующую нашим нравам; взяв такую, мы получим не только ту пользу, что никогда не отвергнем

ее, но и будем любить ее с великою силою — так, как повелел Павел. Он, сказав: *мужья, любите своих жен*, не остановился только на этом, но показал нам и меру любви: *как и Христос возлюбил Церковь* (Еф 5, 25). А как, скажи мне, Христос возлюбил Церковь? Так, что предал Себя за нее. Поэтому, хотя бы надлежало умереть за жену, не отказывайся. Если Господь так возлюбил рабу, что предал за нее Себя Самого, то тем более тебе должно так любить подобную тебе рабу. Но посмотрим, не красота ли этой невесты и добродетель ее души привлекли Жениха? Нельзя сказать это. Напротив, она была безобразна и нечиста, о чем можешь узнать из дальнейшего. Сказав: *предал Себя за нее*, апостол присовокупил: *чтобы освятить ее, очистив банею водною* (Еф 5, 26). Словами: *очистив ее* он выразил, что прежде она была нечиста и осквернена, и притом не незначительною, но крайней нечистотою, потому что она осквернялась смрадом и дымом, гноем и кровью и множеством других подобных нечистот. Однако Он не отвратился от ее безобразия, но изменил неприятный вид ее, пересоздал, исправил, простил ее грехи. Ему подражай и ты. Хотя бы множество грехов сделала против тебя супруга твоя, все отпусти и прости; хотя бы ты взял ее неблагонравною, исправь ее добротою и кротостью, как и Христос — Церковь. Он

не только смыл ее нечистоту, но изгладил и старость, истребив ветхого человека, состоящего из грехов. Выражая также и это, Павел говорит: *чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна или порока* (Еф 5, 27). Он сделал ее не только прекрасной, но и молодой, не по свойствам тела, но по расположению воли. И не только то удивительно, что Он, взяв некрасивую, безобразную, гнусную и старую, не отвратился от ее безобразия, а еще предал Себя за нее на смерть и даровал ей невыразимую красоту, но и то, что и впоследствии, видя ее часто оскверняющейся и получающей нечистоту, Он не отвергает и не отстраняет ее от Себя, но постоянно врачует и исправляет. Сколько людей, скажи мне, после принятия веры согрешили? Однако Он не отвратился от них. Например, у коринфян блудник был членом Церкви, но Бог не отсекал его, а исправил. Церковь галатская вся отступила и впала в иудейство; и, однако, Он не отверг ее, но, исцелив ее чрез Павла, возвел в прежнее состояние. Как в телах наших, когда случится болезнь, мы не отсекаем члена, но истребляем болезнь, — так будем поступать и с женою. Если будет в ней какой-нибудь порок, то не жену отвергай, но истребляй этот порок. Жену можно исправить, а поврежденный член часто невозможно излечить; и, однако, мы, зная, что

повреждение его неисцельно, несмотря на то, не отсекаем его; часто многие, имея кривую голень, хромую ногу, сухую и омертвевшую руку или ослепший глаз, ни глаза не вырывают, ни ноги не отсекают, ни руки не отрезают, но, видя, что для тела нет от них никакой пользы, а напротив причиняется великое безобразие для прочих членов, продолжают иметь их по связи с прочими членами. Поэтому не безрассудно ли, — там, где исправление невозможно и пользы нет никакой, оказывать такую попечительность, а где добрые надежды и удобное исправление, там не употреблять врачевания? Поврежденное от природы восстановить невозможно, а волю развращенную исправить возможно.

3. Если же скажешь, что и жена твоя больна неисцельно и, несмотря на великую попечительность твою, не оставляет своего нрава, и тогда не должно отвергать ее, потому что и член больной неисцельно не отсекается. А она — член твой: *будут*, сказал Господь, *[два] одна плоть* (Быт 2, 24). Притом от попечения о члене нам не будет никакой пользы, если он останется больным неисцельно, а за жену, если она остается неисцельно больною, предстоит нам великая награда за то, что мы учим, руководим ее. Хотя бы она не получила никакой пользы от нашего наставления, мы получим от Бога великую награду за

терпение, за то, что по страху пред Ним мы оказывали такое терпение, кротко переносили злобу ее и держали ее, как член свой. Жена — необходимый член наш, и потому особенно должно любить ее. Этому самому научая, и Павел говорит: *так должны мужья любить своих жен, как свои тела <...> Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Христос Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф 5, 28–30). Как Ева, говорит он, произошла из ребра Адамова, так и мы из ребра Христова. Это значит — *от плоти Его и от костей Его*. Впрочем, то, что Ева произошла из ребра Адамова, мы все знаем, и ясно сказано в Писании, что Бог навел на Адама сон и взял одно из ребер его и создал жену; а то, что Церковь произошла от ребра Христова, чем можно доказать? Писание объясняет и это. Когда Христос был вознесен на крест, пригвожден и умер, тогда *один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода* (Ин 19, 34), и из этой крови и воды составила вся Церковь. Сам Он свидетельствует об этом, когда говорит: *кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Небесное* (Ин 3, 5). Кровь Он называет Духом. Мы рождаемся водою крещения, а питаемся Кровью. Видишь ли, как мы — от плоти Его и от костей Его,

рождаясь и питаясь Кровью Его и водою? И как во время сна Адамова создана была жена, так и во время смерти Христовой образовалась Церковь из ребра Его. Но не потому только нужно любить жену, что она — член наш и от нас получила начало своего существования, но и потому, что об этом самом Бог поставил закон, сказав так: *потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть* (Быт 2, 24). Поэтому и Павел изрек нам такой же закон, чтобы всеми мерами побудить нас к этой любви. И посмотри на мудрость апостольскую: не Божественными только законами и не человеческими только он внушает нам любовь к женам, но и те и другие приводит, перемешивая одни с другими, чтобы высокий и любомудрый от высших, а слабый от низших и естественных законов располагался к любви. Поэтому, начиная с благодеяний Христовых, он предлагает увещание так: *любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь*; потом со стороны человеческой: *так должны мужья любить своих жен, как свои тела*; далее опять со стороны Христа: *потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его*; затем опять со стороны человеческой: *потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей*; и, прочитав этот закон,

говорит: *тайна сия велика* (Еф 5, 25–32). Почему, скажи мне, она велика? Потому, что девица, находившаяся все время внутри дома, никогда не выдавшая жениха, с первого дня так привязывается и начинает любить его, как собственное тело; равно и муж ту, которой он никогда не видал, с которою никогда не разговаривал, с первого дня предпочитает всем — и друзьям, и родственникам, и самим родителям. Также и родители, когда отнимают у них деньги по другому случаю, негодуют, сетуют и влекут отнявших в судилище; а человеку, часто такому, которого они никогда не видали и не знали, вручают и дочь свою и богатое приданое; притом делают это с радостью и не считают отданного убытком, но, видя дочь отводимую, не помнят о своей привычке к ней, не сетуют, не терзаются, а еще благодарят и считают вожделенным делом, видя уводимую из дома дочь и вместе с нею много богатства. Все это представляя, то есть как оставляющие родителей оба прилепляются друг к другу и тогдашний союз их бывает сильнее столь долговременной привычки, и сознавая, что это не дело человеческое, но Бог внедрил такую любовь и устроил, что и отдающие и отдаваемые делают это с радостью, Павел говорит: *тайна сия велика*. И как между детьми, рожденное дитя при взгляде на родителей тотчас узнает их, еще не умея гово-

рить, — так точно и жених и невеста, без всякого посредника, без чьего-нибудь увещания и совета, при одном взгляде прилепляются друг к другу. Потом, замечая, что это же произошло и со Христом и в особенности с Церковью, апостол изумился и удивился. Как же это произошло со Христом и Церковью? Как жених, оставив отца, приходит к невесте, так и Христос, оставив Престол Отца, пришел к невесте; не нас возвел горе, но Сам пришел к нам. Впрочем, когда ты слышишь, что Он оставил (Отца), разумеешь не переселение Его, но снисхождение, потому что и будучи с нами Он был вместе с Отцом. Поэтому апостол и говорит: *тайна сия велика*. Она велика и в отношении к людям; а когда я вижу, что это же самое произошло со Христом и Церковью, тогда я изумляюсь, тогда удивляюсь. Вот почему, сказав: *тайна сия велика*, он присовокупил: *я говорю по отношению ко Христу и к Церкви* (Еф 5, 32). Итак, зная, сколь великое Таинство — брак и какого события он есть образ, не рассуждай о нем просто и как случится и не ищи обилия богатства, намереваясь взять невесту. Брак надобно считать не торговлей, а союзом жизни.

4. Я слышал многих, которые говорили: такой-то, быв бедным, сделался богатым посредством брака; взяв богатую жену, он разбогател и теперь наслаждается. Что говоришь ты, человек?

Ты хочешь получить прибыль от жены и не стыдишься, не краснеешь, не скрываешься в землю, изыскивая такие способы приобретения? Это ли слова мужа? Жене свойственно — только сберегать собираемое, сохранять доходы, заботиться о доме; для того Бог и дал ее, чтобы она помогала нам в этом и во всем прочем. Так как наша жизнь состоит из дел двоякого рода, общественных и частных, то Бог, отделив одни от других, предоставил жене попечение о доме, а мужьям — все дела гражданские, дела на площади, судебные, совещательные, военные и все прочие. Жена не может ни бросать копье, ни пускать стрелу, но может взять прялку, ткать по основе и все прочие домашние дела хорошо исправлять. Она не может подавать мнение в совете, но может подавать мнение дома, и часто те из домашних дел, о которых рассуждает муж, она понимает лучше его. Она не может хорошо исправлять общественные дела, но может хорошо воспитывать детей, а это — главнее из приобретений; может замечать худые дела служанок, заботиться о честности служащих, доставлять все прочие удобства супругу и освобождать его от всякой подобной заботы в доме, о сокровищах, о шерстяных изделиях, о приготовлении обеда, о благообразии одежд, заботясь обо всем таком, за что приниматься мужу и неприлично, и неудобно,

хотя бы он употреблял много усилий. Подлинно, и то — дело промышления и премудрости Божией, что полезный в важнейших делах бывает несведущим и бесполезным в менее важных, чтобы необходимо было и занятие жены. Если бы Он создал мужа способным к тому и другому, то женский пол был бы в презрении; с другой стороны, если бы жене предоставил большее и полезнейшее, то жены стали бы надмеваться великой гордостью. Поэтому Он и не дал того и другого одному, чтобы другой пол не был унижен и не казался лишним, и не предоставил того и другого обоим равно, чтобы опять от равенства не произошло какой-нибудь борьбы и состязания, когда жены стали бы домогаться одинаковой чести с мужьями; но, промышляя о мире и вместе соблюдая свойственное каждому достоинство, Он разделил нашу жизнь на две части так, что необходимейшее и полезнейшее предоставил мужу, а меньшее и низшее — жене, чтобы первый по необходимости занятий его был нами уважаем, а последняя по меньшей важности своего служения не восставала против супруга.

Зная это все, будем одного только искать (в женах) — душевной добродетели и благородства нравов, чтобы наслаждаться миром, чтобы утешаться взаимным согласием и постоянною любовью. Кто взял богатую жену, тот взял

себе более госпожу, нежели жену. Если жены и без того бывают исполнены гордости и склонны к честолюбию, то когда и то будет им прибавлено, как они могут быть сносными для супругов? А кто взял жену равную по состоянию или беднейшую, тот взял себе помощницу и сотрудницу и внес в дом все блага, потому что нужда бедности располагает ее беречь своего мужа и во всем слушаться его и повиноваться ему, и устраняет всякий повод к несогласию, вражде, гордости и оскорблению, а напротив, делается союзом мира, единодушия, любви и согласия. Не будем же искать того, чтобы нам получить денег, но чтобы наслаждаться миром и его приятностями. Брак не для того, чтобы мы наполняли дома враждою и ненавистью, чтобы имели ссоры и распри, чтобы заводили несогласия друг с другом и делали жизнь не в жизнь, но для того, чтобы нам пользоваться помощью, иметь пристань, прибежище и утешение в случающихся бедствиях, чтобы находить удовольствие в беседе с женою. Сколько богатых, взявших богатых жен, увеличивших свое состояние, лишились и удовольствия и согласия, имея ежедневные ссоры за столом, вступая в состязания? Сколько бедных, которые взяли беднейших жен, и наслаждаются миром, и с великою радостью взирают на это солнце; а богатые, при всей окружающей

их роскоши, из-за жен молят себе смерти и освобождения от настоящей жизни. Так, нет никакой пользы от богатства, если мы не найдем доброй души. Но что говорить о мире и согласии? Брать богатую жену часто бывает вредно и для самого приобретения богатства. В самом деле, когда кто-нибудь издержит все свое состояние, имея в виду приданое жены, а потом приключится ей безвременная смерть, и он должен будет отдать все приданое ее родственникам; тогда, подобно тому как потерпевшие кораблекрушение в море спасают одно только свое тело, так точно и этот, после многих неприятностей, ссор, распрей и судилищ, едва выносит свободным собственное тело. И как ненасытные из торговцев, наполнив корабль бесчисленными тяжестями и наложив груз больше его силы, потопляли корабль и теряли все, так точно и вступающие в чрезмерно богатые браки, думая увеличить свое состояние посредством жены, часто теряют и то, что имели; как там малая волна нападая потопляет корабль, так и здесь приключившаяся безвременная смерть лишает его вместе с женою и всего имущества.

5. Представляя все это, будем обращать внимание не на деньги, а на доброту нравов, честность и благоразумие. Жена благоразумная, кроткая и воздержная, хотя бы она была бедною,

в состоянии будет распорядиться и бедностью лучше, чем другая богатством; между тем как развратная, неводержная, сварливая, хотя бы нашла в доме бесчисленные сокровища, расточит их скорее всякого ветра и ввергнет мужа вместе с бедностью в бесчисленные несчастья. Итак, не будем искать богатства, но такую жену, которая могла бы хорошо пользоваться имеющимся.

Наперед ты узнай, какая причина брака и для чего он введен в нашу жизнь, и ничего больше не ищи. Какая же причина брака и для чего Бог установил его? Послушай Павла, который говорит: *но, [во избежание] блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа* (1 Кор 7, 2). Не сказал: для избежания бедности или для приобретения богатства; а — что? Для того чтобы избежать блудодеяния, чтобы обуздывать пожелания, чтобы жить целомудренно, чтобы угождать Богу, довольствуясь собственной женою. Таков дар брака, таковы плоды его, такова польза от него. Итак, не ищи меньшего, оставив большее; богатство гораздо меньше целомудрия. Брать жену надобно только для того одного, чтобы избегать греха, чтобы избавиться от всякого блудодеяния; для того нужно вступать в брак, чтобы он помог нам вести жизнь целомудренную; а это будет в том случае, если мы будем брать та-

ких невест, которые могут принести к нам великое целомудрие, великую скромность. Красота телесная, не соединенная с душевною добродетелью, может увлекать мужа двадцать или тридцать дней, а далее не будет иметь силы, но обнаружив дурные качества жены, уничтожит всю любовь; те же, которые блистают красотою душевною, чем больше проходит времени и чем больше они обнаруживают свое благородство, тем сильнее делают привязанность в своих мужьях и более воспламеняют их любовь. Таким образом, когда между ними существует пламенная и искренняя дружба, исключается всякого рода блудодеяние и даже никакая мысль о распутстве не приходит в голову мужа, любящего свою жену но он остается всегда любящим собственную жену и таким целомудрием приобретает благоволение и покровительство Божие на весь дом свой. Так выбирали жен добродетельные из древних мужей, ища благородства души, а не обилия богатства. А что это справедливо, для примера я упомяну об одном браке. Авраам был уже стар и в летах преклонных, говорится в Писании, и сказал Авраам рабу своему, старшему в доме его, управлявшему всем, что у него было: положи руку твою под стегно мое и клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему

456
☞

[Исааку] жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу, но пойдешь в землю мою, на родину мою [и к племени моему], и возьмешь [оттуда] жену сыну моему (Быт 24, 1–4). Видишь ли добродетель этого праведника, как он заботился о браке? Не призвал он ни сводниц, как делают теперь, ни свах, ни болтливых старух, но призвал своего слугу и ему поручил это дело. И то служит величайшим знаком благочестия праотца, что он приготовил такого слугу, которого нашел надежным служителем такого дела. Затем он ищет женщины не богатой, не красивой, но с благородными нравами, и потому послал слугу в столь дальний путь. Посмотри и на благоразумие слуги. Он не сказал: что это значит? Столько народов около нас, столько дочерей у людей богатых, знатных и славных, а ты посылаешь меня в столь далекую землю, к людям неизвестным? К кому там я обращусь? Кто меня узнает? Что, если они устроят мне козни или обманут меня? Ведь нет никого беззащитнее чужеземца. Ничего такого он не сказал, но, презрев все это, обратил внимание особенно на то, на что нужно было обратить внимание, показав своим непротиворечием послушание, а вопросом только о том, о чем больше всего нужно было разведать, обнаружил свое благоразумие и попечительность. Что же это такое? О чем он спросил своего гос-

подина? *Может быть, не захочет*, сказал он, женщина идти со мною в эту землю, должен ли я возвратить сына твоего в землю, из которой ты вышел? Авраам отвечал: берегись, не возвращай сына моего туда; Господь, Бог неба [и Бог земли], Который взял меня из дома отца моего и из земли рождения моего, Который говорил мне и Который клялся мне, говоря: [тебе и] потомству твоему дам сию землю, — Он пошлет Ангела Своего пред тобою (Быт 24, 5–7). Видишь ли веру мужа? Не пригласил он друзей или родственников и никого другого, но в Боге указал ему посредника и спутника. Далее, желая ободрить слугу, он не просто сказал: Господь, Бог неба [и Бог земли], но присовокупил: взял меня из дома отца моего. Вспомни, говорит, как мы совершали такое путешествие, как, оставив свою землю, нашли на чужой большее благополучие, как невозможное сделалось возможным. И не только это хотел он выразить словами: взял меня из дома отца моего, но и то, что он имеет Бога должником своим. Он — должник наш, говорит; Он Сам сказал: [тебе и] потомству твоему дам сию землю; поэтому, хотя мы и недостойны, Он Сам, по собственному обещанию, чтобы привести его в исполнение, будет присущ, сделает благоуспешным все предстоящее и приведет к концу то, о чем мы молимся. Сказав это,

он отпустил слугу. Потом и этот, прибыв в тамошнюю страну, не пошел ни к кому из жителей того города, ни с кем из людей не стал разговаривать, не созвал женщин; но посмотри, как и он, оставаясь верным, держался того посредника, которого получил, беседовал с Ним одним и, став, молился так: *И сказал: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли ее сегодня навстречу мне.* Не сказал: *Господи, Боже мой,* но что? *Господи, Боже господина моего Авраама* (Быт 24, 12). Если я, говорит, ничтожен и недостойн, то представляю господина моего; не себе, а ему пришел я послужить; итак, призрев на его добродетель, помоги мне во всем предстоящем.

6. Далее, чтобы ты не подумал, будто он требует этого, как долга, выслушай следующее: *и сотвори милость с господином моим Авраамом* (Быт 24, 12). Хотя мы, говорит, сделали множество добрых дел, но желаем спастись благодатью и получить это от человеколюбия Твоего, а не по долгу какому-нибудь и обязанности. Чего же хочешь ты? *Вот, я стою,* говорит, *у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду, и девица, которой я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь, и которая скажет [мне]: пей, я и верблюдам твоим дам пить, [пока не напьются,] — вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку; и по сему узнаю я, что Ты*

творишь милость с господином моим [Авраамом] (Быт 24, 13–14). Посмотри на мудрость слуги, какой он поставляет признак. Он не сказал: которую я увижу едущую на мулах, везомую на колеснице, сопровождаемую толпою евнухов и множеством прислуги, благообразную и блистающую телесной красотой, эту и назначил Ты отроку твоему; но что? *Которой я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь*. Что делаешь ты, человек? Для господина своего ищешь ты жену столь уничиженную, занимающуюся водоношением, имеющую возможность разговаривать с тобою? Да, говорит; он не послал ведь меня искать обилия богатства, ни знатности происхождения, но благородства души. Часто многие из таких, которые носят воду, вполне обладают добродетелью, а другие, живущие в великолепных домах, бывают хуже и негоднее всех. Далее, откуда узнаешь ты, что она — женщина добродетельная? По этому признаку, говорит, который я высказал. А что это за признак добродетели? Величайший и несомненный. Это — признак гостеприимства великий и самый очевидный. Смысл слов его, хотя выраженный не теми же словами, следующий: я ищу такой девицы, которая так гостеприимна, что не отказывает ни в какой услуге, какую может оказать. И не без причины он искал этого. Он был из такого дома,

который особенно отличался делами гостеприимства, и потому старался прежде всего найти такую девицу, которая нравом сходствовала бы с его господами. Мы намерены, говорит, вести ее в дом, открытый для странников; поэтому, чтобы не происходило вражды и ссоры, — если муж ее станет делиться с другими своим имуществом, подражая отцу, и принимать странников, а она, по своей излишней бережливости, станет останавливать и удерживать его, как часто бывает во многих домах, — я хочу знать, гостеприимна ли она, потому что этому обязаны мы всеми благами. Через это господин мой получил и жениха, чрез это сделался отцом; заколол тельца — и получил сына, замесил муки — и получил от Бога обетование о потомстве по числу звезд. Так как от этого и дома у нас произошли все блага, то я прежде всего другого ищу этого. Не будем же останавливаться на том, что он просил воды, но обратим внимание на то, что гостеприимной душе свойственно не только давать просимое, но предлагать и больше просимого. *Еще не перестал*, говорится в Писании, *он говорить [в уме своем], и вот, вышла Ревекка* (Быт 24, 15); и исполнилось пророческое изречение: *тогда ты воззовешь, и Господь услышит* (Ис 58, 9). Таковы молитвы людей добродетельных; прежде окончания они располагают Бога

к исполнению просимого. Так и ты, когда намереваешься взять жену, не прибегай к людям, или к женщинам, торгующим чужими несчастьями и ищущим только одного, как бы им самим получить награду, но прибегай к Богу. Он не постыдится быть устройтелем твоего брака. Он Сам дал такое обещание: *ищите же прежде Царства Небесного, и это все приложится вам* (Мф 6, 33). Не говори: как я могу видеть Бога? Разве будет Он разговаривать со мною и открыто беседовать, чтобы я мог подойти и спросить Его? Это — слова неверующей души. Бог скоро и без разговора может устроить все, что захочет, как было и при этом случае. Слуга не слышал голоса и не видел никакого видения, но стоя у источника молился и тотчас получил просимое. *Еще не перестал он говорить [в уме своем], и вот, вышла Ревекка, которая родилась от Вафуила, сына Милки, <...> кувшин ее на плече ее; девица была прекрасна видом, дева, которой не познал муж* (Быт 24, 15–16). Для чего говоришь ты мне о телесной красоте? Для того чтобы ты узнал ее превосходное целомудрие, чтобы убедился в душевной красоте ее. Дивно целомудрие; но оно гораздо удивительнее, когда соединяется с наружною красотою. Поэтому, намереваясь повествовать нам и об Иосифе и его целомудрии, Писание прежде упомянуло

462 о телесном его благообразии, сказав: *Иосиф же*
☪ *был красив станом и красив лицом* (Быт 39, 6),
а потом рассказало и о целомудрии его, показы-
вая этим, что красота не вовлекла его в разврат.
Подлинно, не красота — причина блудодеяния и
не безобразие — причина целомудрия. Многие
из женщин, блиставшие телесной красотой, еще
больше блистали целомудрием; а другие, некра-
сивые и безобразные, были еще безобразнее ду-
шою, осквернив себя бесчисленными блудодея-
ниями. Не природа тела, а произволение души
бывает причиною того и другого.

7. Не напрасно Писание дважды называет ее
девою. Сказав: *девица была*, оно прибавило: *де-
ва, которой не познал муж*. Так как многие из
девиц, сохраняя тело свое нерастленным, имеют
душу, исполненную великого разврата, украша-
ются, чтобы привлечь к себе отовсюду толпы по-
клонников, и обольщают взоры юношей, строя
им козни и вовлекая их в пропасти, то Моисей,
желая показать, что она не была такова, но бы-
ла девицею в обоих отношениях, по телу и по
душе, говорит: *девица была; дева, которой не
познал муж*. Между тем у ней было много по-
водов, по которым она могла быть познаною
мужчинами, и, во-первых, ее красота телесная,
во-вторых, образ ее занятий. Если бы она по-
стоянно сидела в женских покоях, как нынеш-

ние девицы, никогда не выходила на площадь и не оставляла родительского дома, то никакой похвалы не составило бы сказать о ней, что *которой не познал муж*. Но когда ты видишь, что она выходила на площадь, будучи вынужденною ежедневно однажды, дважды и более ходить за водою, и при всем том осталась незнаемою никаким мужчиною, тогда можешь видеть в этом особенную похвалу ей. В самом деле, если иная девица, не много раз выходя на площадь в сопровождении многих служанок и притом будучи не хороша собою и безобразна, часто теряет чистоту нравов от этих прогулок, то эта, ежедневно одна выходившая из родительского дома, и не только на площадь, но к источнику для черпания воды, где необходимо стекались и многие другие, не достойна ли великого удивления, когда она не испортилась нравами ни от частых выходов, ни от красоты лица, ни от множества встречавшихся и ни от чего другого, но оставшись нерастленною и по телу и по душе и сохранив целомудрие лучше тех, которые сидят в женских покоях, пребыла такою, какой ищет Павел, когда говорит: *быть святою и телом и духом* (1 Кор 7, 34)? Она сошла к источнику, наполнила кувшин свой и пошла вверх. И побежал раб навстречу ей и сказал: дай мне испить немного воды из кувшина твоего. Она сказала: пей,

464 *господин мой. И тотчас спустила кувшин свой*
☪ *на руку свою и напоила его. И, когда напоила*
его, сказала: я стану черпать и для верблюдов
твоих, пока не напьются [все]. И тотчас вы-
лила воду из кувшина своего в поило и побежа-
ла опять к колодезю почерпнуть, и начерпала
для всех верблюдов его (Быт 24, 16–20).

Велико гостеприимство этой женщины, велико и целомудрие; то и другое весьма ясно можно видеть как из действий, так и из слов ее. Видишь ли, как ни целомудрие не вредило гостеприимству, ни гостеприимство не растлевало целомудрия? В том, что она не первая подошла и не сама начала разговаривать с мужчиною, обнаружилось ее целомудрие; а в том, что она не отказала в просьбе и не уклонилась, обнаружилось гостеприимство и великое человеколюбие. Как в том случае, если бы она первая подошла и стала разговаривать с ним, ничего не говорившим, она показала бы наглость и бесстыдство, так в том случае, если бы она отказала ему в его просьбе, обнаружила бы жестокость и бесчеловечие. Но она теперь не сделала ни того, ни другого: ни повредила гостеприимству для целомудрия, ни уменьшила достоинства целомудрия для гостеприимства, но всецело явила ту и другую добродетель, показав ожиданием просьбы целомудрие, а услугою после просьбы — невыра-

зимое гостеприимство. Подлинно, было знаком невыразимого гостеприимства то, чтобы доставить не только просимое, но предложить еще нечто больше просимого. Хотя предложенное ею была вода, но она только в этом и была властна тогда. А об гостеприимных обыкновенно судят не по драгоценности данного, но по возможности, с какою они дают. Так Бог похвалил и подающего чашу холодной воды, и о той, которая положила две лепты, сказал, что она положила больше всех, потому что положила тогда все, что имела. Так и эта угостила доброго человека тем, больше чего не могла предложить ему. Не напрасно прибавлены слова: *тотчас* и *побежала* и тому подобные, но чтобы ты видел усердие, с каким она делала дело, не против воли, не по принуждению, не с досадою и негодованием. А это немаловажно. Часто и мы просили прохожего, идущего с факелом, на несколько времени остановиться, чтобы нам зажечь, или несущего воду, чтобы нам напиться, но он не соглашался и отказывал с негодованием; а она не только наклонила для него водонос, но и для всех верблюдов налила воды, предприняв такой труд и с великой охотою исполнив телесное служение, по гостеприимству. Не дело только, но и готовность служит доказательством ее добродетели; и человека незнакомого и в первый раз встретившегося

466 тогда она называет господином. Как свекор ее
☪ Авраам не спрашивал прохожих: кто вы и откуда, куда идете и откуда пришли? — но просто собирал плоды гостеприимства, так и она не сказала: кто ты, откуда и для чего пришел? — но, собирая обильные плоды гостеприимства, оставила все постороннее. И как торгующие драгоценностями и получающие золото домогаются только одного, как бы получить выгоду от имеющих деньги, а не стараются разведывать об них, так и она заботилась только об одном, как бы собрать плоды гостеприимства, как бы получить совершенную награду. Она хорошо знала, что чужестранец стыдлив больше всех и потому имеет нужду в великой приветливости и непытливой скромности; и если мы станем расспрашивать его и разведывать, то он тяготится и уклоняется и приходит с неудовольствием. Поэтому ни она не поступила так с этим человеком, ни свекор ее не поступал так с странниками, чтобы не отогнать добычи, но старался только услужить прохожим и, приобретши чрез них те плоды, каких желал, потом отпускал их.

8. Вот почему он принял некогда и Ангелов; а если бы он стал разведывать, то дарованная ему награда была бы уменьшена. Подлинно, мы удивляемся ему не за то, что он принял Ангелов, но за то, что принял не зная их. Если бы

он угостил зная их, то не сделал бы ничего удивительного, так как достоинство принятых могло побудить человека самого несострадательного и каменного к человеколюбию и благотворительности; но удивительно то, что он, считая их за некоторых прохожих, предложил им такое угощение. Такова была и эта девица; она не знала, кто был тот человек, зачем пришел и что он пришел сватать ее, но считала его некоторым странником и путешественником. Потому ей и дарована была большая награда за гостеприимство, что она с таким радушием приняла совершенно незнакомого, вместе с тем сохранив и целомудрие. Она сделала это не с принуждением и не бесстыдно, не дерзко, не с гневом, но с надлежащею скромностью. Это самое и выразил Моисей, сказав: *человек тот смотрел на нее с изумлением в молчании, желая уразуметь, благословил ли Господь путь его, или нет* (Быт 24, 21). Что значит: *желая уразуметь*? Внимательно наблюдал и вид ее, и походку, и взор, и речь, и все, узнавая по движениям тела настроение души. Впрочем, он не ограничился одним этим, но употребил и другое испытание. Когда она напоила его, он не остановился на этом, но сказал ей: *и спросил ее: чья ты дочь? скажи мне, есть ли в доме отца твоего место нам ночевать?* Что же она? Она незлобиво и кротко назвала отца, не обиделась

и не сказала: кто ты, разведывающий, исследующий и расспрашивающий о нашем доме; но что? *Я дочь, говорит, Вафуила, сына Милки, которого она родила Нахору; у нас много соломы и корму, и есть место для ночлега* (Быт 24, 23–25). Как прежде она дала ему воды больше, чем сколько он просил, — он просил дать напиться только ему, а она предложила напоить и верблюдов, и напоила, — так и теперь: он просил только места, а она предложила и соломы, и сена, и многого другого, посредством всего этого приглашая его и привлекая в дом свой, чтобы получить награду за гостеприимство. Не будем же слушать это небрежно и просто, но, размышляя с собою о себе самих и сравнивая себя с ними, станем таким образом изучать добродетель этой женщины. Мы часто негодуем, принимая каких-нибудь знакомых и родственников, и тяготимся, если они проживут у нас один или два дня; а она с великим радушием привела в дом незнакомого и чужестранца, и притом намереваясь услужить не только ему, но и столь многим верблюдам. Когда же он вошел в дом, посмотри, как он оказал еще большее благоразумие. Ему предложены были хлебы для ядения, но он сказал: *не стану есть, доколе не скажу дела своего* (Быт 24, 33).

Видишь ли, как он был бдителен и воздержан? Потом, когда ему предоставили говорить,

посмотрим, как он говорит им. Сказал ли он им такие выражения, что он имеет господина славного и знаменитого, уважаемого всеми и пользующегося великим предпочтением между туземными жителями? Между тем он мог, если бы захотел, сказать это, потому что Авраама туземные жители почитали, как царя. Однако ничего такого он не сказал, но, оставив эти человеческие преимущества, возвеличил его со стороны вышнего благоволения, сказав так: *Господь весьма благословил господина моего, и он сделался великим: Он дал ему овец и волов, серебро и золото* (Быт 24, 35). Упоминает о богатстве не для того, чтобы представить его богатым, но— благочестивым, потому что желает восхвалить его не тем, что он приобрел, но что получил это от Бога. Потом говорит о женихе. *Сарра, жена господина моего, уже состарившись, родила господину моему [одного] сына* (Быт 24, 36). Здесь он указывает на образ рождения этого сына, выражая, что и рождение его произошло по Божью промыслу об Аврааме, а не естественным порядком. Так и ты, когда ищешь жениха или невесту, прежде всего другого обращай внимание на то, благочестивы ли они, почивает ли на них великое благоволение свыше. Если это есть, то последует и все прочее; если же этого нет, то хотя бы житейские блага были у них в великом изобилии,

не будет никакой пользы. Далее, чтобы не сказали: почему же он не взял никакой из туземных женщин? — раб говорит: *и взял с меня клятву господин мой, сказав: не бери жены сыну моему из дочерей Хананеев, в земле которых я живу, а пойдѣ в дом отца моего и к родственникам моим, и возьмешь [оттуда] жену сыну моему* (Быт 24, 37–38). Впрочем, чтобы нам, рассказывая все это событие, не показаться скучными, перейдем к концу. Рассказав, как он остановился у источника, как попросил пить у девицы, как она дала больше просьбы, как при этом Бог был посредником, и обо всем рассказав с точностью, он кончил речь свою. Те, выслушав все это, не стали сомневаться и не остались невнимательными, но как бы по мановению Бога, подвигшего их душу, тотчас обещали отдать дочь свою. *И отвечали Лаван и Вафуил и сказали: от Господа пришло это дело; мы не можем сказать тебе вопреки ни худого, ни доброго; вот Ревекка пред тобою; возьми [ее] и пойдѣ; пусть будет она женою сыну господина твоего, как сказал Господь* (Быт 24, 50–51). Кто не изумится, кто не подивится, сколько и каких препятствий уничтожено в краткое мгновение времени? Подлинно и то, что он был чужестранец, раб и неизвестный, и что было велико расстояние пути, и что не были известны ни свекор, ни жених и никто другой из их

родственников, и каждое из этих обстоятельств само по себе достаточно было воспрепятствовать браку, и, однако, ничто не воспрепятствовало, но все это оказалось легким и родители смело вверили ему невесту, как бы человеку знакомому, живущему вблизи и издавна обращавшемуся с ними. А причиною было то, что Бог был среди них. Как тогда, когда мы делаем что-нибудь без Него, хотя бы все было легко и удобно, мы встречаем пропасти, стремнины и бесчисленные неудачи, так тогда, когда Он присутствует и содействует, хотя бы предстоящие дела были самые затруднительные, все становится легким и удобным. Не будем же ничего ни делать, ни говорить прежде, нежели призовем Бога и испросим Его содействия во всех делах наших, как поступил и этот раб.

9. Посмотрим, каким образом он совершил брак, когда получил невесту. Взял ли он с собою кимвалы, свирели, плясунов, тимпаны, флейты и другие выдумки? Ничего такого; но, взяв только одну девицу, он отправился, имея при себе Ангела, сопровождавшего и руководившего ее, которого послать с ним господин его молил Бога, когда он выходил из дома. Так и была везена невеста, не слыша ни флейт, ни арфы и ничего другого подобного, но имея на голове бесчисленные благословения Божии — венец блистательнее всякой

диадемы; была везена облеченная не золотыми одеждами, но целомудрием, благочестием, гостеприимством и всеми другими добродетелями; была везена не в крытой колеснице или с каким-нибудь другим великолепием, но сидя на верблюде. При душевных добродетелях у девиц в древности и тела цвели великим здоровьем, — потому что матери не так воспитывали их, как теперь, не вредили им частыми омовениями, благовонными мастями, искусственными притираниями, мягкими одеждами и другими бесчисленными способами, делая их нежными более надлежащего, но воспитывали их со всею строгостью. Поэтому у них и телесная красота была весьма цветущая и истинная, как естественная, а не искусственная и не изысканная. Поэтому они наслаждались совершенным здоровьем и красота их была наилучшая, так как никакая болезнь не повреждала тела и всякая изнеженность была отвергнута. Труды, занятия и собственноручные работы во всем устраняли всякую изнеженность и доставляли крепость и прочное здоровье; а чрез это они были и для мужей более вожделенными и более любезными, так как не только тело, но и душу они сохраняли лучшими и целыми. Итак, сидя на верблюде, она приближалась к той стране; но прежде чем достигла ее, взглянув, увидела Исаака и соскочи-

ла с верблюда. Видишь ли крепость ее? Видишь ли хорошее здоровье? Соскочила с верблюда! Так велика была у них сила вместе с целомудрием. *Кто этот человек, который идет по полю навстречу нам? Раб сказал: это господин мой. И она взяла покрывало и покрылась* (Быт 24, 65). Посмотри, как во всем обнаруживается ее целомудрие, как она была скромна, как была стыдлива. *И взял Исаак Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по [Сарре,] матери своей* (Быт 24, 67). Не напрасно сказано, что он полюбил ее и утешился по Сарре, матери своей, но чтобы ты узнал основания этой привязанности и любви, которые заключались в самой пришедшей женщине. Кто, в самом деле, не полюбил бы такой жены, столь целомудренной, столь скромной, столь гостеприимной, человеколюбивой и кроткой, мужественной по душе и крепкой по телу? Это сказал я не для того, чтобы вы только слышали или, выслушав, только хвалили, но чтобы вы подражали этому. Отцы, подражайте попечительности праотца, с какою он старался найти женщину неиспорченную, искал не богатства, не знатности рода, не красоты телесной и ничего другого, но только благородства души; а матери так же воспитывайте дочерей своих. И вы, женихи, намереваясь вступить в брак, вступайте

с такою же благопристойностью, устраняя пляски, смех, срамные речи, свирели, флейты, дьявольские изобретения и все прочее, но всегда призывая Бога быть посредником во всех делах ваших. Если мы так станем устроить дела свои, то никогда не будет ни развода, ни подозрения в прелюбодеянии, ни повода к ревности, ни ссоры и вражды, но будем наслаждаться великим миром и полным согласием; а за этим, конечно, последуют и другие добродетели. Как тогда, когда жена враждует с мужем, не бывает ничего хорошего в доме, хотя бы все другие дела шли успешно, так тогда, когда она единодушна и согласна с ним, не будет ничего неприятного, хотя бы ежедневно поднимались бесчисленные бури. Если таким образом будут совершаться браки, то и детей мы будем в состоянии руководить к добродетели с великой легкостью. Когда мать так скромна и благопристойна и украшена всякой добродетелью, то она без сомнения может и мужа привлечь и привязать к себе любовью; а привязав его к себе, она будет иметь в нем усердного помощника в заботах о детях и Бога таким образом преклонит к такому же о них промыслению. А когда Он принимает участие в таком добром домостроительстве и упражняет души детей, тогда не будет ничего неприятного, домашние дела потекут благоуспешно при та-

ком настроении предстоятелей дома, и каждый вместе с домом, то есть женою своею, детьми и прислугою, может и здешнюю жизнь провести со всею безопасностью и войти в Царство Небесное, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым и Животворящим Духом слава и держава ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ.

СЛОВО О ТОМ, ЧТО КТО САМ СЕБЕ НЕ ВРЕДИТ, ТОМУ НИКТО ВРЕДИТЬ НЕ МОЖЕТ

1. **З**наю, что для людей грубых, пристрастных к настоящему, прилепившихся к земле и раболепствующих чувственным удовольствиям, а к духовным предметам не очень расположенных, настоящее слово покажется необычным и странным; они будут и громко смеяться и осуждать нас, как будто мы с самого начала речи говорим невероятное. Однако мы не оставим

своего намерения, но по этому самому особенно и приступим с великим усердием к доказательствам того, что предложили. И если такие люди захотят не смущаясь и не тревожась дожидаться конца беседы, то я уверен, что они согласятся с нами, будут осуждать самих себя за прежнее заблуждение, станут говорить противное, извиняться и просить прощения в том, что они имели неправильное понятие о вещах, и много будут благодарить нас, как больные благодарят врачей, избавившись от болезней, мучивших их тело. Поэтому не высказывай мне имеющегося у тебя теперь суждения, но подожди следствий наших слов, и тогда ты в состоянии будешь произнести неложный приговор, так как ничто по неведению не помешает истинному суждению. Так и по житейским делам заседающие судьи, хотя видят, что первый оратор говорит сильно и все потопляет своим красноречием, не решаются произнести приговор прежде нежели выслушают с долготерпением и другого, противоречащего ему; но хотя бы первый казался говорящим правду, они сохраняют беспристрастное внимание и для другого. В том и состоит достоинство судей, чтобы, со всею точностью узнав дело с обеих сторон, потом произносить собственное суждение. Так и теперь общее у людей предубеждение, с течением времени укоренившееся в умах многих,

точно какой оратор, по всей вселенной возвещает и говорит так: все низверглось в роде человеческого, везде великое смятение, ежедневно многие терпят обиды, угнетения, притеснения, ущерб, слабые от сильнейших, бедные от богатых; и как невозможно исчислить волн морских, так и множества обижаемых, угнетаемых, страждущих; ни действие законов, ни страх судилищ и ничто не останавливает этой заразы и болезни, но с каждым днем умножается зло; везде стон, плач, слезы обижаемых, и поставленные для исправления этого судьи сами увеличивают бурю и усиливают болезнь. Поэтому многие из неразумных и несчастных, впадая в необычайное неистовство, обвиняют Промысл Божий, когда видят, что смиренного часто влекут, терзают, мучат, а дерзкий, наглый, бесчестный и происшедший от бесчестных обогащается, облачается властью, бывает для многих страшен, причиняет бесчисленные бедствия смиренным, и эти несправедливости бывают и в городах, и в селах, и в пустынях, и на суше, и на море. Итак, нам необходимо предложить это слово для опровержения вышесказанного, выступив на подвиг, хотя необычный и страшный, как я вначале сказал, но благопотребный, справедливый и полезный для тех, которые хотят внимать и поучаться. В нем будет доказано (не бойтесь же), — что

каждый обижаемый не от других терпит вред, но сам от себя.

2. А чтобы речь наша была более ясною, прежде всего исследуем, что такое вред и какого рода вещей он обыкновенно касается; также в чем состоит совершенство человека, что вредит ему и что вредит ему только по-видимому, а на самом деле не вредит. Например, — нужно подтвердить речь примерами, — каждая вещь терпит вред от чего-нибудь: железо от ржавчины, шерсть от моли, стада овец от волков. Добротность вина теряется, когда оно переменяет вкус и окисает, а добротность меда — когда он лишается свойственной ему сладости и переменяется в горькую жидкость. Хлебу на поле вредит прелость и засуха, виноградным плодам, листьям и ветвям — злой рой саранчи, другим деревьям — червь и телам бессловесных — различные болезни; но чтобы, исчисляя все, слишком не распространить слова, скажем, что и нашему телу вредят горячки, расслабления и множество других болезней. Итак, если для каждого из этих предметов есть что-нибудь, повреждающее его добротность, то посмотрим, что вредит человеческому роду и от чего повреждается совершенство человека. Многие усматривают различные и необыкновенные причины. Нам нужно высказать и погрешительные мнения, и, опровергнув

их, потом указать на то, что подлинно вредит нашему достоинству, и ясно доказать, что никто не мог бы сделать нам несправедливости или причинить вреда, если бы мы не выдавали сами себя. Многие, по своим погрешительным мнениям, считают вредным для нашего достоинства разное — одни бедность, другие телесную болезнь, иные потерю имени, другие злословие, иные смерть — и непрестанно о том сокрушаются и плачут и, жалея испытывающих это, оплакивая их и поражаясь, говорят друг другу: какая беда случилась с таким-то, — он вдруг лишился всего имени! А иной говорит о другом: такой-то подвергся жестокой болезни, и посещающие его врачи отчаялись в его жизни! Один сетует и плачет о заключенных в темнице, другой об изгнанных из отечества и отправленных в ссылку, иной о лишенных свободы, другой о похищенных врагами и взятых в плен, иной о потонувшем или сгоревшем, другой о задавленном обрушившимся зданием. А никто не плачет о живущих нечестиво, но, что всего хуже, часто даже называют их счастливыми; это бывает причиной всех зол. Итак, — но не бойтесь, о чем я и вначале просил, — покажем, что ничто из вышесказанного не вредит человеку осторожному и не может причинить вред его достоинству. Подлинно, скажи мне, какой вред причинен достоинству человека тем,

что он лишился всего имения или что у него отняли все клеветники, разбойники или домашние злодеи? Впрочем, если угодно, изобразим наперед, в чем состоит достоинство человека, указав предварительно на другие существа, дабы сделать речь вразумительнее и яснее для многих.

3. В чем же состоит доброта коня? В том ли, чтобы он имел золотую узду и такую же подпругу, множество попон из шелковых тканей, ковры разноцветные и златотканые, бляхи с драгоценными камнями и гриву, перевитую золотыми лентами, или в том, чтобы он был скор на бегу, крепок ногами, выступал стройно и имел копыта, каким надобно быть у доброго коня, одарен был крепкими силами, чтобы пробегать большие пространства, быть годным на войне, стоять в строю с великой бодростью и в случае бегства спасать всадника? Не очевидно ли, что в последнем состоит доброта коня, а не в первом? Что также назвал бы ты добротой ослов и лошаков? Не то ли, чтобы они могли легко носить тяжести, удобно совершать путешествия и имели ноги, твердые подобно камню? Скажем ли мы, что внешнее что-нибудь, лежащее на них, увеличивает собственную их доброту? Нет. Какой хвалим мы и виноград: тот ли, на котором много листьев и ветвей, или тот, который обременен плодами? В чем поставляем доброту и маслины:

в том ли, когда она имеет большие ветви и весьма много листьев, или в том, когда она приносит обильные плоды и вся ими усеяна? Так точно поступим и в отношении к людям: определим достоинство человека и вредным для него будем считать только то, что вредит ему. В чем состоит достоинство человека? Не в богатстве, так чтобы тебе бояться бедности; не в телесном здоровье, так чтобы страшиться болезни; не во мнении народном, так чтобы смотреть на худую молву; не в жизни пустой и бесцельной, так чтобы для тебя была страшна смерть; и не в свободе, так чтобы убегать рабства, — но в точном соблюдении истинного учения и в добродетельной жизни. А этого и сам диавол отнять не может у того, кто, имея, сохраняет это с надлежащим тщанием. Знает об этом и бес лукавейший и лютейший. Поэтому и Иова он лишил имущества не для того, чтобы сделать его бедным, но чтобы заставить его произнести какое-нибудь богохульное слово; и тело его поразил не для того, чтобы сделать его больным, но чтобы поколебать добродетель души. Но несмотря на то что употребил все свои хитрости, из богатого сделал его бедным (что для нас кажется ужаснее всего), из многочадного бездетным, и растерзал все тело его гораздо хуже, нежели палачи в судилищах (ведь не так когти их терзают ребра

попавшихся в их руки, как уста червей грызли плоть его), и распространил худую о нем молву (ведь друзья в его присутствии говорили, что он не довольно наказан за свои грехи, и много взводили на него обвинений), и не из города только или из дома изгнал его и переселил в другой город, но смрадный помет сделал для него и домом и городом, — однако не только нимало не повредил ему, но своими кознями сделал его еще более славным. Он не только не отнял у Иова ничего из имущества, хотя и отнял столько, но доставил ему еще большее богатство — добродетели. Подлинно, Иов стал иметь после того большее дерзновение, как подвизавшийся труднейшим подвигом. Если же тот, кто столько потерпел, и притом потерпел не от человека, а от злейшего всех людей беса, нисколько не понес вреда, то кто после того может иметь извинение, когда говорит: такой-то сделал несправедливость и нанес вред? Если диавол, исполненный такой злобы, употребив все свои орудия и пустив все стрелы и все, какие бывают с людьми, бедствия с преизбытком обратив и на дом и на тело праведника, не сделал никакого вреда этому мужу, но, как я сказал, еще более пользы принес ему, то как могут иные обвинять того или другого, как будто они от них потерпели вред, а не от самих себя?

4. Как же, скажешь, разве не сделал диавол вреда Адаму, не довел его до падения и не изгнал из рая? Нет, не он сделал это, а нерадивость падшего, невнимание к себе и небодрствование. Тот, кто, употребив столько и таких средств, не мог победить Иова, мог ли бы при меньших усилиях преодолеть Адама, если бы этот по своему небрежению не выдал сам себя? Как? Неужели тот, у кого по козням клеветников отнято имение, не потерпел вреда, лишившись всего имущества, потеряв отеческое наследство и впавши в крайнюю бедность? Не потерпел вреда, а еще получил пользу, если он внимателен к самому себе. Скажи мне, какой вред причинило это апостолам? Не с голодом ли, жаждой и наготой непрестанно боролись они? Но по этому самому они и были весьма славны и знамениты и великую получали помощь от Бога. Какой вред Лазарю причинили болезнь, раны, нищета и беспомощное одиночество? Не за это ли особенно и сплетены ему венцы? Какой вред был для Иосифа от того, что о нем была худая молва и в собственной его земле, и в чужой? Его считали и распутником, и блудником. Повредило ли ему рабство? Повредило ли удаление из отечества? Не поэтому ли особенно мы и восхищаемся им и изумляемся ему? Но что я говорю об удалении из отечества, о бедности, худой молве и рабстве? Самая смерть

какой вред причинила Авелю, смерть и насильственная, и безвременная, и нанесенная братнею рукой? Не потому ли и прославляется он по всей вселенной? Видишь ли, как речь моя доказала более, нежели сколько обещала? Она показала, что не только никто не терпит вреда от кого-либо другого, но еще большую пользу получают внимательные к самим себе. Для чего же, скажешь, наказания и мучения? Для чего геенна? Для чего столько угроз, если никто не терпит вреда и никто не делает вреда? Что говоришь ты? Для чего смешиваешь выражения? Я не сказал, что никто не делает вреда, но что никто не терпит вреда. Как же, скажешь, может быть, чтобы никто не терпел вреда, когда многие делают вред? Так, как я только что сказал. Иосифу сделали вред братья, но сам он не потерпел вреда; и на Авеля злоумышлял Каин, но он не получил вреда от злоумышления. Для того и наказания и мучения. Не за добродетель страждущих Бог уничтожает наказания, но за нечестие порочных определяет мучения. Хотя страждущие от злоумышленников и делаются славнее, но это зависит не от намерения злоумышляющих, а от мужества подвергающихся злоумышлению. Поэтому последним определяются и готовятся награды за любомудрие, а первым наказания за злобу. Лишен ли ты богатства? Говори: *наг я вышел из чрева матери*

моей, наг и возвращусь (Иов 1, 21); присовокупи и апостольское изречение: *мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из [него]* (1 Тим 6, 7). Идет ли о тебе худая молва и бесчисленными злословиями осыпают тебя? Вспомни следующее изречение: *горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!* (Лк 6, 26); и еще: *возрадуйтесь <...> и возвеселитесь, когда <...> пронесут имя ваше, как бесчестное* (Лк 6, 23; 22). Изгнан ли ты за пределы отечества? Представь себе, что ты не имеешь здесь отечества, но если хочешь быть любомудрым, то и всю землю тебе заповедано считать чуждой. Подвергся ли ты жестокой болезни? Скажи апостольские слова: *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор 4, 16). Потерпел ли кто насильственную смерть? Представь себе Иоанна и голову его, отсеченную в темнице, принесенную на блюде и отданную в награду за пляску блудницы. Представь себе и награды за это: все эти страдания, когда они причиняются кому-нибудь несправедливо, очищают грехи и доставляют праведность. Так велика от них польза для тех, которые переносят их мужественно!

5. Итак, если ни лишение богатства, ни клеветы и злословия, ни изгнание, ни болезни и страдания, ни самая смерть, которая кажется всего страшнее, не причиняют вреда испытывающим

это, но еще приносят пользу, — то от чего, укажи мне, может кто-нибудь потерпеть вред, когда от этого он не терпит никакого вреда? Напротив, я постараюсь доказать, что те особенно и терпят вред, испытывают мучения и неисцельно страждут, которые причиняют это другим. Кто может быть несчастнее Каина, который так поступил с братом? Кто жалче жены Филипповой, которая отсекла у Иоанна голову, или — братьев Иосифа, которые продали его и удалили за пределы отечества? Кто несчастнее диавола, который подверг Иова таким бедствиям? Ведь он не только за прочие дела, но и за это злоумышление понесет великую казнь. Видишь ли, как и здесь слово наше показало больше обещанного, то есть что не только угнетаемые не терпят никакого вреда от злоумышленников, но даже все обращается на голову злоумышляющих? Подлинно, если не богатство, и не свобода, и не жизнь в отечестве, и не другое что-нибудь из вышесказанного составляет достоинство человека, а добродетели души, то следует, что когда вред касается тех благ, то человеческое достоинство нисколько не терпит вреда. А что, если бы кто-нибудь лишился душевного любомудрия? И в этом случае, получая вред, он терпит его не от другого, а собственно сам от себя. Как, скажешь, собственно сам от себя? Когда он, испытывая от кого-нибудь биче-

вание, или отнятие имущества, или иное тяжкое притеснение, произнесет богохульное слово, то здесь он терпит вред, и вред весьма великий, но не от притеснителя, а от собственного малодушия. Я и прежде говорил, и теперь скажу: никакой человек, хотя бы он был тысячекратно зол, не может ни на кого напасть свирепее и с большей яростью, нежели злой бес и непримиримый враг наш диавол, — однако и этот злой бес не мог преодолеть и низложить человека, жившего прежде закона и прежде благодати, хотя со всех сторон пускал в него столько язвительных стрел. Таково благородство души! А Павел? Не потерпел ли он столько бедствий, что и исчислить трудно? Он жил в темницах, был окован цепями, водим с места на место, терпел бичевания от иудеев, был побиваем камнями, был терзаем по спине не только ремнями, но и жезлами, тонул в море, часто попадал в руки разбойников, терпел гонение от единоплеменников, непрестанно был поражаем врагами и знакомыми, подвергался бесчисленным злоумышлениям, боролся с голодом и наготой и другие постоянные и непрестанные переносил бедствия и скорби. Но что говорить много? Он умирал каждодневно, и, однако, перенося столько и таких бедствий, он не только не произнес ни одного богохульного слова, но радовался и хвалился этим. В одном месте говорит он: *радуюсь*

488 в страданиях моих (Кол 1, 24); в другом: не сим
только, но хвалимся и скорбями (Рим 5, 3). Если
же он при таких страданиях радовался и хвалил-
ся, то какое извинение, какое оправдание будешь
иметь ты, когда не переносишь и малейшей ча-
сти их, а богохульствуешь?

6. Но, скажешь, иным образом я терплю вред, —
тем, что, если не богохульствую, то, лишившись
богатства, делаюсь несостоятельным для подава-
ния милостыни. Это — предлог и отговорка! Если
ты об этом скорбишь, то твердо знай, что бедность
не бывает препятствием милостыне. Хотя бы ты
был тысячекратно беден, все же ты не беднее той,
которая имела только горсть муки (см.: 3 Цар 17, 12), и
той, у которой было только две лепты (см.: Лк 21, 2),
из которых та и другая, издержав все свое имение
на бедных, удостоились дивной похвалы; и вели-
кая бедность не была препятствием столь вели-
кому человеколюбию, но милостыня, состоявшая
из двух лепт, была так богата и значительна, что
затмила всех богачей и богатством расположе-
ния и избытком усердия превзошла тех, которые
клали много статиров¹. Следовательно, и здесь ты
не терпишь вреда, но еще большую получаешь
пользу, чрез малое приношение приобретая вен-

¹ *Статир* — греческая серебряная монета, равная четы-
рем драхмам.

цы более блистательные в сравнении с теми, которые положили много. Впрочем, хотя бы тысячу раз мы говорили это, плотолюбивые души, любящие житейские удовольствия и пристрастившиеся к настоящим благам, нелегко согласятся оставить эти увядающие цветы (таковы приятности настоящей жизни) и не решатся оставить эти тени, но даже лучшие из людей стремятся за теми и другими благами, а несчастнейшие и жалкие большею частью гоняются за здешними благами, а за тамошними — весьма мало. Сорвем же блестящую и благовидную маску с гнусного и безобразного лица этих предметов и покажем мерзость блудодейцы. Ведь такова именно жизнь, провождаемая в сластолюбии, сребролюбии и честолюбии: она гнусна, безобразна, исполнена великой мерзости, неприятна, тягостна и полна горечи. Подлинно, пленившиеся ею совершенно лишены извинения особенно потому, что для них любезна и вожделенна эта жизнь, исполненная неприятностей и великой горечи, состоящая из бесчисленных зол, опасностей, кровопролитий, пропастей, подводных камней, убийств, страха, трепета, зависти, ненависти, коварства и непрестанных беспокойств и забот, не доставляющая никакой пользы и не приносящая никакого плода от таких бедствий, кроме мучения, наказания

и вечного страдания. Несмотря на то что она такова, многим она кажется блаженной и вожденной, что, впрочем, служит знаком безумия пленяющихся, а не блаженства самого обладания ею. Так и малые дети гоняются за игрушками и восхищаются ими, а о предметах, свойственных совершеннолетним, и понятия иметь не могут. Но для тех извинением служит несовершенный возраст, а эти не имеют никакого оправдания, имея детский ум в совершенном возрасте и поступая даже бессмысленнее детей.

А почему, скажи мне, вожденно богатство? О нем надо мне начать речь, потому что оно для многих, зараженных этой жестокой болезнью, кажется драгоценнее и здоровья, и жизни, и народной похвалы, и доброго мнения, и отечества, и домашних, и друзей, и родных, и всего прочего. До самых облаков достигает пламя этого костра, и сушу и море обнял огонь этой печи. Никто не тушит этого пламени, а раздувают все, как те, которые уже пленены, так и те, которые еще не пленены, чтоб быть плененными. Каждый может видеть, как все, и мужчина и женщина, и раб и свободный, и богатый и бедный, каждый по своим силам, день и ночь несут бремя, доставляющее великую пищу этому огню, бремя не дров и хвороста (не таков этот пламень), но душ и тел, неправды и беззакония. Именно этим обыкно-

венно поддерживается такой пламень. Богатые никогда не оставляют этой безумной страсти, хотя бы овладели всею вселенной, и бедные стараются сравняться с ними, и какое-то неисцелимое соревнование, необузданное бешенство и неизлечимая болезнь объемлет души всех. Всякую другую любовь преодолела эта любовь и изгнала вон из души; не смотрят ни на дружбу, ни на родство, — что я говорю: дружбу и родство? — даже на жену и детей, любезнее которых ничего не может быть для мужей; но все брошено и попрано, потому что эта жестокая и бесчеловечная владычица овладела душами всех плененных. Подлинно она, как бесчеловечная владычица, как жестокая госпожа, как свирепый варвар, как всенародная и жадная блудница, срамит, терзает и бесчисленным подвергает опасностям и мучениям тех, которые отдались ей в рабство; но сколь она ни страшна и сурова, сколь ни груба и свирепа, хотя имеет лицо варварское, или, вернее, зверское и свирепее, чем у волка и льва, для плененных ею она кажется кроткой, любезной и слаще меда. Она ежедневно кует на них мечи и оружие, роет пропасти, влечет их к безднам, стремнинам и подводным камням и сплетает для них бесчисленные сети мучения; а между тем и пленники ее и желающие быть пленниками думают, будто она делает их счастливыми. Как свинья, валяясь

в нечистоте и грязи, утешается и услаждается, равно как и жуки, непрестанно копающиеся в навозе, — так точно и преданные сребролюбию бывают несчастнее этих животных: мерзость здесь больше и грязь зловоннее. Предаваясь страсти, они думают получить от того великое удовольствие, — что зависит не от свойства самого предмета, но от души, страждущей таким безумием. А это хуже скотского безумия. Как причиной того, что животные остаются в грязи и навозе, бывает не грязь и навоз, а бессмыслие попадающих туда животных, — так рассуждай и о людях.

7. Но как исцелить нам таких людей? Для этого нужно, чтобы они захотели открыть нам слух свой и расположили ум свой к принятию слов наших. Бессловесных животных невозможно исправить и отклонить от нечистой жизни, потому что они без разума; а благороднейших существ, одаренных и разумом и словом, то есть людей, если они захотят, удобно и весьма легко можно отклонить от этой грязи, зловония, нечистоты и мерзости. Почему тебе, человек, богатство кажется драгоценным? Конечно, по удовольствию, получаемому от трапез? По чести и множеству слуг, угождающих тебе за него? Потому, что ты можешь отмщать оскорбляющим тебя и быть для всех страшным? Других причин представить ты не можешь, кроме удо-

вольствия, лести, страха и мщения, потому что обыкновенно богатство отнюдь не делает никого ни мудрее, ни целомудреннее, ни смиреннее, ни благоразумнее, не делает ни добрым, ни человеколюбивым, не ставит выше ни гнева, ни чрева, ни удовольствий, не учит ни умеренности, ни смирению и никакой другой добродетели не вселяет и не насаждает в душе. Ты не можешь сказать, чтобы ты искал и желал его по какой-нибудь из этих причин, потому что оно не только не способно насаждать или возвращать что-нибудь доброе, но если даже найдет добро, уже находящееся в человеке, то повреждает, останавливает и иссушает его; а иное и вовсе истребляет и вносит противное тому, — безмерное невозддержание, непристойную раздражительность, несправедливый гнев, гордость, надменность, безумие. Впрочем, не буду говорить об этом, потому что страждущие такой болезнью, всецело предавшись наслаждению и сделавшись его рабами, не терпят слушать о добродетели и пороке и видеть себя в то же время осуждаемыми и обличаемыми. Оставим же речь об этом и поставим на вид другое; посмотрим, доставляет ли богатство какое-нибудь удовольствие или какую-нибудь честь. Я вижу все противное. И во-первых, если хотите, обратим внимание на трапезы богатых и бедных

и спросим вкушающих: кто из них особенно получает чистое и истинное удовольствие? Те ли, которые целый день возлежат на скамьях, соединяют ужины с обедами, переполняют чрево, притупляют чувства, чрезмерной тяжестью снедей погружают свою ладью и обременяют свой корабль, потопляя свое тело, как бы при кораблекрушении, связывают себе и ноги, и руки, и язык, и все тело свое цепями пьянства и пресыщения, которые тяжелее железных цепей, не имеют надлежащего и чистого сна, бывают не свободны от страшных сновидений, делаются несчастнее беснующихся, произвольно принимая в душу какого-то беса, становятся посмешищем для рабов, или, лучше, предметом сожаления и слез для самых кротких из них, не узнают никого из присутствующих, не могут ничего ни сказать, ни выслушать, но переносятся на руках другими со скамьи на постель? Или те, которые трезвы и бодрственны, определяют меру (еды и питья) нуждой, плывут по попутному ветру и величайшее услаждение пищей и питьем находят в голоде и жажде? Ведь ничто не доставляет такого удовольствия и здоровья, как то, чтобы приниматься за пищу и питье при голоде и жажде, сытость измерять одной нуждой, не преступать ее пределов и не обременять тела сверх его силы.

8. Если ты не веришь словам моим, то посмотри на тело тех и других и на душу каждого из них. Не у тех ли, которые живут умеренно (не указывай мне на редкие случаи, когда кто-нибудь бывает слаб здоровьем по какому-либо другому обстоятельству, но суди по тому, что происходит всегда и непрестанно), — не у тех ли, которые живут умеренно, тело здорово, чувства светлы и с великой легкостью исполняют свое дело, а у неумеренных оно слабо, мягче всякого воска и подвержено множеству болезней? У них скоро является и подагра, и неприятное трясение тела, и безвременная старость, и головные боли, и расслабление и расстройство желудка, и потеря аппетита, и непрестанно они нуждаются во врачах, в постоянных лекарствах и в каждодневном лечении. Это ли, скажи мне, удовольствие? Кто так назовет это из тех, которые знают, что такое удовольствие? Удовольствие бывает тогда, когда удовлетворение следует за аппетитом; если же удовлетворение делается, а аппетита вовсе нет, то удовольствие теряется и исчезает. Поэтому-то больные, хотя бы пред ними лежала приятнейшая пища, с отвращением и как бы с неприятностью вкушают ее, потому что у них нет аппетита, который делает удовлетворение приятным. Ведь не свойство пищи и питья, но аппетит вкушающих обыкновенно производит

желание и доставляет удовольствие. Поэтому и один добрый муж, точно знавший удовольствия и умевший судить об этом, говорил: *сытая душа попирает и сот* (Притч 27, 7), выражая, что не в свойстве трапезы, но в расположении вкушающих состоит удовольствие. Поэтому и пророк, исчисляя чудеса, бывшие в Египте и в пустыне, между прочим, сказал, что Бог *от камене меда насытил их* (Пс 80, 17), хотя нигде не видно, чтобы камень источал для них мед. Что же значат эти слова? Так как евреи, утомившись от труда и путешествия и сильно мучась жаждой, припадали к холодным струям, получая великое наслаждение вследствие жажды, то он, желая представить это удовольствие от питья воды, назвал воду медом не потому, чтобы она переменялась в мед, но потому, что приятность воды равнялась его сладости, так как пившие воду приступали тогда к ней с жаждой. Если же это так и никто не может противоречить этому, хотя бы он был самый бессмысленный, то не очевидно ли, что при трапезах бедных бывает чистое, истинное и великое удовольствие, а при трапезах богатых неприятность, отвращение, омерзение и, как сказал мудрый муж, и все сладкое горько (ср.: Притч 27, 7)?

9. Но богатство, скажешь, доставляет уважение имеющим его и удобство мстить врагам. Итак

потому, скажи мне, богатство кажется любезным и вожаделенным для вас, что оно питает в нас сильнейшие страсти, приводит в действие гнев, поднимает славолюбие до высочайшей степени, надмевает и доводит до безумия? Но потому особенно и нужно не оглядываясь бежать от него, что оно вселяет в ум наш некоторых диких и свирепых зверей, лишает истинного уважения у всех, а доставляет обманутым иного рода уважение, подкрашенное только его красками, и заставляет считать это уважение истинным, хотя оно по свойству своему не таково, а только по виду кажется таким. Подобно тому как произведенная притираниями и прикрасами красота непотребных женщин, не составляя красоты, представляет для обольщающихся гнусное и безобразное лицо хорошим и благообразным, хотя оно на самом деле не хорошо, — так точно и богатство заставляет принимать лесть за уважение. Не смотри же на похвалы, произносимые открыто из страха и ласкательства, — это краски и прикрасы; но вникни в совесть каждого, кто так льстит тебе, и увидишь тысячи обвинителей, которые внутренне говорят против тебя, отвращаются и ненавидят тебя более, нежели злые враги и неприятели. Если бы когда-нибудь случившаяся перемена обстоятельств сняла и обличила эту, из страха составленную, маску, как

солнце жаркими лучами своими обнаруживает те лица, — тогда ты ясно увидел бы, что ты во все прежнее время был в крайнем неуважении у своих угодников и считал себя почитаемым от тех, которые весьма ненавидят тебя, осыпают тебя в мыслях своих бесчисленными злословиями и желают видеть тебя в крайних бедствиях. И ничто не доставляет такого уважения, какое доставляет добродетель, уважение не вынужденное, уважение не притворное и не прикрытое какой-либо маской обмана, но истинное, искреннее и не изменяемое никакими трудными обстоятельствами.

10. Ты хочешь отмстить оскорбившим тебя? Но по этому самому, как я уже сказал, особенно и нужно избегать богатства. Оно обыкновенно заставляет тебя поднимать меч против себя самого, подвергает тебя строжайшему суду в будущем и приготовляет невыносимые наказания. Мщение есть столь великое зло, что и Божие человеколюбие прекращалось от него и уже данное прощение в бесчисленных грехах чрез него отменялось. Так тот, которому прощено было десять тысяч талантов и за простую просьбу дарована была столь великая милость, когда стал требовать от подобного себе раба сто динариев, то есть стал требовать наказания за проступки в отношении к нему, то жестокостью к своему

товарищу произнес приговор против себя самого; и не за другое что-нибудь, а только за это он и предан был мучителям, и был наказан, и должен был уплатить множество талантов, и никакого не получил прощения и оправдания, но потерпел жесточайшие мучения, и повелено было взыскать с него весь долг, который прежде человеколюбие Божие простило ему. Итак, потому ли, скажи мне, богатство вожделенно для тебя, что оно легко ведет тебя к такому греху? Напротив, поэтому-то и надо отвращаться от него, как от врага, неприятеля и страшного убийцы. Но бедность, скажешь, производит скорби, часто вынуждает произносить богохульные слова и решаться на низкие дела. Нет, не бедность, а малодушие. Так и Лазарь был беден, и весьма беден; к бедности присоединялась болезнь, которая, будучи горше всякой бедности, делала эту бедность еще несноснее; к болезни — еще беспомощное состояние и неимение благодетелей, которые делали и бедность и болезнь еще более горькими. Каждое из этих бедствий и само по себе мучительно, а когда нет и благодетелей, то бедствие становится еще больше, пламень сильнее, боль мучительнее, буря свирепее, волнение страшнее, печь жарче. Если же вникнуть точнее, то прибавится к этому и четвертое бедствие — невоздержание и роскошь жившего в соседстве

богача. Если желаешь найти что-нибудь и пятое к усилению пламени, то ясно увидишь, что и это находилось у него. Ведь богач не только роскошествовал, но видел дважды, трижды, или, вернее, многократно в день (Лазаря), — так как он лежал у двери, представляя жалкое зрелище несчастья, и одним видом мог бы смягчить даже каменную душу, — и несмотря на это, богач, по своему бесчеловечию, не склонялся на помощь бедному, а сам имел сибаритскую трапезу, полные чаши, обильно разливаемое вино, блестящие толпы поваров, тунеядцев и льстецов с самого утра и хоры поющих, (толпы) виночерпиев и смехотворцев; измышлял всякого рода невоздержание, пьянствовал и пресыщался, роскошествовал и в одежде, и в трапезе, и во многом другом, проводя так все время; а об этом бедном и не думал, видя каждый день, как он мучится от сильного голода, от тяжелой болезни, от множества ран, от беспомощного состояния и происходящих отсюда зол. Тунеядцы и льстецы лопались от пресыщения, а бедняк, столь бедный и столь много страдавший, не получал даже крупниц от трапезы, при всем своем желании; и однако все это нисколько не причинило ему вреда; он не выразил негодования, не произнес богохульного слова, но как золото, очищаясь в сильнейшем огне, более светлеет, так и он, объятый

страданиями, стоял выше всего — и страстей и происходящих отсюда у многих огорчений. Если просто бедные, взирая на богатых, терзаются завистью, и мучатся ненавистью, и жизнь свою считают не жизнью, имея притом в достаточной мере необходимую пищу и благодетелей, то этот бедняк, будучи беден так, как никто другой, и не только беден, но и болен, и не имея никакого благодетеля и утешителя, но лежа среди города, как бы в самой безлюдной пустыне, истекая от сильнейшего голода и видя, что у богача все льется как из источников, а он не получает никакого человеческого утешения, но служит постоянной трапезой для языков собак (тело его было так дрябло и расслаблено, что он не мог отгонять и их), — чего бы не потерпел, если бы не был весьма мужествен и любомудр? Видишь ли, что кто сам себе не делает вреда, тот не терпит ничего худого, хотя бы все оскорбляли его? Я опять повторяю те же слова.

11. Подлинно, какой вред причинили этому ратоборцу болезнь, неимение благодетелей, нападение псов, худое соседство богача, великая роскошь его, надменность и гордость? Сделался ли он от того слабее в подвигах добродетели? Поколебалась ли твердость его? Нисколько; напротив, такое множество бедствий и такая жестокость богача еще более укрепили его, сделались

поводом к бесчисленным для него венцам, умножили награды, усугубили воздаяние, послужили к большему возмездию. Он увенчан не за бедность только, и не за голод, и не за раны, и не за лизание псов; но за то, что, имея такого соседа, который каждодневно видел его и постоянно презирал его, он переносил мужественно и с великим терпением это искушение, не мало, но весьма много усиливавшее и бедность, и болезнь, и беспомощное его состояние.

А что было, скажи мне, с блаженным Павлом? Ничто не препятствует опять упомянуть об этом муже. Не бесчисленное ли принял он множество испытаний? А какой потерпел вред? Не за то ли особенно он и увенчан, что терпел голод, страдал от холода и наготы, многократно подвергался бичеваниям, был побиваем камнями и утопал? Но Павел, скажешь, был избранник Христов. И Иуда был в числе двенадцати учеников, и он был призван Христом; но ни то, что он был в числе двенадцати, ни самое призвание не принесло ему пользы, так как он не имел сердца, расположенного к добродетели. Павел и борясь с голодом, и не имея необходимой пищи, и столь много каждодневно претерпевая бедствий, с великой бодростью пробегал путь, ведущий на небо; а Иуда, будучи призван еще прежде него, пользуясь тем же, чем и он, будучи посвящен

в таинства вышней мудрости, приобщившись священной трапезы и страшной вечери, получив такую благодать, что мог воскрешать мертвых, очищать прокаженных и изгонять бесов, многократно слыша учение о нестяжательности, столько времени обращаясь с Самим Христом и имея вверенные ему деньги бедных, чтобы этим он укрощал свою страсть (так как он был вор), — при всем том не сделался лучшим, хотя пользовался таким снисхождением. Христос, зная, что он сребролюбив и по любви к деньгам погибнет, не только не наказал его тогда за это, но, дабы укротить его страсть, вверил ему и деньги для бедных, чтобы он, имея чем насытить свое корыстолюбие, не впал в страшную пропасть, меньшим злом отвращая большее.

12. Так везде тому, кто сам себе не хочет сделать вреда, никто другой не может повредить; и напротив, кто не хочет бодрствовать и исполнять должное с своей стороны, тому никогда никто не доставит пользы. Поэтому и дивная история Писаний, как бы на какой высокой, великой и широкой картине, описывает для тебя жизнь древних, продолжая повествование от Адама до Пришествия Христова, и представляет тебе как падавших, так и увенчанных, дабы всячески вразумить тебя, что тому, кто сам себе не делает вреда, никто другой повредить не может, хотя

бы вся вселенная подняла против него жестокую войну. Ни затруднительность обстоятельств, ни перемены времени, ни угнетения сильных, ни тучи злоумышлений, ни множество несчастий, ни совокупность всех человеческих бедствий не может нимало поколебать мужественного, внимательного и бдительного человека; напротив, нерадивого, беспечного, не заботящегося о самом себе ничто не сделает лучшим, хотя бы употреблены были тысячи пособий. То же показывает нам и притча о тех людях, из которых один построил дом свой на камне, а другой на песке (см.: Мф 7, 24 и сл.); это не для того, чтобы мы представляли песок и камень, или строение из камней и кровлю, или реки и дождь, и сильные ветры, устремляющиеся на здания, но чтобы от них умозаключали о добродетели и пороке и видели отсюда, что, кто не вредит самому себе, тому никто не сделает вреда. Итак, ни порывисто падавший дождь, ни реки, стремившиеся с великой быстротой, ни жестокие ветры, ударявшие с сильным порывом, нисколько не поколебали того дома, но он остался твердым и неподвижным, дабы ты знал, что кто не выдает сам себя, того никакое испытание поколебать не может. А дом другого скоро обрушился не от силы испытаний (иначе и с другим было бы то же), — но от собственного безумия (строителя); он пал

не потому, что подул ветер, но так случилось с ним потому, что он был построен на песке, то есть на нерадении и зле. Ведь он еще и ранее, нежели буря устремилась на него, был слаб и готов к падению. Такие здания, хотя бы никто не трогал их, сами собой разрушаются, потому что основание их расторгается и совершенно рассыпается. Как паутина сама собой разрывается, хотя бы никто не прикасался к ней, а адамант и под ударами остается целым, — так точно и те, которые не вредят сами себе, хотя бы испытывали бесчисленное множество ударов, становятся более твердыми; а предающие самих себя, хотя бы никто не трогал их, сами собой увлекаются, теряются и погибают. Так погиб Иуда, который не только не подвергался никакому подобному испытанию, но и пользовался великим попечением (Господа).

13. Хочешь ли, я покажу тебе, как оправдываются эти слова и на целых народах? Какого народ иудейский удостоился промысления? Не вся ли видимая тварь готова была на служение иудеям? Не новый ли и необыкновенный был у них образ жизни? Они не посылали на рынок и пользовались съестными припасами не тратя серебра, ни борозд не проводили, ни плуга не владели, ни земли не возделывали, ни семян не бросали, ни в дождях не имели нужды, ни в ветрах,

ни во временах года, ни в лучах солнца, ни в течении луны, ни в благорастворении воздуха, ни в другом чем-нибудь подобном, ни гумна не готовили, ни хлеба не молотили, ни в веянии не нуждались для отделения зерен от плевел, ни жерновов не вращали, ни сушильни не строили, ни дров и огня не приносили в дом, ни в искусстве печения хлеба не нуждались, ни заступа не брали в руки, ни серпа не точили и ни в другом каком-нибудь художестве не имели нужды, например в ткани, зодчестве или шитье обуви, но все доставляло им слово Божие. Они имели трапезу готовую, без пота и трудов, — таково было свойство манны; она была всегда нова, свежа, не причиняла им никаких хлопот и не изнуряла трудом. Даже одежды у них, и обувь, и самое тело не подвергались свойственной им тленности; в такое продолжительное время одежда их не изнасилась, и ноги их не покрылись мозолями, хотя они ходили столь много. О врачах и лекарствах или о чем-нибудь другом, относящемся к этому искусству, они и не вспоминали, так далека была от них всякая болезнь! *Изведе их, говорит Писание, с серебром и золотом, и не бе в коленях их боляй* (Пс 104, 37). Они так ели и так пили, как бы оставили этот мир и переселились в другую, лучшую вселенную; и пламеннейшие лучи солнца не поражали голов их, потому что

пламень затеняло облако, которое везде висело над ними и, передвигаясь, служило покровом для всего народа. И во время ночи они не имели нужды в светильнике, который бы рассеивал тьму, но столп огненный был для них источником неизреченного света, доставляя им две услуги — и освещая, и указывая им путь; он не только светил, но точнее всякого путеводителя водил этот многочисленный народ по пустыне. Ходили же они не только по суше, но и по морю, как по суше, преодолевали пределы природы, пешествую по страшному морю, как бы по твердому и крепкому камню. Когда эта стихия находилась у них под ногами, тогда она была подобна суше, ровным полям и нивам; а когда вступили в нее враги, тогда она оказала действия, свойственные морю, для них была колесницею, а для неприятелей их — гробом; тех с легкостью переправляла, а этих с великой свирепостью потопляла. Беспорядочные потоки вод оказывали порядок и покорность, свойственные людям разумным и мудрым, исполняя должность то стража, то палача, в один и тот же день обнаруживая противоположные действия. А что сказать о камнях, которые источали потоки вод? Что о тучах птиц, которые множеством своих тел покрывали всю землю? Что о чудесах, бывших в Египте и в пустыне? Что о трофеях и победах,

совершенных без пролития крови? Ведь они как бы играя, а не воюя побеждали противников. И над властителями своими (египтянами) они одержали верх без оружия, и сражавшихся с ними по исшествии из Египта преодолевали при звуках труб и пении, так что эти действия были более ликованием, нежели войной, более церемонией¹, нежели сражением. Подлинно, все эти чудеса были не для того только, чтобы сделать нужное для них, но чтобы они точнее сохранили и учение о богопознании, которое преподал им Моисей. Отовсюду раздавались голоса, возвещавшие о Господе. Об этом возвещало море, то делаясь проходимым для пеших, то становясь опять морем; и струи Нила гласили то же, изменяясь в кровь; и жабы, и рои саранчи, и скнипы, и зараза говорили это всему народу; и чудеса в пустыне, и манна, и столп, и облако, и перепелы, и все прочее было для них тогда вместо книги и письмен, никогда не изглаждаемых, постоянно каждый день служа им напоминанием и отзываясь в сердце их. Однако после такого о них промышления, после несказанных благодеяний, после великих чудес, после неизреченного попечения, после непрестанного учения, после вну-

¹ *Μυσταγωγία* — тайноводство, посвящение в тайны, церемония.

шения словами, после убеждения делами, после знаменитых побед, после славных трофеев, после обилия трапезы, после избытка воды, после неизъяснимой славы, какой были отличены пред всем родом человеческим, они были неблагодарны и бесчувственны, поклонились тельцу, стали служить голове вола и искали себе богов, тогда как имели в свежей памяти совершенные в Египте благодеяния Божии и пользовались от Него еще многим и другим.

14. Напротив, ниневитяне, народ варварский и иноплеменный, не удостоившийся ничего такого, ни малого, ни великого, ни учения, ни чудес, ни дел, ни слов, как только увидели человека, спасшегося от кораблекрушения, который никогда прежде не бывал у них, но в первый раз явился, пришел и сказал: *еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена* (Иона 3, 4), то от этих простых слов переменились, исправились и, оставив прежнее нечестие, обратились чрез покаяние к добродетели, так что изменили Божие о них определение, поддержали колеблющийся город, отклонили небесный гнев и избавились от всякого зла. *Увидел Бог, говорит Писание, дела их, что они обратились от злого пути* и обратились к Господу (Иона 3, 10). Как, скажи мне, обратились они? Велики были их пороки, невыразимо нечестие, неизлечимы раны, что и пророк

выразил, сказав: *злодеяния его дошли до неба* (Иона 1, 2), означая расстоянием места великость их пороков. И однако столь великое нечестие, так возросшее и так высоко поднявшееся, что оно достигало до самого неба, они в три дня, в столь краткое время, после немногих слов, выслушанных от человека неизвестного, чужеземного, подвергшегося кораблекрушению, так изгладили, так истребили, так удалили от себя, что удостоились следующих слов: *И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них* (Иона 3, 10). Видишь ли, что внимательный и бдительный не только не терпит никакого вреда от людей, но отклоняет и небесный гнев, а кто сам предает себя и вредит себе, тот не много получает пользы, хотя бы удостоился множества благодеяний? Ни иудеям не принесло пользы такое множество чудес, ни ниневитянам не повредило то, что они не имели их; но так как они сами были расположены к добру, то в короткое время сделались лучшими, хотя были варвары, иноплеменники, не слышали никаких Божественных глаголов и жили где-то далеко от Палестины.

15. Какой также, скажи мне, вред причинили добродетелям трех отроков случившиеся с ними бедствия? Не тогда ли, как они были еще

молоды, и весьма молоды, в раннем возрасте, подверглись они страшному наказанию и плену, были далеко отведены и, пришедши в чужую землю, лишены и отечества, и дома, и храма, и жертвенника, и жертв, и приношений, и возлияний, и самого песнопения? Для них не только дом их был недоступен, но вместе с тем и разнообразные виды богослужения. Не были ли они преданы в варварские руки, более волкам, нежели людям, и, что всего тяжелее, находясь в варварской земле и тягчайшем плену, не имели ни учителя, ни пророка, ни начальника? *И нет у нас, говорится в Писании, ни князя, ни пророка, ни вождя, <...> ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость Твою* (Дан 3, 38). Притом они введены были в царский дом, как бы на какую-нибудь скалу, и утес, и в море, наполненное подводными камнями, и принуждены были плыть по этому страшному морю без кормчего, без рулевого, без корабельщиков и без парусов, или как бы в темнице заключены были в царских чертогах. Они любили мудрость, стояли выше житейских дел, попрали всякую гордость человеческую, отличались легким крылом и потому пребывание там считали усугублением своих бедствий. Находясь вне дворца, в частном доме, они могли бы пользоваться большой свободой; а поступив в эту темницу

(ведь они считали всю тамошнюю пышность не лучше темницы, утесов и подводных камней), — они тотчас встретили ужасное затруднение. Царь повелел им участвовать в собственной его трапезе, роскошной, нечистой и скверной; а им это было непозволительно и казалось тяжелее смерти; они оставлены были одни, как агнцы между множеством волков. Необходимо было или мучиться голодом, или идти на смертную казнь, или вкушать запрещенные яства. Что же делают эти юноши — сироты, пленники, пришельцы, рабы дающих им такие повеления? Они не подумали, что достаточным для них извинением может послужить необходимость и насилие властелина города; но употребляют все способы и усилия, чтобы избежать греха, хотя были совершенно беззащитными. Ни деньгами они не могли склонить на свою сторону, — как это возможно для пленников? — ни дружбой и знакомством, — как это возможно для пришельцев? — ни властью не могли заставить, — как это возможно для рабов? — ни многочисленностью преодолеть, — как это возможно только для троих? Поэтому они пришли и стали словами убеждать того евнуха, который имел здесь власть. Увидев, что он боится, трепещет и заботится о собственном спасении и непреодолимый страх смерти потрясает душу его: боюсь я, говорил он, господина моего, царя,

если он увидит лица ваши худощавее, нежели у отроков, сверстников ваших, то вы сделаете голову мою виновною перед царем (Дан 1, 10), они удаляют от него это опасение и убеждают оказать им милость. И так как они сделали все с своей стороны, то и Бог после того сделал Свое: не Божиим только делом было то, за что они имели получить награду, но прежде всего это зависело от их душевного расположения, которое они показали доблестным и твердым, — потому и приобрели себе Божие благословение и довершили то, чего домогались.

16. Видишь ли, что никто другой не может причинить вреда тому, кто не вредит сам себе? Вот, ни молодость, ни плен, ни сиротство, ни удаление в чужую землю, ни одиночество, ни неимение заступников, ни строгое повеление, ни великий страх смерти, стеснявший душу евнуха, ни бедность, ни малочисленность, ни пребывание среди варваров, ни то, что властители были их врагами, ни то, что они преданы были в руки самого царя, ни разлука со всеми родными, ни удаление от священников и пророков и прочих, кто бы заботился о них, ни неимение жертв и возлияний, ни лишение храма и песнопений и ничто подобное не причинило им вреда, но тогда они сделались гораздо более славными, нежели когда пользовались этим в своем

отечестве. Таким образом, совершив первый подвиг, украсившись светлым венцом, сохранив закон и в чужой земле, поправ повеление тирана, победив страх пред мстителем и не потерпев никакого вреда, но совершив это дело с такой легкостью, как будто бы находились в доме и пользовались всеми благами, они потом призваны были к другим подвигам. И опять они остались теми же. Им предстоял подвиг еще труднее прежнего, была разжжена печь и варварское войско вместе с царем вооружилось против них; все персидские силы пришли в движение и все устроено было, чем бы обольстить их или принудить: разнообразные роды музыки, различные способы мучений, угрозы, страшные со всех сторон явления и еще более страшные слова; но несмотря на то, так как они не изменили сами себе, а сделали с своей стороны все нужное, нисколько не потерпели вреда, а напротив — украсились венцами еще светлее прежних. Навуходоносор связал их и бросил в печь, но не причинил им вреда, а еще больше доставил пользы и сделал их более славными. Те, которые не имели ни храма (опять скажу то же), ни жертвенника, ни отечества, ни священников, ни пророков, в чужой и варварской стране, даже среди самой печи, среди всего войска, в глазах самого царя, совершавшего это, воз-

двигли блистательный трофей и одержали знаменитую победу, воспев дивную и преславную песнь, которая с того времени доныне поется по всей вселенной и будет воспеваема в последующих поколениях. Так, кто сам себе не делает вреда, тот не может испытать никакого вреда от других; я не перестану постоянно повторять это изречение. Если плен, и рабство, и одиночество, и удаление от отечества и от всех родных, и смерть, и сожигание, и столь великое войско, и столь жестокий тиран трем отрокам, юным пленникам, рабам, пришельцам, бывшим в чужой земле, не могли причинить никакого вреда в собственной их добродетели, но такое насилие еще послужило для них поводом к большему дерзновению, то что может повредить человеку бдительному? Ничто не может, хотя бы вся вселенная вооружилась против него. Но тогда Бог, скажешь, предстал им и избавил их от пламени. Точно так; но если и ты сделаешь все с своей стороны, то, конечно, вслед за тем и Бог сделает все с Своей стороны.

17. Впрочем, я не потому удивляюсь этим отрокам, ублажаю их и почитаю достойными подражания, что они попрали пламень и превозмогли действие огня, но потому, что они были связаны, брошены в печь и преданы огню за истинное учение. От этого произошел весь

трофей их, и как только они были брошены в печь, то уже возложен был на них венец, который начал сплетаться еще прежде исполнения дела, когда они, с великой отвагой и дерзновением представ пред царем, говорили: *нет нужды нам отвечать тебе на это. Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся* (Дан 3, 16–18). За эти слова я прославляю их; при этих словах получив победную награду, они пошли к светлomu венцу мученичества, присоединив к исповеданию на словах исповедание на деле. А что огонь устыдился тел их, вверженных в печь, расторг узы их, доставив им возможность свободно ходить там, и забыл о собственном действии, и огненная печь сделалась источником прохладных вод, это уже было чудом Божией благодати и высшего чудодействия. Таким образом эти ратоборцы еще прежде, нежели совершилось такое чудо, как только вошли в пламень, уже воздвигли трофей, одержали победу, украсились венцом, прославились на небесах и на земле, и ничего не оставалось более к их прославлению. Что же можешь ты сказать на это? Отправлен ли

ты в ссылку и изгнан из отечества? И они также. Попал ли ты в плен и под власть варваров? То же, как видишь, было с ними. Никого не имеешь ты, кто бы там находился при тебе, помогал тебе, наставлял и научал тебя? И они лишены были этой помощи. Тебя связали? Тебя жгут? Тебя умерщвляют? Мучительнее этого ты не можешь ничего сказать; но вот и они, прошедши все это, после каждого мучения делались славнее, знаменитее и собирали большее богатство на небесах. Иудеи, имея и храм, и жертвенник, и кивот, и Херувимов, и очистилище, и завесу, и бесчисленное множество священников, и каждодневные службы, и жертвы утренние и вечерние, непрестанно слушая пророков, живых и умерших, оглашавших слух их, сохраняя воспоминание о чудесах, бывших в Египте, в пустыне, и о всех прочих, имея их написанными на руках своих и на порогах, испытав великие тогдашние чудотворения и другие благодеяния, не только не получили никакой пользы, но еще получили вред, поставив идолов в самом храме, закалая сынов своих и дочерей под деревьями, совершая эти незаконные и нечестивые жертвоприношения почти по всей стране Палестинской и делая тысячи других гнуснейших дел. А отроки, находясь среди варваров, в неприятельской и враждебной земле, в доме тирана, лишены всякого

попечения, подвергаясь мучению и действию огня, от этого не только не потерпели никакого вреда, ни малого ни великого, но еще более прославились. Итак, зная это и подобное тому собирая из боговдохновенных и Божественных Писаний (а много можно найти таких примеров и на других различных лицах), — не станем думать, что затруднительность времени или обстоятельств, или необходимость и принуждение, или насилие властителей могут служить для нас достаточным оправданием в наших грехах. О чем я вначале сказал, тем же теперь и окончу речь: если кто терпит вред и обиды, тот непременно терпит сам от себя, а не от других, хотя бы много было людей, обижающих и притесняющих его. А если кто не терпит сам от себя, то, хотя бы нападали на него все вообще жители всей земли и моря, они не могут причинить нималого вреда бдительному о Господе и внимательному. Будем же, увещаю вас, бдеть и бодрствовать всегда и станем мужественно переносить все скорби, дабы получить нам вечные и нетленные блага во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ.

**СЛОВО К ТЕМ, КОТОРЫЕ
СОБЛАЗНЯЮТСЯ
ПРОИСШЕДШИМИ
НЕСЧАСТЬЯМИ,**

519
☩

а также о гонении и бедствии народа
и многих священников;
и о непостижимом; и против иудеев¹

1. **В**рачи, когда хотят лечить находящегося в горячке или страдающего какой-нибудь другой болезнью, прежде всего стараются видеть самих страждущих, потому что, находясь вдали от них, они не могли бы облегчить их страдания; таково их искусство и природа самих болезней. Мы, не намереваясь лечить ни того, ни другого в отдельности, но всех соблазняющихся, не нуждаемся ни в чем таковом. Мы не просим позволения войти в дом наших больных, не имеем нужды знать, в каком месте они лежат, не хотим даже видеть болящих. Мы не вооружены инструментами, не заставляем лечимых болящих входить в расходы, приказывая им покупать лекарства; но хотя они не знакомы нам, хотя бы

¹ Это рассуждение, по свидетельству биографа Златоуста — Георгия Александрийского, написано святителем из Кукуза в утешение своим страждущим последователям.

они жили на крайних пределах вселенной, хотя бы среди варваров, хотя бы находились в бездне нищеты, так что не имеют и необходимой пищи, ничто подобное не служит препятствием для таких уврачеваний; но оставаясь в одном месте, без инструментов, без лекарства, без яств, питий, денег и без долгого путешествия изгоняем таковую болезнь. Как и каким образом? А именно — изготовив лекарство в виде беседы, которая становится для больных всем этим и даже больше, чем все сказанное. Она питает лучше хлеба, исцеляет лучше лекарств, выжигает сильнее огня, не причиняя никакой боли, останавливает смрадное течение дурных мыслей, сильнее железа безболезненно рассекает загнившие раны и при этом не требует никакого расхода денег, не повергает в нищету. Итак, приготовив такое лекарство, мы предлагаем его всем, и все наверно воспользуются лечением, если отнесутся к сказанному со вниманием и благосклонностью.

Как и в отношении тела не мало, а весьма много значит, для исцеления болящего, знать причины болезни (потому что, зная это, больной не только освободится от одержавшей его болезни, но и после нее не подпадет такой же болезни, так как, зная причину, от которой он уже однажды подвергся ей, будет остерегаться ее), — так и мы прежде всего покажем болящим такой болез-

ною, откуда явилась к ним такая болезнь из болезней. Ведь если узнать это и тщательно остерегаться, то можно избавиться от такой болезни, и не теперь только, но навсегда, как от нее, так и от других, еще худших. Свойство этого лекарства таково, что исцеляет не только настоящую болезнь, но составляет предохранительное средство и от других болезней. Ведь в настоящей жизни не одна, две или три, но много таких вещей, которые соблазняют слабейших; и слово наше обещает освободить от всего этого страждущих, только бы они хотели (как я уже сказал выше) внимать и сохранять сказанное. Приготавливая же это лекарство, я составляю его не из Божественных только Писаний, но и из того, что постоянно бывает и случается в настоящей жизни, так что и не читающим Писания может стать полезным это общее лечение, если захотят (воспользоваться им), о чем я не перестану повторять постоянно. По принуждению и насилию лекарство это не могло бы оказать пользы хоть одному, не желающему его или не принимающему Божественных вещаний. А отсюда, именно гораздо более отсюда, чем из изображения обыденных дел, и приходит исцеление, так как откровение Божие должно быть более достойно веры, чем все видимое. Поэтому сильнее будут наказаны те, которые, получив Писание, не

извлекают из него надлежащей пользы. Итак, чтобы они не пострадали чрез это, мы и позаботимся об их исправлении, указав сначала причину болезни.

2. В чем же заключается причина такого недуга? Она заключается в хлопотливом и разнообразном любопытстве, в желании видеть причину всего совершающегося, проникнуть в непостижимое и неизреченное Промышление Божие, в дерзком стремлении постигнуть безграничное и неисследуемое и рассуждать обо всем. Был ли кто-нибудь мудрее Павла? Скажи мне, не был ли он сосудом избрания? Не великую ли и неизреченную получил он благодать Духа? Не имел ли он в себе Христа говорящим? Не имел ли он обетования в неизреченных глаголах Бога? Не один ли он слышал то, что никому невозможно говорить из людей? Не был ли восхищен до рая? Не возносился ли до третьего неба? Не проходил ли землю и море? Не учился ли любомудрию у варваров? Не имел ли многих и различных действий Духа? Не обращал ли целые народы и города? Не всю ли вселенную Бог отдал ему в руки? Но послушай, как именно такой столь мудрый, могучий и духовный муж, наслаждавшийся таким преимуществом, когда начинал рассуждать о Промышлении Божиим, и не обо всем Промышлении, а только о части его, — послушай,

как он поражался, как он восторгался, как удивлялся и преклонялся пред непостижимым. Даже в созерцании он не доискивался, как Бог промышляет об Ангелах и Архангелах, о Херувимах и Серафимах, о всех невидимых силах, как о солнце, земле и луне, как о всем роде человеческом, как о бессловесных, о растениях, семенах и травах, и воздухе и ветрах, источниках, реках и вообще о природе, об умножении и содержании всего этого; но он рассматривал одну только часть этого Промышления в отношении иудеев и эллинов (и именно о них только он и ведет речь, показывая, как Бог призывал язычников, как оттолкнул иудеев и как, по Своему милосердию, Он созидал спасение тех и других), — послушай, что он говорит. Видя открытое безграничное море и в нем в одной только части желая исследовать глубину этого Промышления, он, пораженный неизреченной необъятностью этой вселенной, восторгаясь и поражаясь несказанностью, безграничностью, невыразимостью и непостижимостью премудрости и Промышления Божия, отступил, произнося такие изречения и после великого изумления восклицая такие слова: *о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!* Потом, показав, что и видя эту глубину он не мог достигнуть ее, — продолжает: *как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути*

Его! (Рим 11, 33). Не сказал только — «необъятны», но — *непостижимы судьбы Его*. Не только никто не может обнять, но никто не может сделать и начала исследования, так что не только не может дойти до конца, но не может исследовать и самого начала Его домостроительства. Сказав, как *непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его*, восторгаясь и поражаясь, он закончил свое славословие, — продолжая говорить: *кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь* (Рим 11, 34–36). Сказанное же значит: Он есть источник, Он есть виновник благ, не нуждается ни в чьем общении, не нуждается ни в каком совете; ни у кого Он не заимствует знаний или разума, как хочет, так и чудодействует; Сам есть начало, причина и источник всех благ, Сам Творец, Сам произвел все несуществовавшее и Сам, сотворивши все, управляет и сохраняет, как хочет, потому что *все из Него, Им и к Нему*, — каковое изречение означает, что Он виновник и Творец всего существующего, всем управляет и все сохраняет. Потом, опять вспоминая о данном нам даре, в другом месте говорит: *благодарение Богу за неизреченный дар Его!* (2 Кор 9, 15). А что дарованный нам мир не только превосходит всякое

слово, всякое объяснение, но и стоит выше всякого разума, объясняя это, апостол говорит: *мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши* (Флп 4, 7). Если же такова у Него безграничная глубина богатства и премудрости и разума, так неиспытует суды Его и неисследимы пути Его, исповедим Его дар и мир превосходит всякий разум — не мой, или твой, или кого-нибудь другого, не Павла только и Петра, но и ум Архангелов и высших Сил, — то скажи мне, какое можешь иметь себе извинение, какое снисхождение, предаваясь такому безумию и глупости, когда желаешь постигнуть непостижимое и доискиваешься основания всякого Промышления Божия? Если даже Павел, обладавший таким знанием, имевший такое неизреченное дерзновение и исполненный таких даров благодати, устраняется от этого и отказывается от достижения познания и не только не может найти, но даже и приступить к своему исследованию, потому что это невозможно, — то не будешь ли ты несчастнее всех, не подвергнешься ли самому жестокому безумию, идя таким противоположным с ним путем? И не только он сказал это, но, рассуждая с коринфянами о знании и показывая, насколько, если бы даже мы и научились многому, все-таки будем иметь лишь малую и даже малейшую часть этого знания,

он говорит так: *кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать* (1 Кор 8, 2). Потом, объясняя, что нам многого недостает в знании и что в будущее время откроется больше, теперь же дано нам мало, — продолжает: *ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится* (1 Кор 13, 9–10). Он не остановился и здесь, но желая показать, какое расстояние отделяет нас от этого знания и как многого недостает нам, поясняет это некоторым образом, говоря: *когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу* (1 Кор 13, 11–12). Видишь ли, какое расстояние? Такое же, как между возрастом младенца и совершеннолетием мужа, какое между зеркалом в гадании и ясным видением вещей для ясного зрения, — что и значит — *лицем к лицу*; почему же безумствуешь и яришься, тщетно и напрасно стараясь преодолеть препятствия? Почему не убеждаешься изречением Павла: *ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?»* (Рим 11, 20)?

Видишь ли, какого он требует послушания, какого молчания? И он говорит это, не лишая нас свободной воли, отнюдь нет, но показывая, что испытующему следует быть столь же безгласным, как по своей природе глина, которая повинуетя всему, что бы ни делал с ней художник, не противится и не обнаруживает любопытства. Упоминая о глине и горшечнике, он этим напоминает нам и о нашей природе. Наша сущность такая же, как горшечника и глины, а где одна и та же сущность, там одинаково должно быть и послушание. Если же здесь безгранично расстояние по сущности, знанию и всему другому, то какое может получить снисхождение тот дерзкий и бесстыдный человек, который хочет проникнуть в тайну сотворившего его Бога? Подумай, о человек, кто ты? это именно он выражает словами: *ты кто?* Не есть ли ты глина? Не пепел ли и пыль? Не копоть ли и дым? Не сено ли или цвет сена? Такие именно образы постоянно имеют в виду пророки, желая изобразить суетность нашей природы. Исследуемый же тобой бессмертен, неизменен, всегда существует, и Существо есть нескончаемое, неизъяснимое, неизреченное, непостижимое — не мне и не тебе только, не пророкам и апостолам, но и высшим Силам, тем чистым, невидимым, бесплотным Силам, которые постоянно пребывают на небе.

3. Итак, когда ты знаешь, что Серафимы летают вокруг высокого и превознесенного Престола, закрывая себе крылами лица, ноги, спину и оглашая небо кликами своего изумления, ты не думай, что у них действительно есть ноги и крылья: они ведь Силы невидимые. Но при посредстве этих образов размышляй о необъятности и непостижимости Седящего на Престоле (ср.: Ис 6, 2–3), потому что Он непостижим и недоступен даже для них, хотя и снисходит к ним; никогда Он не являлся таким, каков Он есть. Ведь Бог не сидит, не пребывает на троне, не занимает какого-нибудь места. Если же даже изображаемого восседающим на Престоле, окруженного Ангелами (все это говорится по снисхождению, потому что Он не сидит), Ангелы не могут видеть Его и, чтобы выносить исходящую от Него молнию, закрывают себе лица крыльями, и только славословят, только поют, воспевают с великим трепетом, вознося таинственную священнодейственную песнь, то не отступишь ли и не скроешься ли ты, желающий с таким безумством простирать твое суетное любопытство на Промышление Бога, могущество Которого неизреченно, невыразимо и непостижимо даже для высших сил? Тайны Его с точностью ведомы только Его Сыну и Святому Духу, и никому другому, и об этом свидетельствует евангелист Иоанн,

а также и апостол Павел. Первый из них, сын грома, особенно возлюбленный Христом, имевший то отличие, что был свидетельством величайшей добродетели и пользовался таким дерзновением, что даже наклонялся на грудь к Нему, так говорит: *Бога не видел никто никогда; причем знание называет видением: Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил* (Ин 1, 18). То же и Сам Христос, объясняя народу еврейскому, говорит: *это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца* (Ин 6, 46). Сосуд же избрания, обращаясь к рассуждению о домостроительстве Божиим и желая высказать и то неизреченное, что он узнал, так говорит: *но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор 2, 7–9). Как же мы узнали это, Павел? Кто открыл, кто объяснил все это, что было невидимо и неслышано и не входило в сердце человека? Скажи и покажи, кто сообщил нам такое знание? А нам, говорит, *Бог открыл это Духом Своим* (1 Кор 2, 10). Потом, дабы не подумал кто, что существует

только то, что Бог открыл нам чрез него, и что он не имеет всего знания, продолжает: *ибо Дух все проникает, и глубины Божию. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия* (ст. 10–11); а это означает: как человек сам знает, что в нем, а также и то, чего желает и что имеет в мысли, знает все с точностью, так и Дух Святой с точностью знает все невыразимое знание Божие. Говоря же: *так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия*, он понимает не людей только, но не исключает из этого точного знания и всех высших тварей. Поэтому и премудрый увещевает так: *чрез меру трудного для тебя не ищи, и, что свыше сил твоих, того не испытывай. Что заповедано тебе, о том размышляй; ибо не нужно тебе, что сокрыто* (Сир 3, 21–22). Сказанное же означает: все, что ты имеешь, это ты познаешь не от самого себя, природа недостаточна тебе для познания всего, но ты получаешь знание свыше, потому что оно гораздо больше, чем может быть воспринято твоим разумом. Как же ты думаешь глубочайшее познать сам собой, когда и то, что знаешь, в большей части превосходит твой разум, и знание это получаешь от других? То же поясняя, Павел сказал: *что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хва-*

лишься, как будто не получил? (1 Кор 4, 7). Перестань же заниматься подобным любопытствием и держись того мудрейшего совета, который гласит: *нельзя сказать: «что это? для чего это?»*, ибо все в свое время откроется (Сир 39, 22).

4. Поэтому именно законодатель (Моисей), после того как все творение уже совершилось и приняло надлежащую красоту и все гармоническое, удивительное и всякого изумления достойное дело было закончено, а между тем многие из неразумных и безумствующих стали делать нарекания на творение, смотри, как он, опровергая их неуместные суждения и сумасбродные голоса, одним словом запретил их бесстыдный язык, говоря: *и увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма* (Быт 1, 31). Между тем среди видимого был не только свет, но и тьма; не только плоды, но и терния; не только плодоносные травы, но и дикие; не только открытые равнины, но также горы, ущелья и пропасти; не только люди, но и ядовитые пресмыкающиеся; не только рыбы, но и киты; не только удобные для плавания моря, но и неудобные для плавания воды; не только солнце, луна и звезды, но и гром и молния; не только приятные ветры, но и бури; не только голуби и певчие птицы, но также соколы, вороны, коршуны и другие плотоядные птицы; не только овцы и волы, но и волки, пантеры

и львы; не только олени, зайцы и газели, но также и скорпионы, ехидны и другие; и среди растений не только растения полезные, но также растения ядовитые, и многие этим стали соблазняться и порождать ереси. Несмотря на это, когда все было создано и получило свойственную себе красоту, Творец, по свидетельству бытописателя, похвалил сотворенное, не только каждое из них, но и все вместе, дабы, зная Его отзыв, никто не был столь дерзким и бесстыдным, чтобы любопытствовать о видимом. Поэтому, говоря, что явился свет, он прибавил: *и увидел Бог свет, что он хорош*; и так после каждого творения. Потом, чтобы не все называть по имени и не удлинять слова, он обо всем отзывается вместе и опять говорит: *и увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма*. Это не значит, что только уже после творения Бог узнал, что все сотворенное хорошо; отнюдь нет. Ведь если и человек-художник раньше произведения своего искусства знает, что все, имеющее произойти от него, будет хорошо, тем более неизреченная мудрость, одной волей произведшая все, раньше произведения знала, что все будет хорошо. Даже она и не произвела бы, если бы не знала этого. Для чего же говорится так? А по той причине, о которой я сказал. Итак, слушая, как говорит тебе пророк, что Бог видел все и похвалил,

не доискивайся другого основания и доказательства красоты этих вещей и не говори: как хорошо? Ведь яснее доказательства, извлекаемого из самого творения, то свидетельство, какое дает о них отзыв и суждение их Творца. Потому (бытописатель) и пользуется этим более сильным выражением. Подобно тому как если кто, желая купить лекарства, а сам будучи неопытен в них, прежде всего старается показать их врачу, чтобы, ясно увидев, что тот похвалил их, уже не добиваться никакого другого свидетельства об их качествах, а услышав, что их видел врач и похвалил, довольствуется отзывом знатока, — так и Моисей, желая устранить всякое бесстыдное любопытство имеющих впоследствии наслаждаться творениями, объявил, говоря, что Бог видел все и похвалил, сказав, что все хорошо, и не просто хорошо, но очень хорошо. Поэтому не любопытствуй, не подвергай сотворенное напрасным рассуждениям, имея такое свидетельство о доброте их; если же не удовлетворишься этим изречением, а захочешь войти в исследование сотворенного, то этим самым не только повергаешь себя в бездну рассуждений и в производящую сильное волнение бурю, но еще более того — подвергнешь себя жестокому кораблекрушению. Да ты и не мог бы найти всех оснований для каждого существующего творения,

а из кажущегося тебе теперь хорошим будешь порицать многое, если будешь пользоваться заблуждающимся разумом. Разум человеческий так слаб, что часто переходит в противоположное, и по вопросу о творении существует столько мнений, прямо противоположных между собой! Так эллины, чрезмерно восторгаясь творением, превзошли в этом отношении меру и считали его божеством. Затем манихеи и другие еретики, из которых одни признавали его не делом доброго Бога, а другие, отделяя одну часть его, приписывали его самобытному веществу и считали его недостойным творчества Божия. Таким образом, как я сказал, если кто будет пользоваться собственным рассуждением и неразумными знаниями, то и из кажущегося хорошим будет порицать многое. Что может быть прекраснее солнца? А между тем это яркое и приятное светило причиняет вред больным глазам, посылает землю, посылая слишком горячие лучи, порождает лихорадку, часто иссушает плод, делает его бесполезным, делает деревья бесплодными и часть вселенной сделало необитаемой для нас. Что же, скажи мне, — можно ли за это порицать солнце? Никак; но заставляя смолкнуть разум с его беспокойством, оснуемся на той скале, именно на изречении, которое гласит: *и увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма*. Поэтому

и то, что я только что перечислил, очень хорошо и полезно, и, как я сказал выше, к этому изречению нужно постоянно возвращаться и говорить: вот все, что сотворил Бог, весьма хорошо. Но разве хорошо жить в роскоши, веселиться, пребывать в удовольствии? Послушай, что говорит Соломон, испытавший все виды роскоши: *лучше ходить в дом плача, <...> нежели ходить в дом пира* (Еккл 7, 2). Но приятна ли ночь (ведь нужно пользоваться словом противников)? Но и она есть покой от трудов, освобождение от забот, удаление страданий, конец страхов и опасностей; она обновляет тело, укрепляет мысль, восстанавливает изможденную плоть. Но болезнь разве не есть зло? А за что же Лазарь получил свой венец? Но бедность? А за что прославлен Иов? Но разные постоянные огорчения? — А чем прославились апостолы? Какой же путь ведет к жизни? Не узкий ли и затруднительный? Итак, не говори: для чего это, к чему это? Но в рассуждении домостроительства и творения Божия соблюдай, о человек, по отношению к сотворившему тебя Богу то же молчание, какое хранит глина по отношению к горшечнику.

5. Итак, что же? Скажут: разве ты не хочешь, чтобы я видел и уверовал, что Бог промышляет обо всем? Очень хочу и прошу, но особенно сильно желаю, чтобы ты не подвергал Промышление

любопытству и не умствовал о нем. Если ты узнал и убедился в этом, не доискивайся ничего; если же колеблешься, то спроси землю, небо, солнце, луну, спроси различные роды бессловесных, земные травы, безгласных рыб, камни, горы, ущелья, пропасти, ночь и день, — потому что Промышление Божие яснее солнца и его лучей. И во всякое время и на всяком месте, в пустыне, и в населенной местности и в необитаемой, и на земле и в море, и везде, куда бы ты ни пошел, увидишь ясные и достаточные следы этого Промышления, как древние, так и новые, и они свидетельствуют об этом более могущественным голосом, чем голос нашего разума, и желающему слушать повествуют о всем Его попечении. Вот почему и пророк, желая показать нам необычайную силу этих голосов, сказал: *не суть речи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи их* (Пс 18, 4). Ведь наш язык понятен только для одинаково говорящих и непонятен для иноязычных; язык же творения понятен для всех народов по всей вселенной.

6. Итак, для благомыслящих людей достаточно и даже более всякого доказательства от дел одного этого отзыва Божия, чтобы не только показать Промышление Божие, но и великую любовь Его к нам. Ведь Он не только промысляет о нас, но и любит безгранично — любовью бес-

страстной, но пламенной и сильной, искренней и неразрушимой, которая никогда не может потухнуть. И Священное Писание, желая показать это, приводит примеры из среды людей, приводит много свидетельств об этой любви, об этом Промыслении и попечении. Оно не хочет даже, чтобы мы только останавливались на этих примерах, но чтобы подвергли их своему разумению, и приводит эти примеры не как достаточные для показания любви, но как наиболее известные для слушателей, такие, которые лучше всего другого могут показать это. Вот, например, обращаясь к плачущему, скорбящему и взывающему: *оставил меня Господь, и Бог Израилев забыл меня!* — пророк говорит: *забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего?* (Ис 49, 14–15), то есть подобно тому как женщина не может забыть своих детей, так и Бог не забывает рода человеческого. Потом, чтобы ты знал, что такой образ пророк привел не для того, чтобы показать такую только степень любви Божией, какая есть у матери к плодам своего чрева, но что он указал на эту любовь как на превосходную степень любви (а любовь Бога еще выше ее), он прибавил: *но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя* (Ис 49, 15). Видишь ли, как Он превзошел самую степень любви матери? И дабы ты знал, что Его

любовь много превосходит и любовь матери и любовь отца к детям, пророк говорит: *якоже щедрит отец сыны, ущедри Господь боящихся Его* (Пс 102, 13). И здесь опять пророк приводит тот же образ любви, потому что знает, что он превосходит все другие. Господь же пророков и всех, объясняя, что попечение Божие много превосходит самую степень такой любви, и что насколько велико различие между светом и тьмой, злобой и добротой, настолько и степень благодати и Промышления Божия превосходит любовь отца, послушай что говорит: *есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф 7, 9–11). Этим Он показывает, что насколько велико различие между злом и добротой, настолько благодать Божия стоит выше попечения отцов. Я привел этот пример для того, чтобы, когда приведу и другие примеры любви, ты не ограничивался пределами смысла, выраженного пророком, но, имея это наставление, шел бы дальше и видел несказанное превосходство Его любви. Он не ограничивается и пределами природы, но, идя дальше их, приводит и другие свидетельства. Так делает любящий: он

хочет доказать свою любовь любимому возможно больше; так делает и Господь, приводя множество всяких сравнений не для того, чтобы ты мог измерить все величие Его благости, но потому, что сила этих сравнений превосходит все другие, известные слушателям. Через Давида Он говорит: *яко по высоте небесней от земли, утвердил есть Господь милость Свою на боявшихся Его* (Пс 102, 11); и: *Елико отстоят востоцы от запад, удалил есть от нас беззакония наша* (ст. 12); а чрез Исаию: *Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших* (Ис 55, 8–9). А это Он сказал после того, как, беседуя об отпущении грехов, говорил: *оставлю многие грехи ваши* (ср.: Ис 55, 7). Затем, показав, как именно много, Он привел и еще пример, и, не довольствуясь и им одним, приводит еще и другой, более резкий образ. У пророка Осии Он говорит: *как поступлю с тобою, Ефрем? как предам тебя, Израиль? Поступлю ли с тобою, как с Адамою, сделаю ли тебе, что Севоиму? Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя!* (Ос 11, 8). Сказанное же означает: Я не допустил и слова угрозы, говорит. Хотя Он рассуждает по-человечески, но ты не должен приписывать Ему что-нибудь человеческое, — отнюдь

нет; но на основании этого резкого выражения ты признавай Его любовь богоподобную, искреннюю и неразрушимую. Как кто-нибудь, любящий кого безумно, не хотел бы оскорбить любимого даже словом, так то же самое говорит и Он: поелику Я сказал это и опечалил тебя словом, *вернулось во Мне сердце Мое*. Потому Он не избегает употребления и самых сильных выражений, чтобы показать Свою любовь, а такова и есть особенность любящего. Но Он не останавливается и здесь, а идет дальше, приводя и другой, еще более сильный пример, говоря: *[как] жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой* (Ис 62, 5), — потому что особенно в начале любовь и бывает горячей, жгучей и сильной. Сказано же так не для того, чтобы ты подразумевал что-нибудь человеческое (о чем не перестану повторять), но чтобы из этого ты увидел теплоту, искренность, силу и пламенность Его любви. Говоря затем, что Он любит как отец и более, чем отец, как мать и более, чем мать, как новобрачный и более, чем новобрачный, и что Он превосходит нежность новобрачного настолько же, насколько небо выше земли и еще более того, насколько восток отстоит от запада и даже более того, — Он не останавливается даже на этих образах, а идет еще дальше, чтобы показать это на еще более сильном примере. Так, ког-

да Иона, после своего бегства и примирения Бога с ниневитянами, видел, что угрозы его не переходили в дело и он мрачно и беспокойно поддался немощи человеческой природы, то Господь повелел солнцу усилить пламя своих лучей, а потом Он же повелел земле произвести для него огромную тыкву, которая могла бы давать тень голове пророка, каковым средством оживил его члены и положил конец его бедствиям, а затем и опять огорчил его, заставив исчезнуть закрывавшее его растение, — когда он видел это и был то доволен, то огорчен, — послушай, что говорит ему Господь: *ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало: Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой* (Ион 4, 10–11); а это означает: не столько тебя услаждала тень растения, сколько Меня обрадовало спасение ниневитян, и гибель растения не столько огорчила тебя, сколько их гибель огорчила бы Меня. Потому погибель их была не по душе Мне. Видишь ли, как и здесь Он идет дальше взятого образа. Он не просто говорит: *ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил*. Так как земледельцы особенно

любят насажденные ими растения, на которые тратят много труда, то, желая показать, что и Он любит людей по образу этой любви, Он прибавил: если ты так скорбишь о деле другого, говорит, тем более Я забочусь о собственном деле, о том, чего Я Сам творец. Потом Он смягчает и самое нечестие ниневитян, говоря, что они не умеют *отличить правой руки от левой*; Он оправдывает их тем, что они грешили более по неведению, чем по злобе, что и показал конец их покаяния. Затем, увещевая и других, которые плачут как будто оставленные, Он говорит так: *вы спрашиваете Меня о будущем сыновей Моих и хотите Мне указывать в деле рук Моих* (Ис 45, 11). Сказанное же означает: напоминает ли кто отцу и увещевает ли его, чтобы он заботился о ребенке? Или художнику и ремесленнику — чтобы он не давал погибнуть своему делу? Если же в отношении людей достаточно самой природы и искусства, чтобы обнаружить попечение, то неужели вы думаете, что Я нуждаюсь в увещании, чтобы заботиться о Моих детях и делах? Сказал же Он это для того, чтобы, не призывая Его, знали, что еще и раньше призвания Бог делает Сам, но вместе желает, чтобы Его и призывали, потому что отсюда бывает великая польза для призывающих. Видишь ли, как яснее и светлее солнца из этих свидетельств просиявает до-

казательство Его неизреченного промысления? Подумай в самом деле: Он привел в пример отца, мать, новобрачного и новобрачную, расстояние неба и земли, апостолов в узах, садовника, трудящегося над своими растениями, домостроителя в отношении к своим сооружениям, выставил любящего человека, опасавшегося, как бы и словом не огорчить любимого, и все это приведено для того, чтобы показать, что благодать Божия настолько же выше всего этого, насколько благо выше зла.

7. Итак, для людей благомыслящих, как я сказал, довольно и этого; но так как есть люди упорные, противящиеся, неверующие и преданные плоти, то мы покажем Промысление Божие, насколько возможно для нас, из самих дел Его. Все Промысление и даже большую часть его показать было бы нелегко: так оно бесконечно и неизреченно, проявляется в малом и великом, в видимом и невидимом. Поэтому мы приведем свидетельства только из видимого. Это чудесное творение Он создал не для кого другого, как для тебя; творение, столь прекрасное и великое, столь разнообразное и многообразное, столь богатое, пригодное и во всех отношениях полезное и для питания, и для поддержания тела, и для любомудрия души, и для приведения к познанию Бога, — все это Он сделал для тебя.

Ведь Ангелы не нуждаются в этом, потому что они существовали уже раньше сотворения мира. Что они действительно гораздо старше мира, — послушай, что Бог говорит Иову: *егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси ангели Мои*¹ (Иов 38, 7), то есть восхвалили пораженные красотой и пользой, разнообразием, блеском, светлостью, согласием и всем другим, что они знают лучше нас. И Он украсил мир не звездами только, а украсил и солнцем и луной, чтобы во всякое время доставлять тебе великое удовольствие и великую пользу от обоих.

В самом деле, что может быть красивее неба, то освещаемого солнцем и луной, то как бы зрачками глаз озирающего землю бесчисленным множеством звезд и дающего мореплавателям и путешественникам путеводителей и руководителей? Когда бушуют волны и разъяренные валы устремляются на корабль, когда ветер яростно дует и наступает мрачная и безлунная ночь, тогда мореплаватель, рассекая море и сидя на корме, доверяет себя руководительству неба, и находящаяся на высоте звезда, несмотря на разделяющее ее расстояние, кажется как бы недалеко, руководит его с точностью и при-

¹ Этот стих в синодальном переводе имеет другой смысл: *при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?*

водит к пристани, не подавая голоса, но самым видом показывая ему путь и давая возможность ему рассекать море, с точностью показывает время, чтобы он то удерживал корабль в пристани, то с уверенностью пускался в недра волн и по незнанию будущего не подвергался неразумно буре и кораблекрушению. Звезды не только измеряют для нас годы и указывают признаки времен, но с великой точностью обозначают час и движение всякой ночи, показывают, прошла ли она или не достигла и половины своего течения и, наоборот, что полезно не только мореплавателям, но и вообще путешественникам, чтобы они не пускались в путь ночью в неблагоприятное время или чтобы не продолжали сидеть дома в благоприятное время. Наблюдения над звездами и течением луны с точностью показывают это. Как солнце устанавливает часы дня, так луна устанавливает часы ночи, доставляя много и другой пользы, давая воздуху благотворное течение, производя росу, полезную для семян, и вообще принося много пользы в жизни людей. Занимая середину между хором звезд и солнечным блеском, она меньше солнца, зато гораздо больше и красивее звезд. Немало вообще удовольствия и пользы для зрителей истекает и из самого разнообразия, так что мы получаем великую пользу и от времен, и от часов, от меры,

от великого и малого, от всего разнообразия не-
сказанного. Одно меньше, другое больше и свет-
лее, и все они являются в различные времена. Поистине несравнимая премудрость Божия по-
всюду показывает в своих делах великое разно-
образие, давая доказательство своего чудесно-
го могущества, а вместе с тем заботясь о пользе
зрителей, доставляя великую и неизреченную
пользу, а вместе с тем и удовольствие. Ведь что
может быть приятнее неба, то как бы раскинуто-
го над головой чистого и прозрачного полотна,
то как многоцветного луга, блистающего венком
своим? Но не так приятно видеть луг днем, как
приятно видеть ночью небо, украшенное мно-
гочисленными цветами звезд, цветами никогда
не вянущими, всегда показывающими свою кра-
соту. А что может быть приятнее, когда по про-
шествии уже ночи, хотя солнце еще и не встало,
небо покрывается пурпурной завесой и зарумя-
нивается при появлении солнца?

Что может быть красивее вида самого солнца,
когда оно, прогоняя зарю, в малый промежуток
времени озаряет всю землю, все море, все горы,
долины, холмы, все небо снопами лучей, когда
оно, снимая ночное покрывало с видимого, все
обнажает пред нашими глазами? Кто мог бы до-
статочно выразить восторг при виде его движе-
ний, порядка, неизменного и ненарушимого слу-

жения в продолжение стольких лет, постоянно цветущей красоты его, блеска и яркости, чистоты, соприкасающейся со столькими телами и никогда не оскверняющейся? При этом оно в высшей степени полезно семенам, растениям, людям, четвероногим, рыбам, птицам, камням, травам, земле, морю, воздуху — одним словом, всему видимому. Все нуждается в нем и получает пользу, и от его влияния становятся лучше не только растения и тела, но и воды, и озера, и источники, и реки, и самая природа воздуха становится легче, чище и прозрачнее. Поэтому и псалмопевец, желая показать его красоту, его постоянную ясность, неумаляющуюся прелесть, никогда не вянувший цвет, все величие его благообразия, непрестанное служение, сказал так: *в солнце положи селение Свое* (Пс 18, 5), то есть в самых небесах. Называя его селением Божиим, он прибавляет: *и Той, яко Жених исходяй от чертога Своего*. Потом, разъясняя пользу его служения, он прибавил: *возрадуется, яко Исполн тещи путь*. Затем, указывая на его достаточность и пользу для всей вселенной, говорит: *От края небесе исход Его, и сретение Его до края небесе*. Затем, показывая его пригодность и полезность для всех, прибавляет: *и несть иже укроется теплоты Его* (ст. 6–7). Можно бы, если бы ты не устал, показать Промышление Божие и от других вещей:

от облаков, от времен года, от солнцестояния, от ветров, от моря, от различных пород в нем, от земли и живущих на ней четвероногих, пресмыкающихся, птиц воздушных и покоящихся на земле, от амфибий, живущих в озерах, источниках и реках, от обитаемой вселенной и от необитаемых стран, от произрастающих семян, деревьев, трав, произрастающих в пустынях и не в пустынях, произрастающих в равнинах и долинах, на горах и на холмах, от произрастающих самопроизвольно и от произрастающих вследствие труда и земледелия, от животных, кротких и некротких, диких и ручных, малых или великих, от птиц, четвероногих, рыб, растений и трав, являющихся зимой, летом или осенью, от явлений дня или ночи, от дождей, от течения года, от смерти, от жизни, от наложенного на нас труда, от скорби, от радости, от даваемых нам яств и питий, от ремесел, от искусств, от деревьев, от камней, от содержащих в себе металлы гор, от пригодного для плавания моря и от непригодного для того, от островов, от пристаней, от рек, от поверхности моря, от глубины вод, от природы и стихий, из которых состоит наш мир, от распределения времен, от различной продолжительности дня и ночи, от болезни и здоровья наших членов, от состояния души, от искусства и мудрости, проявляющихся

в человеческом роде, от пользы служащих нам бессловесных растений и других тварей, от самомалейших и самых ничтожных животных. Что может быть меньше и безобразнее пчелы? Что негоднее муравья и стрекозы? А между тем и эти насекомые громогласно свидетельствуют о промыслении, силе и премудрости Божией. Поэтому и пророк, столь сподобившийся Святого Духа, обозревая дела творения и называя лишь некоторые из них, с великим восторгом выразил удивление к ним, восклицая: *яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси!* (Пс 103, 24).

И все это, человек, для тебя. И ветры для тебя (скажем опять, возвращаясь к началу своего рассуждения), чтобы освежать истомленное трудом тело, чтобы прогонять грязь и пыль и избавлять от неприятности, причиняемой дымом, печами и всякими нездоровыми испарениями, умерять теплоту лучей солнца, делать более легким зной, питать семена, давать прозябание растениям, чтобы сопутствовать тебе на море и служить на земле, там быстрее стрел устремляя корабли и делая таким образом плавание легким и быстрым, а здесь помогая тебе очищать воздух, отделять мякину от зерна и облегчать твой тяжелый труд; чтобы делать для тебя воздух приятным и легким, чтобы различным образом увеселять тебя,

550
☞

то производя слабое и приятное журчание, то слегка волнуя травы, приводя в движение листву деревьев; чтобы весной и летом доставлять тебе сон приятнее и сладче самого меда, чтобы как бывает с деревьями, так то же производить и на морях и на реках и, поднимая волны в воздухе, доставлять тебе и прекрасное зрелище, и великую пользу. Они полезны также и для вод, не давая им гнить от застоя, но постоянно двигая, возбуждая и волнуя их, оживляя и делая их более пригодными для пищи обитающих в них животных. Если бы ты захотел полюбопытствовать касательно ночи, то увидишь и здесь великое Промышление Творца. Она успокаивает твое утружденное тело, восстанавливает твои изможденные ежедневным трудом члены, своим возвращением оживляет их, своим покоем дает им новую жизненность; и не это только, но освобождает тебя от повседневных скорбей, освобождает от безвременных забот; часто она ослабляет горячку болящего, дает сон вместо лекарства, направляет искусство врачей к благоприятной цели и освобождает от многих трудов. Такова ее пригодность, такова ее полезность, так что часто самый день оказывается потерянным для тех, которые лишены были покоя в течение ее. Если бы кто мысленно устранил это спокойствие, этот покой, это отдохновение во время ночи, ко-

торое оживляет все — и истомленную душу и изможденное тело, дает нам возможность приниматься за дневные труды в лучшем настроении, то увидел бы, что станет бесполезной и самая жизнь. Если бы кто и в течение ночи, как и в течение дня, стал бодрствовать и трудиться или даже ничего не делать, и это в продолжение значительного времени, то он скоро умрет; а если и не умрет, то, подвергаясь продолжительной болезни, ничем не воспользуется для себя от собственной деятельности вследствие полного истощения сил.

Если бы мы распространили наше рассуждение и на бесчисленное множество рыб, живущих в прудах, в источниках, в морях, удобных или неудобных для плаванья, или на бесконечные породы птиц, которые летают в воздухе, держатся на земле, живут одинаково и на земле и в воде, — ведь между ними некоторые ведут такую именно двойкую жизнь, — которые ручны или дики, которые дики по своей натуре, но способны или неспособны делаться ручными, съедобны или несъедобны, и рассмотрели бы красоту перьев и певучий голос каждой, если бы исследовали некоторые различия, представляемые ими нам в отношении пения, пищи, рода жизни, привычек и нравов; если бы обозрели всю пользу, которую мы извлекаем из

них, все оказываемые нам ими услуги, если бы поговорили о их величии или малости, о муках их рождения, о всем великом и бесконечном, находимом в них разнообразии; если бы вошли в подробности касательно рыб, если бы отсюда перешли к растениям, произрастающим по всей земле, и к приносимым каждым из них плодам, если бы исследовали их употребление, их благовоние, расположение листьев, цвет, форму, великость или малость, их пользу, способы проявления ими своих качеств, различие в их коре, в их стволах, в их ветвях; если бы рассмотрели луга и сады, если бы, наконец, поговорили обо всех производящих их местах и способе нахождения, уходе и возделывании и о том, как служат они нам лекарствами, — и после всего этого если бы опять обратились к горам, столь многочисленным и столь богатым металлами, и обратили свое исследование на все другие предметы, еще более многочисленные, чем какие видим в природе, то какое рассуждение или сколько времени было бы достаточно для подробного исследования всего этого! И все это, человек, для тебя: и искусство для тебя, и ремесла, города и селения, и сон для тебя, и смерть и жизнь для тебя, и столь многочисленные явления природы, и не только теперешний мир для тебя, но и еще лучший для тебя. А что есть лучший мир и он так-

же для тебя, послушай, что говорит Павел: *что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению* (Рим 8, 21), то есть от тленного бытия. Каким же образом для тебя предназначена и эта честь, поясняя это, он прибавил: *в свободу славы детей Божиих*. Если бы не слишком длинным и не чрез меру большим вышло мое слово, то я много бы пофилософствовал о смерти и в ней вполне показал бы премудрость и Промышление Божие, много сказал бы об этом тлении, об этом гниении, об этих червях, об этом могильном пепле, которые наиболее вызывают жалоб и скорбей у большинства людей; из того, что наши тела разрушаются в прах и пыль и делаются добычей червей, и отсюда я показал бы неизреченное Божие Промышление и попечение. Ведь от этого именно Промышления, от этой благодати, которая создала все несуществовавшее, от нее именно вышел и закон, повелевающий умирать и иметь такую кончину. Хотя это и различные вещи, однако все происходят от одной и той же благодати. И отходящий отсюда не получает вреда, и живущий получает величайшее благо, пожиная пользу в другом теле. Когда человек видит, как тот, который вчера или завчера ходил рядом с тобой, теперь сделался добычей червей и разрушается в прах, в пыль и в пепел, то хотя бы он имел гордость диавола,

он будет страшиться и трепетать, сделается более степенным, научится любомудрствовать и впустит в свою душу смирение, эту мать всех благ. Таким образом, ни отходящий не терпит никакого вреда, потому что он, совлекая с себя это тело, получит тело нетленное и бессмертное, ни находящийся еще в жизни от этого ничего не теряет, а напротив, приобретает величайшую пользу. Не случайным учителем любомудрия вошла смерть в нашу жизнь, воспитывая ум, укрощая страсти души, утишая волны и водворяя тишину. Итак, зная и из сказанного и из многого другого, что Промышление Божие просиявает яснее света, не любопытствуй понапрасну, не предавайся тщетной попытке исследовать причины всего. Самое наше бытие Он даровал нам по Своей благодати, не имея нужды в нашем служении. И нужно благоговеть пред Ним и преклоняться не только потому, что Он сотворил нас или даровал нам душу бестелесную и разумную, и не потому, что создал нас лучшими всех других, и не потому, что дал нам господство и предоставил власть над всем видимым, но потому, что Сам Он нисколько не нуждается в нас. Чудесность Его благодати в том и заключается, что все это Он сделал, нисколько не нуждаясь в нашем служении; прежде чем явились мы, и Ангелы, и высшие Силы, Он имел уже собственную

славу и блаженство и сотворил нас по одному
Своему человеколюбию, и не только все создал
для нас, но еще и больше того.

8. Для этого же Он дал нам и писанные законы, посылал пророков, творил чудеса, и раньше всего этого, создавая человека, Он дал ему особого учителя — врожденный закон, как бы кормчего для корабля, как всадника для коня, поставив его над нашим разумом. Поэтому уже Авель знал его, хотя письма еще не существовали, не было ни пророков, ни апостолов, ни писаного закона, а был только закон прирожденный. То же и Каин, и он также знал этот закон, и оба они знали его, признавали его господство. Хотя не оба они шли одним и тем же путем, но один путем зла, а другой путем добродетели, однако и тогда Бог не оставил Каина, хотел поднять его от падения и давал возможность наслаждаться попечением, сначала увещевая его и давая ему советы, а потом поучая и назидая его страхом и опасениями. Хотя многие люди отвергали столь великое благодеяние, то есть это естественное познание, имеющее столь большую пользу для нас, однако и тогда Бог не оставлял их, не предавал их гибели, но продолжал назидать и увещевать их посредством дел, посредством благодеяний, посредством наказаний, посредством всего творения, ежедневно совершающего свое

дело, исполняющего обычные задачи, посредством необычайных и непредвиденных событий, посредством праведников, живших вначале. Людей достойнейших и исполненных любомудрия Он с этой целью переводил с места на место. Так, Аврааму Он велел переселяться то в Палестину, то в Египет, а Иакову в Сирию; Моисею опять в Египет, трем отрокам в Вавилон, равно как Даниилу и Иезекиилю, а Иеремии в Египет. Потом Он даровал закон, посылал пророков; Он поражал и опять воздвигал Свой народ, отдавал его в рабство и освобождал его и от начала до конца все делал и совершал для нашего рода. Не ограничиваясь назиданием нас посредством одного голоса природы, так как многие люди, увлекаемые общим безумием, не получали отсюда никакого плода, Он приступал к новым способам вразумления и наконец, чтобы завершить Свои блага, послал Сына Своего, Сына истинного, Единородного, и Он, будучи одной с Ним природы, становится подобным мне, ходил по земле, вращался среди людей, ел и пил, обходил землю, поучая, назидая, вразумляя, творя чудеса, для них пророчествовал, их увещевал, им преподавал советы, за них страдал, за них терпел, за них подвергался нареканиям, за них был предан. Одно Он представлял им уже и здесь, а другое отложил для будущего. Но Его обетования были

верны и подтверждались сотворенными Им чудесами, когда Он был еще на земле, и исполнением всех предсказаний. *Кто возглаголет силы Господни? Слышаны сотворит вся хвалы Его?* (Пс 105, 2). Кто не пришел бы в восторг, кто не поражен бы был неизреченностью Его попечения при мысли о том, как из-за неблагодарных рабов Он предал смерти Своего Единородного Сына, смерти ужасной, позорной, свойственной самым дерзким разбойникам, смерти неправедных? Ведь Он был пригвожден ко кресту, подвергался оплеванию и заушениям, Его били по щеке и издевались над Ним, и вместо благодарности за Его благодеяние Он был погребен и гроб его запечатан; и все это Он потерпел для тебя, ради попечения о тебе, дабы уничтожить тиранию греха, дабы разрушить твердыню диавола, порвать узы смерти, открыть нам врата неба, освободить от тяготевшего на тебе проклятия, отменить первородное осуждение, научить терпению и воспитать в силе, дабы ничто не огорчало тебя в настоящей жизни — ни оскорбления, ни обиды, ни позор, ни бичи, ни нарекания врагов, ни невзгоды, ни нападения, ни клеветы, ни злые подозрения и ничто другое подобное. Для этого Он и Сам претерпел все это, испытал вместе с тобой, и над всем этим Он восторжествовал, поучая и тебя не бояться ничего подобного. Но

не довольствуясь и этим, Он, отошедши на небеса, дал тебе неизреченный дар Святого Духа и послал апостолов распространять Свое учение. И видя, как эти проповедники жизни переносили тысячи зол, подвергались бичеванию и оскорблениям, были потопляемы, терпели голод и жажду, ежедневно находились в опасности, ежедневно подвергались смерти, Он все это сносил для тебя, из любви к тебе. Для тебя, человек, Он приготовил и Царство, для тебя назначил неизреченное благо, это наследие на небесах, эти различные и многообразные дары, это блаженство, которого нельзя изъяснить никаким словом. Имея столько доказательств Промышления Божия, доказательств в Ветхом и в Новом Завете, доказательств в настоящей жизни и в будущей, доказательств, которые уже есть, которые будут, которые доставляет нам каждый из переживаемых дней, доказательств с самого начала творения, доказательств в середине и в конце, доказательств постоянных, доказательств со стороны тела, со стороны души, — видя целые облака отовсюду доставляемых свидетельств, возвещающих о Его Промышлении, — неужели ты еще сомневаешься? Нет, ты не сомневаешься; ты веришь в Промышление, ты убежден в его существовании. Итак, не любопытствуй более, ясно видя, что имеешь Господа, Который

любвеобильнее отцов, попечительнее матерей, более исполнен любви, чем новобрачный и новобрачная, радуется твоему спасению и радуется даже более, чем как радовался бы ты, избавившись от опасности смерти (как и показал чрез Иону), и видя все эти доказательства любви, какую только отец может иметь к детям или мать к своим чадам, садовник к растениям, домостроитель к своему искусству, новобрачный к новобрачной, юноша к девице, желая удалить от тебя всякое зло, насколько восток удален от запада, насколько небо выше земли (что и показали мы), и не только это, но и гораздо больше того, — как мы и показали, касаясь словом всего и приводя различные примеры не только из понятных образов, но и из превосходящих самое разумение. Поистине необъяснимо Промышление Божие, непостижимо Его попечение, неизреченна Его благодать и невообразимо Его человеколюбие.

Итак, видя все это, из того ли, что Он возвестил, из того ли, что сделал и что сделает, не любопытствуй и не испытывай, не говори: для чего это? Это было бы неразумно и свидетельствовало бы о крайнем безумии и глупости, так как ведь никогда не спрашивают врача, зачем он режет, прижигает, дает нам горькое лекарство, хотя бы он был просто раб, — и больной, даже будучи его

560
☞

господином, молча переносит все свои боли, даже благодарит его за это прижигание, за это лекарство, и хотя не знает, что может выйти отсюда (а многие врачи, делая это, убивали многих), однако повинуется ему во всем с полной покорностью. То же самое и в отношении мореплавателей, домостроителей и всех занимающихся другими ремеслами. Поэтому, говорю я, было бы смешно и подумать, чтобы человек незнающий и неопытный стал доискиваться причины всяких явлений у Художника, подвергая своему любопытству несказанную мудрость Его, мудрость неизреченную, невыразимую, непостижимую, и доискиваться, для чего существует то-то и то-то, особенно вполне зная, что мудрость Его непогрешима, что благость Его велика, что Промышление неизреченно, что все существующее направляется Им к нашей пользе, только бы мы со своей стороны содействовали Промышлению, потому что Он никого не хочет погубить, но спасти. Таким образом, не будет ли крайним безумием с самого начала и немедленно подвергать любопытству дела Того, Который хочет и желает всех спасти, не ожидая даже окончания того, что совершается?

9. Лучше всего было бы не любопытствовать ни сначала, ни после; если же ты слишком любопытен и нетерпелив, то подожди хоть конца и

посмотри, к чему все это направляется, а прежде всего не бойся и не волнуйся. Как не знакомый с делом, увидев, что золотых дел мастер сначала расплавляет золото и затем мешает его с пеплом и пылью, не ожидая конца, подумает, что он погубил золото; или человек, родившийся и воспитавшийся на море, будучи сразу перенесен на середину земли, никогда не слышав ранее о том, как обрабатывают ее, вдруг увидел бы, как хлеб, обыкновенно хранимый в житнице, охраняемый дверями и запорами, предохраняемый против сырости, теперь сам владелец всего этого хлеба рассеивает и разбрасывает его по равнине, отдает на поправление всем, кто проходит по его полю, и не только не охраняет против сырости, но даже бросает его в грязь и сырость, не приставляет к нему и сторожей, — не подумал ли бы он, что хлеб этот погублен, и не стал ли бы он порицать земледельца, действующего таким образом? Между тем это осуждение выходило бы не из сущности дела, а из неопытности и непонимания человека, который слишком скоро произносит свой суд. Пусть он подождет лета, когда явится роскошная жатва, наточены будут серпы, когда окажется, что хлеб, разбросанный там и сям, оставленный без охраны, предоставленный тлению и гниению, повергнутый в грязь, вырос, умножился, сделался еще прекраснее,

сбросил с себя ветхость, украсился большей силой, имея как бы копьеносцев и ополчение, поднимает вверх голову, увеселяет зрителя и доставляет большую пользу, — и тогда он чрезвычайно удивится тому, что после таких превратностей плод получил такое благообразие и такую красоту! Поэтому и ты, человек, не подвергай своему любопытству общего для всех нас Господа; если же ты настолько любопытен и дерзок, чтобы предаваться даже такому безумству, то по крайней мере подожди окончания. Ведь если земледелец ожидает в течение всей зимы, взирая не на то, чему подвергается хлеб во время холода, а на то, чем ему предстоит наслаждаться в будущем, то тем более и Тот, Кто обрабатывает всю вселенную и заботится о наших душах, достоин того, чтобы ты подождал конца; конец же я разумею не только в настоящей жизни (часто бывает и здесь), но и в будущей. Конец обеих этих жизней направляется к одному и тому же домостроительству, именно к нашему спасению и прославлению. Если по времени они и разъединены, то по цели совпадают между собой; и подобно тому как в течение года бывает зима и лето, но оба эти времени сводятся к одному и тому же, именно к созреванию плодов, так то же применимо и к нашим делам. Поэтому, когда ты видишь, что Церковь рассея-

на и до крайности страдает, что светильники ее подвергаются гонению и бичеванию, настоятели ее сосланы далеко, то не смотри на это только, но и на то, что выйдет отсюда, — на венцы, награды, возмездия, предоставляемые победителям: *претерпевший же до конца спасется* (Мф 10, 22), говорит Писание. В Ветхом Завете, когда еще неизвестно было учение о воскресении, то и другое совершалось в настоящей жизни; при Новом же Завете не всегда так, но бывает здесь скорбь, а блаженства нужно ожидать в будущей жизни. Хотя блага выпадали (иудеям) и в настоящей жизни, но они были бы гораздо более достойны удивления, если бы не наслаждались ими, потому что, не зная еще ясно учения о воскресении и видя, что все идет вопреки обетованиям Божиим, они не смущались, не боялись и не беспокоились, а предавались Его непостижимому Промыслению, нисколько не соблазняясь тем, что все совершается наоборот, но, зная всю безграничность и неисощимость Его премудрости, ожидали бы конца, а еще лучше, если бы и раньше конца с благодарностью переносили все случающееся с ними и не переставали славословить Бога, посылающего страдания. Быть может, рассуждение это покажется вам неясным, поэтому я попытаюсь сделать его яснее.

10. Когда Авраам сделался уже стар и вследствие преклонного возраста омертвел для чадорождения, так как для того, чтобы сделаться отцом, жизненных сил у него оставалось не больше, как у умершего, — когда этот праведник состарился, и очень состарился, далеко за пределы естественного чадорождения, притом и сожительницей имея Сарру, более бесплодную, чем камень, Бог обетовал ему, что он будет отцом стольких потомков, что своим множеством они превзойдут самое множество звезд. К этому было много препятствий, потому что патриарх достиг уже последнего предела своего возраста, а его жена была вдвойне бесплодной и по своему возрасту, и по природе; она была бесплодной не по старости только, а и по самой природе, потому что и будучи молодой она была бесполезным орудием природы; вообще эта женщина была бесплодной. Поэтому Павел, указывая на это обстоятельство, сказал: *и утроба Саррина в омертвлении* (Рим 4, 19). Не просто сказал — *омертвление* Сарры, чтобы не подразумевать только возраста, но *утроба* ее *в омертвлении*, сделавшемся не от времени только, но от самой природы. Несмотря, как я сказал, на столько великих препятствий и зная, что это есть обетование Божие, как оно богато источниками и средствами, как оно не останавливается пред препятствиями ни в законах при-

роды, ни в трудности самого дела, ни в чем-либо другом, а идет вопреки всему, приводя обетованное в исполнение, (Авраам) принял сказанное, поверил обетованию и, всецело изгнав опасение из разума, счел все это достоверным, думая, как это и действительно, что у Бога достаточно могущества, чтобы сдержать Свое слово, и не доискивался, как и каким образом все будет, для чего все это случилось не в молодости, а в старости и вообще так поздно. Поэтому и Павел прославляет его, радостным голосом говоря: *он, сверх надежды, поверил с надеждою, через что сделался отцом многих народов* (Рим 4, 18). Что такое: *сверх надежды, поверил с надеждою*? Вопреки упованию человеческому — во упование Божие, все побеждающее, все могущее, все совершающее. И он поверил не только тому, что будет отцом, но и отцом многих народов, и это он — старец, бездетный? имевший жену бесплодную и состарившуюся, — как сказано ему: *«так многочисленно будет семя твое»*. И, не изнемогиши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвлении; не поколебался в обетовании Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное (Рим 4, 18–21). Изречение же это означает: тотчас

ободрившись и отбросив от себя немощь человеческую, всецело полагаясь на обещавшего, принимая во внимание Его неизреченную силу, он убедился вполне, что все сказанное будет. И он особенно прославляет Бога не тем, что любопытствовал или добивался познаний, но тем, что смирился пред непостижимостью Его премудрости и силы и нисколько не сомневался в сказанном. Видишь ли, что особенно славить Бога значит всегда преклоняться пред непостижимостью Его Промышления и пред неизреченною силою Его премудрости, а не любопытствовать, не доискиваться и не совопросничать: для чего это, к чему это, как это будет? Удивительно же не это одно, а то, что и получив повеление принести в жертву сына своего едиnorodного и истинного, после такого обетования, он не смутился тогда, хотя было много причин, которые могли бы смутить человека невнимательного и не бодрствующего. И прежде всего могло бы смутить самое повеление: неужели Бог принимает такие жертвы, неужели повелевает отцам быть детоубийцами, разрушать жизнь насильственной кончиной, предавать детей безвременной смерти, собственноручно убивать рожденных от себя, — неужели Он хочет осквернять Свой жертвенник пролитием такой крови, вооружая десницу отца против едиnorodного сына,

делать праведника свирепым убийцей? Кроме того, не могла не волновать и не устрашать и сама природа, не потому только, что он был отец, но и потому, что он был отец любящий, был отец сына истинного и едиnorodного, который был красив видом и хорош умом. Притом (сын его) находился и в таком возрасте, и в таком расцвете добродетели, что вдвойне сиял и благообразием души и благообразием тела. Любовь у него к сыну была немалая, и именно потому, что он получил его вопреки всякой надежде. Вы знаете, как любезны те дети, которые являются вопреки надеждам и ожиданиям, а не по закону природы, — а таков и был (Исаак). Но помимо всего этого, что особенно могло причинять соблазн, так это было самое обетование и обещание: приказание стояло в полном противоречии с ним. Обещание было таково: *столько будет у тебя потомков, сколько звезд на небе* (ср.: Быт 15, 5). Повеление же состояло в том, чтобы сына едиnorodного, от которого должна была наполниться вся вселенная, он взял из среды людей и предал смерти и жесточайшему закланию. Но и это не смутило праведника, и этого не убоялся он, и это нисколько не причинило ему страдания, как оно причинило бы страдание всякому неразумному и пресмыкающемуся. Он не сказал самому себе: что это? Неужели я обманут, неужели обольщен?

Неужели это повеление Божие? Нет, не поверю; мне постыдно сделаться детоубийцей и этой кровью осквернить мою десницу; как же исполнится обетование, и если я вырву корень, откуда же явятся ветви и откуда плоды? Если иссушить источник, откуда потекут реки? Если я убью сына, откуда явится множество потомков, превосходящих множество звезд? Как Он обещал одно и теперь повелевает противоположное? Он ничего не сказал подобного и не подумал даже; но опять, полагаясь на всемогущество Того, Кто дал ему это обетование, на бесконечное могущество, которое, столь богатое средствами и способами устранять все препятствия, стоит выше всех законов природы и сильнее всего существующего, не встречает ничего такого, что бы могло противиться ему, — он исполнил бы повеление и с великой уверенностью заклал бы своего сына, обагрил бы свою десницу, окровавил бы свой нож и опустил бы меч на шею сына, да он и исполнил все это — если не на деле, то в мысли. Поэтому и Моисей, удивляясь ему, говорит: *и было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: <...> возьми сына твоего, <...> которого ты любишь, Исаака; и <...> принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе* (Быт 22, 1–2). Это ли слова обещания, слова обетования, говорящие, что он

будет отцом множества потомков и семя его будет, как звезды небесные? Видишь, как после таких слов, услышав, что должно принести в жертву своего сына, он взял его — того, от которого должен был получить множество потомков, чтобы именно умертвить и принести его в жертву, удалить из среды людей, вознести на алтарь Богу. Поэтому и Павел, удивляясь ему, так опять увенчал и прославлял его, говоря: *верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака*; и затем, показав, какое именно он совершил дело и какую обнаружил веру, продолжает: *и, имея обетование, принес единокровного* (Евр 11, 17). А это означает: нельзя сказать, что у Авраама было два родных сына и что по принесении в жертву одного он мог надеяться, что будет отцом множества народов от другого; но у него был только один сын, и к этому одному относилось обетование; и хотя этого именно он и должен был принести в жертву, однако, как при обетовании о его рождении вере его не воспрепятствовало ни собственное омертвление, ни природное бесплодие его жены, так и здесь он не смущен был смертью (сына). Сравни же все это с совершающимся теперь и увидишь свое малодушие, увидишь суетность соблазняющихся, и тебе будет ясно, что этот соблазн происходит в тебе не от чего-либо другого, как от того, что ты не преклоняешься

пред неизъяснимым Промышлением Божиим, а стараешься во всем доискиваться способа Его домостроительства, добиваешься причины всего совершающегося и во все хочешь проникнуть своим любопытством. Если бы все это допустил Авраам, то он поколебался бы в вере. Но он не допустил, поэтому и прославился и получил обещанное: он не смутился ни старостью, ни следовавшим затем повелением. Он не думал, что это повеление может послужить препятствием обетованию или что эта жертва разрушит обетование, и не впадал в отчаяние касательно обетования, хотя уже и достигши самого предела земной жизни. Не говори мне, что Бог знал, что повеление это не будет приведено в исполнение и что десница праведника не обAGRится кровью, но смотри на то, что праведник не знал ничего об этом, ничего о том, что он получит своего сына обратно и таким образом возвратится с ним домой, так как, напротив, все его мысли были заняты принесением его в жертву. Поэтому и дважды призывается он с неба. Бог не просто сказал ему: Аврааме, но дважды: *Авраам! Авраам*, таким призыванием возбуждая и укрепляя в нем склонность к приказываемому жертвоприношению: так безусловно было это повеление. Видишь, как все в его мысли было исполнено, и не было никакого соблазна. Причина же этого

заключается в том, что он своим любопытством не проникал в дело Божие. А что Иосиф? Скажи мне, — разве он не веровал так же? Ведь и ему дано было от Бога великое обетование, а в действительности опять случилось все вопреки этому обетованию. В сновидениях ему дано было обетование, что братья будут поклоняться ему, и это возвещено было двояким образом, — сначала при посредстве светил, а затем при посредстве снопов. Все же происшедшее после этих видений было вопреки видениям. Прежде всего, против него под отеческим кровом началась жестокая вражда, и его братья, порывая с ним всякую связь, разрушая законы родства и разрывая узы братского расположения, наконец, уничтожая самые веления природы, сделались вследствие этих видений врагами и неприятелями ему, даже злее врагов по отношению к своему брату, и как дикие и свирепые звери, имея среди себя агнца, ежедневно злоумышляли против него. Матерью же этой вражды была неразумная зависть и несправедливая ревность: пылая гневом, они ежедневно замышляли убийство, а зависть разжигала в них как бы огненную печь, из которой вырывалось пламя. Но так как они не могли причинить ему никакого вреда, пока он находился и жил со своими родителями, то они чернили его поведение, распространяли о нем постыдную

молву, возводили злые обвинения, желая подорвать этим любовь к нему отца и сделать его восприимчивым к навету. Потом, встретив его вдали от отцовского глаза, увидев его в пустыне, куда он принес им пищу и пришел повидаться с ними, они не устыдились повода его прибытия, не устыдились и братской трапезы, но наточили против него ножи и задумали погубить его; все сделались братоубийцами, хотя ровно ничего не могли выставить против обреченного ими на погибель; за то именно, за что следовало бы увенчать и прославлять его, они относились к нему с завистью, враждой и клеветой. Он не только не удалился от общения с ними, но и при такой их злобе обнаружил братскую любовь; а они порешили уничтожить его и, насколько от них зависело, убили его, обагрили свои руки и совершили братоубийство. Но бесконечная премудрость Божия, все благоустраивающая и в неблагоустроенном, в самой бедственности и даже в самих вратах смерти исхитила его из их злодейских рук. Один именно из братьев посоветовал им воздержаться от такого гнусного убийства, а это, конечно, внушил ему Бог и тем воспрепятствовал убийству. Но ужасное дело не остановилось здесь, а продолжалось дальше. Хотя братья и встретили препятствие к умерщвлению его, однако дух их еще пылал гневом, ярость буше-

вала в них, велико было пламя их страсти, и оно перешло в другую форму гнева. Сняв с него одежды и связав его, они бросили его в яму — эти жестокие, бесчеловечные люди, и затем стали наслаждаться принесенной им пищей: сам он, находясь в яме, трепетал за свою жизнь, они же упитывались и упивались.

Но безумие их не остановилось и здесь: увидев варварских людей, которые из обитаемой ими страны направлялись в Египет, они продали им своего брата, подготавливая ему этим другую смерть, еще более продолжительную и жестокую, исполненную всякой бедственности. Будучи еще юношей нежным, воспитанным в отцовском доме с великой свободой, совсем не знакомый с рабством и связанной с рабством бедственностью, — подумай только, что он тогда выстрадал, сразу сделавшись рабом вместо свободного, чужеземцем вместо гражданина и повергаясь в ужасный плен. Не только он был повергнут в рабство, но и лишен отца и матери и всего ему принадлежащего; нагой, увиденный в чужую землю, бездомный и не имея своего города, он подвергнут был закону рабства в варварских руках. Разве недостаточно было всего этого для того, чтобы повергнуть его в страх? Разве легко было сносить внезапность, неожиданность, непредвиденность и жестокость судьбы, и притом со сто-

роны братьев — тех братьев, которых он любил и по отношению к которым не оказал ни великой, ни малой несправедливости, а скорее благодетельствовал им? И однако ничто такое не смутило его, а отведенный купцами в Египет, он переходил из одного рабства в другое. Там он опять сделался рабом, — еврей жил в варварском доме, — это благородный-то и свободный двойкой свободой, свободой тела и свободой души! Но и тут он не возмущался и не смущался случившимся, хотя и помнил о видениях, которые возвещали ему совсем иное; он даже и не любопытствовал, что же из всего этого будет? Между тем как братоубийцы, эти волки и звери, совершив такое беззаконие, наслаждались в отеческом доме, юноша, которому обещано было господствовать над ними, будучи теперь пленником, рабом, уведенным на чужбину, сносил крайнюю бедственность и не только не господствовал над ними, но сделался их рабом, вынося как раз противоположное тому, что обещано было ему в видении. Не только не получил он тогда господства, но лишен был и отечества, и свободы, и лицезрения родителей. Но бедственность его не остановилась и здесь, а пред ним открылась другая, более глубокая пропасть; опять предстояла ему смерть и гибель, смерть невыносимейшая, и гибель, исполненная сты-

да. Госпожа дома, смотря на него порочными глазами, увлеченная красотой юноши, очарованная его прекрасным лицом, начала строить против него козни и умыслы. Утопая в роскоши, она ежедневно старалась уловить юношу в собственные покои, ввергнуть его в блудодейство и предать смерти бессмертной. Сжигаемая страстью и ежедневно палимая этой нечистой любовью, она ежедневно выходила на такую охоту и, застав его одного, насильственно старалась склонить к этой порочной любви, принуждала вступить с нею в незаконную связь и старалась лишить его целомудрия. Но и здесь праведник не допустил себя до греха, но, с великой легкостью преодолев и силу похоти, и страсти молодого возраста, и козни сладострастной жены, и соблазны госпожи, и волнения юности, и все то, что могло привести к падению, и лицо и ярость госпожи, он как орел на легких крыльях поднялся ввысь, сбросил с себя одежды и, оставляя их в сладострастных руках, вышел нагой, без одежды, имея светлым одеянием для себя целомудрие светлее всякой багряницы. А этим опять он наточил против себя меч, опять предстояла ему смерть, еще сильнее вздымались волны, так как ярость этой женщины воспылала сильнее вавилонской печи. Похоть ее воспылала еще больше, а гнев, эта другая свирепейшая страсть, соединился с великим

зверством, и она стала умышлять на его жизнь и прибегла к мечу, чтобы совершить беззаконнейшее убийство, старалась погубить поборника целомудрия и подвижника твердости и терпения. Поспешив к своему мужу, она рассказала обо всем случившемся — не так, конечно, как было в действительности, но как она сама лицемерно изложила это происшествие, внушила судье все, что хотела, жаловалась на оскорбление и, как потерпевшая ущерб, требовала отмщения, в доказательство чего указывала и на одежды невинного юноши, оставшиеся в ее нечистых руках. И обманутый судья не повел обвиняемого в судилище, не дал ему слова, но человека, никогда не видевшего судилища, осудил как уличенного в прелюбодеянии, вверг его в темницу и обременил оковами. И вот человек, который заслуживал бы венцов за свою добродетель, оказался в темнице вместе с обманщиками, грабителями гробниц, убийцами и самыми последними негодьями. И, однако, ничто подобное не смутило его. Другой узник, провинившийся пред царем, был отпущен, а он должен был долгое время оставаться в темнице и нести тяжелое наказание за то, за что должно бы увенчать и прославлять его. И, однако, он не возмущался, и не смущался, и не говорил: что это? Для че-

го это? Я, которому обещано господствовать над братьями, не только не получил такой чести, но и лишен отечества, и дома, и родителей, и свободы, и безопасности, и именно со стороны тех, которые должны бы поклоняться мне. После совершения ими надо мной злодейства я сделался рабом варваров и постоянно менял господ. Однако и здесь еще не прекратилась моя бедственность, а повсюду мне угрожают бедствия и козни. После коварства братьев, после бедствия и рабства как первого, так и второго, опять мне угрожали смерть и коварство жесточе прежнего, и наветы, и пагуба, и несправедливое судилище, и постыдное обвинение, угрожавшее гибелью. Не получив права слова, я просто и без суда ввержен был в темницу и обременен узами вместе с прелюбодеяниями, братоубийцами и самыми негодными людьми. Виночерпий избавился и от уз и от темницы; я же не могу пользоваться после него никакой безопасностью; хотя ему исполнился на деле сон по моему толкованию, но я нахожусь в невыносимом бедствии. Это ли возвещали бывшие мне видения? Это ли возвещало известное число звезд? Это ли возвещали снопы? Куда же девались обетования? Куда девались обещания? Неужели я был обманут? Неужели я был обольщен? Где же, наконец, поклоняются мне братья,

мне, рабу, пленнику, узнику, объявленному прелюбодеем, находящемуся в крайней опасности, столь далеко живущему от них? Все исчезло и погибло. — Ничего подобного он не говорил и не думал, а ожидал конца, зная, как бесконечна и находчива премудрость Божия, и не только не смущался, но даже восторгался и хвалился по поводу всего происходившего.

А что, скажи мне, было с Давидом? Разве он, после того как уже пользовался царством, принял по голосу Божию скипетр народа еврейского и одержал блистательную победу над варварами, разве он не перенес самых тяжелых бедствий, подвергаясь вражде и наветам от Саула, опасаясь за самую свою жизнь, вовлекаемый в народную борьбу, постоянно гонимый в пустыню, сделавшийся бродягой, лишенным города и дома переселенцем? Нужно ли говорить много? Наконец он лишился отечества и совсем удален был из собственной страны, жил у враждебных, самых неприязненных варваров, ведя жизнь тяжелее рабства, так как не имел даже и необходимой пищи. И все это он терпел после посещения его Самуилом, после возлияния на него елея, после обетования ему царства, после скипетра, после диадемы, после рукоположения Божия и избрания; и несмотря на это, ничто не смущало его и он не говорил: что это? Я, царь,

которому следовало бы пользоваться властью, не могу иметь и такой безопасности, какая принадлежит самому простому человеку, а сделался бродягой, беглецом, человеком без города и без дома, странником, удалился в варварскую страну, лишен необходимой пищи и ежедневно вижу, как угрожает мне крайняя опасность. Где же обещание царства? Где обетование мне владычества? — Ничего подобного он не говорил и не думал; он не смущался тем, что было, но ожидал исполнения обещания. Можно бы рассказать еще о тысяче других людей, которые, подвергаясь самым жестоким бедствиям, не страшились, а полагаясь на обещания Божии, хотя бы случилось и противное им, таким прекраснейшим терпением заслужили себе светлые венцы. Так и ты, возлюбленный, терпи сам и ожидай конца, — потому что все исполнится, здесь ли или в будущем веке. Повсюду преклоняйся пред непостижимостью Промышления и не говори: как же за все бедствия будет дано возмездие? И не доискивайся, каким способом совершаются дела Божии.

11. Все эти праведники не доискивались того, как и каким образом совершается все это; но видя, что все это непостижимо для человеческого разума, не устрашались и не возмущались, а все мужественно сносили, имея величайшую

уверенность в силе Обещающего дать будущие блага, и не впадали ввиду противоположной действительности в отчаяние. Они ясно видели, что, будучи благоустраивающим и мудрым, Бог может и после разрушения все восстановить лучше прежнего и с великой точностью исполнить обещанное. Так и ты, возлюбленный, когда тебя в настоящей жизни обнимает скорбь, прославляй Бога; когда подвергаешься и бедствиям, также благодари, нисколько не смущайся, потому что Промышление Божие бесконечно и неисследимо и все получит свой должный конец, в настоящей ли жизни или в будущей. Если же бы кто, слушая меня, по своему малодушию подумал, что все должно совершиться еще здесь, то мы скажем, что истинная жизнь и непреходящие блага ожидают нас только там. Настоящая жизнь есть лишь путь, а тамошняя жизнь есть отечество; здешняя подобна весенним цветам, а тамошняя подобна недвижимым скалам; там венцы и награды не будут иметь конца, там назначаются награды победителям, там наказания и муки нестерпимые для делающих злое. Что же, скажет кто-нибудь, ожидает там соблазняющихся? Но почему ты не говоришь о тех, которые особенно прославились, а указываешь на тех, которые сначала носили маску благочестия, а теперь изобличены? Не видишь ли, как

очищается золото, как обнаруживается олово, как солома отделяется от хлеба, волки от овец, притворяющиеся от истинно живущих в благочестии? Когда увидишь смущение таковых, подумай о славе тех. Некоторые поколебались, но еще больше таковых, которые остались твердыми, заслужили великую себе награду, не отступая ни пред силой наветов, ни пред трудностью времен. Смущающиеся пусть порассуждают сами с собой: ведь три отрока были лишены и священников, и храма, и жертвенника, и всего другого, что полагалось по закону, и, однако, живя среди варваров, с великой точностью исполняли закон; то же самое было и с Даниилом и со многими другими; и они, увведенные в плен, не нарушали ничего, между тем как другие, оставаясь дома и пользуясь всем в своем отечестве, пали и были осуждены.

12. Если бы ты исследовал, для чего допускается все это, и не преклонился пред неизреченными тайнами действий Божиих, а старался все разузнать, постепенно проникая дальше и доискиваясь многого другого, например: для чего явились ереси, для чего диаволы, для чего демоны, для чего злые люди, соблазняющие многих, и главнее всего этого — для чего приближается антихрист, имеющий такую силу к обольщению, что, как говорит Христос, он будет делать

нечто такое и так, что в состоянии будет соблазнить даже и избранных. Но ты не должен доискиваться этого, а все нужно предоставить неисповедимой премудрости Божией. Кто уже твердо уверовал, то хотя бы ярились бесчисленные волны, хотя бы поднимались бесчисленные бури, он не только не потерпит никакого вреда, но сделается еще более сильным; слабый, рассеянный и малодушный человек часто падает, когда никто не толкает его. Если же хочешь узнать и причину этого, послушай нашего наставления. Есть много и другого, что различным образом засвидетельствовало бы нам о домостроительстве Божиим; но мы скажем о том, что нам известно. Мы говорим, что соблазны попускаются для того, чтобы не уменьшалась твердость мужественных; вот что в беседе с Иовом заявил Бог, говоря: *ты хочешь <...> обвинить Меня, чтобы оправдать себя?* (Иов 40, 3). Также и Павел говорит: *надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные* (1 Кор 11, 19). Когда ты слышишь это изречение: *надлежит быть и разномыслиям*, то не думай, что он говорит это в смысле приказа или законоположения; совсем нет, но он предсказывает этим будущее и заранее напоминает бодрствующим о предстоящей им пользе от этого. Когда вы устоите против обольщения, говорит, тогда

именно яснее обнаружится ваша добродетель. Поэтому же, а также и по другой причине попу- щены были злые люди, именно чтобы и они не были лишены возможности извлечь пользу из могущей произойти с ними перемены. Так имен- но спасен был Павел, так разбойник, так блуд- ница, так мытарь, так и многие другие. Если же бы прежде, чем обратиться, они были взяты от- сюда, никто из них не спасся бы. Касательно ан- тихриста Павел высказывает и другую причину. Какую же именно? А ту, чтобы устранить всякую возможность извинения для иудеев. Какое бы могли иметь извинение те, которые, не приняв Христа, стали бы веровать в антихриста? Поэто- му и говорит апостол: *да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду* (2 Фес 2, 12), то есть антихриста. Ведь иудеи гово- рили, что не веровали Христу потому, что Он на- зывал Самого Себя Богом: *хотим побить Тебя камнями <...> за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом* (Ин 10, 33), хотя они и слышали, что Он наибольшее могу- щество приписывал Отцу и говорил, что при- шел с Его соизволения, что и засвидетельствовал многими делами: что же они скажут, когда при- мут антихриста, который будет говорить, что он есть Бог и, ничего не упоминая об Отце, все будет делать вопреки Ему? Поэтому Христос, укоряя

их, предсказывал, говоря: *Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете* (Ин 5, 43). Вот почему и допущен соблазн. Если ты говоришь, что есть соблазняющиеся, то я представлю тебе еще больше тех, которые прославились, и опять тебе скажу то же самое, что не должно, чтобы ради небрежения и лености других получили ущерб в воздаянии наград могущие бодрствовать и внимать и лишились из-за этого многочисленных венцов. Они не стали бы подвергаться испытанию, если бы не получали залогов награды за эту борьбу; если слабые и получают вред отсюда, то они не могут по крайней мере обвинять в этом кого-нибудь другого, а должны самих себя винить в падении, особенно ввиду примера тех, которые не только не соблазнились, но сделались еще более славными и сильными.

13. Какими священниками пользовался Аврам, скажи мне, какими учителями? Какими назиданиями? Какими увещаниями, какими советами? Тогда не было еще ни Писаний, ни закона, ни пророков и ничего другого подобного: он плыл по неисследованному морю, шел неиспытанным путем, притом и родившись в нечестивом доме и от нечестивого отца. Но ничто такое не повредило ему, а он просиял такой добродетелью, что и долго спустя, после пророков, после

закона и долгого воспитания, которое посредством знамений и чудес Христос преподавал людям, — все это предваряя, он показал на деле именно искреннюю и горячую любовь, пренебрежение к деньгам, попечение о близких по рождению; попирая все земное и отбросив славу и распущенную жизнь, он стал жить строже монахов, обитающих на вершинах гор. У него не было даже и дома, а была только палатка из листьев, едва способная прикрывать голову праведнику; будучи сам чужеземцем, он не пренебрегал гостеприимством, а сам будучи чужеземцем на чужбине, принимал тех, которые приходили в полдень, и служил им. Он служил им сам, и в этом добром деле соучастницей сделал и жену свою. А чего только он не сделал для своего племянника, хотя тот худо относился к нему, хотел захватить даже лучшую часть пастбища, и это — после предложенного ему выбора? Не пролил ли он из-за него и крови? Не вооружал ли всех домочадцев, не подвергал ли себя явной опасности? Когда ему приказано было оставить дом, отойти в чужую страну, не тотчас ли же он послушался? Оставляя и отечество, и друзей, и всех родственников и веруя в повеление Божие, не оставил ли он все наличное, ожидая неизвестного с гораздо большей уверенностью, чем наличное, ради обетования Божия, которому он

верил непреклонно? После всего этого, с наступлением голода, он опять сделался странником и, однако не боялся и не смущался, а опять проявил то же послушание, любомудрие и терпение и отправился в Египет, и, повинувшись голосу повелевающего Бога, не разлучен ли он был с своей женой, не видел ли он, как египтянин осквернял ее, насколько было возможно для него, и будучи поражен в самое чувствительное место, не потерпел ли он того, что хуже самой смерти? Что может быть, скажи мне, тяжелее, как видеть, что жена, связанная с ним законом брака, после стольких обетований похищена была у него варварским нечестием, введена внутрь царских палат и оскорблена? Если даже в действительности и не случилось так, то он все-таки ожидал этого и все сносил мужественно, так что ни бедствия не смущали его, ни благоденствие не возгордило его, но и во времена бедственности он сохранил то же самое состояние духа. А когда обещан был ему сын, то не было ли бесчисленных препятствий — препятствий от самого разума? Но, преодолевая все их, подавляя все сомнения, не воссиял ли он верой? Когда же потом ему дано было повеление принести своего сына в жертву, не повел ли он его с великой скоростью, как будто вел его на брак как жениха? Как будто попирая самую свою природу и перестав

быть человеком, не принес ли он эту странную и необычайную жертву и не один ли выдержал борьбу, не призывая к себе на помощь ни жены, ни домочадца, ни кого-либо другого? Он знал, хорошо знал высоту цели, тягость этого повеления, величие этой борьбы; поэтому один порешил совершить это дело и, совершив этот подвиг, получил венец и был провозглашен победителем. Какой священник наставлял его на это? Какой учитель, какой пророк? Ровно никто, но он сам имел благомыслящую душу, а ее и достаточно было во всех этих делах. А что было с Ноем? Какого имел он священника, какого учителя, какого наставника? Не один ли он, когда вся вселенная погрузилась в зло, шел противоположным путем, соблюдал добродетель и так просиял, что при потоплении вселенной и сам спасся и других избавил от обуревающих опасностей доблестью собственной добродетели? Почему он сделался праведником, почему совершенным? Имел ли он какого священника или учителя? Никто не мог бы сказать, что имел. А сын его, хотя и имевший надлежащего учителя, именно добродетель своего отца, пользуясь наставлениями и чрез дела видя исход самих дел, имея урок и в гибели (рода человеческого) и в спасении своего семейства, был злым по отношению к нему, посмеялся над наготой родителя и отдал его на посмеяние.

Видишь ли, что повсюду требуется благородство души? А что, скажи мне, было с Иовом? Каких пророков он слышал, каким ученьем он пользовался? Никаким. Однако и он, не имея ничего такого, с великим рвением проявлял все виды добродетели. Свое имение он делил с нуждающимися, и не только имение, но и самое тело. В своем доме он принимал странников, и дом его принадлежал скорее последним, чем самому владельцу; крепостью же своего тела он помогал угнетаемым, силой и мудростью языка поражал клеветников и обнаруживал евангельское благоразумие, проявлявшееся во всех его делах. Смотри же: *блаженны нищие духом*, говорит Христос (Мф 5, 3), а это он и оправдывал своими делами. *Если я пренебрегал правами слуги и служанки моей, когда они имели спор со мною, то что стал бы я делать, когда бы Бог восстал? <...> Не Он ли, Который создал меня во чреве, создал и его и равно образовал нас в утробе?* (Иов 31, 13–15). *Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю* (Мф 5, 5). А что кротче было того, о котором домочадцы говорили: *о, если бы мы от мяса его не насытились?* (Иов 31, 31) — так они сильно любили его. *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф 5, 4); и этой добродетели он не был чужд. Послушай, что он говорит: *если бы я скрывал проступки мои, как*

человек, утаивая в груди моей пороки мои, то я боялся бы большого общества, и презрение одноплеменников страшило бы меня¹ (Иов 31, 33–34). Человек такого настроения очевидно плакал с великим избытком. Блаженны алчущие и жаждущие правды (Мф 5, 6). Смотри, и это с избытком исполнялось им: сокрушал я, говорит, беззаконному челюсти и из зубов его исторгал похищенное (Иов 29, 17). Я облакался в правду, и суд мой одевал меня, как мантия (ст. 14). Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут (Мф 5, 7); а Иов был милостив не только в деньгах, не только в том, что одевал нагих, кормил алчущих, помогал вдовам, защищал сирот, исцелял раны, но и самым сочувствием души. Не плакали я о том, кто был в горе? не скорбела ли душа моя о бедных? (Иов 30, 25). Как бы будучи общим отцом для всех несчастных, он приходил на помощь в несчастье к одним, оплакивал бедствия других и обнаруживал милосердие в словах и делах, своим состраданием и своими слезами делаясь как бы общим покровом для всех. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф 5, 8). И это

¹ В славянском переводе, соответствующем греческому тексту, которым пользовался Златоуст: *Аще же и согрешая неволею, не посрамихся народнаго множества, еже не поведати пред ними (беззакония моего).*

также оправдалось на нем. Послушай, что Бог свидетельствует о нем: *нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла* (Иов 1, 8). *Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное* (Мф 5, 10). И в этом отношении он совершил великое множество подвигов и получил награды. Его не только гнали люди, но на него напал и сам начальник всякого зла, демон, который, употребив все свои козни, напал на него, изгнал его из дома и отечества, поверг на навоз, лишил всех денег, имений, детей, здоровья, самого тела, предав его самому жестокому голоду, после чего даже и некоторые из друзей его оскорбляли и растравляли раны его души. *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф 5, 11–12). И это блаженство оправдалось на нем с великой полнотой. Даже и близкие к нему люди тогда клеветали на него, говоря, что он наказан меньше, чем погрешил, возводили на него великие обвинения, ложные слова и тяжкие клеветы. Но он избавил их от угрожавшей им опасности тяжкого удара, насколько не упрекая их за все сказанное ими. И здесь опять исполнилось над ним изречение: *любите врагов ваших, <...> молитесь за оби-*

жающих вас (Мф 5, 44). И он любил своих врагов, молился за них, утишал гнев Божий и искупил грехи их, хотя не имел возможности слышать ни пророков, ни евангелистов, ни учителей, ни кого-нибудь другого, кто бы наставлял его добродетели. Видишь ли, каково благородство души и как она бывает достаточно добродетельна, хотя бы не пользовалась никаким попечением? Между тем самые предки его не только не были благочестивы, но отличались великим злом. О предке именно его говорил Павел: *чтобы не было [между вами] какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства* (Евр 12, 16).

14. А что, скажи мне, было с апостолами? Не случались ли с ними тысячи соблазнов? Послушай, что говорит Павел: *ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген* (2 Тим 1, 15). Не пребывали ли эти учителя в узах? Не подвергались ли оковам? Не терпели ли всякого зла от домашних, как и от чужих? Не вторгались ли в паству после них и вместо них лютые волки? Не предсказывал ли это Павел ефесянам, призвав их в Милет? *Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою* (Деян 20, 29–30).

Разве медник Александр не причинял ему тысяч неприятностей, повсюду гоня его, восставая и нападая на него и повергая его в такие бедствия, что он и ученика своего предостерегал от этого, говоря: *берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам* (2 Тим 4, 15). А разве весь народ галатский не был соvrащен тайными лжебратьями и увлечен в иудейство? А разве не в начале самой проповеди Стефан, слова которого текли сильнее рек, всех приводя в молчание и заключаая нечестивые уста иудеев, и который не находил себе противника, так что никто не мог противостоять ему, когда он ниспровергал иудейское учение, одерживал светлые трофеи и блистательные победы, — этот благородный муж, мудрец и исполненный благодати, принесший такую пользу Церкви, хотя и недолго трудился в деле проповеди, разве он не был внезапно взят и осужден и казнен как богохульник? А что было с Иаковом? Не в самом ли начале взят он был, так сказать, со своего поприща и обесчещенный отдан Иродом в руки иудеев, так что потерял жизнь, такой-то столп и такое-то утверждение истины? Многие ли тогда не смущались этим событием? Но стоявшие продолжали стоять и даже еще более укреплялись. Послушай, что говорит Павел в своем Послании к Филиппийцам: *желаю, братия, чтобы*

вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие (Флп 1, 12–14). Видишь ли ты это мужество? Видишь ли дерзновение? Видишь ли твердость души? Видишь ли любомудрие настроения? Видя, что их учитель заключен в темницу и узы, подвергался пыткам и побоям и терпел бесчисленное множество подобных вещей, они не только не смущались и не волновались, но получали еще больше дерзновения, страданиями учителя возбуждались еще к большей ревности в борьбе. Но, скажешь ты, другие падали. Не противоречу и я этому, потому что ввиду всего совершившегося необходимо было многим и пасть; но что я уже говорил и не перестану говорить, скажу и теперь. Все это праведники должны приписывать себе, а не природе вещей. Отходя отсюда, Христос оставил нам такое наследие, говоря: *в мире будете иметь скорбь* (Ин 16, 33); и еще: *и поведут вас к правителям и царям* (Мф 10, 18); и еще: *наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу* (Ин 16, 2). Напрасно поэтому повсюду указываешь ты мне на

соблазняющихся; всегда случалось то же самое. Да и что и говорить об апостолах? Сколько было людей, которые соблазнились у самого креста общего всем нам Господа и, сделавшись более злыми и дерзкими, проходя, издевались над Ним, говоря: *Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста*, и уверуем в Тебя (Мф 27, 40). И, однако, они не имели себе извинения в кресте, потому что во всем этом их обвиняет разбойник. И он также видел, как распинали (Христа), и не только не соблазнился, но и получил отсюда больше повода для любомудрия и, победив все человеческое и вознесшись на крыльях веры, любомудрствовал о будущем. Видя Христа оскорбляемым, бичуемым, осмеиваемым, пьющим желчь, биенным, отвергаемым народом, осужденным на судилище, присужденным к смерти, он ничем этим не смутился; но, видя крест и вбиваемые гвозди, видя все издевательства, совершаемые развращенным народом, сам он пошел прямым путем, говоря: *помяни меня, <...> когда приидешь в Царствие Твое!* (Лк 23, 42). И этим он заставил смолкнуть обвинителя, исповедывал собственные грехи и любомудрствовал о воскресении, хотя не видел ни как мертвые воскресали, ни как прокаженные очищались, ни как утишалось море, изгонялись

демоны, умножались хлебы, ни всего того, что видел народ иудейский, и несмотря на все это, распял Христа. Видя Христа уничиженным, он исповедовал в нем Бога, вспомнил о Царствии и размышлял о будущем; а они, видев, как Христос совершал чудеса, наслаждаясь учением Его и чрез слова и чрез дела, не только не получили пользы, но и поверглись в крайнюю бездну погибели, вознеся Его на крест. Видишь ли, что неразумные и негодные не получают пользы даже и от добра; благоразумные же и бдительные получают величайшую пользу и от того, чем соблазняются другие. То же самое можно видеть и на Иуде, и на Иове. Иуда не получил спасения даже от Христа, спасшего вселенную, а Иов не потерпел вреда даже и от губительного диавола. Но один из них, переноса тысячи зол, получил венец, а другой, видя чудеса и сам совершая их, воскрешая мертвых и изгоняя бесов (ведь и он имел такую власть), слыша множество поучений о Царствии и геенне, принимая участие в таинственной трапезе, будучи допущен к страшной вечери и вообще пользуясь таким же благоволением и промыслением, каким пользовались Петр, Иаков и Иоанн, и даже еще большими, — после всего такого благоволения и снисхождения, каковыми пользовался в избытке, так как ему были поручены даже и деньги для нищих,

после всего этого он все-таки впал в безумие и, чрез сребролюбие поддавшись сатане, по собственной воле сделался предателем и совершил величайшее из зол, продав за тридцать сребренников такую кровь и предав Господа коварным поцелуем. Кто бы не соблазнился этим совершенным со стороны ученика предательством? А что сказать об обитателе пустыни, о плоде бесплодной, о сыне Захарии, который, удостоившись крестить ту святую и страшную голову, делается Предтечей собственного Господа? Когда он пребывал в темнице, был усечен и сделался предметом награды для блудной плясуньи, как многие соблазнялись тогда! Но что я говорю — тогда? Как многие и теперь, после столь долгого времени, слыша это, соблазняются! Да что говорить об Иоанне, об его темнице, его усекновении? Зачем обращаться к служителям, когда можно обратиться к Самому Господу?

15. А Крест Христов, искупивший вселенную, рассеявший заблуждение, землю превративший в небо, рассекший узы смерти, сделавший ад ненужным, разрушивший твердыню диавола, закрывший уста демонам, обративший людей в Ангелов, разрушивший жертвенники и ниспровергший капища, насадивший на земле новое и необычайное любомудрие, произведший бесчисленные блага, страшные, великие и возвы-

шенные, — разве он не был соблазном для многих? Разве Павел не взывает ежедневно, говоря и не стыдясь: *мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие* (1 Кор 1, 23). Но что же, скажи мне, неужели не нужно было являться Христу, не нужно было приносить эту страшную жертву? Неужели не нужно было совершать этих спасительных дел — потому только, что это было соблазном для погибающих и тогда, и после того, и на все времена? Кто настолько безумен, кто настолько нелеп, чтобы говорить это? Здесь нужно иметь в виду не соблазняющихся, сколько бы их ни было, а спасенных, исправленных и наслаждающихся любомудрием, и не нужно говорить что-либо о соблазняющихся, потому что они должны приписывать это самим себе; так то же самое и теперь. Соблазн произошел не от природы самого креста, а по причине самих соблазняющихся, почему и говорит Павел: *для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость* (ст. 24). Ведь и солнце причиняет вред больным глазам, но что же отсюда? Неужели не должно быть солнцу? Мед кажется горьким для больных. Что же, неужели и его надо удалить? Не были ли сами апостолы для одних запахом смертоносным на смерть, а для других запахом жизни на жизнь (см.: 2 Кор 2, 16)? Равным образом ввиду

погибающих разве не должно живым наслаждаться таким попечением? Самое Пришествие Христа, наше спасение, источник благ, жизнь, бесчисленные благодеяния — скольких людей обременяли они, скольких лишили извинения и снисхождения? Не слышишь ли, что говорит Христос об иудеях: *если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем* (Ин 15, 22). Что же? Так как после Христова Пришествия грех их сделался неизвинительным, так неужели из-за этих злых Он не должен был приходить ради тех, которые имели воспользоваться благом? Кто бы сказал это? Конечно, никто, кроме крайне неразумных. А сколько людей, скажи мне, соблазнились вследствие самих Писаний? Сколько ересей возникло под предлогом их? Так неужели следовало бы уничтожить Писания ради соблазнившихся? Или не следовало бы давать их с самого начала? Отнюдь нет; но всем следовало давать ради тех, которые имели получить от них пользу. Соблазнившиеся (опять я не перестану говорить это) пусть сами себе приписывают соблазны, а для тех, которые имели получить от них величайшую пользу, разве не было бы великой несправедливостью, если бы по причине неразумия и нерадения других и те, кто имели бы получить от них великую пользу,

были бы лишены этой пользы? Итак, не говори мне о погибающих, потому что, как я уже сказал в предшествующей беседе, никто из тех, которые сами себе не вредят, не получают вреда и от других, хотя бы подвергалась опасности самая их жизнь.

16. Какой вред, скажи мне, получил Авель, убитый братской рукой и потерпевший безвременную и насильственную смерть? Не больше ли он получил пользы, приобретя блистательнейший венец? Какой вред получил Иаков, столько потерпевший от своего брата, сделавшийся лишенным отечества беглецом, странником и рабом и доведенный до крайнего голода? Сколько потерпел Иосиф, подобным же образом лишенный отечества и дома, сделавшийся пленником, рабом и узником, подвергавшийся крайним опасностям и перенесший столько клевет? Что потерпел Моисей, столько раз оскорбляемый своим народом, причем те самые, которым он благодетельствовал, строили ему козни? А что было с пророками, которые все терпели зло от иудеев? Что было с Иовом, на которого восставал диавол с бесчисленными кознями? Что было с тремя отроками? Что с Даниилом, которому угрожала крайняя опасность — его жизни и свободе? Что было с Илией, который, живя в крайней бедности, гонимый, угнетаемый, пребывая

600
☞

в пустыне, всегда был беглецом и странником? Что было с Давидом, который столько потерпел сначала от Саула, а после и от собственного сына? Разве не больше просиял он, перенося самые крайние бедствия, чем когда наслаждался благоденствием? А что было с Иоанном, пострадавшим чрез усекновение? Что было с апостолами, из которых одни были умерщвлены, а другие подвергались всевозможным бедствиям? Что было с мучениками, которые выпускали дух среди ужасных мучений? Не все ли они тогда именно особенно и просиявали, когда подвергались испытаниям, когда подвергались наветам, когда мужественно выдерживали крайнюю бедственность?

17. Прославляя общего нам Господа за все другое, не особенно ли мы прославляем Его, восторженно восхваляем за крест, за эту бесславную смерть? Не выставляет ли Павел признаком Его любви к нам то именно, что Он умер, что Он умер за людей? Не говоря о небе, земле, море, об всем другом, что сотворил Христос для нашей пользы и наслаждения, он постоянно возвращается к кресту, говоря: *Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками* (Рим 5, 8). И отсюда он подает нам добрые надежды, говоря: *ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смер-*

тью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его (Рим 5, 10). Не этим ли особенно он и сам хвалится, много размышляет, ликует и восторгается от удовольствия, так говоря в Послании к Галатам: я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа (Гал 6, 14). И что удивляешься, если Павел ликует, восторгается и хвалится этим? Сам Христос, потерпевший столько, называет это дело славой: Отче! говорит Он, пришел час, прославь Сына Твоего (Ин 17, 1), и ученик, написавший это, говорит: ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен (Ин 7, 39), разумея под славой крест. Когда же хотел показать им Его любовь, то о чем говорил? О чудесах ли, знамениях и необычайных действиях? Отнюдь нет; но указывает на крест, говоря: ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную (Ин 3, 16). И Павел тоже говорит: Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? (Рим 8, 32). А когда хочет привести к смирению, то, делая увещания, он говорит так: итак, если [есть] какое утешение во Христе, если [есть] какая отрада любви, если [есть] какое общение духа, если [есть] какое милосердие и сострадательность,

602
☞

то дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомышленны и единомысленны; ничего [не делайте] по любвипрению или по тщеславию, но по смиреномудрию почитайте один другого высшим себя (Флп 2, 1–3); затем, давая совет, говорит: ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной (Флп 2, 5–8). И опять, рассуждая о любви, говорит следующее: и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное (Еф 5, 2). Увещевая жен к единомыслию с мужьями, он говорит: мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее (Еф 5, 25). Затем и Сам Христос, показывая, насколько Он стремился к этому и насколько жаждал страданий, когда первый из апостолов, основание Церкви, глава сонма учеников, по неведению сказал: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! — послушай, что Он отвечал ему: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! (Мф 16, 22–23). Самой строгостью этого укора Он показыва-

ет, с каким рвением стремился Он к этому делу. Свое воскресение Он совершил тайно и в сумраке, предоставляя свидетельство о нем последующему времени; крест же Он потерпел на виду всего города, в самый праздник, среди народа иудейского, в присутствии обоих судилищ — римского и иудейского, при стечении всех на праздник, среди дня, на виду всей вселенной. А так как все происходившее видели только присутствующие, то Он повелел затмиться солнцу и возвестить об этом злодеянии по всей вселенной. Хотя для многих, как я сказал, это сделалось соблазном, но нужно обращать внимание не на них, а на спасенных, на избавленных. И что ты удивляешься, если в настоящей жизни крест так славен, что Христос называет его славой и Павел хвалится им. В тот страшный и ужасный день, когда Он придет показать славу Свою, когда явится во славе Отца Своего, когда настанет Страшный Суд, когда весь род человеческий предстанет пред Ним, когда реки взволнуются, когда Ангелы и высшие Силы внезапно снизойдут вместе с Ним, когда будут раздаваться бесчисленные награды, когда одни просят как солнце, а другие как звезды, когда явятся сонмы мучеников и апостолов, когда выступят ряды пророков и сонмы благородных мужей, — тогда именно, в этом блеске, в этом сиянии придет

и Он, испуская блистательные лучи. Тогда, говорит Писание, *явится знамение Сына Человеческого на небе <...> солнце померкнет, и луна не даст света своего* (Мф 24, 30; 29). О, блеск страдания, о светлость Креста! Солнце помрачается и звезды падают, как листья, крест же сияет светлее всех их, наполняя все небо. Видишь ли, как прославляется этим Господь, как Его уничижение превращается в славу, когда в тот день Он явится пред всей вселенной с таким блеском?

18. И ты также, когда увидишь, что некоторые соблазняются случившимся, прежде всего подумай о том, что соблазн происходит не отсюда, а от собственной слабости, о чем свидетельствуют те, которые не подвергаются соблазну. Потом обрати внимание и на то, что вследствие этого многие особенно просияли, прославляя Бога с великим усердием, благодаря Его за это. Поэтому смотри не на падающих, а на мужественно стоящих, на пребывающих неподвижными и на делающихся более сильными; не на тех, которые боятся, но на тех, которые плывут по прямому направлению, и плывущих прямо гораздо больше. Но если бы даже и больше было первых, то лучше один делающий волю Божию, чем тысячи беззаконных.

19. Подумай, сколько людей удостоилось мученического венца. Одни были бичуемы, дру-

гие ввергались в темницу, иные заключались в оковы, как злодеи, иные изгонялись из отечества, иные лишались имущества, иные высылаемы были на чужбину, иные терпели смерть, — одни и действительно, а другие хотя бы только в намерении. И когда они видели, как изготавливались на них копья, точились мечи, так что они ежедневно находились под ударами новых угроз, как начальники, пылая гневом, угрожали им смертью, выставляли пред ними тысячи всяких пыток и наказаний, они и тогда не падали и не смущались, но неподвижно стояли (как) на скале, готовые все это перенести и потерпеть, только бы не участвовать в беззаконии совершающих зло, — и не только мужи, но и жены. Эту борьбу выдерживали и женщины, и часто даже мужественнее самих мужчин. И не только женщины, но юноши и даже дети. Итак, скажи мне, неужели весь этот сонм мучеников мало пользы принес Церкви? Все они мученики; ведь мучениками были не только те, которых влекли в судилище, которым приказывали приносить жертвы и они, оставаясь непреклонными, потерпели все это, но и те, которые готовы были потерпеть все из-за благоугождения Богу. И если внимательно рассмотреть, то последние даже более, чем первые. Ведь не одно и то же, когда кто-нибудь, имея избирать между мучениями

и вечной погибелью своей души, терпит все, чтобы не погибнуть, и когда кто за меньшее добро терпит то же мучение. Что мученический венец получают не только потерпевшие муку, но и те, которые готовы к ней, и даже, как я сказал прежде, потерпевшие за меньшее суть большие мученики, это я попытаюсь доказать на основании изречения Павла. Приступив к перечислению просиявших среди предков, блаженный Павел, начав с Авеля, затем переходит к Ною, Аврааму, Исааку, Иакову, Моисею, Иисусу (Навину), Давиду, Самуилу, Илии, Елисею, Иову и говорит так: *посему и мы имеем вокруг себя такое облако свидетелей*¹ (Евр 12, 1). Между тем не все они в действительности были умерщвлены, а вернее ни один из них, кроме двух-трех, например Авеля, Иоанна, а другие все закончили жизнь собственной смертью. Сам Иоанн был умерщвлен не за то, что ему приказывали принести жертву и он не послушался, не за то, что он, приведенный к жертвеннику, не хотел поклониться идолу, а за одно только слово. Он говорил Ироду: *не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего* (Мф 14, 4). За это он ввергнут был в темницу и потерпел смерть. Но если за обличение незакон-

¹ Греческое слово *μάρτυς* (свидетель) значит и мученик, то есть тот, кто засвидетельствовал верность Христу своей кровью.

ного брака, каковой он видел пред собой (ведь он даже не исправил совершаемого греха, а только говорил и не хотел перестать), — если за то только, что говорил, не делая ничего больше, он считается мучеником и даже первым из мучеников, за то, что был усечен, то потерпевшие столько наказаний и выступавшие не против Ирода, а против властелинов всей вселенной и противившиеся не незаконному браку, а защищавшие законы отечества и правила Церкви, словами и делами обнаруживавшие мужество, подвергавшиеся смерти ежедневно — и мужи, и женщины, и дети, то разве они не были бы достойны причисления к сонму мучеников? Так, Авраам, который в действительности и не умертвил своего сына, а умертвил его только в своем намерении, услышал говорящий свыше голос: *не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня* (Быт 22, 12). Так всегда намерение, когда оно исходит из добродетели, получает полный венец. Если же тот, кто не пощадил сына, провозглашен был таковым, то те, которые не щадили самих себя, подумай, какую получают они награду за то, что не один, не два и не три дня, а в течение всей своей жизни твердо исполняли повеления, подвергаясь поношениям, оскорблениям, бедствиям и клеветам. А это немалая заслуга. Поэтому и Павел, восторгаясь ею, говорит: *то сами среди*

поношений и скорбей служа зрелищем [для других], то принимая участие в других, находившихся в таком же [состоянии] (Евр 10, 33). Что же говорить о тех, которые не только сами умирали, но и побуждали к стойкости и других мужей и жен? Апостол восхваляет их. Многие раздавали свои имущества, чтобы доставить некоторое утешение узникам и изгнанникам в постигшем их бедствии, и с радостью принимали расхищение их имуществ, по слову апостольскому; другие лишались то отечества, то самой жизни. Поэтому, видя такое богатство, такую пользу для Церкви, видя, сколько собрано сокровищ, видя, как раньше павшие сделались потом сильнее огня и, избегая театров, удаляются в пустыни и превращают долины и горы в церкви, видя, как никто не пасет стада, а между тем овцы соблюдают порядок как при пастухах, как воины в отношении мужества и стойкости соблюдают порядок при военачальнике и все с надлежащей ревностью и тщательностью исполняют повеления, — неужели ты не удивишься и не поразишься, какое отсюда произошло благо? Не только живущие благочестиво, но многие из тех, которые увлекались зрелищами и ристалищами, охваченные ревностью сильнее огня, оставили все это безумство, пошли против самих мечей, привлекаемые к начальникам и подвергаемые пыткам, насмехались над

угрозами, показывая, какова сила добродетели и как самый негодный человек, когда он раскается и обратится, возвышается до свода самого неба. Видя такие подвиги, столько сплетаемых венков, такое назидание, — откуда, скажи мне, может явиться соблазн? От погибших, скажет кто-нибудь. Но как я уже сказал и не перестану говорить, эту причину своей гибели они должны приписывать сами себе. Это именно показало вам все изложенное слово. Но я укажу и на другое благо. Как многие из тех, которые носят маску благочестия и которые имеют прозрачную честность, почитаются великими, хотя и не состоят таковыми, как многие из них внезапно в наше время разоблачались и, обличенные в своем обмане, являлись таковыми, каковы они есть, а не такими, как они ложно и обманно хотели казаться? Между тем весьма и весьма полезно различать тех, которые покрыты лишь овечьей шкурой, и волков, скрывающихся так, не смешивать с действительными овцами. Это время сделалось печью, которая обличила монету, имеющую в себе медь, расплавляла олово, сжигала солому, ложно придававшую больше цены драгоценным веществам. На это именно указывает и Павел, говоря: *ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные* (1 Кор 11, 19).

20. Итак, не смущайся этим, — ни тем, что священники теперь, сделавшись негодными, свирепее всякого волка набрасываются на паству, ни тем, что начальники и правители обнаруживают большую жестокость. Вспомни, что с апостолами случилось нечто еще более жестокое. Тогда именно скипетроносец, будучи тайной беззакония (как назвал его Павел), совершал все виды зла, всех увлекал ко злу; однако и он не мог повредить ни Церкви, ни благородным тем мужам, а сделал их еще более славными; священники же иудейские были так негодны и лукавы, что нужно было запрещать народу ревностно следовать их жизни: *на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте* (Мф 23, 2–3). Что может быть лукавее священников, ревность в подражании которым оказывается губительной, и, однако, несмотря на то что тогда властвовали такие люди, лица просиявшие, увенчанные, не только не потерпели никакого вреда, а прославились еще больше. Поэтому не нужно удивляться тому, что произошло. Повсюду испытания бодрствующим приходят и от своих, и от чужих. Так и Павел, видя целые тучи надвигающихся на них опасностей и боясь, чтобы некоторые из учеников не устрашились, в своем послании говорил: *по-*

слали Тимофея <...> чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено (1 Фес 3, 2–3). Сказанное же означает: такова наша жизнь, таково свойство апостольского призвания, — чтобы переносить бесчисленные бедствия. *Так нам суждено*, говорит он. Что такое — *так нам суждено*? Как съестные припасы предназначены для того, чтобы идти в продажу, так и апостольская жизнь для того, чтобы подвергаться поношению, терпеть всякое зло, никогда не успокаиваться, никогда не иметь облегчения. Но бдительные не только не терпят отсюда никакого вреда, но и получают большую пользу. Поэтому апостол восхваляет их, узнавши, что они стояли мужественно. И о других говорит, что они, ободренные его узами и его оковами, дерзали безбоязненно проповедывать. А что было, скажи мне, во времена Моисея? В варварской стране не попустил ли Бог волхвам показать свою силу? Не эту ли историю припоминает Павел, говоря: *как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине* (2 Тим 3, 8). Так всегда не было недостатка в соблазнах, равно как не было недостатка и в увенчанных ради них. Обо всем этом поразмысли, и не об этом только, а и о том, какая польза была от этого. Посмотри и на то, что есть и другие непостижимые причины для этого;

ведь не все возможно нам знать, но (несомненно), что за бедствиями следуют события гораздо более благоприятные и совершаются чудесные дела. Так сначала Иосиф находился в бедствии и долго совершались события, казавшиеся противными обетованию; но потом произошло даже больше того, что было обещано. И на кресте не тотчас же и не сначала совершилось избавление, но сначала предшествовал соблазн, и если с целью удивить и исправить злодеев и было несколько знамений, то все они вскоре исчезли. Если и разорвалась завеса в храме, камни распались и солнце помрачилось, то все это произошло в течение одного дня и вскоре было забыто многими. После же этого вскоре апостолы, находясь в бегстве, в гонении, в борьбе, в наветах, скрываясь, трепеща и подвергаясь опасностям, проповедывали слово (Божие); народ иудейский, будучи в это время в силе, гнал, преследовал, терзал и мучил верующих, и так как заодно с ними были и начальники, то ежедневно они хватали и влекли апостолов (в судилища). Да что я говорю о народе и начальниках иудейских? Один делатель палаток, занимавшийся выделкой кож, именно Павел (а что может быть пустее делания палаток?), объят был таким безумством, что хватал мужей и жен и отдавал под стражу. И Распя-

тый, видя все это, попускал ему. Но посмотри, как впоследствии этот самый гонитель превзошел всех (в вере) и его деятельность просияла ярче солнца и обняла всю вселенную.

21. Если же скажешь: для чего в Ветхом и Новом Завете допускается столько опасностей и столько наветов, то узнай и причину этого. Какая же это была причина? Настоящая жизнь есть ристалище, упражнение и борьба, печь, мастерская для добродетели. Как кожевник, получая кожи, сначала разминает их, растягивает, колотит, бьет о стены и камни и чрез тысячи разных приспособлений делает их пригодными для окраски и потом придает им хороший цвет; и как мастера золотых дел бросают золото в огонь, подвергают его пробе в печи, так чтобы сделать его наиболее чистым; и как воспитатели юношей упражняют их на ристалищах посредством различных трудов, давая им более сильных противников, чтобы они, все исполняя при упражнении с телами учителей, могли оказаться стойкими и в действительной борьбе, способными встретить противников и легко поразить их, — так действует и Бог в настоящей жизни: желая приготовить души к добродетели, Он и угнетает их, и удручает, и подвергает самым тяжелым испытаниям, так чтобы падающих и слабых устранить, а людей достойных сделать еще более достойными,

недоступными для наветов демона и для сетей диавола, и особенно всех достойными получения будущих благ. Человек, говорит Писание, не перенесший испытаний, не обладает опытностью, как и Павел говорит: *от скорби происходит терпение, от терпения опытность* (Рим 5, 3–4). Чтобы сделать нас более твердыми и терпеливыми, Бог попускает всякие испытания на нас. Поэтому Он попустил Иову перенести всякие бедствия, чтобы он сделался еще более опытным в добродетели и заградил уста диавола; потому же Он удручал и апостолов, чтобы они сделались более мужественными и обнаруживали собственную силу. А это причина не малая. Поэтому и Павлу, когда он искал облегчения и отдыха от обуревающих зол, Он сказал: *довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи* (2 Кор 12, 9).

22. Даже и те, кто еще не приняли учения христианского, могут получить отсюда великую пользу, если будут внимательны. Видя, как праведники сносили несправедливости, терпели оскорбления, были заключаемы в темницы, подвергались клеветам, окружались кознями, были обезглавливаемы, сжигаемы, бросаемы в море и не устрашались никакого бедствия, — подумай, с каким удивлением относились к ЭТИМ чудесным борцам и тогдашние и теперешние

люди. Все случившееся не только не причиняет соблазна людям бдительным, но и оказывается источником многого назидания. Поэтому и Павел услышал, что *сила Моя совершается в немощи*. Это можно встретить и в Ветхом и в Новом Завете. Подумай, что должен был испытать Навуходоносор, когда на глазах столь многочисленного войска он был побежден тремя отроками, тремя рабами, тремя пленниками, обремененными цепями, преданными пламени, не в состоянии был распорядиться телами трех поработанных и подвластных ему отроков, лишенных отечества, свободы, чести, власти, имущества, поселенных вдали от родины. Если же бы не случилось этого испытания, не было бы и столь светлой награды, не было бы столь блистательного венца. Подумай, что должен был испытать Ирод, когда он, будучи обличаем узником, видел, что этот узник вследствие уз не только не потерял своего дерзновения, а напротив — предпочитал скорее погибнуть, чем отказаться от прекраснейшего дара — свободы слова. Подумай, что всякий, видя или слыша это, из живших ли тогда или родившихся позже, при всей своей немощи, если только обладает хотя слабым умом, получает отсюда величайшую пользу. Не говори мне о поступках людей неразумных, которые ленивы и преданы плоти

и легче листьев, (носимых ветром). Таковые падают не только от великих бедствий, но и почти от всего, что происходит вокруг их, как это было с народом иудейским, который и вкушая манну, и вкушая хлеб одинаково был недоволен, и находясь в Египте, и будучи избавлен от Египта, в присутствии Моисея и по его отшествию. Но указывай на тех, которые внимательны, которые бодрствуют, и сообрази, какую они могут извлекать отсюда пользу, видя душу бесстрастную, разум не поработоченный, язык дерзновенный, человека, который, будучи пустынножителем, торжествует над царем; будучи узником не уступает; будучи усекаем, не молчит. Не останавливайся даже и на этом, а исследуй и то, что было потом. Ирод усек, а Иоанн был усечен. Кто же из них ублажается всеми? Кто считается ревнителем? Кто прославляется? Кто увенчивается? Кто восхваляется? Кто славословится? Кто служит предметом удивления? Кто обличает доселе? Не тот ли, кто в каждой церкви провозглашает: *не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего* (Мф 14, 4)? А (Ирод) разве не осуждается и после своей кончины за свое прелюбодейство, беззаконие и безумство? Пойми, после всего сказанного, какова сила узника, какова слабость тирана. Последний не мог заставить смолкнуть и одного языка, а уничтожая

его, он на место него и вместе с ним открыл тысячи уст. А Иоанн тотчас же стал устрашать его и после казни (ведь совесть Ирода потрясалась таким страхом, что он стал думать, будто Иоанн, воскресши из мертвых, начал творить чудеса), и теперь, в течение всего времени, он обличает всю вселенную и чрез самого себя и чрез других. Каждый, читая это Евангелие, говорит *не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего*; да и помимо Евангелия, в собраниях и обществах, в домах и на рынке, повсюду, хотя бы ты пошел в страну персов, хотя бы в страну индийцев, хотя бы в страну мавров, хотя бы в любую страну, в которой светит солнце, и до самых последних пределов ее, везде услышишь ты этот голос и увидишь, как праведник тот еще и теперь вопиет, проповедует, обличает зло тирана и никогда не молчит, так что и самая продолжительность времени не ослабляет его обличений. Какой же вред получил этот праведник от своей кончины? Что вредного от насильственной смерти? Что от уз? Что от темницы? Не исправил ли он людей благоразумных тем, что он говорил там, что он выстрадал там, и теперь проповедуя то же, что проповедывал и при жизни? Поэтому не говори, почему допущено ему было умереть. Это была не смерть, а венец, не кончина, а начало лучшей жизни. Научись же

любомудрствовать, и не только не получишь никакого вреда из всего этого, а получишь величайшую пользу.

А что сказать о египтянке? Не обвиняла ли она Иосифа? Не распространяла ли о нем худой славы? Не оклеветала ли его? Не ввергла ли его в темницу? Не подвергала ли его крайней опасности? Не хотела ли погубить, когда он был у нее? Но какой вред ему был тогда или теперь? Подобно тому как горячие угли, скрытые под соломой, сначала кажутся потухшими, но внезапно начинают пожирать лежащее над ними и, воспламеняемые этой самой соломой, высоко выбрасывают пламя, — так и добродетель, которая казалась подавленной клеветой, затем вследствие самих препятствий расцветает еще более и поднимается до самого неба. Можно ли было сделать что-нибудь для этого юноши лучше того, что сделано было для него клеветой и наветами, хотя бы взять самый престол в Египте и даже царство там? Всегда с страданиями связываются слава, благоденствие, венцы. Разве не прославляют его по всей вселенной? И самая продолжительность времени не ослабила воспоминания о нем, но блистательнее и тверже царских статуй его добродетель и мудрость воздвигли себе, так сказать, статуи по всей вселенной в стране римлян и в стране вар-

варов, в совести каждого и в языке каждого. Мы все еще видим, как он, будучи узником и рабом, поучал эту жалкую и негодную блудницу должным образом вести себя, делал все от него зависящее для спасения, возбуждал в ней стыдливость, погашал печь, старался освободить ее от этой страшной бури и направить в пристань. Но так как буря продолжалась, корабль стал тонуть и она потерпела кораблекрушение, то он бежит от разъяренных волн, спасается на непоколебимой скале целомудрия, оставляя свои одежды в руках бесстыдницы и являясь в своей нагоде более блистательным, чем те, которые были в пурпурных одеждах, и, уподобляясь доблестному воину, торжествующему победителю, получает трофей целомудрия. Воспоминание не ограничивается и этим, а идя дальше, мы видим, как он опять отводится в темницу, как он, связанный и плененный, проводит там долгое время. Поэтому-то и опять мы особенно удивляемся ему, восторгаемся им и восхваляем его. Всякий, даже будучи уже целомудренным, думая о нем, становится еще более целомудренным, всякий бесстыдный — узнав о такой добродетели, под влиянием этого события приходит к целомудрию и исправляется вследствие этой истории. Итак, припоминая все это, не бойтесь, а извлекайте пользу из происшедших событий,

и терпение подвижников да будет для вас учителем твердости, и, видя, как вся жизнь благородных и славных мужей возвышалась чрез это, не унывайте и не возмущайтесь ни собственными, ни чужими испытаниями. Ведь и Церковь сначала подвергалась всевозможным бедствиям, а потому так и умножилась. Не удивляйтесь же, потому что в этом нет ничего необычайного. Но подобно тому как в настоящей жизни не там, где находится солома, сено или песок, но там, где находятся золото и жемчуг, там именно постоянно собираются и злоумышляют пираты и морские грабители, разбойники и раскапыватели гробниц, — так и диавол там именно и строит свои козни, где видит богатства, скопляемые душой, и умножающиеся сокровища благочестия. Но если те, которые подвергаются козням, будут бодрствовать, то не только ничего не потеряют, но получают еще большее богатство добродетели, как это случилось и теперь.

23. В этом же можно видеть и величайший признак богатства, благ и могущества Церкви. Когда лукавый демон увидел, что она процветает и благоденствует, в короткое время поднялась на высоту, проявляет большую деятельность, добродетельные все более преуспевают, а грешные раскаиваются, так что это общество распространялось по всей вселенной, то он привел

в движение все свои козни и поднял ожесточенные войны. Подобно тому как он утнетал Иова то потерей имущества, то смертью детей, то болезнью тела, то злословием его жены, то оскорблениями, насмешками и издевательствами друзей, так он нападал и на Церковь, возбуждая против нее, насколько возможно было, и ее друзей, и ее врагов, и тех, которые вступили в духовный чин, зачислились в сонм верующих, были почтены саном епископа, и, наконец, всяких лиц всякого состояния. Между тем, несмотря на все такие козни, не только он не мог поколебать ее, но даже сделал ее еще блистательнее. Нисколько не смутившись, она продолжала поучать всех, как она поучает и теперь, обуздывать страсти, сносить испытания, показывать терпение, пренебрегать житейским, не увлекаться богатством, пренебрегать честью, презирать смерть, не увлекаться жизнью, оставлять отечество, соотечественников, друзей, родных, быть готовыми ко всяким бедствиям, идти против мечей и все, что есть светлого в настоящей жизни, именно почести, славу, власть, роскошь, все это считать ничтожнее весенних цветов. И этому поучает не один кто-нибудь, не двое и не трое, а весь народ (христианский), и не словами только, а и делами, из-за которых страдают, которыми побеждают, чрез которые преодолевают злоумышленников,

чрез которые делаются тверже адаманта и крепче всякого камня; при этом не берутся за оружие, не поднимают войны, не прибегают к луку или стрелам, а будучи каждый огражден стеной терпения, благоразумия, честности и мужества, они, перенося зло, еще большим бесчестьем покрывают делающих таковое.

24. И вот теперь они со светлым лицом и свободными очами, пользуясь неизреченным дерзновением, выступают на площади, наполняют дома, стекаются на собрания, между тем как делавшие им зло всевозможными кознями теперь скрываются, имея внутри себя злую совесть, трепещут, боятся и мучатся. Подобно тому как дикие звери, которым угрожает смерть, после первого и второго удара с особенной яростью бросаются на острие копий и сами себе наносят еще более жестокие удары и ранят себя до сердца; подобно тому как волны, ударяясь в скалы, с особенной силой разбиваются и рассеиваются, — так и злоумышленники роют ямы скорее для себя, чем для других. Ведь у людей, которые подвергаются козням, есть вселенная, есть друзья, которые хвалят их, удивляются им, провозглашают о них, увенчивают их, зная или не зная их, узнавая о них по их делам, по молве о них, причем многие жалеют их, сочувствуют им, доставляют им все полезное; сами же зло-

умышленники имеют еще более лиц, которые ненавидят их, осуждают, укоряют, обличают, пристыжают их, желают видеть их в наказании и бедствии. И все это еще здесь; что же предстоит им там? Если соблазнивший и одного осуждается на такое наказание, что ему лучше повесить себе жернов на шею и утонуть в море, то подумай, каким подвергнутся наказаниям во время Страшного Суда, каким подвергнутся бедствиям те, которые возмущают всю вселенную, ниспровергают Церковь, разрушают всякий мир, производя повсюду тысячи соблазнов? Те же, которые страдают от них, после того, что они выстрадали, станут вместе с мучениками, вместе с апостолами, вместе с благородными и возвышенными мужами, блистая добродетелями, страданиями, венками, наградами, всяким дерзновением. Они увидят их наказываемыми и не смогут избавить их от этого наказания, хотя бы и чрезвычайно хотели этого; а последние будут возносить мольбу, но не будут услышаны. Если один богач, пренебрежительно отнесшийся к Лазарю, подвергся такому наказанию и не получил никакого облегчения, то чему подвергнутся те, которые преследовали и соблазняли столь многих? Размышляя обо всем этом, а также исследуя все, что свидетельствует об этом Божественное Писание, приготовляйте для себя

стену крепкую, а для немощных еще и надлежащее лекарство, и оставайтесь твердыми и непоколебимыми, ожидая предстоящих вам благ. Во всяком случае предстоит вам награда не только равная трудам, но и неизреченно превосходящая их. Так-то человеколюбив Бог: с великим любочестием вознаграждает Он воздаяниями и наградами тех, которые делают или говорят доброе, получить какие и да сподобимся мы во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки веков.

АМИНЬ.

ОБ УТЕШЕНИИ ПРИ СМЕРТИ

СЛОВО ПЕРВОЕ

1. **В**нимайте, братья, в молчании, чтобы не пролетели мимо вас слова полезные, а иногда и необходимые. Тогда особенно и нужно врачевание, когда бывает тяжкая болезнь; тогда и надобно тщательно прикладывать целебную примочку, когда глаз страдает от боли. Впрочем, и тот, у кого нет этой болезни, пусть не ропщет, но лучше пусть выслушает, потому что и здоровому не излишне знать полезное врачевство. А у кого в настоящее время умственное око расстроено и страдает от боли, тот пусть будет еще более внимательным, чтобы открыть свое око для принятия врачевства спасительной беседы, от которой получить не только утешение, но и облегчение. Известно, что если у кого болит глаз и если больной не согласится открыть его врачу, чтобы влить целебную примочку, то

примочка будет течь по наружной поверхности века, а глаз останется больным; так и ум человека, пораженного скорбью, если вследствие чрезмерной печали не откроет себя для слова, то, не приняв спасительного увещания, начнет болеть еще сильнее и, может быть, подвергнется тому, что указано в Писании: *печаль мирская производит смерть* (2 Кор 7, 10). Блаженный апостол Павел, учитель верующих и благотворный врач, сказал, что печаль бывает двоякого рода: одна добрая, а другая злая, одна полезная, а другая бесполезная, одна спасительная, а другая пагубная. А чтобы мои слова не показались кому-нибудь сомнительными, я приведу самые слова его. Он говорит: *печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению*. Это — печаль добрая. Затем следует: *а печаль мирская производит смерть*; это — печаль злая.

2. Посмотрим же, братья, полезна ли или бесполезна та печаль, которая теперь занимает нас, которая теперь наполняет нашу грудь и слышится в самом голосе; может ли она принести пользу или вред? Представим, что лежит бездыханное тело, лежит на столе человек без человека, члены без духа; ему кричат, а он не отвечает; его зовут, а он не слышит; лежит с бледным лицом, с измененным видом, в котором выражается самая смерть; при этом вспоминаются его

непрерывное молчание, удовольствие и польза, которые от него были или могли быть; вспоминаются его отношения к другим, приходят на ум его приятнейшие слова, долговременное обращение с ним. Вот, без сомнения, то, что извлекает слезы, вызывает рыдание и повергает всю душу в глубокую печаль! Против этого столь сильного, столь крепкого оружия скорби надобно прежде всего поставлять ту мысль, что все, рождающееся в этом мире, необходимо должно умереть. Это — закон Божий и неизменный приговор, который изречен был праотцу человеческого рода, после его грехопадения, в словах Божиих: *прах ты и в прах возвратишься* (Быт 3, 19). Что же случилось нового, если человек, на это рожденный, выполняет закон и приговор Божественный? Что нового случилось, если родившийся от смертных соответствует своей природе в том, чего избежать не мог? Нет ничего необыкновенного в том, что существует издревле, нет ничего неслыханного в том, что случается каждодневно; нет ничего особенного в том, что всеобще. Если мы знаем, что деды и прадеды наши прошли этим же путем смерти, если слышали, что, наконец, и сами патриархи и пророки, от Адама первозданного, переселились из здешнего мира не без смерти, то возведем душу свою из глубины печали; ведь здесь человек отдает

630 долг, которым он был должен. Как же можно печалиться, когда отдается долг? Подлинно, это — долг, которого невозможно заплатить никакими деньгами, — долг, от которого не избавляет ни мужество, ни мудрость, ни могущество и которого не могут отклонить от себя, наконец, и сами цари. Я, конечно, посоветовал бы тебе усилить свою печаль, если бы это дело происходило от нерадения или от скупости, тогда как можно было бы тебе своими средствами откупиться от него или отсрочить его; но если это Божие определение, твердое и неизменное, то мы напрасно скорбим и спрашиваем себя: почему такой-то умер, когда написано: *Господня, Господня исходяща смертная* (Пс 67, 21)? Таким образом, если принять во внимание это общее условие нашей жизни, то отягченное око сердца начнет чувствовать облегчение, как бы от приложенной к нему первой примочки.

3. Я знаю, скажешь ты, что это общая участь; знаю, что тот, кто умер, заплатил долг; но я представляю происходившее от него удовольствие, припоминаю отношения его к другим, вспоминаю об его обращении. Если ты поэтому предаешься скорби, то ты действуешь ошибочно, а не руководишься разумом. Ты должен знать, что Господь, Который дал тебе это удовольствие, может дать и другое, лучшее; и Тот, Кто доставил

тебе такое знакомство, имеет достаточно силы вознаградить тебя другим образом. Что касается пользы, то ты как смотришь на свою пользу, так же должен думать и о пользе умершего; может быть, это для него полезнее, как написано: *восхищен, чтобы злоба не изменила разума его; <...> ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорил он из среды нечестия извести его* (Прем 4, 11; 14). А о сообществе с ним что мне сказать, когда самое время приводит его в такое забвение, как будто его никогда не бывало? Поэтому что производит время и смена дней, то гораздо более должны производить разум и здравое суждение. Особенно же надобно помышлять о том, что Божественная мудрость изрекла чрез апостола: *печаль мирская производит смерть* (2 Кор 7, 10). Итак, если и удовольствие, и настоящая польза, и знакомство составляют предметы здешнего мира и радости века скоропреходящие, то, смотри, ради их падать духом и сокрушаться сердцем не есть ли поистине смертельная болезнь? Опять и опять я повторяю те же слова: *печаль мирская производит смерть*. Почему же она производит смерть? Потому, что чрезмерная печаль обыкновенно доводит или до сомнения, или до пагубного богохульства.

4. Но, скажет кто-нибудь, как же ты запрещаешь оплакивать умерших, когда и праотцы

плакали, и Моисей, раб Божий, и затем многие пророки, — особенно же, когда и праведнейший Иов разодрал свою одежду по случаю смерти сыновей своих (см.: Иов 1, 20)? Не я запрещаю оплакивать умерших, а просветитель народов — апостол, который говорит так: *не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды* (1 Фес 4, 13). Те, которые жили до закона или находились под тенью закона, оплакивали своих мертвецов; но свет Евангелия не может так помрачаться. И они справедливо плакали, — потому что еще не приходил с небес Христос, Который осушил этот источник слез Своим воскресением. Они справедливо плакали, — потому что смертный приговор оставался еще в силе. Они справедливо проливали слезы, — потому что еще не было проповедано о воскресении. Хотя тогда святые и ожидали Пришествия Господня, но между тем оплакивали умерших, потому что еще не видали Того, Кого ждали. Наконец, Симеон, один из ветхозаветных святых, который прежде также беспокоился о своей смерти, после того как принял на руки Господа Иисуса еще младенцем во плоти, с радостью приветствует свою кончину и говорит: *ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром,*

ибо видели очи мои спасение Твое (Лк 2, 29–30). О, блаженный Симеон! Увидев то, чего ждал, он уже стал смотреть на свою смерть как на мир и успокоение. А вот, скажешь, читается и в Евангелии, что плакали и о дочери начальника синагоги (см.: Лк 8, 52), и сестры Лазаря оплакивали Лазаря (см.: Ин 11, 31). Но они рассуждали еще по ветхозаветному закону, — потому что еще не видели воскресения Христова из мертвых. Плакал, правда, и Сам Господь о Лазаре уже погребенном, но не для того, чтобы подать пример оплакивания умерших, а чтобы своими слезами показать, что и Он воспринял истинное тело; или вероятно, Он по человеческой любви оплакивал иудеев, которые, несмотря даже на такое чудо, не имели уверовать в Него. Ведь не могла быть причиной слез смерть Лазаря, о котором Сам Иисус сказал, что он уснул, и обещал пробудить его, как и сделал.

5. Итак, древние имели свои нравы и свою немощь, как жившие прежде Пришествия Христова. Но когда *Слово стало плотью, и обитало с нами* (Ин 1, 14), когда приговор, изреченный первому Адаму, был разрешен последним Адамом, когда Господь разрушил нашу смерть Своей смертью и воскрес из мертвых в третий день, то смерть уже стала не страшна для верующих; не страшен запад, когда пришел Восток свыше.

Сам Господь, Который не может говорить лжи, взывает так: *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек* (Ин 11, 25–26). Ясно, возлюбленнейшие братья, говорит Божественное изречение, что верующий во Христа и соблюдающий заповеди Его хотя и умрет, будет жив. Это изречение принимая и содержа всеми силами веры, блаженный апостол Павел и предлагал такое увещание: *не хочу же оставить вас, братия, в неведении об усопших, дабы вы не скорбели* (1 Фес 4, 13). О, дивное изречение апостола! Еще прежде, нежели изложил свое учение, он одним словом уже проповедует воскресение. Он называет умерших усопшими для того, чтобы, выражаясь о них как о спящих, сделать несомненным их будущее воскресение. Не скорбите, говорит, о усопших, как *прочие*. Пусть скорбят те, которые не имеют упования, а мы, чада упования, будем радоваться. А в чем состоит наше упование, он сам напоминает об этом в следующих словах: *если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним* (1 Фес 4, 14). Иисус для нас — спасение, пока мы живем здесь, и жизнь, когда мы переселяемся отсюда. *Для меня, говорит апостол, жизнь — Христос, и смерть — приобретение* (Флп 1, 21). Поистине — приобретение,

потому что смерть с пользой прекращает бедствия и страдания, которые сопряжены с долговременной жизнью. Затем апостол описывает и то, в каком порядке и каким образом должно исполниться наше упование. *Ибо сие, говорит, говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем* (1 Фес 4, 15–17). Слова его означают то, что Господь, придя, найдет многих христиан в телах еще не испытавшими смерти; и, однако, они не прежде восхищены будут на небо, как умершие святые восстанут из гробов, будучи пробуждены трубой Божией и гласом Архангела. Когда же они будут пробуждены, то, соединившись с живыми, вместе с ними восхищены будут на облаках в сретение Христу на воздух и таким образом будут царствовать с Ним всегда. Нельзя, конечно, сомневаться в том, что тела, имеющие тяжесть, могут подняться в воздухе, когда по повелению Господню Петр, имевший такое же тело, ходил по волнам морским (см.: Мф 14, 29) и Илия, для подтверждения этого

636 упования, также был восхищен на огненной ко-
 6 леснице по этому воздуху на небо (см.: 4 Цар 2, 11).

6. Но, может быть, ты спросишь: каковы будут воскресшие из мертвых? Послушай Самого Господа твоего, Который говорит: *тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (Мф 13, 43). Нужно ли мне упоминать о блеске солнечном? Так как верующие должны преобразиться сообразно со светлостью Самого Христа Господа, как свидетельствует апостол Павел: *наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его* (Флп 3, 20–21), — то преобразится, без сомнения, эта смертная плоть сообразно с светлостью Христа, смертное облечется в бессмертие, посеянное в *немощи* потом восстанет в *силе* (ср.: 1 Кор 15, 43). Тогда тело уже не будет бояться тления, не станет страдать ни от голода, ни от жажды, ни от болезней, ни от несчастных случаев, потому что там — надежное спокойствие и прочная безопасность жизни; там иная слава — небесная; и тамошняя радость не будет иметь недостатка.

7. Сохраняя это в уме и имея пред глазами своими, блаженный Павел говорил: я желал бы разрешиться и быть со Христом, потому что

это несравненно лучше (Флп 1, 23). И еще, излагая свое учение открыто, он говорит: *водворяясь в теле, мы устранены от Господа, — ибо мы ходим верою, а не видением, — то мы благодушествуем*, продолжает он, *и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа* (2 Кор 5, 6–8). Что же делаем мы, маловерные, предаваясь скорби и отчаянию, если кто-нибудь из наших возлюбленных переселяется к Господу? Что мы делаем, утешаясь странствованием в этом мире больше, нежели тем, чтобы предстать пред лице Христово? Подлинно и воистину вся наша жизнь есть странствование: как странники в этом мире, мы не имеем верного пристанища, работаем, трудимся до пота, проходя путями трудными и исполненными опасностей; со всех сторон приготовлены нам козни — от врагов духовных и телесных, везде стези заблуждений. И несмотря на то, что нас окружает столько опасностей, мы не только сами не желаем избавиться от них, но даже и о тех, которые избавились, плачем и рыдаем, как о погибших. Что же сделал для нас Бог чрез Своего Единородного Сына, если мы еще боимся смертных случаев? Зачем и хвалимся мы тем, что возродились водой и Духом, если нас так огорчает переселение из здешнего мира? Сам Господь взывает: *кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой*

638 *будет* (Ин 12, 26). Когда земной царь пригласит
 ☞ кого-нибудь в свой дворец или на пиршество, то как ты думаешь, приглашенный не поспешит ли с благодарностью? Гораздо с большим усердием должно стремиться к Небесному Царю, Который сделает тех, кого примет, не только участниками пиршества, но даже и общниками царствования, как написано: *если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2 Тим 2, 11–12). И не то я говорю, чтобы иной наложил на себя руки, или умертвил сам себя вопреки воле Творца Бога, или изгнал душу из временного ее жилища — своего тела; но хочу сказать то, чтобы каждый, когда позовут туда его самого или ближнего, с радостью и веселием и сам шел, и других идущих приветствовал. В том и состоит сущность христианской веры, чтобы ожидать истинной жизни по смерти, надеяться на возвращение после исхода. Итак, приняв слова апостола, будем с верой воздавать благодарность Богу, даровавшему нам победу над смертью чрез Христа, Господа нашего, Которому слава и держава ныне и во веки веков.

АМИНЬ.

СЛОВО ВТОРОЕ

1. **В** прежней беседе мы кратко сказали об утешении при виде смерти и о надежде воскресения; теперь поспешим сказать о том же полнее и обстоятельнее. Если для верующих сказанное мною, конечно, несомненно, то для неверующих и сомневающихся оно представляется баснословным; к ним теперь мы и обратим несколько слов, относящихся к предмету. Так, неверующие, все ваше сомнение касается телесного состава. Для некоторых кажется невероятным, чтобы тело, обратившееся в прах, могло снова восстать, снова ожить. А касательно души никто из людей не может сомневаться: о бессмертии души не разногласят даже и философы, хотя они были и язычники. В самом деле, что такое смерть, как не отделение души от тела? Когда отделяется душа, которая всегда живет и умирать не может, так как она произошла от вдуновения Божия, то умирает только одно тело, потому что у нас одна часть смертна, а другая бессмертна. Когда же отделится душа, которая для телесных глаз невидима, то принимается Ангелами и помещается или на лоне Авраамовом, если она верующая, или в преисподней темнице, если она грешница, до тех пор, пока придет определенный день, в который она

опять примет свое тело и пред Престолом Христа, истинного Судьи, отдаст отчет в своих делах. Если таким образом все сомнение касается тела, то нужно защитить его немощь и доказать воскресение.

2. Поэтому, если кто из сомневающихся и неверующих спросит меня: как воскреснут умершие и в каком явятся теле?— то я отвечу ему устами и словами апостола: *безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно пшеницы или какого-либо другого семени (1 Кор 15, 36–37), зерно мертвое и сухое, без влаги; и когда оно истлеет, то снова восстает плодороднейшим, одевается листьями и снабжается колосьями. Итак, Кто пробуждает зерно пшеницы для тебя, Тот неужели не в состоянии будет пробудить тебя для Себя? Кто каждый день пробуждает солнце как бы из гроба ночи, и возводит луну как бы из гибели, и вызывает обратно времена года, возвращающиеся для нашей пользы, Тот неужели не возвратит к жизни нас самих, для которых Он возобновляет все, неужели попустит однажды навсегда погибнуть тем, которых Он воспламенил Своим дыханием и оживил Своим Духом? Неужели навсегда перестанет существовать человек, который благоговейно познал и почитал Его?*

Но ты опять сомневаешься: как можешь ты обновиться после смерти, воссоздаться из праха и разрушившихся костей? Скажи же мне, человек, чем ты был прежде своего зачатия в утробе матери? Ничем, конечно. Итак, Бог, сотворивший тебя из ничего, не удобнее ли может воссоздать тебя из чего-нибудь? Поверь мне, легче будет обновить уже прежде бывшее Тому, Кто мог сотворить и то, чего не было. Кто повелел тебе в утробе твоей матери произрасти из капли безобразной жидкости и облечься нервами, жилами и костями, Тот, поверь мне, в состоянии будет родить тебя снова из утробы земной. Но ты боишься, что иссохшие твои кости не смогут облечься прежней плотью? Не суди, не суди о величии Божиим по собственной своей немощи. Бог, Творец всех вещей, одевающий деревья листьями и луга цветами, может немедленно облечь и твои кости в определенное время весны, при воскресении. Сомневался в этом самом некогда и пророк Иезекииль и на вопрос Господа, оживут ли сухие кости, которые представились ему рассеянными по полю, отвечал: *Ты знаешь это, Господи* (Иез 37, 3). Но когда он увидел, как кости, по Божию повелению и его собственному пророчеству, пошли к своим местам и составам, когда увидел, что сухие кости стали облекаться нервами, связываться жилами,

покрываться плотью, одеваться кожей, то после этого изрек пророчество о духе, и пришедший дух каждого вошел в лежащие на земле тела; они воскресли и тотчас встали. Убежденный таким образом в воскресении, пророк описал это видение, чтобы познание о таком предмете дошло до потомков. Поэтому справедливо взывает Исаия: *оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений* (Ис 26, 19). Подлинно, как семена, увлажненные росой, прозябают и возрастают, так возрастут и кости верующих от росы Духа.

3. Но ты сомневаешься, каким образом из малых костей может восстановиться целый человек? А ты сам из малой искры огня производишь большой пламень: неужели же Бог не в состоянии будет из малой закваски твоего праха восстановить полный состав твоего небольшого тела? Если ты и скажешь: и самих остатков тела нигде не видно, так как, может быть, они истреблены огнем или пожраны зверями, — то прежде всего знай, что все разрушающееся хранится в недрах земли, откуда по повелению Божию опять и может произойти. И ты, когда еще огня не видно, берешь камешек и кусочек железа и из недр камня высекаешь огня, сколько нужно. Если же ты, при помощи своего ума и искусства,

которыми тебя Сам Бог наделил, производишь на свет то, что было невидимо, то неужели у величия Божия не останется силы для того, чтобы произвести то, чего еще не видно? Поверь мне, для Бога все возможно.

4. Ты спрашивай только о том, обещал ли Бог совершить воскресение; и когда узнаешь из свидетельств, столь многих, что оно обещано, когда будешь иметь несомненнейшее уверение Самого Господа Христа, то, утвердившись в вере, уже перестань бояться смерти. Кто еще боится ее, тот не верует; а кто не верует, тот впадает в неисцелимый грех, так как своим неверием дерзает представлять Бога или бессильным, или лживым. Но не то доказывают блаженные апостолы, не то — святые мученики. Апостолы, в доказательство этого учения о воскресении, проповедуют, что Христос воскрес, и возвещают, что в Нем будут воскрешены и умершие, притом они не отказывались ни от смерти, ни от мучений, ни от крестов. Если же при свидетельстве *двух или трех свидетелей* будет твердо всякое слово, то как можно подвергать сомнению воскресение мертвых, которое имеет так много и таких достоверных свидетелей, о котором они свидетельствуют, проливая кровь свою? А святые мученики? Имели ли они твердую надежду воскресения или нет? Если бы не имели, то не приняли бы, как

величайшее приобретение, смерть после столь многих мучений и казней. Они помышляли не о казнях настоящих, а о наградах последующих; они знали, что *видимое временно, а невидимое вечно* (2 Кор 4, 18). Выслушайте, братья, и о примере мужества. Мать (Маккавеев) убеждала семерых сыновей своих и не плакала, а больше радовалась; видела она, как сыновей ее терзают когтями, рассекают железом, жарят на сковороде, и не проливала слез, не выпускала воплей, но старательно убеждала детей к терпению. Ведь она была не жестокосердой, а верующей, она любила сыновей, но не изнеженно, а мужественно. Она побуждала детей к страданию, которое с радостью и сама приняла, — потому что была уверена в воскресении своем и сыновей своих. Зачем говорить о (других) мужах, женах, отроках, отроковицах, как они радовались этой смерти, с какой величайшей поспешностью переходили к небесному воинству? Они могли сохранить настоящую жизнь, если бы захотели, — потому что от них зависело отречься от Христа и жить или исповедать Его и умереть. Но они избрали лучше потерять жизнь временную и приобрести жизнь вечную, оставить землю и поселиться на небе.

5. После этого, братья, есть ли какое место сомнению? Может ли еще оставаться страх смер-

ти? Если мы — сыны мучеников, если мы желаем быть их общниками, то не станем скорбеть о смерти, не будем оплакивать любезных нам, которые прежде нас отходят к Господу. Если мы захотим скорбеть о них, то будут укорять нас блаженные мученики и скажут: о, верующие и желающие Царства Божия, вы, которые горько плачете и рыдаете о любезных ваших, умирающих спокойно на ложах и мягких постелях, — что стали бы вы делать, если бы увидели их мучимыми и умерщвляемыми от язычников за имя Господне? Разве нет у вас древнего примера? Праотец Авраам, принося в жертву своего единственного сына, заклал его мечом послушания Богу (см.: Быт 22, 10), не пощадил и того, кого любил такой любовью, чтобы доказать свою покорность Господу. Но если вы скажете, что он так поступил по Божию повелению, то ведь и вы имеете заповедь, чтобы не скорбеть об усопших. А кто не соблюдает самого малого, тот как соблюдет большее? Или вы не знаете, что дух, который сокрушается в таких обстоятельствах, оказывается неспособным к делам труднейшим? Кто боится ручья, тот пойдет ли когда-нибудь в море? Так и тот, кто нетерпеливо оплакивает потерю, в состоянии ли будет когда-нибудь выступить на подвиг мученический? Напротив, тот, кто в подобных обстоятельствах остается твердым

646 и великодушным, уже этим самым устрояет себе
 卐 ступень к подвигам важнейшим.

6. Этого, братья, достаточно было бы для того, чтобы научиться презрению смерти и утвердиться в надежде на будущее. Но остается мне привести один пример из древности, который может доставить всякое утешение и который пусть выслушают все слухом сердца, хотя бы и страждущего. Великий царь Давид весьма сильно скорбел, когда любимый его сын, которого он любил, как свою душу, был поражен болезнью (см.: 2 Цар 12, 16 и сл.); а так как человеческие средства уже не приносили никакой пользы, то он обратился к Господу, отложив царскую пышность, сел на земле, лег во власянице, не ел и не пил, молясь Богу целых семь дней, в надежде, не будет ли ему возвращен сын его. Старейшины дома его приступили к нему с утешениями и просили его вкусить хлеба, опасаясь, чтобы он, желая жизни сыну, сам прежде него не дошел до изнеможения; но не могли ни убедить его, ни принудить, — потому что нетерпеливая любовь обыкновенно презирает и самые опасности. Царь лежал в мрачной власянице, а сын его болел; ни слова не доставляли ему утешения, ни самая потребность пищи не действовала; душа его питалась скорбью, грудь дышала печалью, вместо питья текли из глаз слезы. Между

тем совершилось то, что было предопределено Богом: младенец умер; жена была в слезах, весь дом наполнен был стонами, слуги в страхе ожидали, что будет; никто не смел известить господина о смерти сына, опасаясь, чтобы царь, который так горько оплакивал еще живого сына, не лишил себя жизни, услышав об его смерти. Между тем как слуги совещались между собой, между тем как они в унынии то советовали, то запрещали друг другу говорить, Давид понял и предупредил вестников, спросив, не скончался ли сын. Не имея возможности отрицать, они слезами объявили о случившемся. При этом было необыкновенное опасение, сильное ожидание и страх, как бы нежный отец не подверг сам себя опасности. Но царь Давид немедленно оставляет власяницу, весело встает, как будто получив весть о безопасности сына, идет в умывальницу и умывает свое тело, приходит в храм, молится Богу, вкушает пищу вместе с приближенными, подавив вздохи, отложив всякое сетование, и с веселым уже лицом. Домашние удивляются, приближенные изумляются этой необыкновенной и внезапной перемене и наконец осмеливаются спросить его, что это значит, что при жизни сына он так скорбел, а по смерти — не скорбит? Тогда этот необыкновенный по своему великодушию муж отвечал им: пока сын

648
☞

был еще жив, то необходимо было и смириться, и поститься, и плакать пред лицом Господним, потому что была надежда на возвращение его к жизни; но когда воля Господня совершилась, то безрассудно и нечестиво терзать душу бесполезным плачем; теперь, говорит он, *я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне* (2 Цар 12, 23). Вот пример великодушия и мужества! Если же Давид, еще бывший под законом, имевший, не скажу позволение, а необходимость — плакать, если он так удержал душу от безрассудного плача и так умерил печаль свою и своих приближенных, то мы, живущие уже под благодатью, имеющие верную надежду воскресения, получившие запрещение всякого сетования, почему так упорно оплакиваем своих мертвецов по примеру язычников, поднимаем безрассудные вопли, как бы в некоторого рода опьянении разрываем одежды, обнажаем грудь, поем пустые слова и причитанья около тела и гробницы усопшего? Для чего, наконец, окрашиваем платье в черный цвет, если только не для того, чтобы не только слезами, но и самой одеждой показать себя поистине неверующими и жалкими? Все это, братья, должно быть чуждо нам, непозволительно; а если бы и было позволительно, то не было бы прилично. Впрочем, иных из братьев и сестер, которых собственная вера их и за-

поведь Господня могли бы сделать твердыми, обессиливает и сокрушает мнение родственников и соседей, как бы не почли их каменными и жестокосердыми, если они не переменят одежды, если не предадутся с неистовством безумному плачу. Но как пусто, как непристойно думать о мнении людей заблуждающихся, а не бояться того, как бы не причинить ущерба вере, которую принял! Почему бы такому человеку не поучиться лучше терпению? Почему бы тому, кто сомневается, не научиться от меня вере? Если бы даже и действительно в груди его была такая печаль, то и в таком случае следовало бы в безмолвии умерять скорбь рассудительностью, а не разглашать о ней с душевным легкомыслием.

7. Хочу предложить еще один пример для исправления тех, которые думают оплакивать умерших. Этот пример — из языческой истории. Был один языческий начальник, имевший единственного и довольно любимого сына. Когда он, по языческому заблуждению, приносил в Капитолии жертву своим идолам, доходит до него весть, что единственного сына его не стало. Он не оставил жертвы, которая была в руках его, не заплакал и даже не вздохнул, но послушайте, что отвечал: пусть, говорит, погребут его; я помню, что я родил сына смертным. Посмотри на

650
☞

ЭТОТ ОТВЕТ, ПОСМОТРИ НА МУЖЕСТВО ЯЗЫЧНИКА: ОН не велел даже дожидаться себя, чтобы сын был предан погребению в его присутствии. Что же будет с нами, братья, если диавол в самый день суда выведет его против нас пред Христом и скажет: ЭТОТ ПОЧИТАТЕЛЬ МОЙ, КОТОРОГО Я ОБОЛЬЩАЛ СВОИМИ КОЗНЯМИ, ЧТОБЫ ОН СЛУЖИЛ СЛЕПЫМ И ГЛУХИМ ИСТУКАНАМ, КОТОРОМУ Я НЕ ОБЕЩАЛ НИ ВОСКРЕСЕНИЯ ИЗ МЕРТВЫХ, НИ РАЯ, НИ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО, ЭТОТ ДОБЛЕСТНЫЙ МУЖ, УЗНАВ О СМЕРТИ СВОЕГО ЕДИНСТВЕННОГО СЫНА, НЕ ОПЕЧАЛИЛСЯ, И НЕ ВЗДОХНУЛ, И НЕ ОСТАВИЛ ПРИ ТАКОМ ИЗВЕСТИИ МОЕГО КАПИЩА; А ТВОИ ХРИСТИАНЕ, ТВОИ ВЕРУЮЩИЕ, ЗА КОТОРЫХ ТЫ РАСПЯЛСЯ И УМЕР, ЧТОБЫ ОНИ НЕ БОЯЛИСЬ СМЕРТИ, НО БЫЛИ УВЕРЕНЫ В ВОСКРЕСЕНИИ, НЕ ТОЛЬКО ОПЛАКИВАЮТ УМЕРШИХ И ГОЛОСОМ, И ВИДОМ, НО ДАЖЕ ЗАТРУДНЯЮТСЯ ТОГДА ИДТИ В ЦЕРКОВЬ, А НЕКОТОРЫЕ ДАЖЕ И ИЗ КЛИРИКОВ ТВОИХ И ПАСТЫРЕЙ ПРЕРЫВАЮТ СВОЮ СЛУЖБУ, ПРЕДАВАЯСЬ ПЛАЧУ, КАК БЫ ВОПРОКИ ТВОЕЙ ВОЛЕ. ПОЧЕМУ? ПОТОМУ, ЧТО ТЫ БЛАГОВОЛИЛ ПРИЗВАТЬ ИХ К СЕБЕ ИЗ ТЬМЫ ВЕКА. ЧТО ЖЕ МЫ, БРАТЬЯ, БУДЕМ В СОСТОЯНИИ ОТВЕЧАТЬ НА ЭТО? НЕ БУДЕМ ЛИ МЫ ОБЪЯТЫ СТЫДОМ, КОГДА В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ ОКАЖЕМСЯ НИЖЕ ЯЗЫЧНИКОВ? ЯЗЫЧНИК, НЕ ЗНАЮЩИЙ БОГА, ДОЛЖЕН ПЛАКАТЬ, ПОТОМУ ЧТО ОН, КАК ТОЛЬКО УМРЕТ, ПРЯМО ИДЕТ НА КАЗНЬ. ДОЛЖЕН СОКРУШАТЬСЯ И ИУДЕЙ, КОТОРЫЙ, НЕ ВЕРУЯ ВО ХРИСТА,

обрек свою душу на погибель. Достойны сожаления также и наши оглашенные, если они или по своему неверию, или по нерадению ближних скончаются без спасительного крещения. Но кто освящен благодатью, запечатлен верой, честен по поведению или неизменен в невинности, того, когда он отойдет из здешнего мира, надобно ублажать, а не оплакивать, тому надобно завидовать, а не скорбеть о нем сильно, — впрочем, завидовать умеренно, так как мы знаем, что в свое время и мы сами последуем за ними.

8. Итак, верующий, отри слезы, удержи вздохи, прекрати рыдания и вместо этой печали прими на себя ту спасительную печаль, которую блаженный апостол назвал печалию *ради Бога*, которая обыкновенно доставляет верное спасение, то есть раскаяние в сделанных проступках (см.: 2 Кор 7, 10). Испытай свое сердце, спроси свою совесть и, если найдешь что-нибудь, требующее покаяния, — а ты найдешь это, как человек, — то вздыхай при исповедании грехов, проливай слезы в молитве, сокрушайся об истинной смерти, о наказании души, сокрушайся о грехе, как говорит Давид: *яко беззакония моя аз знаю, и грех мой предо мною есть вина* (Пс 50, 5); и не страшись разрушения этого тела, которое в свое время, по повелению

Божью, обновится к лучшему. Посмотри, как определением Божиим назначено и то и другое: *наступает время, говорит оно, в которое все, находящиеся в гробах, оживут* (Ин 5, 28). Вот успокоение, вот побуждение к презрению смерти! А что далее? *И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения* (Ин 5, 29). Вот и различие между воскресшими! Воскреснуть должно, конечно, всякому вообще телу человеческому; но добрый воскреснет для жизни, а злой воскреснет для казни, как написано: *сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных* (Пс 1, 5). Поэтому, чтобы нам воскреснуть не для осуждения, перестанем скорбеть о смерти, а примем на себя печаль раскаяния, позаботимся о добрых делах и о лучшей жизни, будем думать о прахе и умерших для того, чтобы помнить, что и мы смертны, и чтобы, при таком воспоминании, нам не пренебрегать своим спасением, пока есть время, пока еще возможно, то есть или приносить лучшие плоды, или исправляться, если мы согрешили по неведению, чтобы нам, если день смерти застигнет нас нечаянно, не пришлось искать времени для покаяния и не находить его, просить милости и возможности загладить грехи и не получить желаемого.

9. Итак, братья, мы показали всеобщность смерти, объяснили непозволительность слез, показали немощь древних и несвойственность ее для христиан, объяснили тайну Господню, привели свидетельство апостолов о воскресении, упомянули о деяниях апостолов и страданиях мучеников, указали, кроме того, на пример Давида и, сверх этого, на поступок язычника, наконец, представили и вредную, и полезную печаль, ту, которая вредит, и ту, которая спасает чрез покаяние. Когда таким образом все это показано, то что другое должно делать нам, братья, как не взывать с благодарностью к Богу Отцу: *да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе* (Мф 6, 10)? Ты даровал жизнь, Ты установил и смерть; Ты вводишь в мир, Ты и изводишь из мира и, изведши, сохраняешь; ничто из Твоего не погибает, так как Ты сказал, что и волос с голов их не погибнет (см.: Лк 21, 18). *Отымеши дух их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся. Послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс 103, 29–30). Вот, братья, слова, достойные верующих, вот спасительное врачевство; чей глаз отерт этой губкой утешения, увлажен с благоразумием этой примочкой, тот не только не почувствует слепоты отчаяния, но не испытает и малейшего нагноения печали, а напротив, взирая на все светло очами

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЙ ПОЛЕЗНО

654
☪

сердца, будет говорить подобно терпеливейшему Иову: *Господь дал, Господь и взял; [как угодно было Господу, так и сделалось;] да будет имя Господне благословенно во веки веков (Иов 1, 21).*

АМИНЬ.

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЙ ПОЛЕЗНО

и что оно делает внимательного недоступным для рабства и стеснительных обстоятельств, также о том, что название апостолов есть название многих достоинств и что апостолы получили силу и власть гораздо большую, чем внешние властители и сами цари; и наконец, к новопросвещенным

1. **К**огда я, будучи призываем к беседе пред таким множеством народа, посмотрю на бедность моего ума, то ужасаюсь и отступаю; но когда посмотрю на ваше усердие и ненасытное желание слушать, то ободряюсь, воз-

буждаюсь и охотно вступаю на поприще учения, потому что вы своим усердием и желанием слушать могли бы и каменную душу сделать легче всякого пера. Как животные, живущие в пещерах и в течение зимы скрывающиеся в скалах, увидев наступившее лето, оставляют убежища, собираются вместе с прочими животными и веселятся вместе с ними, так и душа моя, скрывавшаяся как бы в некоторой пещере сознания своей немощи, увидев усердие вашей любви, оставляет пещеру, вступает в ваше собрание и вместе с вами восторгается прекрасными восторгами Писаний на духовном и божественном луге, в раю Писания. Подлинно, чтение Божественных Писаний есть духовный луг и рай сладости, рай сладости превосходнейшей того рая. Этот рай Бог насадил не на земле, а в душах верующих; этот рай Он поставил не в Эдеме и не ограничил одним местом на востоке, но распространил по всей земле и распростер до пределов вселенной. А что Он распространил Писания по всей вселенной, об этом послушай пророка, который говорит: *во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их* (Пс 18, 5). Хотя бы ты отправился к индейцам, которых первых озаряет восходящее солнце, хотя бы удалился на океан или на британские острова, хотя бы приплыл в Евксинский

понт¹, хотя бы достиг северных стран, везде услышишь, как все любомудрствуют о том, что содержится в Писании, другим языком, но не другою верою, различными наречиями, но одинаковым умом. Хотя звуки голоса различны, но образ благочестия неразличен; хотя они остаются варварами по языку, но любомудрствуют по мыслям; хотя они странны по наречию, но благочестивы по жизни. Видишь ли обширность рая, распростертого до пределов вселенной? Здесь нет змия; это место свободно от диких зверей и ограждается благодатию Духа. Этот рай, как тот, имеет и источник, — источник, из которого вытекает множество рек, а не четыре. Не Тигр, не Евфрат, не египетский Нил и не индийский Ганг, но бесчисленное множество рек изливает этот источник. Кто говорит это? Сам Бог, даровавший нам такие реки. *Кто верует в Меня, говорит Он, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой* (Ин 7, 38). Видишь ли, как из этого источника вытекают не четыре реки, а бесчисленное множество? И не по множеству рек только, но и по естеству своему удивителен этот источник, потому что в нем не потоки воды, а дары Духа. Этот источник отделяется в каждую душу верующих и не уменьшается; разделяется

¹ Черное море.

и не истощается; распределяется и не убавляется: во всех он находится всецело, и в каждом всецело. Таковы дары Духа. Хочешь ли узнать свойство этих вод, как они не похожи на те, но гораздо лучше и удивительнее тех? Послушай опять Самого Христа, беседующего с самарянкою, чтобы тебе узнать обилие этого источника. *Вода, говорит Он, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную* (Ин 4, 14). Не сказал: *выходящей*; не сказал: *изливающейся*; но: *текущей* (αλλομένου) — указывая нам потоками на ее изобилие. Ключевые воды обыкновенно исторгаются и вытекают отовсюду, где источники не могут удержать их в своих недрах, но, будучи преодолеваемы непрестанным притоком, извергают их отовсюду. Поэтому, желая показать обилие потоков, Он сказал: *текущей*, а не: *выходящей*. Хочешь ли узнать и свойство ее? Узнай из ее употребления: она полезна не для жизни настоящей, но для жизни вечной. Будем же пребывать в этом раю, будем сидеть при этом источнике, чтобы нам не потерпеть того же, что потерпел Адам, и не лишиться рая; не будем принимать пагубного совета, не допустим к себе обольщения от диавола; будем пребывать внутри, потому что здесь великая безопасность, — будем пребывать в чтении Писаний. Как сидящие при источнике,

наслаждающиеся его прохладою и при наступлении жара часто погружавшие в него лицо свое устраняют удушливый жар потоками и, если беспокоит их жажда, легко облегчают мучение, имея врачевство вблизи в источнике, так и находящийся при источнике Божественных Писаний, если почувствует беспокоящий его пламень непристойной похоти, легко потушит пламень, погрузив душу в эти воды; и если будет беспокоить его горячий гнев, воспламеняя сердце, как поджигаемый котел, то, покропив немного этой воды, он тотчас укротит бесстыдную страсть; и от всех порочных помыслов, как бы из среды пламени, избавляет душу чтение Божественных Писаний.

2. Поэтому и великий пророк Давид, зная пользу от чтения Писаний, уподобляет того, кто постоянно внимает Писаниям и наслаждается беседою с ними, растению всегда цветущему, стоящему при потоках вод, когда говорит: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь. И будет яко древо, насажденное при исходящих вод* (Пс 1, 1–3). Как дерево, посаженное при источниках вод, стоящее при самих потоках, получая постоянное орошение, бывает безопасно от всякой неблагоприят-

ной погоды, не боится ни пламенных лучей, не страшится ни сухого воздуха, потому что, имея внутри себя самого достаточную влажность, скоро отражает и отстраняет приступающий отвне избыток всякой солнечной теплоты, так и душа, стоящая при потоках Божественных Писаний и постоянно напояемая ими, собирая в самой себе эти струи и росу Духа, бывает безопасною от всяких неблагоприятных обстоятельств; хотя бы болезнь, хотя бы порицание, хотя бы клевета, хотя бы злословие, хотя бы насмешки, хотя бы какая-нибудь леность, хотя бы все бедствия вселенной напали на такую душу, она легко отражает пламень страстей, находя достаточное утешение в чтении Писаний. Подлинно, ни величие славы, ни высота власти, ни присутствие друзей и ничто другое из вещей человеческих не может утешать в скорби так, как чтение Божественных Писаний. Почему? Потому, что те вещи тленны и скоропреходящи, — почему и утешение от них скоропреходящее, — а чтение Писаний есть собеседование с Богом. Когда же Бог утешает находящегося в скорби, то какое из настоящих обстоятельств может повергнуть его в уныние?

Итак, будем внимательно заниматься чтением, не два только эти часа, — потому что для безопасности нам недостаточно одного простого слушания, — но постоянно; и пришедши домой,

каждый пусть возьмет в руки Библию и вникает в смысл сказанного, если он хочет получать постоянную и достаточную пользу от Писания. И то дерево, которое стоит при потоках, не два или три часа сообщается с водами, но каждый день и каждую ночь. Потому это дерево и украшается листьями, потому и изобилует плодами, — хотя никто из людей не напояет его, — что оно стоит при потоках, привлекает к себе влагу корнями и как бы какими-нибудь проходами передает полезные соки всему своему составу. Так и читающий постоянно Божественные Писания и стоящий при их потоках, хотя бы не имел никакого толкователя, постоянным чтением, как бы некоторыми корнями, приобретает себе великую пользу. Потому и мы, зная ваши заботы, развлечения, множество занятий, медленно и мало-помалу ведем к уразумению Писаний, чтобы медленностью толкования крепче удержать сказанное в вашей памяти. Так и сильный дождь, проливаясь стремительно, омывает поверхность земли, но глубине ее не приносит никакой пользы; а нисходящий на лицо земли медленно и мало-помалу, подобно елею, проникает в глубину ее проходами, как бы некоторыми жилами, и, наполняя влагою недра ее, делает ее способнейшею к произведению плодов.

Поэтому и мы вливаем в ваши души этот духовный дождь мало-помалу, — потому что Писания подобны духовным облакам, а слова и мысли их подобны дождю, который гораздо лучше обыкновенного дождя, — и вливаем в вас этот духовный дождь мало-помалу для того, чтобы слова наши проникли в самую глубину. Поэтому, уже четвертый день сегодня продолжая толкование, мы не могли пройти одного надписания, но еще возвращаемся около него. Лучше раскопать малое поле и, проникнув в глубину, найти великое сокровище необходимого, нежели, изрыв по поверхности множество нив, трудиться без пользы, тщетно и напрасно. Знаю, что многие негодуют на такую медленность; но я не смотрю на их укоризны, а забочусь о вашей пользе. Те, которые могут ходить быстрее, пусть подождут медленнейших из братьев; те могут подождать этих, а слабейшие не могут гнаться за теми. Поэтому и Павел говорит, что мы не должны преждевременно принуждать слабых, которые не могут сравняться с совершенством сильных, но должны мы, сильные, переносить немощи слабых (ср.: Рим 15, 1; 1 Кор 8, 9–13). Мы заботимся о вашей пользе, а не о пустой славе; поэтому и медленно излагаем мысли.

3. Так, в первый день я говорил о том, что не должно оставлять без внимания надписания

(Священных книг), когда прочитал вам и надпись на жертвеннике и показал мудрость Павла, который воина чужого и стоявшего в отряде неприятелей переставил в собственный отряд. Этим окончилось все учение в первый день. Затем во второй день мы исследовали, кто писатель книги (Деяний), и благодатию Божиею нашли, что это — евангелист Лука, и подтвердили исследование многими доказательствами, как яснейшими, так и более глубокими. Я знаю, что многие из слушателей не следили за последними из упомянутых доказательств; но, несмотря на то, мы не перестанем касаться более тонких мыслей. Яснейшее будет полезно для людей простых, а глубочайшее для тех, которые смотрят более зорко. Эта трапеза должна быть различна и разнообразна, потому что различны вкусы званных. Итак, в первый день мы беседовали о надписании, во второй день о писателе книги, а в третий день вчера говорили присутствовавшим о начале этой книги и показали, как знают слушавшие, что такое деятельность и что такое чудо, что такое жизнь и что такое знамение, чудотворение и сила и какое различие между тем и другим; как одно больше, а другое полезнее, и как одно само по себе доставляет Царство (Небесное), а другое, если не сопровождается деятельностью, оставляет-

ся вне его преддверия. Сегодня нужно сказать об остальной части надписания и объяснить, что значит имя *апостолов*, потому что то имя не простое, но оно есть название власти, власти величайшей, власти духовнейшей, власти вышней. Но будьте внимательны. Как в житейских делах есть много властей, но не все они одинакового достоинства, а одни больше, другие меньше, например, — если начнем исчисление с низшей, — есть городской судья, есть выше его правитель народа, после него есть другой больший начальник, также есть военачальник, есть наместник, есть и выше их власть, власть консулов, и все они — власти, но не все одинакового достоинства, так и властей духовных много, но не все они одинакового достоинства, а всех их более — достоинство апостольства. Так от чувственного надобно руководить вас к духовному. Так поступил и Христос, когда в беседе о Духе упомянул о воде: *всякий, пьющий воду сию, сказал Он, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек* (Ин 4, 13–14). Видишь ли, как Он руководил женщину от чувственного к духовному? Так делаем и мы, от низшего восходим к высшему, чтобы речь была яснее. Поэтому, беседуя о власти, мы упомянули о власти не духовной, а чувственной, чтобы от этой

руководить вас к той. Вы слышали, сколько исчислили мы житейских властей, как одни из них больше, а другие меньше и как власть консулов стоит выше всех, как бы вершина и глава их; посмотрим же и на власти духовные. Между властями духовными есть власть пророчества, есть другая власть — евангелиста, есть — пастыря, есть — учителя, есть — дарований, есть — исцелений, есть — толкования языков. Все это — названия даров, а на деле — степени начальства и власти. Пророк есть начальник; у нас же изгоняющий бесов есть начальник; у нас же пастырь и учитель есть начальник духовный; но всех их больше — власть апостольская. Из чего это видно? Из того, что превосходнее всех их апостол. Как между чувственными властями консул, так между духовными апостол занимает первое место. Послушаем самого Павла, который, исчисляя власти, на высшем месте ставит апостольскую. Что же говорит он? *И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями и пастырями; далее, [иным дал] силы [чудодейственные], также дары исцелений* (1 Кор 12, 28).

Видишь ли главную из властей? Видишь ли, что апостол стоит на высоте и никого нет прежде и выше его? *Во-первых, Апостолы*, говорит он, *во-вторых, пророки; в-третьих, учителя*

и пастыри, *[иным дал] силы [чудодейственные], также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки.* И притом апостольство есть не только начало прочих властей, но и основание и корень. Как голова, находясь выше всего, не только есть начало и власть тела, но и корень, потому что нервы, управляющие телом, исходя из нее, и произрастая из самого мозга, и оживляясь духом, таким образом, управляют всем животным составом, — так и апостольство не только стоит выше, как начало и власть прочих дарований, но и, сосредоточивая, содержит в себе корни всех их. Пророк не может быть и апостолом и пророком; апостол же непременно есть и пророк, имеет и дары исцелений, и роды языков, и толкование языков; поэтому (апостольство) есть начало и корень дарований.

4. А что это так, я представлю вам во свидетели Павла. Впрочем, прежде нужно сказать, что такое *разные языки*. Что же такое *разные языки*? В древности крестившийся и уверовавший тотчас начинал говорить разными языками для проявления Духа. Так как тогдашние люди находились в состоянии более немощем и плотскими глазами своими не могли созерцать духовных дарований, то им и сообщаем был чувственный дар, чтобы духовное делалось явным: крестившийся тотчас начинал говорить

и нашим языком, и языком персов, и языком индийцев, и языком скифов, так что и неверные могли узнать, что он сподобился Святого Духа. Это было чувственным знамением, то есть такая речь, — потому что ее слышали чувством телесным, — но это чувственное знамение делало явною для всех духовную и невидимую благодать Духа. Такое знамение и называлось *разные языки*, потому что человек, имевший от природы один язык, начинал говорить разными и инородными языками по благодати, и можно было видеть, как человек, один по числу, был разнообразным по дарованиям и имел различные уста и различные языки. Посмотрим же, как апостол имел и это дарование и все прочие. Об этом он сам говорит так: *я более всех вас говорю языками* (1 Кор 14, 18). Видишь ли, что он имел роды языков, и не только имел, но и в большем изобилии, нежели все прочие верующие? Он не сказал только: я могу говорить языками, но и: *я более всех вас говорю языками*. На пророчество, которое он имел, он указывает следующими словами: *Дух же, говорит, ясно говорит, <...> что в последние дни наступят времена тяжкие* (1 Тим 4, 1; 2 Тим 3, 1); а что говорить о том, что будет в последние времена, значит пророчествовать, это всякому известно. *Знай же, что в последние дни наступят вре-*

мена тяжкие. И еще: ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших (1 Фес 4, 15); и это — пророчество. Видишь ли, как он имел роды языков и пророчество? Хочешь ли знать, что он имел и дарования исцелений? Но, может быть, нет нужды доказывать это словами, когда мы знаем, что не только сами апостолы, но и одежда их имела дарование исцелений. А что он был и учителем народов, об этом он говорит во многих местах; он заботился о всей вселенной и управлял церквями. Таким образом, когда ты слышишь: *во-первых, Апостолы; во-вторых, пророки; в-третьих, учителя и пастыри; [иным дал] силы [чудодейственные], также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки*, то знай, что вся совокупность прочих дарований сосредоточивается в апостольстве, как в главе. Не думали ли вы прежде, что имя апостолов просто? Вот, теперь вы узнали, какой глубокий смысл заключает в себе это имя. Это сказали мы не для того, чтобы показать собственную свою силу; это — не наши слова, а благодати Духа, которая возбуждает от лености беспечных, чтобы они ничего не оставляли без внимания.

Итак, справедливо мы назвали апостольство духовным консульством. Апостолы суть

начальники, рукоположенные от Бога; начальники, которые получили не разные народы и города, но которым всем вместе вверена вселенная. А что они были начальниками духовными, и это я постараюсь доказать, дабы после доказательства вы знали, что апостолы настолько выше начальников житейских, насколько сами житейские начальники выше играющих детей. Подлинно, это начальство гораздо выше того и больше сдерживает нашу жизнь, так что, если бы оно прекратилось, то все расстроилось бы и разрушилось. Какие знаки начальства и что должен иметь начальник? Власть над темницею, чтобы он был властен одних связывать, а других разрешать, одних выпускать, а других ввергать туда; также власть решать денежные долги, так чтобы он был властен — одних, бывших должными, освобождать, а другим приказывать уплатить долги; еще власть — осуждать на смерть и освобождать от смерти; или, вернее, это — власть не начальника, а одного только царя, или даже и царю не принадлежит вполне этот дар, потому что он освобождает не от смерти уже умершего, а только от осуждения на смерть: приговор он может отменить, а вернуть к жизни от смерти не может; худшее в его власти, а лучшего он не имеет. Далее, начальника мы отличаем по поясу, по голосу гла-

шатая, по жезлоносцам, по колеснице, по мечу; все это — знаки власти. Посмотрим же, имеет ли и власть апостольская эти знаки. Имеет, и притом не такие, но гораздо лучшие. Дабы ты знал, что те суть только названия вещей, а эти — истина вещей, и дабы ты убедился, что между ними такое же различие, какое между детьми, играющими в начальников, и начальниками, действительно имеющими власть, я начну, если хотите, исчислять с власти ввергать в узы. Мы сказали, что начальник властен связывать и разрешать. Посмотри же: и апостолы имеют эту власть. Кого *вы свяжете на земле*, сказал им Господь, *то будут* связаны на небесах; и кого *разрешите на земле*, разрешены на небе (Мф 18, 18). Видишь узы и власть над узами; но название одно и то же, а сущность дела не одна и та же. Узы там, узы и здесь; но одни на земле, а другие на небе; небо для них — место уз. Познай же величие этой власти. Находящиеся на земле произносят приговор, и сила этого приговора проходит небеса. Как цари, находясь в одном городе, изрекают приговоры и законы, а сила этих приговоров и законов обтекает всю вселенную, так и тогда апостолы, находясь на одном месте, изрекали законы, а сила этих законов и этих уз не только обтекала вселенную, но и восходила до самой высоты небес. Видишь

670
☞

узы и узы; но одни на земле, а другие на небе, одни для тел, а другие для душ, или — лучше — и для душ и для тел, потому что (апостолы) связывали не только тела, но и души.

5. Хочешь ли знать, что апостолы имели власть и прощать долги? И здесь ты увидишь великое различие: они прощали не денежные долги, а долги грехов. *Кому простите грехи, сказал Господь, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин 20, 23). Нужно ли после этого доказывать, что они осуждали и на смерть и возвращали от смерти, не от приговора только освобождая и ведения на смерть, но и умерших и уже подвергшихся тлению восстанавливая от смерти? Когда же они осуждали на смерть? Когда освобождали от смерти? Анания и Сапфира были обличены в святотатстве; хотя они украли собственные деньги, но, несмотря на то, вина их была святотатством, потому что после обещания эти деньги уже не принадлежали им. Что же апостол? Послушай, как он, как бы сидя в судилище, приводит на суд святотатца, делает допрос, как судия, и потом произносит приговор, не прежде допроса произносит приговор, хотя грех был очевиден, но чтобы нас, стоящих вне, убедить, что он справедливо произносит такой приговор, для этого он делает допрос и говорит так: *для чего [ты допустил] сатане*

[вложить] в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, а Богу (Деян 5, 3–4). Что же тот, услышав эти слова? Пал бездыханен (ст. 5). Видишь ли, что апостолы имеют и меч? Когда ты услышишь слова Павла: меч духовный, который есть Слово Божие (Еф 6, 17), то вспомни об этом приговоре, при котором меча не было, но словом пораженный святотатец пал. Видишь ли меч изощренный и обнаженный? Здесь не было ни железа, ни рукояти, ни рук; но вместо руки язык, извлекающий слова вместо меча, тотчас умертвил святотатца. После него вошла жена, и апостол хотел дать ей случай к оправданию и повод к прощению, почему опять спрашивает: скажи мне, за сколько ли продали вы землю? (Деян 5, 8). Хотя он знал, что не за столько, но чтобы вопросом довести ее до раскаяния и признания во грехах и чтобы даровать ей прощение, он спрашивает ее; она же и после этого осталась бесстыдною, почему и понесла общее с мужем наказание. Видишь ли силу — ввергать в узы? Видишь ли, как они властны посылать на смерть? Посмотрим и на лучшее: как они освобождают от смерти. Умерла Тавифа, ученица, отличавшаяся

многими делами милосердия, и тотчас бегут к апостолам, потому что знали, что они имели власть над смертью и над жизнью, видели в них горнюю власть, нисшедшую долу. Что же сделал Петр, пришедши туда? *Тавифа*, сказал он, *встань* (Деян 9, 40). Он не имел нужды ни в чем, ни в исполнителях, ни в служителях, но достаточно было слов его для воскрешения; смерть услышала его голос — и не могла удержать мертвую. Видишь ли, каковы были слова этих судей? А слова внешних судей слабы: хотя бы кто-нибудь из них и отдал приказание, но если служитель не приведет этого в исполнение, то приказание остается тщетным. А здесь нет нужды в служителях: он сказал — и тотчас исполнилось. Видишь их узы, которые служат знаком власти; видишь, как они отпускают грехи, как разрешают смерть, как возвращают к жизни. Хочешь ли узнать пояс их? Христос послал их препоясанными, не кожею, но истиною; это — пояс святой и духовный, почему и сказано: *препоясав чресла ваши истиною* (Еф 6, 14); это — власть духовная, и потому она не требует ничего чувственного: *вся слава Дщере Царевы внутри* (Пс 44, 14).

Но что? Не хочешь ли видеть и палачей их? Палачи суть те, которые мучат виновных, привешивают к дереву, строгают ребра, наказывают, терзают. Хочешь ли видеть их? У апостолов

этим были не люди, а сам диавол и бесы; облеченные телом и плотью, они имели служащими бесплотные Силы. Послушай, с какою властью повелевал им Павел. Говоря о блуднике, он писал: *предайте его сатане во измождение плоти* (1 Кор 5, 5). То же самое сделал он и с другими богохульниками: *которых я предал, говорит, сатане, чтобы они научились не богохульствовать* (1 Тим 1, 20). Что еще остается показать? То ли, что они имели и колесницы? И на это у нас есть доказательства. Так, когда Филипп крестил евнуха и наставил его в священных тайнах и когда нужно было ему возвратиться, то *восхитил Ангел Господень* его, и из пустыни *оказался в Азоте* (Деян 8, 39–40). Видишь ли колесницу окрыленную? Видишь ли колесницу, быстреею ветра? Еще: нужно было апостолу отправиться в рай; путь слишком длинный и расстояние безмерное; и он также вдруг был *восхищен* и перенесен туда без труда и в краткое мгновение времени. Таковы апостольские колесницы! Был и голос глашатая, и также достойный этой власти. Им предшествовал не человек, провозглашая о них, а благодать Духа, и явление чудес возвещало о них громогласнее всякой трубы и таким образом повсюду предшествовало им. И как начальники бывают окружены большим великолепием, причем частные

люди не смеют просто обращаться с ними, так было и с апостолами. *Из посторонних же, говорит Писание, никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их* (Деян 5, 13). Видишь ли, что они имели силу ввергать в узы и власть прощать долги, имели и меч, и были препоясаны поясом, и шествовали на колеснице, и предшествовал им возглас, громогласнейший всякой трубы, и были окружены они большим великолепием?

6. Теперь нужно было бы показать и все доблестные дела их и те благодеяния, которые они совершили для вселенной, потому что и то свойственно начальникам, чтобы не только пользоваться честью, но и оказывать великое попечение и покровительство подчиненным. Впрочем, уже сказано больше надлежащего. Поэтому, отложив это до другой беседы, постараюсь предложить увещание новопросвещенным. Никто пусть не считает этого совета несвоевременным. Я прежде сказал, что не только чрез десять и двадцать дней, но и чрез десять и двадцать лет можно посвященных в тайны называть новопросвещенными, если они остаются внимательными. Какое же было бы для них самое лучшее увещание? То, когда бы мы напомнили им об образе рождения, и первом и втором, естественном и духовном, и показали, какое различие между тем и другим рождением. Впрочем, им не нужно учиться это-

му от нас; сам сын грома, возлюбленный Христу Иоанн, скажет им об этом. Что же говорит он? *А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* (Ин 1, 12). Потом, напоминая им о первом рождении и по сравнению с ним объясняя важность настоящей благодати, он говорит так: *которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились* (Ин 1, 13). Одним словом он выразил их благородство. О, чистое чревоношение! О, духовное рождение! О, новое чадородие, без утробы зачатие, без чрева рождение, без плоти плод, плод духовный, плод благодати и человеколюбия Божия, плод, исполненный радости и веселия! Но не таково первое рождение; оно начинается слезами. Как только дитя выходит из утробы и вынимается из чрева, то первый крик его сопровождается слезами, как сказал некто: *первый голос обнаружил плачем одинаково со всеми* (Прем 7, 3). С плачем бывает вступление в жизнь, со слезами начало ее, которыми природа предвозвещает будущие страдания. Почему плачет дитя, выходя на свет? Потому, что прежде грехопадения Бог сказал: *плодитесь и размножайтесь* (Быт 1, 28), что было благословением; а после грехопадения сказал: *в болезни будешь рождать детей* (Быт 3, 16), что было наказанием. И не слезы только бывают при рождении, но

и пелены и повязки; слезы при рождении, слезы и при смерти; пелены при рождении, пелены и при смерти, чтобы ты знал, что эта жизнь оканчивается смертью и стремится к этому концу. Но не таково духовное рождение. Здесь нет ни слез, ни пелен; но родившийся бывает свободен и приготовлен к подвигам; у него свободны и руки и ноги, чтобы он мог и бегать и вступать в ратоборство; здесь нет плача, нет слез, но приветствия, лобзания и объятия братьев, признающих в родившемся собственный член и принимающих его как бы после продолжительного отсутствия. Так как он прежде просвещения был врагом, а после просвещения стал другом общего всем нам Владыки, то все мы сорадуемся ему, почему это лобзание и называется *миром*, чтобы мы знали, что Бог прекратил вражду и приблизил нас к Себе. Будем же постоянно соблюдать, будем сохранять этот мир, будем продолжать это дружество, чтобы нам достигнуть и вечных обителей, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава, честь и держава Отцу со Святым и Животворящим Духом ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА О МИЛОСТЫНЕ

произнесенная после того, как он (святитель
Златоуст) в зимнее время прошел и увидел
на площади бедных и нищих,
лежащих без призрения

1. **С** ходатайством праведным, полезным и почетным для вас предстал я сегодня пред вами: уполномочили на него меня не другой кто, а живущие в нашем городе бедные, не словами, не голосами или мнением общественного совета, но жалким и самым горестным видом своим. Проходя чрез площадь и по улицам и поспешая в ваше собрание, я видел много лежащих среди дороги людей, из которых одни без рук, другие без глаз, иные покрыты струпьями и ранами и выставляли на вид те особенно члены, которые нужно бы закрывать по причине находящегося на них гноя, и почел крайне бесчеловечным — не сказать об них любви вашей, особенно когда, сверх сказанного¹, побуждает нас к этому и самое время года. Правда, и во всякое время нужно говорить о милостыне, потому что мы и сами имеем великую нужду в милости создавшего нас Господа; но особенно (это необходимо) в настоящее время, когда такая большая

¹ То есть о жалком положении бедных.

стужа. Летом бедные получают великое облегчение от самого времени года: тогда они безопасно могут ходить и нагими, потому что солнечные лучи служат им вместо одежды; они могут сидеть прямо на мостовой и спокойно проводить ночи под открытым небом; не имеют такой нужды ни в обуви, ни в вине, ни в большом количестве пищи, но довольствуются водою из источников, насыщаются одни самыми дешевыми овощами, другие небольшим количеством сухих семян, так как самое время года предлагает им готовую трапезу. А не менее этого есть тогда для них и другое облегчение — в удобстве заниматься работами: в их-то особенно содействии нуждаются и строители домов, и возделыватели земли, и плавающие по морям. Что для богатых поля, дома и другие источники доходов, то для бедных — их собственное тело, и весь доход их от собственных рук, а больше ниоткуда. Таким образом, летом они получают некоторое облегчение, в зимнее же время против них со всех сторон великая война и двойная осада, потому что внутри голод съедает их утробы, извне стужа сжимает и делает окоченелым тело их. Поэтому (зимою) они нуждаются и в большем количестве пищи, и в более теплой одежде, и в кровле, и постели, и обуви, и во многом другом; а что всего

хуже, не имеют возможности заниматься и работами, потому что не позволяет время года. Итак, когда у них и наибольшая нужда в необходимом, а сверх того нет и работы, потому что никто их, несчастных, не нанимает и не приглашает в услужение, вот мы, взамен нанимающих, употребим в дело руки милосердных, взяв в сотрудники себе в этом деле Павла, истинного покровителя и попечителя бедных. Действительно, он так печется об них, как никто другой. Разделившись с апостолом Петром касательно учеников, он не разделился в попечении о бедных, но, сказав: *подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным*, присовокупил: *только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности* (Гал 2, 9–10). И точно, во всех своих посланиях он заводит об них речь, так что не найдешь ни одного, в котором бы не было подобного увещания. Знал он, хорошо знал, как важно это дело, поэтому и присовокупляет наставление о бедных ко всем другим увещаниям и убеждениям своим, как бы полагая на здании прекрасную кровлю. Так сделал он и здесь: побеседовав о воскресении и исправив все прочее, он обратил наконец речь к милостыне и сказал: *при сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает*

680 у себя и сберегает, сколько позволит ему состо-
яние, чтобы не делать сборов и пр. (1 Кор 16, 1–2).
Смотри на мудрость апостола, как благовременно он коснулся этого предмета. Наперед напомнил о будущем суде и страшном оном судилище, о славе, которою облекутся праведные, и о вечной жизни, а потом уже предлагает слово и о бедных, чтобы слушатель, одушевившись приятными надеждами и сделавшись благорасположеннее, принял это наставление с большим усердием, когда в нем будет жив страх суда и душа станет услаждаться ожиданием будущих благ. В самом деле, кто в состоянии любуемудрствовать о воскресении и весь перенесся в будущую жизнь, тот почтет за ничто все настоящее — и богатство, и обилие, и золото, и серебро, и драгоценные одежды, и удовольствия, и роскошный стол, и все прочее, подобное этому, а кто считает все это за ничто, тот весьма легко примет на себя попечение о бедных. Поэтому и Павел хорошо (сделал, что), приготовив наперед ум коринфян рассуждением о воскресении, предложил потом и увещание.

И не сказал: о милостыне же для *бедных* или *нищих*, но: для *святых*, научая этим слушателей почитать и бедных, когда они благочестивы, и презирать богатых, когда они небрегут о добродетели. Так он и царя называл нечестивым и беззаконным, когда тот был врагом Божиим, и бед-

ных — святыми, когда они скромны и честны. Нерона он называет тайною беззакония, говоря: *тайна беззакония уже в действии* (2 Фес 2, 7), а бедных, не имеющих и насущного хлеба, но питающихся подаением, назвал святыми. А вместе с этим он и коринфянам тайно внушал не высокоумствовать и не гордиться получением такого повеления, как будто бы они подавали (милостыню) людям низким и презренным, но твердо знать и уверять себя, что, достаиваясь иметь общение в скорбях бедных, они получают величайшую почесть.

2. Между тем стоит труда рассмотреть и то, кто эти святые, потому что Павел упоминает о них не только здесь, но и в другом еще месте, говоря так: *а теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым* (Рим 15, 25). Об этих же самых святых упоминает и Лука в Деяниях, когда, по поводу угрожавшего великого голода, говорит: *тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее* (Деян 11, 29). И в том месте, о котором я выше сказал, (о них же Павел говорит): *только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности* (Гал 2, 10). Когда мы, (говорит), разделились между собою и я (взял) язычников, а Петр иудеев, то с общего согласия положили, чтобы это разделение не касалось

682
☞

бедных. В самом деле, когда они проповедовали, то проповедовали — один иудеям, а другой язычникам; но когда заботились о бедных, тогда уже (делали) не так, чтобы один заботился только о бедных из иудеев, другой — о бедных из язычников; нет, каждый из них имел великое попечение и о бедных, бывших между иудеями. Потому и говорит (Павел): *только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности*. Кто же эти бедные, о которых он говорит здесь и в Посланиях к Римлянам и к Галатам, за которых просил и македонян? Это — бедные из иудеев, жившие в Иерусалиме. А почему он так заботится о них? Разве не было бедных и нищих в каждом городе? Почему же он к ним именно посылает и о них просит всех? Не без основания, не без причины и не по какому-либо пристрастию, но с доброй и полезной целью. Впрочем, (для объяснения этого) надобно начать речь несколько издалека. Когда дела иудеев пришли в упадок и они, распяв Иисуса, произнесли сами против себя этот приговор: *нет у нас царя, кроме кесаря* (Ин 19, 15), и уже подпали под власть римлян, — тогда они и не могли управляться сами собою, как прежде, и не были совершенными рабами, как теперь, но стояли в ряду союзников и хотя платили царям подать и от них принимали себе начальников, однако во многом

пользовались и своими законами и наказывали своих преступников по отечественным постановлениям. И что они действительно платили подать римлянам, это видно из того, что, искушая Иисуса, (иудеи) спрашивали: *позволительно ли давать подать кесарю, или нет?* а Он, повелев им показать монету, отвечал: *отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (см.: Мф 22, 17–21). А Лука говорит, что и при храме (Иерусалимском) были военачальники и тысяченачальники. Это достаточно доказывает, что иудеи были подвластны римлянам. А что они пользовались и собственными законами, видно из следующего. Они побили камнями Стефана, не приводя его в судилище; умертвили Иакова, брата Господня, распяли Самого Христа, тогда как судья признал Его совершенно невинным и (хотел) отпустить. Поэтому-то он и умыл руки, сказав: *невиновен я в крови Праведника Сего* (Мф 27, 24); и когда увидел, что они сильно настаивают, то не произнес сам приговора, но уклонился, а они, воспользовавшись собственной властью, сделали потом все. Часто нападали они и на Павла.

Итак, поелику (иудеи) имели собственные судилища, то от этих (судилищ) уверовавшим соплеменникам их приходилось терпеть самые тяжкие страдания. Были и в других городах и судилища, и законы, и начальники; но у язычников

684
☪

никто не мог, по своей воле, ни поражать мечом, ни побивать камнями тех, кто отступит от их (веры), ни причинять им другое какое-либо зло; и кто был обличаем, что сделал что-нибудь такое без приговора судей, тот сам подвергался наказанию. Напротив, иудеи пользовались в этом отношении большей свободой. Поэтому-то уверовавшие из них терпели больше всех, находясь как бы среди волков и не имея избавителя. Так (иудеи) много раз бичевали и Павла; послушай вот, он сам объявляет и говорит об этом: *от Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали* (2 Кор 11, 24–25). Что это сказано не по догадке, доказывает сам Павел, когда пишет к евреям: *вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем [для других], то принимая участие в других, находившихся в таком же [состоянии]; ибо вы и моим узам сострадали и расхищение имени вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее* (Евр 10, 32–34). И давая наставление фессалонийцам, он выставил на вид этих же (верующих из иудеев): *ибо вы, говорит, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иису-*

се, находящимся в Иудее, потому что и вы тоже претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев (1 Фес 2, 14). И так как (эти верующие) терпели больше всех и не только не находили ни в ком (из иудеев) сострадания, но и были лишаемы всего своего имущества, водимы, влекомы и гонимы от всех, то Павел справедливо возбуждает верующих всех мест к оказанию им помощи. Вот и здесь за них же просит коринфян, говоря: при сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских (1 Кор 16, 1).

3. Итак, кто эти святые и почему (Павел) особенно заботится о них, это объяснено достаточно, — теперь надобно рассмотреть, для чего он упомянул о галатах. Почему не сказал: *при сборе же для святых поступайте так. <...> В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает*; но, сказав: *при сборе для святых, присовокупил: поступайте так, как я установил в церквах Галатийских*. Для чего он это делает? И притом упоминает не об одном, не о двух и не о трех городах, но о целом народе? Для того, чтобы коринфяне оказали большую готовность и похвала другим возбудила в них ревность. Затем (апостол) говорит и о способе, какой он назначил (для собирания милостыни): *в первый день недели, говорит, каждый из вас*

686 *пусть отлагает у себя и сберегает, сколько*
☞ *позволит ему состояние, чтобы не делать сбо-*
ров (ст. 2). В первый день недели — назвал он день
воскресный. Почему же он назначил для по-
жертвований именно этот день? Почему не ска-
зал: во второй день после субботы, в третий день
после субботы или в саму субботу? Неспроста
и не без цели, но с тем чтобы в самом времени
найти себе споборника к возбуждению большего
усердия в жертвователях, потому что благопри-
ятное время — немаловажная вещь во всяком
деле. Но отчего, скажешь, время это может спо-
собствовать к убеждению — подавать милосты-
ню? Оттого, что в этот день (воскресный) пре-
кращается всякая работа, душа от успокоения
становится веселее, а что всего важнее — в этот
день мы получили бесчисленное множество
благ. В этот день разрушена смерть, истребле-
но проклятие, уничтожен грех, сокрушены вра-
та адовы, связан диавол, прекращена долговре-
менная брань, совершилось примирение Бога
с человеками, род наш вошел в прежнее, или го-
раздо лучшее, состояние, и солнце увидело уди-
вительное и чудное зрелище — человека, сделав-
шегося бессмертным. Обо всем-то этом и тому
подобном желая напомнить нам, Павел вывел
на средину этот день, делая его как бы ходата-
ем своим и говоря к каждому: подумай, человек,

сколь многие и великие блага получил ты в этот день, от каких избавился зол, чем ты был прежде и чем стал после того. Если мы празднуем дни своего рождения, а многие из наших слуг и те дни, когда они получили свободу, проводят с великим почтением, и одни устраивают пиршества, а другие — щедрые дарят и подарки из особенного уважения к тому времени, тем более нам должно уважать тот день, который по справедливости можно назвать днем рождения человеческой природы. Мы пропадали — и нашлись, мертвы были — и ожили (ср.: Лк 15, 32), были врагами — и примирились (ср.: Рим 5, 10). Поэтому и надобно чтить этот день честью духовною, — не пиршества устраивать, не вино разливать, не упиваться и ликовать, но довольствовать беднейших братьев наших во всем. Это говорю не для того, чтобы вы только хвалили, но чтобы и сами так поступали. Не думайте, будто это сказано только к коринфянам; нет, (сказано) и к каждому из нас, и ко всем, кто будет жить после. Будем и мы делать то же самое, что заповедал Павел: пусть каждый в день воскресный откладывает дома деньги Господни¹, и пусть это делается законом и неизменным обычаем; тогда мы не будем

¹ То есть приносимые Самому Господу в лице нищих, по учению Его (Мф 25, 40).

688 уже иметь нужды ни в увещании, ни в совете,
☞ потому что такие дела делать может не столько слово и увещание, сколько привычка, утвердившаяся временем. Если мы постановим себе правилом — в день воскресный откладывать что-нибудь в пользу бедных, то хотя бы встретилась тысяча нужд, не нарушим этого правила.

Сказав: *первый день недели*, апостол прибавил: *каждый из вас*. Не богатым только, говорит, внушаю это, но и бедным; не свободным только, но и рабам; не мужам только, но и женам; пусть никто не будет свободен от этого служения, ни лишен прибыли, но пусть всякий делает пожертвование. И бедность не может быть препятствием к такому пожертвованию. Хотя бы ты был до крайности беден, но, верно, не беднее той вдовы, которая принесла в дар все свое имение (см.: Лк 21, 2–4). Хотя бы ты был до крайности беден, но, верно, не беднее жены сидонской, которая, имея только горсть муки, не отказалась принять пророка; видела она, что вокруг ее лик детей, и грозит голод, и нет у нее ничего более в запасе — и однако ж приняла пророка с великим усердием (см.: 3 Цар 17, 10 и сл.). А почему апостол сказал: *пусть отлагает у себя и сберегает*? Потому, что откладывающий (в пользу бедных), может быть, постыдился бы и постеснялся и показать свое пожертвование, когда

оно мало. Поэтому, говорит, ты береги и храни, а когда от частых вкладов малое сделается великим, тогда уже открывай. Не сказал притом: собирает, но: *сберегает*, чтобы ты знал, что эта издержка есть сокровище, что этот расход есть прибыль — сокровище, лучшее всякого сокровища. Это чувственное (сокровище) издерживается, и расхищается, и часто губит нашедших его; а то, небесное — совершенно напротив: всегда неуменьшаемо и безопасно от расхищения, спасительно стяжавшим и получающим его. Оно не истребляется временем, не гибнет от зависти, но недоступно никаким злым умыслам и доставляет бесчисленные блага собирающим его.

4. Так, послушаемся и будем делать это же и мы; пусть в домах наших хранятся, вместе с нашими собственными, и священные деньги, чтобы из-за них сберегались и собственные. Ведь если в царском казнохранилище будут положены деньги кого-либо из подчиненных, то и эти (деньги) совершенно безопасны из-за царских. Так, если и в твоём доме будут храниться деньги бедных, откладываемые в день воскресный, то из-за них и твои собственные будут безопасны. Таким образом, по руководству Павла, ты соделаешься блюстителем своего имущества. Что я говорю? Отложенное послужит тебе поводом и побуждением отложить еще больше. Сделай

690 только начало этой доброй привычке, и ты уже
☪ сам будешь побуждать себя (к откладыванию милостыни), без всякого приглашения. Пусть же дом каждого из нас делается, таким образом, церковью от хранящихся в нем священных денег, потому что и здешние (церковные) сокровищницы образуются из тех (домашних). Место, где лежат деньги бедных, недоступно для демонов; и деньги, собираемые на милостыню, ограждают дома лучше всякого щита, копья, оружия, силы телесной и множества воинов. Итак, сказав: когда, кому и как надобно собирать эти деньги, Павел количество сбора предоставил самим жертвователям. Он не сказал: подай столько-то и столько-то, — чтобы такое повеление не было тяжело, так как многие ссылаются на бедность; чтобы бедные не говорили: что же, если мы не в состоянии? Нет, меру подаяния он определил силою дающих: *каждый из вас, говорит, отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние* (1 Кор 16, 2). Не сказал: что может или что найдется, но: *сколько позволит ему состояние*, показывая тем, что подающему будет содействовать и высшая помощь, и благодать (Божия). Павел заботился не о том только, чтобы деньги подаваемы были бедным, но и о том, чтобы (это делалось) с совершенным усердием. И Сам Бог повелел давать милостыню не для того, чтобы

только насыщались бедные, но чтобы и подающие получали благодеяние, и — даже больше для последних, чем для первых. Если бы Павел заботился только о бедных, то повелел бы только подавать деньги, а не требовал бы усердия со стороны дающих; но вот теперь апостол и там, и здесь старается особенно о том, чтобы подающие подавали с удовольствием и радостью. Так в одном месте он говорит: *не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог*, не просто дающего, но делающего это доброхотно (2 Кор 9, 7). А в другом месте: *раздаватель ли, [раздавай] в простоте; начальник ли, [начальствуй] с усердием; благотворитель ли, [благотвори] с радушием* (Рим 12, 8). Ведь то и милостыня, когда подаешь ее с радостью и думаешь, что сам больше получаешь, чем сколько даешь. Поэтому Павел всячески старается сделать эту заповедь легкою, чтобы подаяние было с усердием. В самом деле, смотри, сколько он представил обстоятельств, облегчающих тяжесть этого дела. Во-первых, повелевает делать подаяние не одному, не двум или трем человекам, но всему городу, потому что слово *милостыня* (λοϋία¹) означает не что иное, как сбор или складчину общих подаяний. Во-вторых, (указывает) на достоинство

¹ От греческого глагола: λένω — собираю.

приемлющих, потому что не сказал: бедным, но: святым. В-третьих, представляет пример тех, которые то же сделали: *как я установил*, говорит, *в церквах Галатийских*. В-четвертых, показывает, что благоприятствует этому сам день: *в первый день недели*, говорит, *каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает*. В-пятых, повелевает не всю милостыню подать вдруг, но собирать исподволь и понемногу: а ведь не одно и то же велеть принести все в один день или раздробить приношение по частям на несколько дней; такое раздробление делает и издержку нечувствительною. В-шестых, не назначает меры (подаяния), но предоставляет ее на волю дающих и показывает, что в этом помогает и Бог, потому что слова: *сколько позволит ему состояние* означают то и другое. К этому присовокупил и седьмое обстоятельство, сказав: *чтобы не делать сборов, когда я приду*. Здесь он и поощряет их ожиданием своего личного присутствия, и утешает, указывая на время своего прибытия. Впрочем, не удовольствовался и этим, но прибавил еще и восьмое обстоятельство. Какое же? *Когда я приду*, говорит, *то, которых вы избереете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим*. А если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут (1 Кор 16, 3–4). Смотри, как чуж-

да тщеславия и смиренна эта блаженная и возвышенная душа, как она попечительна и сердобольна! Он не захотел и не решился сам, по собственному выбору, назначить людей для отнесения денег (в Иерусалим), но предоставил выбор их коринфянам и не почел для себя обидою, если избрание этих людей состоится по мнению и воле коринфян, а не по мысли Павла; напротив, он нашел несообразным, чтобы подаяния сделали они, а людей для отнесения подаяний выбрал он. Поэтому он предоставил это им, являя, с одной стороны, свое смирение, с другой — избегая всякого повода и самой тени оскорбительного (для него) подозрения. Хотя он был светлее и солнца и чист от всякого дурного подозрения, но и при этом, однако, всячески старался и щадить слабых, и избегать неправильного о себе мнения. Поэтому и говорит: *когда же приду, то, которых вы изберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния*. Что говоришь? Так ты не плывешь, не берешь денег, а поручаешь это другим? Чтобы от этой мысли не ослабело усердие их, смотри, как он предотвращает и это. Непросто ведь сказал: *которых вы изберете, тех отправлю*, но как? *С письмами*. Телом, говорит, я и не буду присутствовать, но посредством писем своих буду там и приму участие в их служении.

5. А мы достойны ли и тени Павла, или подножия его, после того как он, пользуясь такою славою у всех, отстраняет от себя все почести, а мы досадуем и негодуем, если распорядители этих денег¹ избираются не по нашей мысли, не по нашему решению и приговору, считаем обидою для себя, когда жертвующие своим именем делают это без нашего ведома и согласия? Посмотри еще, как он (апостол Павел) везде помнит себя и нигде не забывается: ведь не назвал он этого ни заповедью, ни милостынею, но *благодатью*, показывая тем, что как воскрешать мертвых, изгонять демонов, очищать прокаженных, так и облегчать бедность, и простирать руку помощи нуждающимся — есть дело благодати, и даже последнее более, чем первое. Впрочем, хоть это и благодать, однако и с нашей стороны требуются усердие и готовность, чтобы нам решиться, и захотеть, и сделаться достойными благодати. Итак, Павел ободрил коринфян, во-первых, тем, что хочет послать свои письма с назначенными для отнесения милостыни; а во-вторых, еще более этого тем, что обещается и сам идти вместе с ними: *а если, говорит, прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут.*

¹ То есть денег, собираемых в пользу бедных и хранившихся при церквях.

Замечай и здесь мудрость его. Он и не отказался идти вместе, и не обещал вдруг, но предоставил и это на решение дающих и сделал их полными распорядителями насчет его путешествия, объяснив, что он наверно отправится в путь, если подаяние будет так обильно, что побудит и его идти. Так должно разуметь слова: *если прилично будет*. Если бы он совершенно отказался от путешествия, то ослабил бы усердие и ревность их; опять, если бы выразил свое обещание нерешительно, также сделал бы их нерадивыми. Поэтому он и не отказывается решительно, и не обещает, но отдает это на волю коринфян, говоря: *если прилично будет*. Слыша, что Павел желает нести их подаяния, они приступали к делу с большим усердием и готовностью, чтобы святыя руки его распорядились их подаянием и его молитвы присоединились к их пожертвованию. Если же коринфяне, намереваясь поручить Павлу отнесение своих приношений, делали их поэтому с большим усердием, то какое получишь снисхождение ты, когда, имея возможность подать Господу Павла (потому что Он принимает в лице бедных), не делаешь этого? Ведь и тот, кому вверена была вся вселенная и кто имел попечение о церквях всей подсолнечной, обещал участвовать в распоряжении деньгами для бедных не иначе, как если сбор их будет значителен и

696 достоин особого внимания. Размышляя об этом, и мы, если понадобится — или самим нам подать, или послужить другим в распоряжении их подаянием, — не поленимся (делать это) и не будем унывать, как будто чрез это у нас убавляется имущество. Земледелец, когда бросает семена в землю и на это издерживает все свое достояние, не печалится, не скорбит и эту трату считает не потерей, но выгодною и прибылью, хотя надежда его и не несомненна. Не странно ли, что ты, который сеешь не с такою, но с гораздо более верной надеждою и можешь вручить серебро Самому Христу, — уклоняешься, медлишь и ссылаешься на бедность? Разве Бог не мог повелеть земле, чтобы она произрастила чистое золото? Кто сказал: *да произрастит земля зелень, траву* (Быт 1, 11), и тотчас представил эту траву во всей красе, Тот мог повелеть, чтобы и источники и реки текли везде золотом. Но Он не восхотел этого, а оставил многих жить в бедности и для их, и для твоей пользы. Бедность более способствует добродетели, нежели богатство; и за кем есть грехи, те могут находить немалое утешение в пособии нуждающимся. Сам Бог так печется об этом, что, когда Он пришел и облекся плотью и жил с людьми, то не отрекся и не почел за стыд — Самому заботиться о бедных. Он столько умножал хлебы, одним повелением творил все,

что хотел, мог в одну минуту представить тысячи сокровищ и, однако, не сделал этого, но повелел ученикам Своим иметь ящик, носить, что туда опускали, и из этих денег помогать бедным. Когда Он прикровенно говорил Иуде о предательстве, ученики, не понимая, о чем шла речь, подумали, что Он велел Иуде подать что-нибудь бедным, потому что этот, сказано, *имел [при себе денежный] ящик и носил, что туда опускали* (Ин 12, 6). Бог много печется об оказании милосердия, не только с Его стороны нам, но и с нашей стороны подобным нам; Он и в Ветхом и Новом Завете дает множество законов об этом, повелевая быть милосердным всячески — и словами, и деньгами, и делами. Моисей весьма часто говорит об этом в своих узаконениях; пророки от лица Божия вопиют: *милости хочу, а не жертвы* (Ос 6, 6), и апостолы все, согласно с ними, и делают и говорят. Не будем же не радеть об этом деле, потому что чрез него мы приносим величайшую пользу не бедным, а себе, и больше получаем, нежели даем.

6. Говорю об этом не без причины, но потому, что многие часто входят в строгие исследования о нуждающихся, расспрашивают об их отечестве, образе жизни, нравах, занятиях и о здоровье телесном, делают им упреки и требуют от них множества объяснений касательно

их здоровья. Оттого-то многие (из бедных) представляются изувеченными по телу, чтобы видом этого несчастья преклонить нашу жестокость и бесчеловечие. Летом попрекать их за это хоть и жестоко, но не так еще, но зимою и во время стужи быть столь безжалостным и бесчеловечным судьей и не оказывать им никакого снисхождения за то, что ничего не делают, не есть ли верх жестокости? Для чего же, скажешь, Павел давал фессалоникийцам такой закон: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес 3, 10)? Для того, чтобы и ты, услышав это, обращал слова Павла не к бедному только, но и к себе самому, потому что заповеди Павла относятся не к бедным только, но и к нам. Скажу и нечто тяжелое и неприятное; знаю, что рассердитесь, но, несмотря на это, скажу, потому что и говорю не для того, чтобы оскорбить вас, но чтобы исправить. Мы попрекаем бедных праздностью, которая часто заслуживает и извинения, а сами часто делаем такие дела, которые хуже всякой праздности. Но я, скажет иной, владею отцовским наследством. Неужели же, скажи мне, бедный должен погибнуть за то, что он беден и от бедных (родителей) и не имел богатых предков? Но поэтому-то особенно он и заслуживает милосердия и сострадания со стороны богатых. Ты, проводя часто целый день в театре или в собраниях

и в разговорах бесполезных или даже вредных, не думаешь, что делаешь худо и ничем не занимаешься; а этого несчастного и жалкого бедняка, который целый день проводит в прощении (милостыни), в слезах и в тысяче бед, осуждаешь, и влечешь в судилище, и требуешь от него отчета? Где же тут, скажи мне, человеческая совестливость? Итак, когда будешь говорить: что же скажем Павлу? — говори так не бедным только, но и себе самому. А с другой стороны, читай не только его угрозу, но и снисхождение, потому что (апостол), сказав: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь*, присовокупил: *вы же, братия, не унывайте, делая добро* (ст. 13). Но какой у них благовидный предлог? Это, говорят, беглецы, пришельцы, негодяи; покинув свою родину, они стекаются в наш город. Так, на это ли ты, скажи мне, досадуешь и обрываешь венок нашего города, что все считают его общей пристанью и чужой город предпочитают своему родному? Но надлежало бы радоваться и восхищаться тем, что все прибегают к вашим рукам, как на общий рынок, и считают этот город общей матерью. Не помрачайте же славы и не умаляйте чести, которой он пользуется издревле, от времен отеческих. Некогда, как угрожал голод всей земле, жители этого города (Антиохии) отправили с Варнавою и Савлом немало денег жи-

телям Иерусалима — тем самым, о которых и мы говорили в этой беседе. Какое же можем иметь оправдание или извинение, если наши предки питали на свой счет живших вдали от них и сами ходили к ним, а мы отгоняем и тех, которые из других мест прибегают к нам, и делаем о них строгие разыскания, зная притом, что сами мы виновны во множестве грехов? Если бы Бог стал так же строго исследовать наши дела, как мы — бедных, мы не получили бы никакого прощения, никакой милости. *Каким судом судите*, говорит Писание, *[таким] будете судимы* (Мф 7, 2). Будь же человеколюбив и снисходителен к сорабу, прости ему прегрешения, сколь ни много их, и будь милосерд, дабы и сам ты удостоился того же. Для чего сам себе причиняешь беспокойства? Для чего делаешь разыскания? Если бы Бог повелел разведывать образ жизни (бедных), требовать от них объяснений и тщательно исследовать нравы их, тогда не стали ли бы роптать многие? Не сказали ли бы: что это такое? Бог предписал нам дело трудное: мы не можем исследовать образ жизни других и знать, какие такой-то сделал грехи? Не сказали ли бы многое и еще многое в этом роде? А теперь, когда Он освободил нас от всякого такого разыскания и обещал полную награду (за подавание милостыни), будут ли получающие ее злые или добрые люди, мы са-

ми на себя навлекаем беспокойства. Откуда же, скажете, видно, что мы получим награду за подаяние милостыни, как добрым, так и недобрым? Из слов Самого Господа: *молитесь, говорит, за обижающих вас и гонящих вас, подобно Отцу вашему Небесному, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф 5, 44–45). Как Господь твой, несмотря на то, что премногие оскорбляют Его нечестивыми словами, блудодействуют, крадут, разбойничают, раскапывают могилы и делают множество зла, не прекращает Своих ко всем благодеяний, но, по Своему человеколюбию, всем посылает солнечные лучи, дожди и плоды земные, — так поступай и ты, и, когда будет время для милости и человеколюбия, облегчай бедность, прекращай голод, избавляй от скорби и ничего больше не разыскивай. Если мы станем исследовать образ жизни (нуждающихся), то не окажем милости ни одному человеку, но из-за такой неуместной пытливости останемся бесплодными, никому не подадим помощи и будем трудиться без всякой пользы и напрасно. Поэтому прошу вас, оставив эту неуместную пытливость, подавайте (милостыню) всем нуждающимся и делайте это с великой щедростью, чтобы и нам самим удостоиться в тот день (будущего Суда) великой

702
☪

милости и снисхождения от Бога, которое и да получим все мы, по благодати и человеколюбия Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава и честь ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ.

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО НИКОМУ НЕ ДОЛЖНО ОТЧАИВАТЬСЯ,

ни молиться о вреде врагам, ни падать духом,
не получая просимого; также к мужьям
о сохранении мира с женами

1. **Я** много благодарен вам, что вы усердно принимали беседу о молитве, что сделали меня блаженным, потому что *блажен, кто приобрел мудрость и передает ее в уши слушающих* (Сир 25, 12). В этом я убедился не только из рукоплесканий и похвал, но и из того, что видел вас делающими. Когда я убеждал вас не молиться о вреде врагам и говорил, что, делая это, мы оскорбляем Бога и Его законам противопоставляем другие, противные законы [потому что Сам

Он сказал: молитесь за *врагов ваших* (ср.: Мф 5, 44), а мы, молясь о вреде врагам, просим Его нарушить свой закон], когда я говорил это и тому подобное, то видел, как многие из вас ударяли себя в лицо и грудь, горько стонали и простирали руки к небу, прося прощения за такие молитвы. Тогда и я, возведши очи к небу, благодарил Бога, что так скоро слово учения принесло нам плод. Таково сеяние духовное: оно не требует ни годов, ни времен года, ни дней, но, если упадет на душу благородную, тотчас показывает цветущий и зрелый колос, как и случилось вчера с вами. Я сеял слово сокрушения, и произрасло стенание исповедания, стенание, заключающее в себе великое богатство благ. В самом деле, если мытарь, ударя себя в грудь и сказав: *Боже! будь милостив ко мне грешнику* (Лк 18, 13), вышел оправданным больше фарисея, то какое дерзновение должны приобрести мы, оказав в короткое время такое сокрушение? Между тем нет ничего хуже мытаря; это — крайний предел нечестия, как и Христос объявил, часто приводя в пример крайнего зла блудниц и мытарей; это — дерзкое насилие, безнаказанное грабительство, бесстыдный род корыстолюбия, бессчетное любостяжание, бесчестная торговля; и, однако, тот, который жил в таком нечестии, мог простыми словами смыть свой позор и получить более, чем просил. Он

молился, говоря: *Боже! будь милостив ко мне грешнику*, а Бог не только был милостив, но и оправдал его больше фарисея. Вот почему и говорит Павел: *Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем* (Еф 3, 20). Но ведь и фарисей молился, и стоял в храме, и призывал того же Бога, и сказал больше слов, и начал молитву благодарением; почему же он потерял и те блага, какие имел, а тот получил и дерзновение, которого не имел? Потому, что у них был неодинаков образ молитвы. Этот был исполнен тщеславия, надменности и гордости, а тот великой скромности; поэтому-то тот, будучи обременен бесчисленными грехами, все сложил с себя и получил оправдание, а этот, привезши корабль, наполненный добрыми делами, и милостыней, и постом, и ударив его, как бы о какую-нибудь скалу, о тщеславные и гордые помыслы, потерпел кораблекрушение в самой пристани, потому что повредить себе в молитве значит (то же, что) потерпеть кораблекрушение в пристани. Но это произошло не от свойства молитвы, а от воли его самого.

2. Видишь ли, что и молитвы недостаточно нам для спасения, если вместе с тем мы не будем молиться по заповедям, которые дал Христос? Ка-

кие же Он дал заповеди? Молиться за врагов, хотя бы они много оскорбляли нас. Если мы не будем делать этого, то неизбежно погибнем, как видно из примера фарисея. Если он и не молясь о вреде врагам, а только предавшись тщеславию подвергся такому осуждению, то какое наказание ожидает тех, которые произносят длинные и обильные речи против врагов? Что делаешь ты, человек? Ты стоишь, прося прощения своих грехов, и наполняешь душу гневом? Тогда как должно быть кротче всех тем, которые беседуют с Господом, молятся о собственных прегрешениях, просят милости, человеколюбия и прощения, в это время мы ожесточаемся, приходим в ярость и наполняем уста желчью. Как можем мы, скажи мне, получить спасение, принимая вид просителей и вместе произнося слова гордости и раздражая Господа сами против себя? Ты пришел врачевать собственные раны, а не делать более тяжкими раны ближнего; это — время умиловления, время молитвы и стенания, а не гнева, — слез, а не раздражения, — сокрушения, а не негодования. Что же ты нарушаешь порядок, что вооружаешься против себя самого, что разрушаешь собственное свое здание? Молящемуся, прежде всего прочего, должно иметь кроткую душу, смиренный ум, сокрушенное сердце; а кто вопиет против

врагов, тот никогда не может удовлетворить этому, потому что он исполнен гнева и ему не свойственно иметь смиренный ум.

Итак, не будем молиться о вреде врагам, но вместе не будем вспоминать и о своих добрых делах, чтобы не потерпеть того же, что фарисей. Как доброе дело — помнить о своих грехах, так доброе же дело — забывать о своих добрых делах. Почему? Потому, что памятование о своих добрых делах ведет нас к высокомерию, а памятование о грехах сокрушает и смиряет душу; то делает нас нерадивыми, а это делает ревностнейшими. Те, которые не думают, что у них есть что-нибудь доброе, бывают усерднейшими к приобретению добра; а те, которые думают, что у них лежит великий запас добра, надеясь на это изобилие, не много оказывают усердия к приобретению еще большего.

3. Итак, не вспоминай о своих добрых делах, чтобы помнил о них Бог. *Говори ты*, говорит Господь, *беззаконии твои прежде, чтоб оправдаться* (Ис 43, 26); и еще: *грехов твоих не помяну*, ты же помяни (ср.: Ис 43, 25). Но почему мытаря Бог услышал так скоро, а Исаака оставил просить двадцать лет и молиться Ему о своей жене и тогда уже склонился на молитвы праведника? Надобно предложить вам остатки вчерашнего учения. Для чего же это сделано было? Для то-

го, чтобы из случившегося с мытарем ты узнал человеколюбие Господа, Который скоро услышал, а из случившегося с Исааком узнал терпение раба, который поздно получил и не перестал молиться, чтобы ты, хотя бы был грешником, не отчаивался, и хотя бы был праведником, не превозносился. *Не здоровые имеют нужду во враче, но больные* (Мф 9, 12). В худом состоянии находился мытарь; поэтому Господь скоро простер ему руку; Исаак же был крепче, и потому Господь оставлял его, чтобы усилить его терпение. Впрочем, об этом сказано нами от избытка. А нужно сказать, для чего жена его была бесплодною. Для того (она была такою), чтобы ты, когда увидишь, что Дева сделалась матерью, не был неверующим; чтобы, когда скажет тебе иудей: как родила Мария? — ты сказал ему: как родила Сарра, и Ревекка, и Рахиль? Когда имеет быть какое-нибудь дивное и великое чудо, то ему предшествуют многие образы. Как при входе царя предшествуют воины, чтобы царь, прибывши вдруг, не был принят без приготовления, — так и тогда, когда имеет быть дивное чудо, предшествуют образы, чтобы мы наперед приготовились, а не были поражены вдруг и не пришли в смущение от необычайности события. То же и в отношении к смерти: предшествовал Иона и настроил наш ум. После трех дней изрыгнул его кит, не нашедши

в нем свойственной себе и сообразной пищи, потому что свойственная и сообразная пища смерти есть греховное естество: оттуда она произошла, оттого укрепилась, тем и питается. Как случается с нами: когда мы незаметно проглотим камень, то сначала желудок своею силою принимается варить его, но когда найдет, что это — чуждая для него пища, то, употребив еще большее усилие своей пищеварительной способности, не разлагает его, а теряет собственную силу, так что не может удержать и прежней пищи, но, ослабев, и ее вместе с ним изрыгает с великою болью, — так было и со смертью. Она поглотила краеугольный камень, но не могла сварить его, вся сила ее изнемогла, почему вместе с ним она извергла и остальную пищу, какую имела, изрыгнув вместе с ним и человеческую природу, потому что более уже не могла удерживать ее до конца. Для того и бесплодные предшествовали, чтобы мы верили в рождение (Девой), или — лучше — не только чтобы верили в это рождение, но, если тщательно будем исследовать, то можем найти, что бесплодие было образом самой смерти.

4. Но будьте внимательны, потому что предмет, о котором будет говорено, глубок; мы хотим сказать, как утроба Сарры своим неплодием руководит нас к вере в воскресение. Как же она руководит нас? Как она, будучи мертвою, по благода-

ти Божией воскресла и произрастила живое тело Исаака, — так и Христос, умерши, восстал собственной силою. А что в этих словах нет натяжки, послушай самого Павла, который говорит, сказав об Аврааме, что он *не помышлял, что <...> утроба Саррина в омертвлении; <...> но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное, то есть сделать, чтобы от мертвых тел родился живой сын* (Рим 4, 19–20), он затем, руководя нас от той веры к этой, прибавляет: *а впрочем не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему. Для чего? Но и в отношении к нам; вменится и нам, верующим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего* (ст. 23–24). Смысл слов его следующий: как Исаака воздвиг (Бог) от мертвых тел, так воскресил и Сына Своего, бывшего мертвым. Хочешь ли узнать, что бесплодие было прообразом и другого события? Церковь имела родить множество верующих; поэтому, чтобы ты не не верил, как родила эта бездетная, бесплодная и нерожавшая, предшествовала ей бесплодная по природе, пролагая путь бесплодной по своей воле, и сделалась Сарра прообразом Церкви. Как та, будучи бесплодною, родила в старости, так и эта, будучи бесплодною, родила в последние времена. А что это истинно, послушай Павла, который говорит: *мы*

дети <...> свободной (Гал 4, 31). Так как Сарра была образом Церкви и она была свободная, то поэтому он прибавил, что *мы дети не рабы, но свободной*. И еще: *мы, братия, дети обетования по Исааку* (ст. 28). Что значит: *обетования*? Как его не природа родила, так и нас родила не природа, но благодать Божия. И еще: *а вышний Иерусалим свободен: он — мать всем нам* (ст. 26), — а это есть Церковь, потому что *вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев* (Евр 12, 22–23). Итак, если Церковь есть вышний Иерусалим и Сарра есть образ вышняго Иерусалима, как сказано: *две (жены) было, одна рождающая в рабство, которая есть Агарь, вышний же Иерусалим свободен: он — мать всем нам* (Гал 4, 24; 26), то очевидно, что Сарра была образом вышнего Иерусалима по своему рождению и бесплодию.

5. Знаю, что эти слова исполнены глубины; но если мы постараемся, то ничего из сказанного не останется непонятым нами. Эти слова таинственны и относятся к догматам; если же вы желаете, то я вместе с тем скажу и о нравственной стороне их. Бесплодною была жена для того, чтобы ты узнал целомудрие мужа, так как он и не отверг ее, хотя тогда и не запрещал этого никакой закон, и не взял другой при этой свобод-

ной, как многие делают под предлогом чадородия, удовлетворяя своей неводержности, одних жен удаляя, других принимая, а иные противопоставляя им наложниц и наполняя дома множеством раздоров. Не так поступал этот праведник, но он продолжал любить данную ему Богом жену, молил Господа природы разрешить узы природы и не укорял жены. Откуда же известно, что он не укорял ее? Из самого Писания. Если бы он укорял, то Писание сказало бы и об этом и не умолчало бы, потому что оно говорит и о добродетелях праведников, и о недостатках, чтобы мы последних избегали, а первым подражали. Так, когда пред его сыном невестка его, Рахиль, плакала и он сделал ей укоризну, то Писание изложило то и другое и не скрыло. Когда она сказала: *дай мне детей, а если не так, я умираю*, то что он отвечал ей? *Разве я Бог, Который не дал тебе плода чрева?* (Быт 30, 1–2). Требование женское и безрассудное! Ты говоришь мужу: *дай мне детей*, а не обращаешься к Господу природы? Поэтому и он, ответив ей с укоризною, остановил ее безрассудное требование и научил, Кого должно просить. Но не так поступал сам Исаак; он не говорил ничего подобного, и жена его не плакала пред ним и не жаловалась.

Отсюда мы научаемся целомудрию и вере. То, что он молился Богу, показывает его веру; то, что

он не отверг жены, обнаруживает нам его целомудрие; а то, что он не укорял ее и не отчаивался, доказывает его терпение, любомудрие, великую кротость и любовь к жене. Не так, как ныне многие делают в таких обстоятельствах, прибегая к снадобьям и волшебству, он не употреблял этих пустых, бесполезных, вредных и пагубных для души средств, но, оставив все это и отвергнув все человеческие пособия, прибег к Господу природы, Который один может исправить такие недостатки.

6. Выслушайте это, мужья, — научитесь, жены; будем все подражать праведнику. Пусть для жены не будет ничего драгоценнее ее мужа, а для мужа ничего возжеленнее его жены. В том состоит крепость жизни всех нас, чтобы жена была единодушна с мужем; этим поддерживается все в мире. Как при потрясении основания ниспровергается все здание, так и при супружеских раздорах разрушается вся наша жизнь. Смотри: мир состоит из городов, города — из домов, дома — из мужей и жен; поэтому, когда настанет вражда между мужьями и женами, то входит война в дома; а когда они мятутся, тогда беспокойны бывают и города; когда же города приходят в смятение, то по необходимости и вся вселенная наполняется смятением, войною и раздорами. Поэтому и Бог особенно промышляет

об этом; потому Он и не дозволяет отвергать жену, разве только в случае прелюбодеяния. А что, скажешь, если она сварлива, если небережлива и расточительна, если имеет и множество других недостатков? Переноси все мужественно и не отвергай ее за эти недостатки, но исправляй недостатки. Для того ты и занимаешь место головы, чтобы ты умел врачевать тело. От тела нашего, хотя бы оно имело тысячу ран, мы не отсекаем головы. Так и жены не отделяй от себя, потому что жена у нас занимает место тела. Потому и блаженный Павел говорит: *так должны мужья любить своих жен, как свои тела* (Еф 5, 28). И для жен тот же закон у нас: как любишь ты, жена, свою голову и ценишь ее, так цени и мужа. Мы не напрасно столько говорим об этом предмете. Знаю, сколько благ происходит оттого, когда нет раздора у жены с мужем; знаю, скольких зол бывает причиною то, когда они ссорятся между собою. Тогда ни богатство, ни благочадие, ни многочадие, ни власть и могущество, ни слава и честь, ни изобилие и роскошь и никакое другое благосостояние не может радовать мужа или жену, если они в раздоре друг с другом.

7. Будем же заботиться об этом более всего другого. Жена твоя имеет недостатки? Делай то, что делал Исаак: молись Богу. Если он постоянством в молитве уничтожил бессилие природы,

то тем более мы, непрестанно молясь Богу, можем исправить недостатки воли. Если Бог увидит, что ты из повиновения Его закону терпишь и благодушно переносишь грехи твоей жены, то Он поможет тебе научить ее и даст тебе награду за терпение. *Почему ты знаешь, говорит апостол, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?* (1 Кор 7, 16). Не унывай же, говорит, и не отчаивайся: может быть, она и спасется; если же останется неисправимою, то ты не потеряешь награды за терпение. Но если ты отвергнешь ее, то, во-первых, согрешишь тем, что нарушишь закон и будешь виновен пред Богом в прелюбодеянии, потому что *кто разводится с женою своею, говорит Господь, кроме вины прелюбодеяния, тот по-дает ей повод прелюбодействовать* (Мф 5, 32). Притом часто, взяв и другую, более ее тяжелую, ты грех уже сделал, а покоя не найдешь. Если же возьмешь и лучшую, то не дано будет тебе наслаждаться чистым удовольствием со второю за то, что ты отвергнул прежнюю, сделавшись виновным в прелюбодеянии, потому что отвергать прежнюю есть прелюбодеяние. Итак, когда ты увидишь какое-либо случившееся затруднение или в супружестве, или в других обстоятельствах, то молись Богу: это единственный самый лучший способ избавиться от случающихся с на-

ми бедствий. Подлинно, молитва есть великое оружие. Это я часто говорил, и теперь говорю, и не перестану говорить; хотя бы ты был грешником, — посмотри на мытаря, который не был отвергнут, который очистился от такого множества грехов. Хочешь ли знать, как важна молитва? Не столько значит дружба пред Богом, сколько молитва. Это не мое слово; я сам, по своему суждению, не осмелился бы высказать этого; выслушай из Писания, как молитва делала то, чего не делала дружба. *Кто-нибудь из вас, говорит, имея друга, придет к нему в полночь и скажет ему: друг! дай мне займы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему; а тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе. Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит* (Лк 11, 5–9). Видишь ли, как в том, в чем не успела дружба, успела неотступная просьба? Так как просивший был друг, то, дабы ты не подумал, что он по этой причине успел, сказано: *Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит. Если и дружба, говорит, не сделает этого, то неотступная просьба сделает то,*

в чем не успела дружба. С кем это было? С мытарем. Не был он другом Божиим, но сделался другом. Итак, если бы даже ты был врагом, то чрез неотступную просьбу сделаешься другом. Посмотри и на хананеянку и послушай, что Господь сказал ей: *нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам* (Мф 15, 26). Почему же Он сделал, если это *нехорошо*? По неотступной просьбе жена достигла этого добра, дабы ты знал, что чего мы недостойны, того делаемся достойными чрез неотступную просьбу.

8. Я сказал это для того, чтобы ты не говорил: я грешник, я не имею дерзновения, у меня нет молитвы. Кто не думает, что он имеет дерзновение, тот имеет дерзновение, но кто думает, что он имеет дерзновение, тот потерял дерзновение, подобно фарисею, а кто считает себя отверженным и презренным, тот особенно и будет услышан, подобно мытарю. Посмотри, сколько ты имеешь примеров: хананеянку, мытаря, разбойника на кресте, упомянутого в притче друга, просившего трех хлебов и получившего не столько за дружбу, сколько за неотступную просьбу. Если бы каждый из них сказал: я грешник, я стыжусь и потому я не должен приступать, то не имел бы никакого успеха. Но так как каждый из них взирал не на множество грехов своих, но на богатство Божия человеколюбия, то получил дерзно-

вение, осмелился и, будучи грешником, просил не по достоинству своему, и каждый успел в том, чего желал. Будем же помнить все это и соблюдать; будем молиться непрестанно, бодрственно, с дерзновением, с благими надеждами, с великим усердием. С какою ревностью другие молятся о вреде врагам, с такою ревностью мы будем молиться и за врагов, и за своих братьев, — и непременно получим все полезное, потому что человеколюбив Подающий и не столько мы желаем получить, сколько Он желает подать. Итак, зная все это, хотя бы мы погрузились в крайнюю бездну нечестия, не будем и тогда отчаиваться в своем спасении, но приступим с благою надеждою, убедив самих себя, что мы непременно получим чего просим, если станем просить согласно с установленными Им законами. *Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем* (Еф 3, 20), Христу, Царю всех, Богу нашему, подобает всякая слава, честь и поклонение со безначальным Отцом и Всесвятым и Животворящим Духом ныне и присно и во веки веков.

АМИНЬ.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДЫ О СВЯЩЕНСТВЕ

СЛОВО ПЕРВОЕ

5

Лучший друг детства Иоанна Златоуста – Василий. – Они никогда не расставались друг с другом. – Намерение их обоих принять иночество. – Слезы и просьбы матери, отклонившие Иоанна от исполнения этого намерения. – Подвижническая жизнь друзей. – Слух о намерении посвятить их обоих в епископский сан. – Уклонение Златоуста и избрание Василия. – Жалобы Василия и оправдания Иоанна. – Нравственное значение хитрости – в зависимости от намерения. – Польза ее как в мире, так и на войне. – К ней прибегают как врачи тела, так и врачи души. – Исцеление больных таким способом. – Ею пользуется и апостол Павел, чтобы привлечь иудеев к Иисусу Христу.

СЛОВО ВТОРОЕ

24

Священство есть наивысшее доказательство любви, какое только

СОДЕРЖАНИЕ

можно дать в отношении к Иисусу Христу. – Преимущества священства. – Кровь Иисуса Христа есть цена душ. – Любовь Иисуса Христа к Своей Церкви. – Обязанности священства более важны, чем любого другого. – Мало достойных для него. – Ответственность священника. – Враги стада Христова. – Лечение душ труднее, чем лечение овец. – Трудность постижения самой причины болезни душ. – Нет другого средства, кроме убеждения. – Священство требует превосходной души. – Насколько благоразумие необходимо священнику. – Священство есть должность, исполненная затруднений и опасностей. – Необходимость вполне знать кандидата на священство. – Превосходные свойства человеколюбия. – Похвала Василию. – Его человеколюбие. – Почему Златоуст отказался от епископства. – Его отказ не только не послужит ко вреду избирателей, но избавит их от нареканий, которым они иначе подверглись бы.

719

СЛОВО ТРЕТЬЕ

43

Златоуст продолжает свое оправдание. – Его отказ произошел не от гордости. – Обвинять других в неуважении к священству значит обнаруживать свое невысокое мнение о нем. – Отказ его произошел не из тщеславия. – Любовь к славе, напротив, должна бы побудить его принять епископство. – Священство имеет небесный характер. – Величая обстановка священства ветхозаветного

СОДЕРЖАНИЕ

720

и превосходство священства
новозаветного. – Величие христианского
тайнодействия. – Священник сильнее
Ангелов. – Источники его могущества. –
Священники ветхозаветные только
давали свидетельство об исцелении
проказы тела, а священники
новозаветные исцеляют проказу души. –
Если наши родители дают нам жизнь
телесную, то священники сообщают
нам жизнь духовную, и они могут нам
давать ее, когда даже мы потеряли
ее. – Крещение. – Покаяние. – Даже
апостол Павел трепетал, размышляя
о высоте своего служения. – То же
самое устрало и Златоуста. – Ясное
сознание высоты священнослужения,
с одной стороны, и сознание своей
слабости заставили его отказаться
от епископства. – Другие причины
отказа заключающиеся в опасностях
и трудностях, сопряженных со
священнослужением. – Устранение
тщеславия со всеми сопровождающими
его страстями. – Чем возвышеннее
священство, тем омерзительнее
злоупотребления им. – Можно желать
священства, но не возвышения
и власти, связанных со священством. –
Священник должен быть господином
над самим собой. Печальные
последствия гнева. – Погрешности
священников быстро становятся
известными всем и происходящий
отсюда соблазн. – Примеры неудачных
избраний. – Управление вдовицами,
попечение о девственницах, церковное
судопроизводство, связанные с ним

СОДЕРЖАНИЕ

трудности. – Отлучение и требуемое при этом благоразумие.

721

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

90

Возражения Василия, что все сказанное его другом относится к тем, которые сами добиваются священства, а не к тому, кого против воли привлекают к нему. – Опровержение этого возражения. – Примеры Саула, Илии, Аарона и Моисея. – Иуда был призван к апостольству. – Рукополагающие недостойных подлежат одинаковому с ними наказанию. – Необходимо рукополагать с крайней осторожностью. – О церковном служении. – Дар слова, как необходимая принадлежность священника. – Без дара слова недостаточно ни доброго примера, ни даже дара чудотворения. – Слово, как единственное оружие, которым можно отражать врагов Церкви. – Сравнение Церкви с сильной крепостью. – Главные враги, с которыми приходится Церкви иметь дело: иудеи, язычники, манихеи, валентиниане, маркиониты, савеллиане, ариане. – Враги домашние, возбуждающие праздные и неразрешимые вопросы. – Возражения Василия: не презирал ли красноречия апостол Павел? – Нет, он осуждал только легкомысленное искусство риторов своего времени. – Если какой служитель Иисуса Христа мог бы обойтись без дара слова, то именно апостол Павел, обладавший даром

СОДЕРЖАНИЕ

722

чудотворения и несравненной любовью к Господу Иисусу. – Красноречие апостола Павла – простое и сильное, единственно основанное на знании и восторженности. – Похвальный отзыв о его посланиях. – Необходимость для епископа обладать ученостью, чтобы наставлять других. – Он должен быть способен защищать догматы веры.

СЛОВО ПЯТОЕ

120

Продолжение рассуждения о церковном красноречии. – Беседы, предназначенные для народа, требуют большего труда. – Трудность удовлетворить слушателей, потому что они часто приходят не за тем, чтобы назидаться, но за тем, чтобы судить о проповеднике. – Чтобы с успехом преодолеть эту трудность и овладеть слушателями, необходимы две вещи: пренебрежение к похвалам и сила слова. – Пренебрежение к похвалам не имеет никакого значения без силы слова, и наоборот. – К пренебрежению похвалами нужно прибавить и презрение к зависти. – Недостаточно приобрести дар слова, нужно еще сохранять его трудом и упражнением, потому что красноречие есть дар изучения еще более, чем природы. – Чем выше у проповедника дар слова, тем более он должен трудиться над ним. – Козни великому проповеднику со стороны его завистливых врагов. – Не много людей, которые в состоянии основательно судить о беседах. – Сильный сознанием своего дара проповедник может становиться

СОДЕРЖАНИЕ

выше суждений толпы. – Еще больше уверенности ему может дать стремление к главной цели – благоугодить Богу. – Пренебрежение к похвалам не менее необходимо и тому, кто не обладает даром красноречия.

723

СЛОВО ШЕСТОЕ

132

Ответственность священника за грехи вверенной ему паствы. – Благоразумие и осторожность, с которыми нужно жить, чтобы предохранить себя от заражения делами мира сего и сохранять красоту души. – Ревность, тщательность и бдительность в совершении священнослужения. – Священники суть посланники Божии не к одному только городу, но ко всей земле. – Они поставлены, чтобы молиться и ходатайствовать о прощении грехов людей, и не только живых, но и умерших. – Призвав Святого Духа, они благоговейно приносят великую жертву, приближаться к которой должно со страхом и трепетом. – Они носят в своих руках Владыку и Господа всех людей. – Необходимость для них самого тщательного благоразумия, чтобы не оскорбить кого-нибудь из ближних, приспособляться ко всем не прибегая к хитрости, притворству и лести, но действуя с великим дерзновением и свободой, причем попеременно, смотря по обстоятельствам, можно употреблять суровость или мягкость. –

СОДЕРЖАНИЕ

724

Как ни велики труды монахов и как ни трудна брань, которую они ведут, но во всяком случае служение епископа труднее отшельничества. – Осуществлять добродетель в пустыне легче, чем при исполнении церковных дел, так как эти дела подвергают епископа многим случайностям и легко открывают в нем пороки и недостатки, которые не обнаружались бы в пустыне. – Повторение совета не пренебрегать народной молвой, хотя бы она была ложной. – Нетрудно спастись самому по себе. – Священник подлежит более страшному наказанию, чем простые верующие. – Состояние, которое должен переживать человек, когда его хотят возвести в священный сан. – Нет более страшной брани, как та, которую воздвигает на нас в таких случаях диавол.

БЕСЕДЫ О ПОКАЯНИИ

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

167

Любовь проповедника к своим слушателям. – Отчаяние и небрежение одинаково опасны. – От этих двух недостатков погибли сатана и Иуда. – Смирненное упование спасло апостола Павла, мытаря, ниневитян. – В коринфском блуднике апостол Павел более опасается отчаяния, чем самого греха. – Дальнейшее развитие этой мысли и подтверждение ее историей блудного сына.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДА ВТОРАЯ

184

725

Не должно отчаиваться грешнику. – Если Каин не получил прощения, то это за отчаяние. – Если Давид получил прощение, то это за свое упование и за исполнение того, что сказал ему пророк. – Исповедать свой грех – первый путь покаяния. – Пример Ахава в деле Навуфеева виноградаря. – Иона и ниневитяне. – Третий путь покаяния – смирение. – Пример фарисея и мытаря. – Смирение апостола Павла. – Увещание к слушателям.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

199

Обзор предыдущей беседы о трех путях покаяния. – Путь четвертый – милостыня. – Объяснение притчи о десяти девах. – Без масла человеколюбия девство не может открыть неба. – Сила милостыни. – Она будет защитой в день судный для тех, кто ее совершает. – Продолжение притчи о десяти девах. – Трудность девства, неизвестного древним. – Обобщение и заключение.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

217

Утешительность покаяния. – Пример других как ободрение нам в деле покаяния. – Легкость делания добродетели в бедствии и трудность его в благоденствии. – Святые не унывают в несчастии, не надмеваются в счастье. – Христиане должны искать себе убежища

СОДЕРЖАНИЕ

726

не у людей, а в недрах Божиих. – Если Бог попускает нам часто страдать, то это для того, чтобы побудить нас прибегать к Нему.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

233

Пост собирает нас в доме Божиим и приводит нас в объятия нашей матери Церкви. – Он отгоняет демонов, поддерживает добродетель отшельников, приводит Моисея и Илию в присутствие Божие. – Пренебрежением к посту навлекается смертный приговор, а через соблюдение его отменяется этот приговор. – Пример ниневитян. – Трехдневный пост спас их. – Покаяние очищает грехи в продолжительное время. – Пример апостола Петра. – Постом Даниил избавился от львов и три отрока от печи огненной. – Пост полезен даже для здоровья. – Заключение.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

249

Вступительные замечания по поводу многочисленности собрания. – Пост не приносит пользы тем, которые, воздерживаясь от пищи, не воздерживаются в то же время от греха. – Бесполезно поститься и в то же время посещать зрелища. – Слово против зрелищ. – Пребывание в театре влечет за собою прелюбодеяние. – Объяснение изречения: *кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*. – Кажущаяся трудность этого изречения. – Бог не

СОДЕРЖАНИЕ

требует ничего невозможного. – И ветхий и новый закон происходят от одного и того же Законодателя. – Доказательство этого у пророка Иеремии. – В Нагорной проповеди сопоставляются законы Ветхого и Нового Завета, чтобы показать, что они не противоречат между собою, а дополняют друг друга.

727

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

271

Покаяние, как целебное средство для греха. – Чудесное долготерпение Божие к грешникам, доказываемое тем, что от худого корня могут иногда происходить добрые плоды. – Пример Иова, происшедшего от Исава. – Причина долготерпения к грешникам заключается в надежде на их исправление. – Ко благу всех, Бог бывает часто снисходителен к грешнику и строг к праведнику. – Покаяние достигается не продолжительностью времени, а расположением сердца. – Человек медлителен к созиданию, скор к разрушению, – Бог семь дней назначил для разрушения Иерихона. – О Рааве, как покаявшейся грешнице и сделавшейся прообразом Церкви. – Грехом порождается скорбь, а скорбью разрушается грех. – Кто дает бедному, тот одалживает Богу.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

304

Подобно Ноеву ковчегу, Церковь принимает в свои недра коршунов, волков и змей; но в то время как ковчег выпустил их такими же, как и принял,

СОДЕРЖАНИЕ

728

Церковь преобразует их покаянием в голубей, овец, агнцев. – Покаяние принесет пользу и тому, кто всю свою жизнь проводил в грехе. – Милосердие Божие безгранично. – Греховность человека исчезает в милосердии Божиим, как искра в море. – Не должно стыдиться прибегать к Церкви с покаянием. – Стыдиться нужно только греха. – Дьявол внушает нам дерзость к греху и стыд к покаянию. – Доказательство этой истины в Священном Писании. – Объяснение первой главы из книги пророка Исаии.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ

323

О необходимости добрых дел. – Опровержение возражений о трудности этих дел среди суеты мира сего. – Увещание к посещению церкви и к благоговейному пребыванию в ней во время совершения страшных Таин Христовых. – Напоминание о кончине мира. – Необходимость совершения добрых дел и покаяния на земле, потому что по окончании настоящей жизни закончится возможность для них.

БЕСЕДА О МУЧЕНИКАХ И О СОКРУШЕНИИ И МИЛОСТЫНЕ

329

Превосходство церковных праздников перед мирскими зрелищами. – Души святых – колесница Божия и храм. – Равенство города и села в деле религии. – Изобилие мучеников в селе возмещает недостаток учителей; мученики и молча учат, и убедительнее проповедников они. – Их тела оставлены Богом на земле,

СОДЕРЖАНИЕ

чтобы люди, приходя к ним, облегчали душу от житейских треволнений. – Недостойно причащающиеся распинают Христа. – Самоосуждение строгое и плач о грехах избавляют от будущего суда. – Поучение церковное – светильник для души; и по выходе из церкви, куда диавол не имеет доступа, надо сохранять этот свет и проводить учение в жизнь, не увлекаясь в особенности богатством и роскошью.

729

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО ГОВОРИТЬ К НАРОДУ С УГОДЛИВОСТЬЮ ОПАСНО

345

Оправдание строгости проповедника в обличении недостойно причащающихся. – Цель проповедника – не удалить от Чаши Господней, а привлекать к ней для достойного причащения. – Проповедник не должен скрывать недостатков слушателей, иначе не будет пользы от проповеди. – Не нужно забывать даже грехов уже прощенных. – Памятование о них полезно. – Нужно постоянно каяться в них с сокрушением сердечным.

ПОХВАЛА ВСЕМ СВЯТЫМ, ВО ВСЕМ МИРЕ ПОСТРАДАВШИМ

367

Мученики равны Ангелам; через мученичество смерть стала для человека приобретением, и величайшее зло, нанесенное диаволом, премудрость Божия обратила на благо людям. – Мученичество – и ликование, и битва, более обычных сражений ужасная, при беззащитности мучеников. –

СОДЕРЖАНИЕ

730

Победа в нем безоружных над
вооруженными. – Мученичество –
лествица на небо; тяжесть мучений,
несравнимая, однако, с величием
награды за них: они и сами награда –
Восхождение мучеников на небеса,
к Престолу Господа, принимающего их
как друзей. – Способы приготовления
к мученичеству в мирное время. –
Подвиги добродетели облегчаются
мыслью о награде и сами являются
наградой. Сладость ночной молитвы. –
Увещание всегда помнить о мучениках
и украшать этим свою душу, как жилище
Царя Небесного.

О ЖИЗНИ ПО БОГУ, И НА СЛОВА: *Тесны врата...* и пр. (Мф 7, 14), И ИЗЪЯСНЕНИЕ МОЛИТВЫ: «ОТЧЕ НАШ»

379

В этой беседе проповедник, показав,
как верные должны быть внимательны
к словам Евангелия и через тексты
*тесны врата и узок путь и широки
врата и пространен путь* указывает,
как мало христиане занимаются своей
душой и небесными предметами
и насколько, напротив, они предаются
заботам о теле и земных предметах, –
Обличение большинства людей в том,
что они просят от Бога благ временных
и преходящих – красоты, богатств,
почестей, не обращаются к Нему
с просьбою о благах, которые только
и являются истинно полезными;
обличает те мстительные души,
которые со злорадством предаются

СОДЕРЖАНИЕ

своей мстительности, между тем как Сам Бог осуждает мщение. – Иисус Христос научает нас, как мы должны молиться. – Похвала молитве Господней и затем само объяснение этой превосходной молитвы, все прошения которой последовательно излагаются с изяществом и простотою.

731

БЕСЕДЫ О БРАКЕ

БЕСЕДА НА СЛОВА АПОСТОЛА:

Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену (1 Кор 7, 2) 397

Действенность слова Божия. – Нужно уметь пользоваться его языком. – О совершении брака. – Сопровождающие его злоупотребления. – Участие демона в этих злоупотреблениях. – К чему служит учреждение брака. – Опровержение общественного заблуждения касательно прелюбодеяния. – Наказание прелюбодейному супругу в настоящем и будущем мире.

БЕСЕДА НА СЛОВА: *Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так (1 Кор 7, 39–40)* 419

Непозволительность вступления в брак с разведенной женой. – Мирские законы не могут возобладать над законом Божественным. – Побуждение Моисеева закона касательно развода. – Переход

СОДЕРЖАНИЕ

732

к новому закону. – Прелюбодеяние мужа, вступающего в брак с разведенной женщиной. – Прелюбодеяние женатого человека, совершающего блуд с какой-нибудь женщиной. – Мудрость апостола Павла: его снисхождение к немощи человеческой. – Награды, связывающиеся даже в настоящем мире с постоянством во вдовстве. – Как совершается очищение души. – Заключительное увещание.

ПОХВАЛА МАКСИМУ И О ТОМ, КАКИХ ДОЛЖНО БРАТЬ ЖЕН

437

Похвала Максиму, сотоварищу святого Иоанна Златоуста. – Раскаяние есть отчасти оправдание. – Вступление в предмет: рассуждение по поводу брака. – Законы брака написаны у апостола Павла. – О любви, которую должно иметь к своей супруге. – Терпение есть обязанность мужа. – Сравнение между Евой и Церковью. – Жену следует предпочитать своим родителям. – Назначение жены: она должна быть помощницей своего мужа. – Против браков по расчету. – Цель установления брака. – Пример, извлекаемый из женитьбы Исаака. – Объяснение этого рассказа Священного Писания: Авраам – как пример для родителей, Ревекка – как пример для девиц и молодых женщин. – Увещание к родителям и молодым людям, намеревающимся вступить в брак.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ТОМ, ЧТО КТО САМ СЕБЕ НЕ ВРЕДИТ, ТОМУ НИКТО ВРЕДИТЬ НЕ МОЖЕТ	458	733 ☞
СЛОВО К ТЕМ, КОТОРЫЕ СОБЛАЗНЯЮТСЯ ПРОИСШЕДШИМИ НЕСЧАСТЬЯМИ	519	
ОБ УТЕШЕНИИ ПРИ СМЕРТИ		
СЛОВО ПЕРВОЕ	627	
О доброй и худой скорби. – Общий закон смерти. – Смерть может быть благодеянием. – Отмена новым законом оплакивания умерших. – О воскресении. – О том, что следует с радостью отзываться на призыв Бога. – Ожидание воскресения как основа христианства.		
СЛОВО ВТОРОЕ	639	
О истине воскресения плоти. – Для Бога все возможно. – Видение пророка Иезекииля. – Обетование Божие, свидетельство апостолов и мучеников. – Пример матери Маккавеев. – Пример Авраама. – Пример Давида. – Пример из языческой истории. – Утешение верующему. – Христиане покорны воле Божией.		
БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЙ ПОЛЕЗНО	654	
Вступление в беседу, в которой проповедник хвалит своих слушателей за их ревность в слушании слова		

СОДЕРЖАНИЕ

734

Божия и сравнивает Священное Писание с восхитительным лугом и с неиссякаемым источником. – Человек, повседневно читающий Священное Писание, как дерево, посаженное при потоках вод. – Проповедник постепенно объясняет своим слушателям Священное Писание, чтобы оно, падая на их души, как приятный дождь, лучше проникало в них. – Обобщение предшествующих бесед и предмет настоящей беседы. – О том, кто такой апостол. – Благодать апостольства обнимает в себе полноту всех даров благодати. – Апостол есть советник в духовной жизни. – Сравнение между апостолом и начальником. – Увещание к новопросвещенным.

БЕСЕДА О МИЛОСТЫНЕ

677

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО НИКОМУ НЕ ДОЛЖНО ОТЧАИВАТЬСЯ

702

Радость проповедника при виде плодов сокрушения, произведенных его последней беседой. – Чтобы должным образом молиться, необходимо помнить о своих грехах и забывать о своих добрых делах. – Когда Бог хочет совершить великое чудо, Он подготавливает к этому людей прообразами. – Иона, извергнутый китом, прообразует Христа, исходящего живым из недр смерти. – Смерть поглотила камень краеугольный, она не могла его переварить, извергла его, а вместе с ним и весь род человеческий. – Сарра, как прообраз Церкви. –

СОДЕРЖАНИЕ

Нравственные выводы, извлекаемые из
этого учения. – Супругу должно терпеть,
несмотря на ее недостатки. – Сила
молитвы.

735

ДУХОВНАЯ СОКРОВИЩНИЦА
Святитель Иоанн Златоуст
**ИЗБРАННЫЕ
ТВОРЕНИЯ**
том I

2-е издание

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ священник
Александр Гумеров
ХУДОЖНИК СЕРИИ иеромонах Матфей
(Самохин)
ВЕРСТКА Е. А. Ларина
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР А. Н. Кузнецова
КОРРЕКТОРЫ О. И. Толмачева,
Л. Н. Иконникова
ТЕХНОЛОГ М. Ю. Мыскин

На переплете: *руины базилики Иоанна Предтечи
Студийского монастыря. Константинополь, V век*

На фронтисписе: *Спаситель, фрагмент алтарной
мазаики монастыря Св. Екатерины. Синай, VI век*

Подписано в печать 24.10.2013
Формат 70×100¹/₃₂. Объем 23 п.л. Тираж 5000 экз.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Georgia Зак. № 1312750
Отпечатано в полном соответствии с оригинал-макетом
издательства Сретенского монастыря
Адрес типографии: 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97
Адрес издательства: 107031, г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19
Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com
Магазин «Сретение»: (495) 623-8046
Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-8210

Издательство
Сретенского
монастыря

Вниманию читателей предлагается двухтомное собрание избранных творений святителя Иоанна Златоуста. После авторов новозаветных книг это, вероятно, самый знаменитый христианский писатель. В сборник вошли проповеди на самые волнующие вопросы, возникающие в жизни христианина, а их осмысление великим святителем оказывается актуальными спустя более чем шестнадцать веков.

ИЗБРАННЫЕ
ТВОРЕНИЯ

СВЯТИТЕЛЬ
ИОАНН ЗЛАТОУСТ